

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243

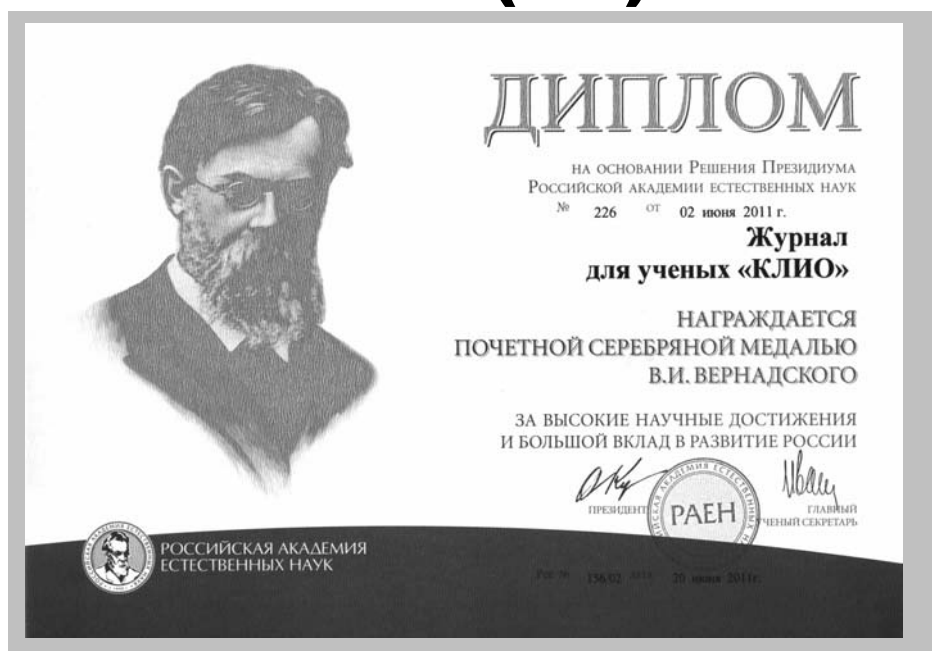
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых

№ 2 (74)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013**

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полтора». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru; poltorak2006@yandex.ru.

Официальный сайт: <http://poltorak.spb.ru/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

© «Клио», 2013

© Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru www.poltorak.spb.ru

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКУМЕНТ ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

- Митрофанов В.В.** (Нижевартовск). «Желание передать будущему поколению...»: П.Г. Васенко и его «Воспоминания» 3
- Жуков С.А.** (Санкт-Петербург). Экономическое состояние районов Карельского перешейка, отошедших к СССР по итогам Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) 9

ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ

- Четверигов Б.Д.** (Санкт-Петербург). Стежки-дорожки (*продолжение*) 12

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Малинов А.В.** (Санкт-Петербург). Теория исторического процесса Н.И. Кареева 23
- Кареев Н.И.** Понятие науки и классификация наук (подготовка текста и комментарии **А.В. Малинова**) ... 28

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Солодкин Р.Я.** (Нижевартовск). Свидетельства Дж. Флетчера о Московском государстве в интерпретациях С.М. Середонина 35

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Будная Н.В.** (Санкт-Петербург). Возрастная динамика представлений о счастье и их психологические детерминанты 42
- Бобкова Е.Ю.** (Самара). Политическое воспитание военнослужащих Советской армии: краткий историографический обзор (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) 44

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Костюк Р.В.** (Санкт-Петербург). «Реванш Парижской коммуны», или «Ошибка истории»? 47

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Синова И.В.** (Санкт-Петербург). Детская проституция как форма отклоняющейся социализации в российском обществе во второй половине XIX – начале XX в. 52
- Баркова О.Н.** (Санкт-Петербург). К вопросу о численности, гендерном и социальном составе русской эмиграции во Франции в 1920–1930-х гг. 55

ПРОШЛОЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Машкин А.Н.** (Киев, Украина). Деятельность иностранцев в финансовой системе, строительном деле и сфере услуг Российской империи конца XVIII – первой половине XIX в. (на примере губерний Юго-Западного края, Мало- и Новороссии) 60
- Синельникова Е.Ф.** (Санкт-Петербург). Власть и научные общества Ленинграда в середине и второй половине 1920-х гг. 65
- Газиева Л.Л.** (Санкт-Петербург). Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда 71
- Худякова Н.Д.** (Санкт-Петербург). Всенародная помощь в восстановлении народного хозяйства Ленинграда и Ленинградской области (1942–1945 гг.) 74

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Рахимкулов Р.А.** (Самара). Южнороссийское Белое движение: исторические условия разработки концептуальных основ укрепления морально-психологического состояния личного состава 83
- Дятлов В.В., Мильбах В.С.** (Санкт-Петербург). Отечественная артиллерия в вооруженном конфликте у озера Хасан и проблема репрессий командно-начальствующего состава артиллерии 86
- Похлюк А.В.** (Санкт-Петербург). Организация отдыха и культурного обслуживания воинов фронта и КБФ в годы блокады Ленинграда 90

Тимченко А.В. (Москва). У истоков патриотического воспитания допризывной молодежи.....	93
Александров А.А. (Вольск). Моральный и политический аспекты отношений руководства страны и участников боевых действий в Чечне в 1994 г.	95

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мещериков К.Е. (Санкт-Петербург). Эволюция российско-туркменского межгосударственного сотрудничества в 1991–1999 гг.	98
Понамарева С.Д. (Санкт-Петербург). Севастополь в современных российско-украинских отношениях .	103

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ

Гессен В.Ю. (Санкт-Петербург). Александр Алексеевич Вознесенский: ректор, педагог и мученик (окончание)	109
--	-----

СТАНЕТ ИСТОРИЕЙ ЗАВТРА

Макарова М.Н., Вахрушев Р.В. (Москва). Проблема коррупции в высшем образовании: взгляд студента	124
Чемодуров С.В. (Курск). Фермерское движение в Курской области в конце XX – начале XXI в.	129

РЕЦЕНЗИИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

Кашеваров А.Н. (Санкт-Петербург). Связующая нить: прошлое и настоящее	133
Белгородская Л.В. (Красноярск). «Россия, отраженная в Темзе»	135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Прошли научные конференции

Золотарев В.А. (Москва). Доклад «Великая Победа и народная память», сделанный на общегодовом заседании РАН 18 декабря 2012 г.	138
Смирнов В.Г. (Санкт-Петербург). Шестые Елагинские чтения	142

Предстоящие научные конференции

Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. (Санкт-Петербург). Компетентностный подход в образовании: кризис или модернизация?	143
--	-----

CONTENTS

DOCUMENTS ARE PUBLISHED FOR THE FIRST TIME

Mitrofanov V.V. (Nizhnevartovsk). «The desire to give to the next generation ...»: P.G. Vasenko and his «Memories» 3

In the basis of the work – new archival materials that reveal unknown pages of the creative biography of the outstanding scientist, the beloved disciple of S.F. Platonov. – P.G. Vasenko. A content, brief introductory remarks, the beginning of the first Chapter and excerpts from the second Chapter of a previously unknown work of the historian «Memories of my life and the past life» are published.

Zhukov S.A. (Saint-Petersburg). Economic condition of the areas of the Karelian isthmus, owned by the USSR by the results of the Soviet-Finnish war (1939–1940) 9

In the publication on the basis of archival documents the condition of the Karelian isthmus regions' economy, passed to the Leningrad region according to the results of the Soviet-Finnish war (1939–1940) is shown. Documents testify to the fact that the former Finnish territories, passed as a result of the war to the USSR, were socially poorly secured, which is largely associated with the low population density of the region.

DIARIES, MEMOIRS

Chetverikov B.D. (Saint-Petersburg). «Stezhky-dorozhky» (The pathways) (continuation) 12

The autobiographical novel by B.D. Chetverikov tells us about the writer's life that can be called «the outline» of the history of our country in the 20th century.

THEORETICAL ISSUES

Malinov A.V. (Saint-Petersburg). The theory of historical process of N.I. Kareev 23

The article explores the philosophical and historical concept of a historian and one of the first Russian sociologists Nikolai Ivanovich Kareev (1850–1931). Identifying the philosophy of history and sociology, Kareev in his works developed the theory of historical process. He believed that only the sociological point of view on history can draw from the history the science, because there is no own laws of history.

Kareev N.I. The concept of science and the classification of Sciences (the preparation of the text and the commentary made by **A.V. Malinov**) 28

SOURCE STUDY

Solodkin R.Ya. (Nizhnevartovsk). The Evidence of J. Fletcher about the Moscow state in the interpretations of S.M. Seredonin 35

When assessing the composition of J. Fletcher as a source for national history of the XVI century, S.M. Seredonin attempted to discover the bias of messages of the English diplomat and lawyer, paying priority attention to his unique testimonies. The scientist tried to define, on what the information was based, determine the degree of their reliability, find the place of the treatise «About the Russian state» in a series of numerous of works about «Muscovy», left by foreigners, especially the British.

HISTORIOGRAPHY

Budnaya N.V. (Saint-Petersburg). Age dynamics of ideas about happiness and their psychological determinants 42

The article makes an attempt to analyze the historical aspect of the development of people's ideas about happiness, taking into account the fact that, in the historical and scientific perspective psychology developed in the context of philosophical knowledge.

Bobkova E.Yu. (Samara). The political education of servicemen of the Soviet army: a brief historiographical review (the second half of 1950s – the first half of the 1960s) 44

The author analyzes some aspects of the history of studying the problems of the political education of the personnel of the Soviet army in the period of Khrushchev's thaw. The author has considered the printed works and thesis, as well as some of the publication of educational character.

GENERAL HISTORY

- Kostyuk R.V.** (Saint-Petersburg). «Revenge of the Paris commune», or a «Mistake of history»? 47
The article is devoted to the role of the Soviet (Russian) factor in the organizational and political split of the left movement France in the late 1910s. The article examines the attitude towards the October revolution, Soviet Russia and its foreign policy from the part of various directions of the socialist movement of France in the late 1910s.

NATIONAL HISTORY

- Sinova I.V.** (Saint-Petersburg). Child prostitution as a form of deviant socialization in the Russian society in the second half of the XIX – beginning of XX century..... 52
The article is devoted to the analysis of the causes of deviant socialization of girls in the second half of the XIX – beginning of XX century. On the archival materials and publicistic articles is shown how socio-economic conditions, family environment had been influencing on the exploitation of the girls from parents, masters of the craft shops, brothels. The measures undertaken by the state and public organizations to assist the children were analyzed.
- Barkova O.N.** (Saint-Petersburg). To the question on the number, gender and social parts of the Russian emigration in France in 1920–1930s..... 55
In the center of attention of the article – features of the life of Russian emigrants in France in the 20–30s. of XX century. The author considers the discussion question of quantitative and gender parts of the «first wave» of the Russian emigration in France, the problem of their social, psychological and cultural adaptation.

THE PAST OF RUSSIAN REGIONS

- Mashkin A.N.** (Kiev, Ukraine). Foreigners' activities in the financial system, construction works and services of the Russian Empire at the end of XVIII – the first half of the XIX century (on the example of the provinces of the South-Western region, Little- and Novorossia) 60
On the basis of an extensive historiography, including the XIX – the beginning of the twentieth century, the author notes the important role of foreigners in the formation of the financial system, construction and services sector in the development of the southern regions of the Russian Empire at the turn of XVIII–XIX centuries.
- Sinelnikova E.F.** (Saint-Petersburg). The power and scientific societies of Leningrad in the middle and second half of the 1920s. 65
The article is devoted to the study of the problems of relations between the authorities and the scientific societies of the city. The author considered the mechanisms and forms of their interaction, analyzed the main normative acts, on the basis of which the scientific societies functioned in the 1920s.
- Gazieva L.L.** (Saint-Petersburg). The work of the people's Commissariat for education of the RSFSR in 1942–1943, on the normalization of the life activity of institutions for children, evacuated from Leningrad 71
In the article the author analyzes the activity of Central bodies of state power of the USSR and the RSFSR on the normalization of life and save the children-orphans, who were removed from besieged Leningrad in 1942–1943.
- Hudyakova N.D.** (Saint-Petersburg). Nationwide assistance in restoration of a national economy of Leningrad and the Leningrad region (1942–1945)..... 74
The author of the article publishes it on the eve of her 100 birthday anniversary. It is devoted to the study of the problems of the national help to the besieged Leningrad. The article is based as on the big actual material, as on the personal memoirs of the author, who survived the siege of Leningrad.

MILITARY HISTORY

- Rakhimkulov R.A.** (Samara). Southern Russian White movement: the historic conditions for the development of the conceptual framework for strengthening moral-psychological state of the personnel 83
The article briefly describes the historical conditions of the development of the conceptual framework for strengthening moral-psychological state of the personnel of the White army, the authors of which became leaders of the Southern Russian White movement – generals M.V. Alekseev, L.G. Kornilov, A.I. Denikin. Conceptual framework excluded from the scope of the researched subject of the article.
- Dyatlov V.V., Milbah V.S.** (Saint-Petersburg). The Russian artillery in the armed conflict at lake Hasan and the problem of commander repression of the artillery 86
The article is devoted to the events, which in this year is 75 years. The authors analyze the readiness of the artillery of the far Eastern army and its combat use in armed conflict near the lake Khasan. On the basis of

the analysis revealed a number of trends in the development of the Russian artillery on the eve of the Great Patriotic war.

Pohilyuk A.V. (Saint-Petersburg). Organization of leisure and cultural services for soldiers of the front and RBF in the years of the siege of Leningrad..... 90

On the basis of the analysis of archival documents and the national historiography, the author analyzes unknown before questions of the organization of rest of the soldiers-defenders of besieged city, their cultural services in the extreme conditions of the siege of Leningrad.

Timchenko A.V. (Moscow). At the origins of the Patriotic upbringing of pre-conscription youth..... 93

The article considers the issues of improvement of preparation of teachers of the fundamentals of basic military training, as well as some problems of material supply rate of NVP in schools and average special educational institutions of the USSR.

Alexandrov A.A. (Volsk). The moral and political aspects of the relations between the leadership of the country and participants of the military actions in Chechnya in 1994. 95

The article is devoted to the analysis of the causes of the first Chechen war. The author investigates questions of the formation of views on the war in the Russian society in the nineties; describes and analyzes the historical picture of the causes and solutions, which led to the beginning of the armed conflict.

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Mesherikov K.E. (Saint-Petersburg). The evolution of the Russian-Turkmen inter-state cooperation in 1991–1999. 98

The article considers the main tendencies and problems of development of the Russian-Turkmen inter-state relations in the years of the presidency of B.N. Yeltsin (1991–1999). The normative-legal base of bilateral cooperation is analyzed. The relationship between the features of the domestic and foreign policy of the post-Soviet Turkmenistan are examined.

Ponamaryova S.D. (Saint-Petersburg). Sevastopol in the modern Russian-Ukrainian relations..... 103

The article is devoted to problems of the status of the city of Sevastopol and basing of the Black Sea fleet in the Russian-Ukrainian relations.

THE CHARACTERS OF HISTORY

Gessen V.Yu. (Saint-Petersburg). Alexander Alekseevich Voznesensky: the rector, teacher and Martyr (fin)..... 109

In the article on the basis of archival and literary data, as well as the memories of the relatives and contemporaries described the life, scientific, administrative and educational activity of Professor A.A. Voznesensky. Special attention is paid to the events connected with the arrest, interrogation and execution. Considered the reprisals against his family and friends, as well as other teachers political-economic Department of Leningrad University.

WILL BE HISTORY TOMORROW

Makarova M.N., Vakhrushev R.V. (Moscow). The problem of corruption in higher education: the view of the student..... 124

The article presents the results of sociological survey of students, aimed at identifying students relation to corruption in the system of higher education. The factors of corruption behavior and the main directions of the University anti-corruption policy were identified.

Chemodurov S.V. (Kursk). Farmers' movement in the Kursk region in the end of XX – the beginning of XXI century..... 129

The article considers the process of formation and development of farming movement in the Kursk region in the end of XX – beginning of XXI century. The author claims that farming has passed a complex evolutionary way and took his place in the agricultural life of the region.

REVIEWS OF SCIENTIFIC EDITIONS

Kashevarov A.N. (Saint-Petersburg). Connecting thread: past and present..... 133

In a review is given a high evaluation of the content of the A.F. Bondarenko monograph. The conclusion is made that «in the XVII century was formed the national traditions of manufacturing of the bells, formed a kind of “Russian” style in the casting».

Belgorodskaya L.V. (Krasnoyarsk). «Russia, reflected in the Thames» 135

The article analyzes the main ideas contained in the book of British historian P. Waldron «Russia of the Tsars». In the opinion of the reviewer «the study is of interest for specialists studying foreign historiography of Russia and the historical imagology.

SCIENTIFIC LIFE**Scientific conferences have passed**

Zolotarev V.A. (Moscow). The report of «The Great Victory and the people's memory», made on the average year meeting in the Russian Academy of Sciences on 18 December 2012. 138

The report of the state councillor of the Russian Federation of the 1st class, Deputy Chairman of the Scientific Council of RAS on the issues of military history, doctor of historical Sciences, doctor of legal Sciences, Professor V.A. Zolotarev on the average year meeting in the Russian Academy of Sciences on 18 December 2012. This report was prepared under the guidance of the Chairman of the Scientific Council of RAS on the issues of military history academician G.A. Kumanev.

Smirnov V.G. (Saint-Petersburg). Sixth Elagins' readings 142

The article is devoted to the Sixth Elagins' readings, held on 25 January 2013 in the Russian state archive of the Navy (Saint-Petersburg). Provides an overview of the reports, dedicated to the distant voyages of Russian seamen in the period of the XVIII – beginning of the XX centuries.

Forthcoming scientific conferences

Lapina I.Yu., Kargapoltsev S.Yu. (Saint-Petersburg). Competency approach in education: crisis or modernization?..... 143

The paper deals with competency approach, which is one of the key problems of modern education; some facts are cited that infringe on interests of all representatives of the educational field; the paper may be regarded as a stimulus for starting a discussion of traditional and innovational concepts and techniques concerning the educational process in the higher school.

ДОКУМЕНТ ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ МИТРОФАНОВ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Нижневартовске; профессор кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины» филиала Омского государственного технического университета в г. Нижневартовске (Нижневартовск)

Тел.: 8 (912) 531-51-88; E-mail: viktor-n1962@mail.ru,

В основе работы – новые архивные материалы, раскрывающие неизвестные страницы творческой биографии видного ученого, любимого ученика С.Ф. Платонова П.Г. Васенко. Публикуются содержание, краткое вступительное слово, начало первой главы и выдержки из второй главы ранее неизвестного труда историка «Воспоминания о моей жизни и прошлом быте».

Ключевые слова: историография, П.Г. Васенко, воспоминания, краткое вступительное слово, семья, детство, переписка, биографический жанр.

«ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕДАТЬ БУДУЩЕМУ ПОКОЛЕНИЮ...»: П.Г. ВАСЕНКО И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯ»

Как справедливо заметил профессор Л.М. Искра, имя П.Г. Васенко «незаслуженно обойдено вниманием научной общественности»¹. Только после статей Д.О. Серова и Я.Г. Солодкина² стали появляться исследования, где раскрываются ранее неизвестные страницы его трагической жизни и творчества³. Ему отведены две почетные страницы и монографии Г.В. Вернадского⁴. Недавно А.В. Сиреновым издана целая книга П.Г. Васенко⁵. Ряд последних публикаций приурочен к 70-летию со дня кончины⁶ (10 апреля 1942 г. в Советской больнице г. Владимира) «крупнейшего специалиста и знатока древнерусской истории и письменности»⁷.

Современный исследователь Я.Г. Солодкин, многие годы активно и плодотворно занимающийся изучением публицистики Смутного времени, выделил основные направления деятельности П.Г. Васенко, «вклад ученого в развитие отечественного источниковедения». При этом было справедливо отмечено, что «Платон Григорьевич Васенко является одним из наиболее видных представителей петербургской исторической школы среди ученых столичного университета», а его «изыскания» оцениваются как «замечное явление»⁸ в науке. Еще в первых своих работах Я.Г. Солодкин обратился к анализу точек зрения о времени появления глав «Истории» Палицына, привлекая выводы П.Г. Васенко⁹.

Больше всего в историографии, и то только небольшим кругом специалистов в области средневековой письменности, имеется ссылок на оригинальные оценки и выводы, сделанные П.Г. Васенко о Степенной книге¹⁰, не потерявшие актуальности даже на фоне новых открытых ее списков, неизвестных автору первого комплексного исследования интереснейшего памятника.

О ранней биографии П.Г. Васенко известно немного, как и о его родных и близких в целом. Его отец, выходец из небогатой семьи, дослужился до генерал-лейтенанта по Адмиралтейству. Родной брат Николай, в монашестве Никифор, занимал высокую должность – архимандрита. В 1897 г. П.Г. Васенко окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и стараниями С.Ф. Платонова был оставлен при университете, хотя и без стипендии, на два года – по 1 июня 1899 г.¹¹ – для приготовления к профессорскому званию.

До 1917 г. его становление как исследователя и научная карьера складывались под влиянием и при непосредственном участии С.Ф. Платонова. После защиты магистерской диссертации 3 апреля 1905 г. (работа получила его лестную оценку и была признана им «прекрасным трудом, поучительным по методу и ценным по результату»¹²), П.Г. Васенко вскоре ставится членом Археологической комиссии (1906 г.). К этому времени С.Ф. Платонов сосредоточился в рамках комиссии на подготовке к изданию

крупных летописных сводов, но был обременен многочисленными административными занятиями, нуждался в профессиональных помощниках. Именно таким помощником, бесспорно, и был П.Г. Васенко. Он принимал большое (если не главное) участие в подготовке XIV и XXI тт. Полного собрания русских летописей, был привлечен к переизданию XIII т. «Русской Исторической Библиотеки».

Справедливо недавно отметил А. В. Сиренов, что «после революции судьба как будто отвернулась от Васенко»¹³. В 1920-е гг. П.Г. Васенко сосредоточился в научном плане над исследованием «Сказания» Авраамия Палицына, опубликовав 10 отдельных статей из него. В преподавательской ситуации не всегда складывалась удачно – постоянно приходилось искать заработка.

О времени ареста и последующих годах (до 1933) известия отрывочные и противоречивые, да их очень мало. Последний период жизни П.Г. Васенко условно назван «владимирским», по месту отбывания им административной ссылки. Этот, по сути, неизвестный 10-летний отрезок жизни ученого частично (1933–1934 гг.) восстановлен по сохранившейся корреспонденции, обнаруженной в РГАЛИ в деле под названием «Переписка П.Г. Васенко с Государственным литературным музеем с предложением музею рукописей “Мелочей прошлого быта” и “Воспоминаний”. 25 августа 1933 – 23 сентября 1934 г.»¹⁴.

На основе архивных материалов восстановлена структура задуманной ранее неизвестной работы и названия ее частей. Первая – «Что мне рассказали мать, и отец о прошлом моей старшей родни – до их брака (ноябрь 1861)» была уже окончена до 26 декабря 1933 г. Затем должны быть написаны: вторая – «Семья моя до моего рождения и мое детство до гимназии»/«Моя семья до моего поступления в гимназию (8/XI 1861–10/1883)», третья – «Мои гимназические годы» и четвертая – «Университет».

Дальнейшие разыскания увенчались успехом, сегодня первые две части обнаружены. Их объем составляет в общей сложности (со вставками, дополнениями) 248 листов формата А-4, исписанных плотным почерком, по всей видимости, чернилами (в архиве выдают только микрофильмы с текстом, а на них не все тонкости для исследования можно обнаружить).

В предисловии к труду, названном автором «Краткое вступительное слово», лаконично говорится о времени начала работы над «Воспоминаниями», причинах, побудивших к этому труду, периоду, который он охватывает (до 1917 г.), ученый аргументированно обосновывает свой выбор временных рамок. Упомянуты и обстоятельства, в которых приходилось писать: «досуг», «полуинвалидность», «необходимость какого-нибудь подспорного заработка». Главное же, что двигало П.Г. Васенко при создании рукописи, заключалось в «желании передать будущему

поколению <...> стремлении трудиться <...> на любимом моем литературном поприще...».

Из небольшого текста становится ясно, что, находясь в ссылке, П.Г. Васенко поддерживал связи с семьей: разрешалась переписка, получение посылок и денежных переводов (недавно на одном сайте в качестве отзыва на публикацию о снятом фильме обнаружена запись: Гость Диля | 13.07.2012 19:17 «Действительно интересно, буду ждать фильма. Вспомнила своего прадеда Васенко Платона Григорьевича, о котором, к сожалению, почти ничего не знала. Он тоже прошел лагеря. Постепенно нахожу в интернете информацию о нем»¹⁵. Вероятно, это один из потомков известного историка, связаться с которым было бы важно для дальнейших поисков сведений о его известном предке).

Показательно, что П.Г. Васенко открыто обращает внимание на свою невостребованность как «крупнейшего специалиста по средневековому русскому источниковедению»¹⁶, так как нет «подходящей ему специальности», о тяжелом материальном положении семьи, оставшейся в Ленинграде. Заявляет о принципах, которым следовал как историк: достоверность, хронологический порядок изложения.

Начинаются «Воспоминания» фразой «Итак, в путь-дорогу!», аналогия с русским народным творчеством. Автор выступает в роли сказителя по истории своего рода взаимоотношений в семье, в целом истории быта XIX в. При этом поражаешься многочисленным фактам, известиям, подробностям, услышанным П.Г. Васенко от своих родителей много лет назад и сохранившимся в его памяти, вплоть до того – у кого какого цвета были глаза, волосы, сколько весил сам П.Г. Васенко в различные периоды жизни, как он сдавал экзамены и т.д. Важные сведения получаем о предках ученого, происхождении фамилии, родственных связях, службе и учебе членов его семьи и ближайшего окружения.

Публикация части (содержание, Краткое вступительное слово, начало первой главы, выдержки из второй главы) творческого наследия П.Г. Васенко, оставившего заметный след в российской исторической науке, раскрывает неизвестные и малоизвестные страницы жизни и творчества ученого.

Публикацию подготовил доктор исторических наук, доцент В.В. Митрофанов

Васенко Платон Григорьевич

Воспоминания о моей жизни и прошлом быте. Ч. 1.

Что рассказали мне мать и отец о прошлом моей старшей родни до их брака 8/XI-1861. Начат: 23 (10 старый стиль) августа 1933

Начат перепиской 1933 (25 /IX старый стиль) октября

Содержание

Глава первая (моя семья до моего рождения) 1-58

I. «30». Все ресурсы моих родителей на другой день их свадьбы. Поддержка родни спасает положение. Беременность моей матери, рождение «первенца». Уход за ним. «Болезнь его и старый доктор Леви». Переезд родителей на казенную квартиру. Крюковские казармы. Материальные затруднения родителей. Вестовой Афанасий Москвин. Его рвение и наивность. Афанасий и поварское искусство. Афанасий – его характер. Он заботился о «свадьбе» моего отца, если мать моя помрет. Другие «Дельщики». 1-14.

II. Дети в семье. «Первое отделение» – брат и две сестры. Заболевания детей. Скарлатина и последствия ее для брата. Ошибка доктора Назаревского. Назаревский спасает от смерти ребенка в другой семье. Дифтерит у брата и «Бабушки Веры ЖОК», гланды у второй сестры. 14-21.

III. Домочадцы и «свои люди» в семье. Резовинов. Старуха Тидемон и ее причуды. Дети и их проказы. Отклонение второй сестры. «Бабушкины грубиянки». Шляпка, выброшенная в окно поезда, и т.д. Безумная мысль моей матери во время опомнившейся. Встреча ее с таинственной старухой. Быт семьи. Знакомые и родные. Ткачева-Анненская. Кузины отца и матери. «Исакая провалился». Посещение родителей «товарищем» по корпусу и кража им у отца его часов. 22-37

IV. Поступление отца в речную полицию. Эпизод с посещением господина Коростовца. Улучшение благосостояния семьи. Отец, управляющий домом по Офицерской, № 13 (ныне улица Декабристов). Добросовестное отношение отца к своим обязанностям. Он заведует хлопотной 3-й дистанцией. Трепов и гнев его. Трепов (мнимый) и мой дядя. Наша семья на Петровской брондвахте. Ф.К. Величко и причуда его жены. Учет провизии. Замечание Ф.К. Величко (ученого, ген[ерал]-штабиста и метеоролога) и о том, что все сии чиновники воруют у государства время и деньги. Семья на новой квартире в первой роте Измайловского полка. Сожительство с дедом, отцом матери. Быт семьи на новой квартире. «Неожиданная беременность» матери. Игрок (следующее слово не разборчиво. – В.М.) с дедом и Тидемон. Курьезы во время этой игры. 37-51

V. Поездка летом 1872 г. на Украину, на хутор тетки отца Юлии Андреевны Эстко. Возвращение в город. Поступление старшего брата в прогимназию. Рождение брата моего Григория старшего во втором отделении. И пророчество акушерки. Дача в «Елизаветенке» (ст. Балтийский железной дороги) и восторженные воспоминания и всей семьи об этой местности. Знакомство семьи с Грибановыми – семьей начальника станции. Быт этой семьи и склонность ее к юмору. 1874. Дата в Сергиеве (Балт[ийской] жел[езной] дороги). Мать в «ожидании». Бегство акушерки и спешное возвращение семьи в город. 51-58

Глава 2. Первые годы моей жизни и быт нашей семьи до поступления моего в гимназию 59-142

I. Мое рождение. Злоключение младенчества. Рассказ о моем раннем детстве. Нянчение со мной Е.А. Тидемон. Моя няня Саша (Богданова). Моя вспыльчивость. Быт моей семьи в первые годы моей жизни. Рождение моей младшей сестры в 1876 г. «Второе отделение». Причуды беременности. «Коля! Беги за булкой». Рассказ о младшей сестре, как ее «разыгрывали». Занятие моей матери молочным хозяйством. Выгоды прекращения его в связи с переездом на другую квартиру. Перемены квартир и прелести этих переездов. Слабость здоровья моего брата. Его учеба. Окончание им прогимназии и переход в 6-ую гимназию. Нелады брата с «древними языками». Учителя «чехи»: Кабеле и Фаршок. Рассказ брата о причудах законоучителя протоиерея Леонида Петрова. Восторженные отзывы о преподавателе физики проф[ессоре] Хвольсоне. Учеба сестер. Переходы их из одного учебного заведения в другое. Они в учебном заведении В.П. Стеблих-Кашенской. Состав преподавателей. Математик, физик, географ И.И. Васильев, словесники Князев и К.П. Петров, отец профессор «романиста» Петрова. Учение сестер музыке. Приобретение родителями роля. 59-75

II. Дача на Удельной и мои первые «воспоминания». «Белое море» на улицах. «В Малиновку хочу!» Болезнь моего брата Гриши. Приезд в Санкт-Петербург семьи Котляревских, врача и акушерки. Рассказы дяди «Мити» Котляревского об его молодости. «Лекции» проф[ессора] Брандта. Котляревские на войне. Заботы М.Н. об излечении моего брата Гриши. 75-83

III. Начинаются игры и забавы. Дружба моя с Гришей. Поездка всей семьи на хутор Павленко к Эстко. Старший брат и верховая езда. Мои старшие сестры и живые Карошины. Шаловни «нашей» компании. Я – «Ну сидите». «Я вылез из окна». Обратный путь. Остановка в Москве. Мы на новой квартире. Дружба наша с дедом. Я «вундеркинд». «Быка режут, не зарежут. Елка у Великовых. Подарки и очереди Марусиной куклы». «Из нас идет кровь». Начало наших паломничеств в Шлиссельбург и карета в три лошади. Гостиница «Орешек». Провинциалам Шлиссельбурга. Коломаги и жизнь в них в 1880-х годах. Зима 1880–1881 года. «Музыка». «Словно порох». Я пришел из детства (-). Предсмертная болезнь Гриши. Первая смерть. «Таинственный покойник!». Смерть Гриши. Отношение (теплое) к семье дяди «Мити». Похороны Гриши на Волковском кладбище. Отчаяние матери. Мое горе и моя мнительность. 83-100

IV. Круг родных и знакомых нашей семьи за первые годы моей жизни. Перечень их. Муж А.К. Егоровой Витя Иванович Сперанский и его шутки. Семья Гиошфа. Старичок Петров и др. 101-107

V. Снова пешком в Шлиссельбург. Дача на Второй Никитской и ее преимущества. «Герой нашего времени». Неудавшиеся танцы мои на эстраде. Переезд в танцевальный город. Я научен отцом. Моя дружба с Марусей. Наши забавы и фантазии. Мы в мечтах гасим «пожар». Моя любовь к чтению и круг этого чтения. Первая исповедь. Отношение семьи к церкви. Начало отдаления отца от жены и семьи. Причины его. Горе матери. Нервное ее заболевание. Доктор Штемб. Увлечение брата театром. Мать и сестры любительницы мелодрамы. Домашний театр. 107-124

VI. Снова дача в Коломьягах в 1882 г. Мои танцы. Первая любовь Аделины. Мне шьют офицерскую форму. Мое «геройство» Мы бываем в втором отделении. «Хожер Вальс» под зонтиком. «Ляпеус» моей матери. Осень 1882 г. Мы записываемся в библиотеку. Мое чтение журналов «Родник» и «Семья и школа» и т. д. Мы на столетии Большой театр. Смерть деда в феврале 1883 г. Я учитель младшей сестры. Назначение отца управляющим речной полицией после внезапной смерти Рентеля. «Путешествие» в Шлиссельбург в огромном дилижансе. Брат окончил (без аттестата) гимназию. «Театр» Милановских и наше к нему отношение.

Мой экзамен в ГИЧО. Я гимназист. 124-142

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 22. Л. 240–246.

Л. 1а. Краткое вступительное слово

Сегодня 23 (10 ст[арого] ст[иля]) августа 1933 г., в этот день, с которого идет 60-й год моей жизни, я начинаю писать свои воспоминания, приступаю к этим своим записям по обстоятельствам и побуждениям двух родов: внешним и внутренним. Досуг¹⁷, вынужденный отчасти отсутствием в данное время и при данной обстановке подходящей мне специальности или силам деятельности, отчасти полуинвалидностью¹⁸, и необходимость какого-нибудь подспорного заработка к той недостаточной, хотя и без того почти непосильной для помогающих мне поддержке, какую оказывают мне мои семейные¹⁹, – вот внешние обстоятельства, побуждающие меня к моему настоящему труду. Желание передать будущему поколению²⁰, зафиксировав на бумаге все, что личная моя память сохранила о прошлом ныне быте и что, по моему мнению, представляет некоторый, пусть незначительный общий интерес, стремление трудиться, пока позволяю мои силы, на любимом моем литературном поприще – таковы внутренние стимулы к составлению моих «Воспоминаний»... (так в тексте. – В.М.).

Вспомнить же есть о чем: много было слышано, видано, пережито и поработано в прошлые дооктябрьские касается, что слышано²¹ было мной и о более прошлом, чем то, в каком я жил, времени. От отца, а главным образом от матери, слушал я еще с детства с большим удовольствием рассказы, которые, изображая быт моей старшей родни, дают при этом некоторые, хотя бы, правда и узкие, мелкие, но в то же время не лишённые известного интереса и значения штришки для зарисовки прошлого быта.

Т[аким] о[бразом] «Воспоминания» мои охватывают время с начала XIX столетия по конец 1917-го года. Начальная часть их при этом будет сперва чрезвычайно короткой и отрывочной, а затем при переносе действия в столицу и по мере приближения к временам моей личной жизни станет делаться полнее и обстоятельнее.

Само собой разумеется, в изложении я буду стремиться к самой достоверности и, поскольку в силах человеческих, объективной передаче событий, как они мне помнятся и представляются. Поведу повествование, насколько возможно, в хронологическом порядке, но должен оговориться, что многих дат точно не упомянул, а потому их приводить не буду. Вот, пожалуй, и все, что я считаю нужным сказать тем, кто пожелает познакомиться с моими воспоминаниями.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 22. Л. 1а–3.

Часть первая. Глава I

Что рассказали мне мать и отец о прошлом моей старшей родни до их брака 8(21)XI–1861 г.

Итак в путь-дорогу. Начну с повествования о тех из моих «предков», о ком я слышал рассказы или имею сведения от моих отца и матери. По стечению обстоятельств мои родители были не только в некотором, по тогдашним понятиям, не очень отдаленном родстве друг с другом, но были, в сущности, даже однофамильцами, так как фамилия отца сохранила украинское свое окончание: Васенко²², тогда как фамилия матери имела уже великорусское окончание Васенкова. Дело было в том, что прадеды моих родителей прижились друг другу родными братьями. Один из них, неизвестный мне по имени, остался на Украине в родной Полтавщине и сохранил свою фамилию в неприкосновенности. Другой Григорий переселился в Петербург, где он или сын его Тарас принял великорусское окончание своей фамилии на в, уподобившись тем из своих соотечественников, которых с добродушным юмором осуждал великий Гоголь в своей великолепной трагикомической идиллии «Старосветский помещик»²³.

Мне совершенно неизвестно, кто был анонимный для меня украинский мой прадед с отцовской стороны. Знаю только, что корни моего рода залегают в казачестве. Возможно, что прадед принадлежал к казачьей старшине. По крайней мере, сын его Алексей, как видно из документальных данных, был при Екатерине II²⁴ на Полтавщине помощником войскового старшины, т. е. имел уже штаб-офицерский чин²⁵.

Дед же мой Андрей Алексеевич сменил украинские степи на морской простор. Его неудержимо влекло к себе море. Поэтому еще юношей Андрей Васенко ушел юнкером²⁶ в Черноморский флот²⁷. Произведенный спустя несколько лет в мичманы²⁸, дед мой во времени турецкой войны 1828–1829 годов дослужился уже до чина лейтенант-капитана и должности командира одного из второстепенных военных кораблей какого-то черноморского брига... (так в тексте. – В.М.) Эта война ознаменовалась для него важным подвигом, но она же и положила конец его дальнейшей службе.

Капитан-лейтенант Васенко после длительного боя с турецким кораблем потопил неприятельское судно. И в том же бою он получил рану, делавшую его непригодным к несению в будущем военной службы. Случилось это таким образом, как рассказывал мне отец. Дед мой, стоя на капитанском мостике, командовал, держа в правой, согнутой в локте, руке фуражку и прижимая эту руку к своему боку.

В самом начале битвы, ведшейся на довольном расстоянии, неприятельская пуля ранила деда в руку и в то же время в бок.

В пылу сражения Андрей Алексеевич почти не заметил ранения, по крайней мере, не ощутил боли от него. По окончании же боя мундир командира русского корабля, как оказалось, был залит кровью, рука же не разгибалась. Рану кое-как подлечили, капитан-лейтенанту Андрею Васенку пожалован был орден Владимира 4-й степени с мечами за храбрость³⁰ и потопление вражеского корабля, но в то же время вследствие тяжелого ранения он принужден был выйти в отставку с мундиром и пенсией. Вынужденный расстаться с любимым морем, дед поселился в своем родовом имении, деревне Махначь, Золотоношского уезда³¹ Полтавской губернии³² и спустя несколько лет женился на дочери одного из соседей Вере Максимовне Ореховской, молодой и, как говорят семейные предания, красивой и привлекательной девушке. Через этот брак Васенко породнился помимо Ореховских с известными дворянскими украинскими фамилиями – Котляревскими и Величко³³.

Супружеская чета, по отзывам всех моих близких, знавших ее, подходила друг к другу. Дед был очень ласковый, приветливый человек. Мать моя видела его, когда он был уже в годах, за несколько лет до его смерти³⁴, и сохранила о нем очень теплое воспоминание. Росту он был среднего, несколько пониже моего отца, который был хорошего, но не высокого роста³⁵, худощав, говорил не очень много, однако не был и молчалив, отличался, как и многие украинцы, незлобивым юмором. Про бабушку мою я уже упоминал.

Брак был счастливым, но не очень долговечным. Через несколько лет (в 1844 году) бабка умерла, кажется от чахотки, оставив деда вдовцом с несколькими малолетними детьми. Из них до зрелого возраста дожили трое: Юлия, Григорий, мой отец, оба скончавшиеся уже в старости, и Илиодор, умерший молодым офицером.

Отец мой провел детство в деревне, на приволье, жаловливым барчонком... (так в тексте. – В.М.). Он дружил со своими двоюродными братьями Котляревскими. Близость с одним из них, Митрофаном Никол[аевичем] продолжалась и много лет спустя в Петербурге. С детства же мой отец мягкий и привязчивый человек полюбил своих деда, родного дядю Платона Максимовича Ореховского, образованного человека, военного инженера, сначала служившего в Киеве, затем домовладельца, бывшего в течение нескольких лет (уездным) мировым посредником, позднее членом правления в полтавском обществе взаимного кредита и в полтавском земельном банке и троюродного дядю Филадельера Кирилловича Величко, бывшего впоследствии долгое время помощником начальника Главного военного штаба, большого знатока и любителя метеорологии и много сделавшего для развития сети метеорологических станций в России. Сыновью нежность питал мой отец и к «риднусельской» своей тете Любе, иначе Любови Максимовне Ореховской.

Подробности детства моего отца, тогда Грицки Васенка, мне мало известны. Знаю все же, что это был живой, темнокареглазый мальчуган, худощавый брюнет. Он был коноводом и затейником в детских шалостях и предприятиях и забавах. Два рассказа о его резвых выходках сохранились в моей памяти. Сестра его тетя Юля, годом старше, чем Грицко, была типичнейшей «хохлушкой». Она была в старости чрезвычайно красивой, но уже в детстве флегматична. Подростком она имела привычку ходить с полуприкрытым ртом. Было ей лет около 13, когда раз 12-летний Грицко умудрился, к величайшему ее негодованию, запихать ей полуживого воробья в рот. Девочка перепугалась, рассердилась, но средство помогло и от привычки, ее очень портившей. С той поры она отстала.

Другая памятная мне проделка моего отца относится к более раннему его возрасту. Грицку Васенку шел тогда 8-й год и связана с единственным его «стихотворением». Был первый день Пасхи. Дед и другие взрослые куда-то уехали, взяв с собой и тетю Юлю. Грицко остался за «старшего», он сел у открытого окна в небольшом помещении в доме и стал забавляться игрой с серым котом. Вдруг Грицко заметил подходившего к дому священника, обходившего всех прихожан «со славой». Мальчуган вдруг «осенило». Он высунулся из окна и, указывая подходящему на своего серого любимца, бойко продемонстрировал: «Святися, святися, назад воротися!»³⁶ Дома нет никого, не дадут тебе, поп, ничего. Только на окошке сидит серая кошка!»

Священник, разобиденный, повернул назад, но после он пожаловался моему деду, и Грицко получил нагоняй за свой «эксперимент».

Однако не только шалостями было занято время подрастающего мальчугана. Его учили дома, подготавливая к поступлению в Морской Кадетский корпус в Санкт-Петербурге³⁷. Подготавливали Грицка все же, как увидим, недостаточно, и только счастливая случайность помогла отцу моему попасть туда, куда он хотел и куда готовился. Осенью 1851 года, когда мальчугану было около 13 лет³⁸, его повезли в Петербург. Повез Грицка один из соседей деда по имени, какой-то отставной генерал. Привезя мальчугана в столицу, помещик, не откладывая дела в долгий ящик, на другой день по прибытии отправился со своим юным спутником в Морской корпус, где и сдал его с требуемыми документами. Сам же распростился с Грицком Васенком и удалился из корпуса, не сказав никому своей фамилии и городского адреса.

Корпусная же администрация тоже оплошала и не собрала нужных ей сведений. Начал мой отец сдавать экзамены и провалился. Возник вопрос о необходимости отправить его домой. Хватились, кто же привез Васенка? Спросили и его: «Кто тебя привез?» – «Тай я же не знаю. Який-то генерал, сосид» – «А фамилия то его как?» – «Тай я же не знаю, як его хвамилия» – «Да где же вы с ним в Петербурге остановились?» На этот вопрос Васенко бойко ответил, что найти их пристанище очень легко, так как они остановились в угловом доме, но котором «висит большая виноградная кисть». Других же примет мальчик не мог указать. «Увы!» Для корпусного начальства такое указание было крайне недостаточно: золотых кистей винограда – знаков, что в доме рейнсовый погреб, было тогда в Петербурге предостаточно³⁹ на углах улиц.

В Полтаву же при тогдашних путях сообщения отправить подростка было совершенно невыносимо. О казусе доложили директору Корпуса. Тот велел привести Васенка к себе. Поговорив немного с моим отцом, директор решил его участь: «Ну что же делать!? Принять его!»

Так началась морская карьера, в будущем вполне удачная, Грицка, отныне Гриши Васенка. Отметим здесь, кстати, что дядя мой, родной брат моего отца Илиодор Андреевич Васенко, был далеко не так удачлив. Он очень хотел попасть в Морской корпус и подготовился к экзаменам лучше, чем его старший брат. Однако по некоторой застенчивости мой дядя экзамены сдал неважно. Начальство в данном случае не оплошало. Они сразу осведомились, кто именно доставил Илиодора Васенку в корпус, и пришлось моему деду, который на этот раз сам привез в Морской корпус сына, желая, конечно, повидаться кстати с моим отцом, отвести Ледю (так звали дома Илиодора) домой. Потом тот кончил какое-то пехотное юнкерское училище и стал пехотным офицером.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–10.

Выдержка из второй главы.

В субботу 10 августа 1874 г. в 6 1/2 часов вечера я благополучно появился на белый свет. Принимавшая меня акушерка на этот раз не поставила никакого прогноза о моей долговечности или недолговечности. Я ничем особенным не выделялся из ряда новорожденных, родился я блондином с голубыми глазами и белой кожей. Блондином я оставал-

ся лет до двух. Затем и волосы мои стали темнеть, пока к годам семи я не сделался брюнетом⁴⁰ с очень темными, почти черными волосами. Был я довольно крупным младенцем и годов до двух очень полным, по словам некоторых моих близких родных, даже толстым мальчуганом. Со мной, очень узкокостным (в деда с материнской стороны), были отливы и приливы худобы и наготы; до двух лет я был толстым, затем стал худеть и до 13 лет был очень худощавым. С 13 лет стал сильно полнеть и к 17 годам был очень полным, затем снова «сдал», был и «жиденьким» студентом и вообще до 34 лет был крайне худ (3 п. 37 фунтов, при почти высоком росте – 2 арш., 7 1/2 вершков = 177 см.) в 10 месяцев первой брачной жизни прибавил пуд, во время годового вдовства сбавил 20 фунтов, затем к 1917 г. дошел до 7 пудов, к 1918 году весил 5 пудов, теперь вешу 4 пуда.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп.1. Д. 22. Л. 156–157.

Выдержка из второй главы.

Библиотека Триоицкой. Благодаря этой библиотеке я помимо названных мной выше книг зимой 1882–1883 г прочитал «Тысячу и одну ночь» (для детей большая книга, чуть не в 1000 стр. с рисунками, «Сказки кота Мурлыки», Сказки Андерсена, Приключения Гулливера, Робинзона Крузо, несколько томов журнала «Родник»⁴¹ с интересным рассказом Диккенса «Приключение сверчка», где в занимательной форме ознакомился с очерком этнологии, отличными рассказами Богданова «Мирские захребетники»⁴², чудеснейшими «Томом Сойфером» Марка Твена. Стал я тогда же читать превосходный журнал для юношества, издававшийся с 1870-х годов, если не ранее, Симашкой⁴³, где мне нравились произведения Анненской, в девичестве Ткачевой⁴⁴, бывшей подругой матери. В этом журнале я увлекался «Руломаном», в котором в виде повести излагалась история пещерных людей, вытесняемых представителями бронзового века.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп.1. Д. 22. Л. 224–225.

Выдержка из второй главы.

Между тем приближалось время моих экзаменов. 8-го августа мы с матерью рано утром выехали из Коломня⁴⁵. В Новой деревне сели на один из «Чачковских пароходиков»⁴⁶ и доехали на нем до Летнего сада. Оттуда на извозчике добрались до гимназии. Были экзамены по Закону Божьему и русскому языку. Выдержал я их хорошо. 10 августа, в день моего 9-летия мать проводила меня на экзамен по арифметике. Все сошло благополучно, хотя мне был задан вопрос и из области деления, которого я вовсе не проходил. Выручило меня отличное знание таблицы умножения и понимание ее. Экзаменатор спросил меня: «Сколько раз 7 содержится в 49?». «7 раз», – ответил я, смекнув, что 49=7x7. В результате все сошло вполне благополучно, и я, несмотря на конкурс и большой наплыв желающих, поступил в гимназию (мест в классе было гораздо меньше, чем желающих попасть в него). Был принят, о чем матери и мне тогда же сообщили. Помню, как мать отправилась со мной в Гостинный Двор, где мы зашли в богатую часовню Гуслицкого монастыря⁴⁷, стоявшего тогда на Невском против Михайловской улицы (проспект 25 Октября против улицы Лассаля). Затем мать купила мне гимназическую фуражку с лавровой ветвью на околыше и ремень с бляхой и буквам «ГИЧО». Наконец, на даче меня все встретили с поздравлениями и подарками. Итак, ровно в 9 лет от роду я стал гимназистом.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп.1. Д. 22. Л. 238–239.

¹ Искра Л.М. Российские университеты в XVIII–XX веках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 1 С. 337.

² Серов Д.О. П.Г. Васенко: Материалы к библиографии (1899–1929) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Вып. 2. С. 419–429; Солодкин Я.Г. П.Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики XVI–XVII веков в Санкт-Петербургском университете) // Российские университеты в XVIII–XX веках: Сб. науч. статей. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 130–133; Он же. П.Г. Васенко (Основные направления исследовательской деятельности) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, 2002. № 5 (29). С. 89–91

³ Митрофанов С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко (творческие и личные взаимоотношения) // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 155–165; Он же. П.Г. Васенко о «Сказании Авраамия Палицына» (Подг. к публ. и комментарии) // Исторический архив. 2008. № 6. С. 207–211.

⁴ Вернадский Г.В. Русская историография. 1998. С. 287–289.

⁵ Сиренов А.В. От издателя // Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта. СПб., 2004.

⁶ Митрофанов С.Ф. «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть»: факты из жизни и творчества П.Г. Васенко во время административной ссылки в г. Владимире // Клио. 2012. № 10. С. 127–132; Он же. Историки трагической судьбы: П.Г. Любомиров и П.Г. Васенко // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2012. Вып. 5. С. 185–201.

⁷ Брачев В.С. Служители исторической науки. СПб., 2010. С. 293.

⁸ Солодкин Я.Г. П.Г. Васенко (К истории изучения русской публицистики...). С. 130–131.

⁹ Солодкин Я.Г. К вопросу о датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конференции молодых специалистов: Июнь 1975 г. Л., 1975. С. 33–34; Он же. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 32. С. 290–304 и др. Исследователь опубликовал на эту тему более трех десятков работ см.: Проблемы отечественной истории и историографии XVII–XX веков: Сборник статей, посвященный 60-летию профессора Я.Г. Солодкина / Сост. В.В. Митрофанов. Нижневартовск, 2011. С. 170–225.

¹⁰ Например, Покровский Н.Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43; Он же. Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 1. М., 2005. С. 280–293; Сиренов А.В. Степенная книга: история текста. М., 2007; Он же. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010; Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. В этом перечне мы ссылаемся на наиболее важные исследования, посвященные средневековому памятнику, опубликованные в последние годы, где выводы П.Г. Васенко аргументированно принимаются, уточняются, а порой и отвергаются.

¹¹ Годичный акт о состоянии и деятельности императорского Санкт-Петербургского университета за 1897 год, составленный ординарным профессором В.К. Эрнштедтом. СПб., 1898. С. 41, 89. Первое письмо, датированное 10 июня 1898 г., П.Г. Васенко направил С.Ф. Платонову со словами благодарности «за то внимание, с каким Вы известили меня об оставлении моем при университете» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2441. Л. 1).

¹² Платонов С.Ф. Рец.: Книга степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности // ЖМНП. 1905. № 6. С. 439–444.

¹³ Сиренов А.В. От издателя // Васенко П.Г. Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. С. 4.

¹⁴ Митрофанов В.В. «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть»... С. 127–132.

¹⁵ МЫ ЗДЕСЬ / Публикации / Номер # 363 / Азарий Плисецкий. Эксклюзив.

¹⁶ Блащук С.Н. Работа над изданием «Русской Правды» в период становления советской науки (конец XX – первая половина 30-х гг. XX в.) // Вестник Удмуртского университета. История. 2005. № 7. С. 74.

¹⁷ П.Г. Васенко в это время отбывал административную ссылку в г. Владимире.

¹⁸ В письме от 5 октября 1933 г. В.Д. Бонч-Бруевичу П.Г. Васенко писал об «инвалидности» и необходимости в «уходе за мной в виду состояния моего здоровья» (Митрофанов В.В. «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть»... Приложение № 3. С. 130).

¹⁹ Как жена моя, Мария Дмитриевна Сапожникова, благодаря самоотверженной героической жизни и работе которой держится моя семья в течение нескольких последних лет, так и дети мои и сестры делятся со мной, буквально всем, из своих скудных сравнительно с составом моей большой семьи, включающей в себя и учащихся, и инвалидов, и малых детей.

²⁰ Фраза «будущего поколения» исправлена на «будущему поколению».

²¹ Это отнюдь не означает желания моего сказать будто, начиная с Великой Октябрьской революции, я не жил и не работал. Но для записи воспоминаний о настоящем времени я не чувствую себя готовым: они еще далеко не вполне скристаллизировались в моем сознании.

²² Сам П.Г. Васенко иногда подписывал свои произведения и Васенка (Васенка П.Г. Смута начала XVII века и ее Московские отражения // Москва в ее прошлом и настоящем (издание, посвященное памяти историка Москвы И.Е. Забелина). М., 1909. Ч. 1. Вып. 2. С. 58–100.

²³ Старики Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна живут уединенно в одной из отдаленных деревень, называемых в Малороссии старосветскими. (Гоголь Н.В. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 2. М., 1994).

²⁴ Императрица Всероссийская, правила в 1762–1796 гг.

²⁵ Штаб-офицеры (от нем. Stabsoffizier) – наименование категории старших офицерских чинов в русской армии и на флоте до 1917 г. По Манифесту 11 июня 1845 г. потомственное дворянство приобреталось с производством в штаб-офицерский чин (8-й класс). Дети, рожденные до получения отцом потомственного дворянства, составляли особую категорию обер-офицерских детей, причем одному из них по ходатайству отца могло быть дано потомственное дворянство.

²⁶ Юнкер – воинское звание в русской армии до 1918 г., промежуточное по своему правовому статусу между званиями унтер-офицеров и обер-офицеров.

²⁷ В 1785 г. был утвержден первый штат Черноморского флота. Для управления флотом в Херсоне было создано Черноморское адмиралтейство.

²⁸ Мичман (от англ. midshipman, дословно – «человек посреди корабля») – корабельное воинское звание военнослужащих в ВМФ (ВМС) ряда стран.

²⁹ Русско-турецкая война 1828–1829 гг. – военный конфликт между Российской и Османской империями, начавшийся в апреле 1828 г. вследствие того, что Порты после Наваринского сражения (октябрь 1827 г.) в нарушение Аккерманской конвенции закрыла пролив Босфор.

³⁰ Орден учрежден Екатериной II как награда за отличия на государственной службе. Ордена 3-й и 4-й степеней вначале также были одной величины и представляли собой крест темно-красной эмали с черной каймой и имели на лицевой стороне изображение на черном фоне горностаевой мантии с вензелем СВ, на другой стороне – дата учреждения ордена. Ордена для военных имели банты на лентах.

³¹ Первое письменное упоминание о городе датируется 1576 г. в завещании князя Богуща Корецкого. В связи с ликвидацией казацкого устройства на Украине в 1781 г., Золотоноша, к тому времени местечко, стала городом, центром уезда Киевского наместничества, в 1796 г. – Малороссийской, а в 1802 г. – Полтавской губернии.

³² Полтавская губерния – губерния Российской империи, образована в 1802 г. в связи с ликвидацией Малороссийской губернии.

³³ Оба рода внесены в алфавитный список дворян в родословную книгу Полтавской губернии, отличались интеллигентностью и оставили после себя след в литературе и науке. Вспомним хотя бы автора известной украинской «Енеиде» и академика Н.Я. Котляревского, поэта Величко, ученого генерала Ф.Н. Величко, метеоролога, женщину-математика М.В. Величко.

³⁴ Он умер в конце 1850-х гг. не дожив до производства сына в мичманы (прим. П.Г. Васенко).

³⁵ Отец, который был ниже обоих своих сыновей, доживший до зрелых лет (третий умер в отрочестве), в нем было 2 аршина 7 1/2 вершка (176 сантиметров). Высоким ростом в старой армии признавался 2 аршина 8 вершков – 176(7) сантиметров, средний – 2 аршина 4 вершка (160 сантиметров) (прим. П.Г. Васенко).

³⁶ Начало пасхального стиха «Святися, святися Новый Иерусалиме! Слово бог Господня!».

³⁷ Морской кадетский корпус – военно-морское учебное заведение в Санкт-Петербурге, правопреемник московской «навигационной школы» (1701–1715) – старейшее в России. Морским кадетским корпусом именовался с 11 февраля 1891 г. по 20 декабря 1906 г.

³⁸ Отец мой, по его словам, родился 1(13) октября 1838 г., но в метрике записан под 30 (12 октября) сентября этого же года, на который приходится и день его имени (прим. П.Г. Васенко).

³⁹ Лавка или магазин, где продавали виноградные иностранные (сначала, главным образом «рейнские» вина) и русские вина, а также другие спиртные напитки (прим. П.Г. Васенко).

⁴⁰ 1. Из нас, детей, у отца с матерью (брюнета с темно-карими и темной шатенки с светло-карими глазами) блондинкой была лишь моя старшая сестра, сероглазая, затем у меня брюнета с светлой кожей – серовато-темно-голубые глаза. Остальные дети темноволосыми с карими, младшая сестра – почти с серыми глазами, при этом старший брат и младшая сестра – смуглокожие. 2. Моим восприемником, как и у брата, были дедушка Миша и София Ивановна Муравьева, жившая тогда в доме №13 по Офицерской улице и очень любившая моего отца. Вторыми восприемниками были записаны дедушка Платон и бабушка Люба (прим. П.Г. Васенко).

⁴¹ Альфединген Алексей Николаевич (1855–1908) – российский офицер, издатель, редактор, журналист и педагог. С 1881 г. работал редактором детского журнала «Воспитание и обучение», преобразованного в 1882 г. в периодическое печатное издание «Родник».

⁴² Богданов Модест Николаевич (1841–1888) – известный русский зоолог и путешественник, ученый, писатель, кинолог, деятель общественного охотничьего движения. В книге описан целый мир животных, иронично названный им «захребетники». Они непрощено поселяются в жилище человека или рядом с ним. Одни из них кусают нас, пьют нашу кровь, другие нахально грабят провизию, третьи едят одежду и обувь, четвертые точат стены и разрушают дома. Среди этих животных не только враги человека, но и его друзья.

⁴³ «Семья и школа» – российский педагогический журнал, выходивший в 1871–1888 гг. в Санкт-Петербурге. Основан писателями Еленой Апрелевой и Юлианом Симашко (первая занималась материалами литературными и гуманитарными, второй – естественно-научными). Затем Симашко руководил журналом единолично, с 1874 г. при значительном участии типографа А. Котомина, а с 1876 г. при содействии ученого и педагога К.Д. Краевича, который в 1878 г. взял на себя обязанности главного редактора. Наконец, последним редактором журнала был (после 1882 г.) Константин Модзалевский.

«Семья и школа» была одним из первых педагогических журналов в России. Это издание было обращено как к детям, так и к родителям, и главным его назначением было дать родителям определенные ориентиры в их воспитательной и образовательной деятельности.

⁴⁴ Александра Никитична Анненская (в девичестве Ткачева) (1840–1915) – популярная в конце XIX в. детская писательница, сестра знаменитого революционера, философа, литератора (подробнее см.: *Богданович Т.А. Повесть моей жизни: Воспоминания. 1880–1909.* Новосибирск, 2007. 362 с.). Участвовала в переводе многих научных сочинений и деятельно сотрудничала с санкт-петербургским журналом «Семья и школа».

⁴⁵ Коломяги (ранее *Коломяки*, финн. *Kolmaki*) – исторический район на севере Санкт-Петербурга (муниципальный округ №70 (Коломяги)). По одной из версий, название – это русифицированное карело-ижорское «гора с колеей/оврагом». Бывшая деревня в конце XIX в. насчитывала 130 жилых домов (не считая дач) и 750 жителей. Возле деревни существовала одноименная железнодорожная станция Озерковской ветки Приморской железной дороги.

⁴⁶ Тогда вдоль Невы и на Острова от Летнего сада и до Крестовского сада ходил пароход купца Чачкова. Впоследствии замененные «финляндцами», т.е. Обществом финляндского пароходства (фактически заводчика Гартмана и КО) (прим. П.Г. Васенко).

⁴⁷ Гуслицкий Спасо-Преображенский мужской монастырь основан в 1858 г. по благословению святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского.

СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖУКОВ

кандидат исторических наук, преподаватель Военной академии связи (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (911) 241-26-86; E-mail: stasevitsch@rambler.ru

В публикации на базе архивных документов показано состояние экономики районов Карельского перешейка, отошедших к Ленинградской области по итогам Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Документы свидетельствуют о том, что бывшие финские территории, отошедшие в результате войны к СССР, были социально слабообеспечены, что во многом обуславливало низкую плотность населения региона.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Карельский перешеек, экономика, история, Ленинградская область, Ленинградский областной военный комиссариат.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РАЙОНОВ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА, ОТОШЕДШИХ К СССР ПО ИТОГАМ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ (1939–1940 гг.)

Одним из основных итогов Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. стал перенос государственной границы на Карельском перешейке. В результате этого к СССР отошел ряд территорий, ранее принадлежавших Финляндии. С точки зрения автора, оценка экономического состояния этих районов представляет определенный интерес. В данной статье рассматривается изучение данных территорий по линии Ленинградского областного военного комиссариата.

На основании Приказа НКО СССР № 0104 от 1938 г., директивы ГШ РККА № 172703 от 17 марта 1939 г. Леноблвоенкомат в своей директиве № 01270/5, выпущенной в марте 1939 г., поставил перед районными военными комиссариатами Ленинградской области задачу – изучить экономику обслуживаемых территорий и к 1 сентября 1939 г. представить в облвоенкомат военно-экономические справки районов. Представленные райвоенкоматами

данные зачастую грешили неточностью, что потребовало в 1940 г. провести уточнение военно-экономических справок. Собранные данные в дальнейшем передавались в штаб Ленинградского военного округа (ЛВО). В общем русле этого процесса Леноблвоенкомат представил в штаб ЛВО экономическое описание районов Карельского перешейка, отошедших к СССР по итогам Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Параллельно Леноблвоенкомат потребовал (исх. № 004951/5) от вновь назначенных райвоенкоматов этих районов в срок до 20 января 1941 г. представить военно-экономические справки по общепринятой форме.

Экономическое описание хранится в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) в фонде 6694 (Ленинградский областной военный комиссариат (1937–[1941] гг.), опись 7, дело 100, лист 250–254. Стиль, орфография и пунктуация документа сохранены.

Секретно
Экз. № 2

Начальнику 5го отдела штаба ЛВО¹

№ 03035/5
ЛЕНОБЛВОЕНКОМАТ

Экономическое описание

районов Ленобласти расположенных на Карельском перешейке по состоянию на 1 октября 1940 г.

На территории Кар. перешейка отошедшей к Ленобласти сформировано 3 района: Каннельярвский, Раутувский, Койвистовский и город Териоки.

Территория Кар. перешейка занимает площадь около 4047 кв. км., пересекается жел. дор. Выборгской, Приморской, Северо-Западной в направлении к г. Сортовало, а также жел. дорветкой со ст. Валкиярви на г. Выборг и сетью безрельсовых дорог, из которых важнейшие – Выборгское шоссе и Приморская дорога.

Границы адм. районов территории Кар. перешейка: (ориентировочно, т.к. границы еще не уточнены окончательно).
КАННЕЛЬЯРВСКИЙ Р-Н:

а) Западная граница – с юга от Финского залива у ст. Ино на север по дороге через дер. Ионколя (включая ее) и далее Териоки – Бобошино – Выборг, поэтому шоссе на северо-запад до селения Иляхови и далее по дороге на запад к дер. Хаканен, на север через озеро Каук-Ярви и по реке Сумма-Июки до границы с Карело-Финской ССР (включая селения Калиола, Антерома).

б) Северная граница – идет от Койвистовского р-на по границе с Карело-Финской ССР до озера Яурятен-Ярви, далее на юг по реке ЮСК-ИЮКИ до озера ЮСК-ЯРВИ и по дороге через деревню Сормула, Пампала по Выборгскому

шоссе до кирки Кивеннапа, от кирки Кивеннапа на северо-восток по шоссе на дер. Липола до границ Парголовского р-на.

в) Восточная граница – от пересечения дороги Кивеннапа – Липола с Парголовским районом до берега Финского залива.

г) Южная граница – от устья реки Сестры на запад по берегу Финского залива до устья реки ИНО-ИОКИ (у ст. ИНО). РАУТОВСКИЙ Р-Н²

а) Западная граница по границе с Каннельярвским районом, от реки ЮСК-ИОКИ (у границы с Карело-Финской ССР) на Юго-восток до кирки Кивеннапа.

б) Северная граница – по границе с Карело-Финской ССР от дер. Илякусса через озеро Юрапян-Ярви через дер. Монгаеми по реке Сальменкайта на восток до озера Вуокси-вирта и далее по Вуоксинской водной системе к Ладожскому озеру до дер. Сатале не включая ее в состав р-на.

в) Восточная граница – от дер. Сатале на юг по берегу Ладожского озера до границ Парголовского р-на.

г) Южная граница – от берега Ладожского озера на запад по границе с Парголовским р-ном до границы с Каннельярвским р-ном к дер. Липола включая ее и далее по северной границе Каннельярвского района через дер. Кауксамо, Кукандия до кирки Кивеннапа.

КОЙВИСТОВСКИЙ Р-Н³

а) Северная граница по границе с Карело-Финской ССР до границы с Каннельярвским р-ном через дер. Терва, Тикала включая их в состав р-на.

б) Восточная граница – западная граница Каннельярвского района.

в) Западная граница – по берегу Финского залива от ст. ИНО на северо-запад до границы с Карело-Финской ССР, включая острова Беерк и Равитсан-саари.

Районы Кар. перешейка по адм. делению состоят:

Наименование районов	Колич. с/советов	Поселковых пунктов	Жилых домов
Каннельярвский	12	50	1910
Койвистовский	6	46	1240
Раутовский ¹	11	83	2500
г. Териоки	–	–	640

Примечание: Из 1240 домов, расположенных на территории Койвистовского р-на – 50% от числа всех домов находится на островах.

Распределение земли по угодьям в районном разрезе происходит следующим порядком:

РАЙОНЫ	Всего	Из них			
		Леса и кустарники	Пашни	Сенокоса	Прочие земли
Раутовский	148000	99036	28900	5064	15000
Каннельярвский	166294	130305	16066	3049	16874
Койвистовский	90450	71530	12343	1295	5288
Итого:	404750	300871	57309	9408	37162

Промышленность районов Кар. перешейка представляет следующую картину:

РАУТОВСКИЙ РАЙОН:

Красочный завод не действующий
2 лесопильных завода действующие

КАННЕЛЬЯРВСКИЙ РАЙОН:

Кирпичный завод – 1 не действующий
Завод сухого торфа – не действующий
Лесопильный завод – действующий

КОЙВИСТОВСКИЙ РАЙОН:

Лесопильный завод – действующий
Рыбконсервный завод – действующий

г. ТЕРИОКИ

Лесопильный завод – не действующий.

Мельниц в 3-х р-нах насчитывается 18 штук, работают 3 штуки, в Раутовском, Каннельярвском и Койвистовском районах.

Имеется хлебозавод в г. Териоки производ. мощность которого достигает до 30 тонн хлеба в сутки.

Пекарни

в Каннельярвском р-не – 4 шт.

в Раутовском р-не – 1 шт.

В г. Териоке есть банно-прачечный электро-комбинат, на котором работает 100 рабочих, мощность 3 тонны белья в сутки за 3 смены, а также имеется баня пропуск. способность 40 чел. в час.

В дер. Райвола Каннел. р-на восстанавливается электростанция на 12 тыс. киловатт, дер. Ликтуна Канн. р-на электростанция не работает.

Санатории имеются в Койвистовском районе дер. Ханима на 500 чел. и дер. Патруна 500 чел. Больница имеется в г. Териоки.

Во всех районах организовано 16 совхозов и запроектировано подсобных хозяйств 55.

Каннельярвский р-н всего 8 совхозов из них 2 овощных, остальные молочно-животноводческие.

Раутовский р-н – 4 овощные.

Койвистовский р-н – 4 овощные и

г. Териоки животновод. и овощной.

Всего в 3-х р-нах насчитывается: лошадей 1372 шт. и коров 1935 шт. из них:

Койвистовский р-н коров 400 шт. лошадей 277 шт.

Каннельярвский р-н -<<- 945 шт. -<<- 598 шт.

Раутовский р-н -<<- 590 шт. -<<- 497 шт.

Имеется всего населения⁵ человек

Койвистовский р-н ⁶ чел.
Каннельярвский р-н	13000 чел.
Раутовский р-н	6000 чел.
г. Териоки	8000 чел.

ЛЕНОБЛВОЕНКОМ – ПОЛКОВНИК⁷:

(ЛЮЛИН)

НАЧАЛЬНИК 5 ЧАСТИ ЛОВК
БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР:
(ТУРИКОВ)

Отп. 2 экз.

16.10.40 г. № 3358

ак.

Таким образом, как видно из данного документа, значительные территории, отошедшие к Ленинградской области в 1940 г., оказались малозаселенными и имели слабое экономическое развитие. Жизнь финских крестьян, оставшихся здесь, претерпевала серьезные изменения – советское руководство включилось в «советизацию» территорий. Однако экономическое восстановление шло довольно вяло: спустя шесть месяцев после окончания войны на значительной территории четырех районов (29 сельских советов, 179 поселковых пунктов) организованы всего 16 совхозов, из девяти заводов четыре по-прежнему не действовали, из 18 мельниц работали только три, из двух электростанций не работала ни одна⁸. Серьезные проблемы были, по-видимому, с медицинским обслуживанием населения – согласно документу на более чем 27 тысяч человек приходилась одна работающая больница (г. Териоки).

¹ Дописано ручкой. 5-й отдел штаба ЛВО – согласно приказу НКО № 0105 от 19 июля 1939 г. – отдел вооружения и снабжения. Должность начальника 5-го отдела штаба ЛВО в то время занимал майор Чурсин.

² Село Рауту – ныне поселок Сосново.

³ Село Койвисто – ныне г. Приморск.

⁴ Отсюда и далее Раутувский район в документе пишется как Раутовский (от названия н. п. Рауту).

⁵ Не заполнено.

⁶ Не заполнено. Однако следует учесть, что население данного района (побережье Финского залива) до Советско-финляндской войны было значительным. Об этом свидетельствуют финские топографические карты выпуска 1940 г., хранящиеся в Российской национальной библиотеке.

⁷ Подпись Леноблвоенкома отсутствует.

⁸ И это несмотря на то, что одной из самых острых проблем Ленинградской области в 1940 г. была нехватка электроэнергии.

ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ ЧЕТВЕРИКОВ

писатель (1896–1981) (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: nestorklio@mail.ru

В автобиографическом романе Б.Д. Четверикова рассказывается о жизненном пути писателя, представляющем собой своеобразный «конспект» истории нашего государства в XX в.
Ключевые слова: Б.Д. Четвериков, Россия в XX в., творческая интеллигенция.

СТЁЖКИ-ДОРОЖКИ (Повесть о человеке XX века)*

МОЯ КРЕСТНАЯ

(продолжение)

Не всегда обстоятельства каких-нибудь событий безукоризненно точно излагаются историками. Чтобы восстановить правильную картину этих дней, я буду следовать рассказу участника событий – Кутякова.

Два момента поставили в особенно выигрышное положение его бригаду. Впрочем, создавать для себя выигрышные положения – в этом и кроется военное искусство.

Во-первых, командиру 1-й бригады 25-й стрелковой дивизии Кутякову удалось нанести удар по тылу казаков и отбросить левый фланг казачьих сил в гористый снежный бездорожный район. А именно эти казачьи части предназначались для защиты Уральска. Маневр бригады был полной неожиданностью для генерала Мартынова. Он настолько растерялся, что в форте Красный оставил обозы, никем и ничем не защищенные, – подходи и бери.

Второе обстоятельство тоже было в пользу Кутякова. Дело в том, что казачьи разъезды перехватили секретный приказ красного командования о наступлении на Уральск 25 января. Перехватив этот приказ, Мартынов разработал соответствующий план действий. Он решил снять из состава войск генерала Акутина три учебных конных полка и перебросить их к вечеру 24 января в район мясного завода «Холодильник», находившегося в семи километрах от Уральска. Эти три полка в соединении с 5-м и 6-м учебными конными полками группы Мартынова должны были составить 25 января ударную группу. Ей поручалось дать красным продвинуться к городу, ударить им в левый фланг, прижать к реке Чаган и уничтожить. Логично? Логично. Квалифицированно? Квалифицированно. Как это всегда бывает в подобных случаях, в кабинете генерала Мартынова план выглядел идеально. Но вот что случилось. Казаки генерала Акутина из-за глубокого снега прибыли с опозданием. Кроме того, Кутяков, вопреки приказу командования, зная, что приказ известен врагу, решил брать Уральск не 25-го к ночи, а 24 января утром.

В шесть часов тридцать минут, когда еще не рассветало, красные двинулись. Действовали напористо и согласованно – и Пугачевский полк здоровяка Рязанцева, и Разинский полк хладнокровного Аксенова, и все участники наступления: полки Плясункова, Михайлова, Петровского... Был на высоте положения и артиллерийский дивизион Сорокина. В цепи в качестве рядовых бойцов шли с винтовками в руках начальники 25-й дивизии породистый статный Восканов, комиссар бригады бывалый вояка Горбачев и горячий – забубенная головушка – Плясунков. Их примеру последовал весь комсостав. С точки зрения военного устава это было бессмысленным удалством, но в те годы и в той особой обстановке жест всего комсостава обеспечил общий подъем и содействовал успеху. Представьте картину: в предрассветной морозной мгле прямоком по сугробам, рассыпавшись в цепь, молча шагали суровые бойцы и командиры, готовые в одном строю или победить, или умереть.

Около девяти часов утра Пугачевский полк захватил первую линию казачьих окопов. Около десяти утра была занята железнодорожная станция. Воспользовавшись сумятицей, 25-й кавалерийский полк Сурова ворвался в город. Около двенадцати часов дня два батальона Пугачевского полка тоже были на городских улицах, а к четырнадцати часам весь Уральск оказался в руках красных.

Растерянность казацкого командования беспредельна. Нет слов, красивым был жест генерала Мартынова: лично, как рядовому казаку, участвовать в бою на улицах Уральска и здесь погибнуть. Но что оставалось ему делать? Увидев, что город взят красными, он должен был или застрелиться, или погибнуть в уличных боях – выбора у него не было. При отступлении уральское командование так было ошеломлено, что не приняло никаких мер по эвакуации. В Илецком городке и в Яманском было оставлено 50 тысяч снарядов, а из Уральска одновременно не вывезено и досталось красным 800 тысяч пудов хлеба и 50 тысяч пудов мяса. Тут и Александре Алексеевне малая толика перепала, когда занявшие город красные полки вспомнили, что население города давно уже голодает и неплохо бы выдать ему хотя бы по краюхе хлеба. Ведь люди. Тут и Александра Алексеевна унесла домой буханку – еще теплую, так что всю дорогу грела об нее руки.

Не трудно представить, какой грохот и рев доносились до Александры Алексеевны в эти дни и ночи, как она дрожала, забравшись в кухню в запечье – самое, как ей представлялось, безопасное место. Она не учитывала, что снаряд мог угодить в дом и тогда вообще не было бы спасенья. Однако все обошлось. Ни один снаряд не ударил в дом Александры Алексеевны. Даже стекла в окнах остались целы. А к вечеру все затихло. Утомленные красные бойцы, захватив город, улеглись спать.

Но Александре Алексеевне рано было успокаиваться. Прошло двое суток, казаки оправались от испуга, перестроили ряды и в свою очередь глухой ночью ворвались в город. Заспанные красноармейцы выскакивали в одном белье на морозную улицу, а здесь встречали их карабины и шашки казаков.

Священники, псаломщики, дьяконы – вся церковная братия – забрались на колокольни и ударили в набат. Этот оглушающий, тревожный, отчаянный звон создавал дикую, ни с чем не сравнимую обстановку. Трезвон, мрак, полыхание первых пожаров... И смерть, смерть, трупы повсеместно... И захлебывающийся лай пулеметов... И вопли... И ошалелое «ура»... Звонари притащили на колокольни пулеметы и тоже строчили по красным бойцам, метавшимся по дворам и улицам... Началось самое опасное, что может случиться в армии: паника, ужас. Казаки воспользовались этим и косили красных бойцов сколько хватало сил и патронов, только полная темнота спасала от прицельного огня.

Бой продолжался до утра. Казаки стреляли из окон, носились на конях по улицам, гикали, свистели, орали. Красные бойцы постепенно сосредоточивались в районе вокзала. Здесь командирам удалось привести людей в чувство и наладить относительный порядок. Первые толпы убежавших были целиком сметены выстрелами каза-

* Продолжение. Начало в «Клио» № 7 (58). 2011. Комментарии А.Г. Разумовской.

ков и бивших из пулеметов с колоколен священников. Но некоторые районы города оказались в стороне от всей этой заварухи. Отдыхающие там красноармейцы Разинского полка, услышав пальбу, построились и уже более спокойно и продуманно включились в эту уличную схватку. Помогло еще и то обстоятельство, что казаки, ворвавшись в город и считая, что дело сделано, занялись грабежом и в драку хватили что попадет – сначала в обозах красных, а затем и в брошенных хозяевами богатых домах, где было чем поживиться и где казаки в первую очередь добрались до погребов с бутылками водки, с запасами заграничных вин и шустовских коньяков.

И вот уже картина стала меняться. Отвоеван красными завод «Холодильник», захвачен женский монастырь. Теперь уже казаки сотни попадают под губительный огонь, тем более что на вооружении у Кутякова пулеметов вдвое больше, чем у казачьего войска. Красноармейцы не умели воевать в темноте. Когда рассвело, пугачевцы и разницы, Саратовский полк и Домашкинский – двинулись густой цепью, прочесывая улицы. Казаки засели в домах и отстреливались из окон. Цепь красноармейцев, не задерживаясь, двигалась дальше. Возле каждого дома, откуда стреляли, оставалось для ликвидации стрелявших по несколько человек. Они бросали в окна гранаты. Если это не помогало, поджигали дом. Тут уж казаки выскакивали из пламени и либо сдавались в плен, либо получали пулю. Офицеры приставляли себе к виску револьверы и нажимали на спусковой крючок, не надеясь на пощаду.

Наведя порядок с казаками, красноармейцы занялись священниками, стрелявшими из пулеметов с церковных колоколен, и этот неистовый звон, этот оглушительный набат был их своеобразным последним богослужением, на чем и заканчивалось их присноблаженное пребывание на земле. Рядом с ними рухнули бездыханными на окровавленный снег церковные старосты и чересчур усердные прихожане, домохозяева, которые слишком рано праздновали победу.

Но ведь Александра Алексеевна, помилуй Бог, не лезла на колокольню, не стреляла из окон? Она сидела за печкой, часто-часто крестила лоб и дрожала мелкой дрожью, только и всего. И никто ее не тронул. Вообще Царицынская улица как бы не шла в счет. Схваток здесь не происходило, грабить было нечего, никто не пробегал, никто не стрелял, а также никто не выглядывал в окна хотя бы из любопытства. Что с нее взять, с захудалой Царицынской улицы?

Кстати. Крестная мне об этом ни слова, но по каким-то намекам я понял, что поп Вениамин, который на моих крестинах отплясывал камаринского, не утерпел, он и должен был по складу своей буйной природы во всем участвовать. Ну никак не мог он остаться во время такой потасовки в стороне. Мне что-то сдается – наверняка он сидел на колокольне и бил набат в самый большой колокол, пока рука не онемела, а затем строчил из пулемета – тоже до тех пор, пока пулеметная лента не кончилась. И, конечно, был пойман и получен от красноармейцев сполна. Во всяком случае больше о нем ничего никогда не было слышно. Из документа о венчании шестнадцатилетней Саши Четвериковой с двадцатидевятилетним Григорием Сергеевичем Крыловым я узнал фамилию этого попа: его звали Вениамин Голованичев.

Только вы не подумайте, что с перечисленными мною происшествиями закончились все тревожения и слезы Александры Алексеевны. Не успели разместиться в Уральске красные, как город вновь был осажден казаками. Теперь решал все дело Плясунков, ведь он был комендантом осажденного города. Удивительный человек! Вот уж поистине порождение тех смятенных дней!

В стране шло одно громадное сражение. В каждом закоулке, в каждом селе и городишке обнаруживались свои Чапаевы и Плясунковы на одной стороне и свои Мартыновы, Дутовы, бабки Махно на другой. Все они на скорую руку сколачивали отряды, а не то и целые армии. И сражались. Дралась до умопомрачения. Зверели и сатанели. Убит генерал Мартынов – тут же вынырнул из недр каза-

чества Анненков¹, возглавили казаки сотни генералы Толстов² и Савельев. В Сибири, на Урале, на Украине – всюду всплывали на поверхность, как мыльные пузыри, дотле неведомые атаманы: там Петлюра и Тютюнник, здесь Антонов и Матюхин... И к услугам каждого неизменно оказывались доллары и иностранные пулеметы. В одной только Сибири было 400 тысяч иностранных и более 700 тысяч белогвардейских солдат и офицеров. Сколько же всего было армий и банд, созданных для сокрушения советской власти? Руководили борьбой с интервентами большевики. А били врагов Плясунковы и Чапаевы, Вострещевы и Котовские – выходцы из народа.

Плясунков – очень колоритная фигура тех лет. Забияка. Сорвиголова. Ходил в высокой, заломленной набекрень папахе. То и дело хватался за рукоять болтающейся сбоку шашки. Был горяч, нетерпелив и храбр до безумия. Когда брали Уральск, Плясунков и комиссар Горбачев с кучкой ординарцев, шашки наголо, бросились вперед, рубя пехоту противника, проскочили через первую линию окопов, занятых казаками. Здесь они увидели батареи противника, орудия которых частично уже снялись и отходили за вторую линию окопов. Плясунков и Горбачев стремительно подскакали к одному замешкавшемуся орудью, порубили прислугу и сами открыли огонь из вражеского орудия по казачьим окопам. Это и был «стиль» Плясункова. С только что назначенным на пост командующего 4-й армией Михаилом Васильевичем Фрунзе Плясунков выкинул фортель, показывая, что знает его не знает и подчиняться не желает: вот, дескать, они тут кровь проливают, а невесть откуда взявшиеся личности начинают распорядиться и учить. Но такова оказалась сила интеллекта Фрунзе, что он не только укротил буяна и изжил конфликт, но и завоевал сердце Плясункова. Вот его-то, этого самого Плясункова, и назначили комендантом Уральска.

Вряд ли знала обо всем этом Александра Алексеевна. Она только радовалась, когда в городе выпекали хлеб для населения, и горевала, когда хлеб не выпекали и приходилось перебиваться на одной картошке. Надо сказать, что картошка и вошла были главными продуктами в годы Гражданской войны, а подчас и их не бывало.

Тут как раз начались особенно трудные деньки для Уральска. Казаки войска обложили город со всех сторон. Но, окружив город, казаки никак не могли сломить упорства Плясункова. Осада длилась 50 дней. Фрунзе не мог оказать помощь, так как занят был операцией по разгрому колчаковской армии, подошедшей вплотную к Самаре. Некоторые тайные недоброжелатели советовали отдать Самару и отойти за Волгу. Вместо этого Фрунзе собрал достаточно сильную армию, ударил во фланг колчаковских войск и погнал их на восток. Наступил перелом. Пробовали колчаковцы удержаться и в Уфе, даже устроили «психическую атаку», не учтя, что у таких людей, как Фрунзе, как Чапаев, психика не подкачает. Как только Уфа была освобождена, Фрунзе поспешил на помощь Уральску. Одиннадцатого июля Чапаев вступил в Уральск и по-братски обнял Плясункова.

Однако бои еще не кончились. Нужно было очищать от врага все Арало-Каспийское пространство. Чем дальше, тем ожесточеннее становилась борьба. С некоторых пор красноармейцы в плен не сдавались: насмотрелись, что казаки делают с пленными. И сами стали пленными казаков отправлять в штаб; тогда как раньше разоружали и отпускали по домам. А «отпущенные при первой возможности снова брались за оружие и поднимали в тылу восстания. Ведь только эта неосторожность командования 4-й армии и позволила генералу Толстову блокировать Уральск и продлить еще на год Гражданскую войну в этом степном районе.

В истории гражданской войны в России в восемнадцатом, девятнадцатом и двадцатом годах много потрясающих моментов, трагических столкновений, много поучительного, много такого, что надо еще изучать и изучать. Вглядываясь в события этого переходного времени, изумляешься бесстрашию, презрению к смерти красных воинов. Идти в атаку во весь рост, с пением «Интернациона-

ла»! Малыми силами, какой-нибудь отчаянной ротой бросаться на ощеренного оружием противника! Невероятно! Эти героические в обыденном и обыденные в героическом люди готовы были сражаться до конца, схватившись – с кем? – с возвращенными для войны матерыми генералами. Они свято верили, что идут в бой за правое дело. Но весь ужас в том, что и те, что были в противоположном, так сказать, лагере, тоже считали, что стоят за правое дело, тоже умирали, уверенные в своей правоте... Они шли « за веру, царя и отечество» и тоже бились до последнего...

Страшное дело – войны. Но не самое ли страшное – Гражданская война? Взглянем на это простыми человеческими глазами. Недавно я был в одном семейном доме. Смотрели телевизионную передачу на тему о Гражданской войне. И вдруг я услышал не возглас, а горький вздох хозяйки этого дома, простой и хорошей женщины:

– Господи, ну просто невозможно смотреть! На той стороне русские, на этой стороне русские... И рубят, рубят друг друга, стреляют, колют штыком...

Заметила, что я прислушался к ее вздоху, и поспешно добавила, как бы защищаясь:

– Только, пожалуйста, не объясняйте мне, что борются старое и новое, что идет классовая борьба и все прочее. Я все это знаю, и в школе проходила, и читала достаточно... Но страшно-то как! И жалко до ужаса...

Я понимаю эту славную женщину. Я мог бы ей много сказать. Она права: гражданская война – это страшное, кровавое действие. И несмотря на то, что сражались два лагеря противоположных убеждений, но сколько было вовлечено в этот водоворот людей случайных, а также людей, ни в чем не разобравшихся, или принужденных быть в войсках, или мобилизованных... Ведь мобилизованных было немало и в войсках Деникина, и в дивизиях Колчака. И скольким парням и мужикам морочили голову разные атаманы, всевозможные Махно и Петлюры³¹! Да ведь и уральские казаки, когда явно начали брать верх красные, стали выражать симпатии красноармейцам и даже переходить на их сторону. А что сказать об интеллигенции, метавшейся в этом взорванном мире и зачастую судившей и рядившей невпопад?..

Жаркая схватка с уральским казачеством была одной из страниц грандиозного сражения, разгоревшегося на всем протяжении нашей страны. Здесь красноармейцы столкнулись с совершенно особенной породой людей – людей, живших не одно столетие отстраненно, замкнуто, чуть не с младенчества воспитываясь в одном направлении: владеть оружием, в совершенстве научиться верховой езде и быть воинской частью, готовой в любую минуту начать военные действия. Мы знаем, что казаков постепенно лишили всех «вольностей», всех прав и привилегий и старательно приспосабливали их для несения чуть ли не полицейской службы: усмирять толпу, разгонять манифестантов, стегать нагайками бастующих. Но свой норов казачество сохранило. Вольница была у них в крови, и воинственность они не утратили. Сражаться с ними было не просто.

Другое дело, что, если взглянуть в историческом аспекте, казачье войско и вообще кавалерия шли к своему концу. Мотор победно шествовал по земле. Совершенствовались способы убивать, менялись методы военных действий. Соха, телега, лукошко сеятеля, а с ними и конница, и рубка саблями, и султаны, развевающиеся на кивере, и галуны – все это становилось устаревшим. А устаревшие режимы, отжившие формы власти и управления, даже отжившие методы промышленности, сельского хозяйства, строительства, – все отжившее и устаревшее не хочет уходить, не желает уступать места Новому. И чтобы свергнуть устаревших царьков, существующих под разными названиями, нужна борьба. Мне нравится, как говорил Белинский: без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действия нет жизни.

Да-а... Страшное дело – войны. Но есть еще одно – страшнее страшного: положение населения во время войны – женщин, детей, стариков, больных, прикованных к постели, и это среди пожаров, битв, беспощадного огня,

разящего правых и виноватых. Пятьдесят дней осады Уральска, к примеру, – это и для жителей тяжелое испытание. Взять хотя бы мою крестную Александру Алексеевну. Обыкновенная женщина, попавшая в водоворот событий, не ею вызванных, не ею созданных. Это уж так водится: человека, не причастного к спору, толкают и в тот бок, и в этот. Самые что ни на есть беспартийные получают зуботычины от каждого, кто противоборствует. Во время землетрясения не оказывается предпочтения рыжим перед блондинами, старым перед молодыми, – гибнут под развалинами одинаково и умные, и дураки, и честные, и жулябия. Александра Алексеевна – это живое свидетельство, что при смене эпох гром грохочет и над хижинами, и над дворцами.

Выдержала Александра Алексеевна и эту муку, эти пятьдесят дней. Страшно было и одиноко. Жизнь пошла и искривилась, и вкось. Вся ее семья перемерла, мужа убили. И Александра Алексеевна придумала спасенье: вышла замуж за товарища мужа, тоже учителя, уже пожилого человека по фамилии Портнов. По происхождению он был казак, естественно, его мобилизовали – ещё тогда, когда генерал Мартынов заправлял делами. Кончились сражения, сгинуло уральское войско. Савелий Васильевич Портнов уцелел, вернулся домой, но потерял за эти горячие денечки жену и старшую дочь. Теперь он женился на Александре Алексеевне и с младшей дочерью поселился на Царицынской улице. Стал хозяином. В памятном 1937 году, в ночь на 17 декабря пришли вооруженные люди. Тогда были повальные аресты в Уральске, как и везде в России. Пришли, походили, заглядывая во все углы, а затем забрали Портнова и ушли. Александре Алексеевне к этому времени было за пятьдесят, Портнову – за семьдесят. Но эти, что пришли ночью, в паспорт не смотрели и много не разговаривали. Увели – и с концом. Портнов и без того еле ноги волочил, а там, куда его увели, и вовсе сошел в могилу.

Оставил Портнов Александре Алексеевне свою дочь от первой жены. Эта дочь – Ольга Савельевна – вышла замуж и тоже родила дочь. Девочка подросла. И тогда встал вопрос, как им всем разместиться на « жилплощади», как это стало именоваться, то есть в двух горницах и кухне. В самой солнечной и просторной горнице поместили самую младшую из всех – Галю: ей ведь замуж выходить. Вторую комнату заняли супруги – где-то им надо жить? А Александре Алексеевне, владелице дома, ровным счетом ничего не осталось. Даже в кухне ее негде было приткнуться: тут кастрюли, тут сковородки, тут ухват... И вдруг вспомнили: есть отличное место для Александры Алексеевны – в запечье! В том самом запечье, куда она пряталась, когда в городе слишком уж поднималась палба. Превосходное место!

Был сколочен из досок узкий-узкий топчан. А куда ей шире? Не купчиха! Нашлась и подстилка. Втиснули даже этажерку – что хочешь, то на нее и ставь. Да и ставить нечего. А уж насчет тепла – хватает. Тепло и не дует – плохо ли? Из вещей Александры Алексеевны только богов в свой закуток забрала. Икону Божьей Матери – благословение тетки Варвары, когда Саша замуж за Крылова выходила. Старую икону Николы-Чудотворца – это еще из дедовского дома, из Верхне-Ломова. И тяжелый медный крест-распятие, который мать, умирая, оставила, с такими на нем словами, высеченными на обороте: «Крест хранитель всей Вселенной, крест красота церковная, крест царям держава, крест верным утверждение, крест ангелам слава, крест бесам язва».

Кроме богов у Александры Алексеевны была та самая картонная коробка из-под обуви, которая в 1967 году досталась мне: с документами, письмами и фотографиями. Все это Александра Алексеевна перебирала, укладываясь спать в своем запечье. Перечитывала письма, уходя в мечтах и воспоминаниях в незабвенное прошлое. Раскладывала вечером фотографии, всматриваясь в дорогие лица. Нет, она не роптала на судьбу. Считала, что ей еще повезло. Иным старухам выпадает куда более горшая доля: их и корят, что зажились, и попрекают каждым куском, а то и вовсе не кор-

мят, или еще того хуже – норовят сбурить куда-нибудь с глаз долой, в дом хроников, в старческое общежитие. А она что! Она даже хозяйство вела, стирала, посуду мыла, на стол накрывала. Совсем как человек. И молоко наливала в кастрюлю и ставила на подоконник, где холодней – совсем как на ферме, когда они с учителем Крыловым ходили на скотный двор за парным молоком...

Я так отчетливо представляю мою крестную! Есть от чего человеку растеряться. Одного мужа убили. Другого отняли. В своем собственном доме загнали в запечье, как таракана, причем приговаривали: «Мама! Дорогая мама!» Не то чтобы выгнали взащей, нет – по-хорошему, по-свойски: «Тебе тут будет отличненько! Не шумно, в сторонке, и мы тебе не помешаем».

Вошло в обычай высмеивать крестную:

– Ох и размазня! Ох и недотёпа!

– Мама, долго ты будешь копать? Накрывай же обед!

– Ох уж, мама, ты и пироги-то печь разучилась...

– Опять ты чашку разбила, мама? Скоро всю посуду перебьешь этак-то...

А хотя бы и так? Ведь посуда не чья-нибудь, а ее. Но ведь не били же?

И всё-таки такой «мамой» жить было не сладко. Ведь у крестной уже и нет ничегошеньки. Никто и не вспоминает, что это ее дом, ее столы-стулья, ее чашки-плошки. Все отдала, что имела. Даже шубу. И ведь правильное решение, если здраво рассуждать: на что ей шуба, все равно никуда не ходит. А что кухарничает и посуду моет, так ведь и все заняты, не одна она: кто дрова коллет, кто воду таскает в ведрах – должна и «мама» вносить свой вклад. Конечно, никто не спорит: 88 лет, не девчонка. Но и даром никто кормить не будет, пусть тебе хоть все двести лет.

Спасалась крестная в сновидениях. Сама мне рассказывала, что каждую ночь живет в Верхнем Ломове, под Пензой, в доме деда Никанора Васильевича Четверикова. И деда давно нет. И дома давно нет. А крестная каждую ночь ходит по тому дому и смотрит из несуществующего окна на широкие дали, на обрыв и протекающую под обрывом речку Ломовку да на людную слободку, что как раз напротив, на том берегу... Мама сидит рядом, что-то шьет... Дедушка улыбается и ерошит русую головку Саши с мягкими-мягкими волосенками, говорит какие-то добрые слова... А она качается в кресле-качалке, и так ей удобно, так тепло...

Проснется – и сновиденья исчезают. И сразу страхи начинают одолевать: и что суп пересолит и все будут сердиться, и что печь надо бы топить экономней, всё ей выговаривают, что много дров палит... Сегодня опять много дров сожгла, значит, будет нагоняй... А ведь не протопить как следует – и каша не допреет, и котлеты не удадутся... Вот и думай-соображай, как тут быть.

Когда Александра Алексеевна нашла меня – именно нашла ровно через 50 лет после моей поездки к ней с Шурой Александровной в 1917 году – и когда мы с ней стали переписываться, она писала мне:

«Почему ты меня крестной величаешь? Ведь это все в область преданий отошло, а ты вздумал старину ворошить. Ведь ты сам не веришь ни в крестных, ни в крестников, ни в кумовьев. Я просто твоя сестра Саша. Ведь сестры-то, кажется, пока не отменяются? А впрочем, как хочешь, так и называй, как тебе больше нравится».

И тут я понял, что моя крестная на всю жизнь смертельно напугана. Она совершенно в толк не берет, что теперь преследуется, а что поощряется, за что в тюрьмы сажают, а на что смотрят сквозь пальцы, за что карают-расстреливают, а за что награды дают. Сама она прожила – пальцем никого не тронула. Обреталась в кругу семейных забот, и этого ей хватало. Обращались к ней за помощью – старалась помочь. Приходил кто голодный – старалась накормить. Но и это делала без моральных соображений, просто по доброте. Мало радости выпало ей в жизни, но ей некогда было роптать – все хлопотала о ком-то, заботилась о ком-то. Мне представляется, что такими были первые христиане, которыми властители для развлечения публики кормили хищных зверей. Сам я другого

склада, меня не больно-то съешь, я брыкаюсь, борюсь, что-то делаю, чего-то выдумываю, откуда только силы берутся. И мне особенно удивительны такие люди, как моя крестная, со своим смирением: ведь должен же человек чем-то отличаться от овцы.

Лозунги, митинги, классовый подход, кастовый подход, кассовый подход, «Вставай, проклятьем заклейменный», сброшенные с церковью колокола, аресты, фронты, залпы орудий, отсутствие продуктов – все это обрушилось на бедную головку моей крестной, вдовы двух учителей, матери посторонней женщины, невладелицы своего дома, запечной обитательницы, – и все это вызвало в ней полный переполох. В основном, ничего не поняла. Поняла только, что в этой свалке никто и ничто тебя не защитит. Могут прийти с оружием и схватить семидесятилетнего старика, который и ходить-то способен лишь опираясь на палку, и куда-то увезти его. Люди объясняли – «без права переписки», а он и очки дома забыл, без очков у него переписки все равно бы не получилось. Слышала крестная, что верующие сейчас не в почете. А этот писатель того гляди подведет: крестной называет. Между тем у нее самой вдруг завелся грешок: с некоторых пор стала верующей, вероятно, чтобы не так страшно было умирать. Веровала она втихомолку, никому хлопот не причиняя. Уйдет к себе в запечье, проверит, хорошо ли занавеска задернута (занавеску ей приспособили), – возьмет да и перекрестится. В этом и вся ее вера умещалась. Значит, когда крестная написала мне, что, дескать, зачем я ее крестной величаю, она со стариковской хитринкой выпытывала: чего это я? Как сам-то? Каких настроений? Что признаю? Чего не признаю?

Когда я понял это, жалко мне стало мою крестную до безумия. Надо же так зацукать человека! Нет, я, конечно, много склада человек. До того посмотрел на поленицы трупов, на сypняк, на расстрелянных, на пайку блокадную, на пайку тюремную, на горе горькое гореванное, столько испытал сам, что вообще разучился бояться. Это я без хвастовства. Просто не хватило запасов страха. Бывало, во время блокады Ленинграда сытые, откормленные гитлеровские солдаты сидели на Дудергофских высотах, прицеливались в меня и стреляли из пушек. А я и не прятался. Спокойно ходил по улицам во время ли артиллерийского обстрела или в часы воздушного налета, ни разу не уходил в бомбоубежище. Если пил чай, то и продолжал пить чай, как ни сотрясались дома от фугасных разрывов. Я ложился спать, меня будили, возмущаясь, что как я могу спать, когда такой грохот и даже стены качаются. Я сердито отвечал, что от того, что я встану, стены не перестанут качаться, и снова засыпал. Я не рисуюсь, не хвастаю, меня даже пугает и огорчает такое возникшее во мне равнодушие, я считаю просто ненормальным – не бояться, атрофия страха – это болезнь. Но так было. Сейчас это даже как-то странно рассказывать, но рассказать надо. Когда я шагал по улицам Ленинграда во время налета гитлеровской авиации и шла яростная пальба из зениток, осколки снарядов падали на мостовую, выбивая искры, – я не обращал на них внимания. «Ведь это НАШИ снаряды, значит, мне нечего их опасаться», – так рассуждал я. И это свидетельствует, что в моей психике действительно были какие-то сдвиги. Или закрылся во мне какой-то клапан, заведующий ужасом. А впрочем... почему я знаю? – может быть, такого клапана и нет совсем?

Уроженец Уральска, связанный какими-то корнями по материнской линии с уральским казачеством, я не мог не рассказать о последних судорогах, об упрямом сопротивлении этого давнего, почти что сказочного сословия и об уходе его со сцены, об исчезновении на вечные времена уральских казаков, яицких лихих рубак, неразлучных с конем, разудалой песней и вольным ветром.

Я знал Уральск в младенческие годы. И знал больше не самый Уральск, а сельскохозяйственную ферму под Уральском. И даже не столько ферму, сколько степь, которую впитал в себя и полюбил всеми порами моего существа, всеми силами сердца, всеми клеточками мозга.

Ферма! Я люблю эту сельскохозяйственную степную ферму. Какое мне дело, что фермы и в помине нет. Все равно я ее очень люблю. В одной давно изданной чисто военной книге, правдивой и толковой, я нашел упоминание этой фермы, где отгуляли свадьбу мои родители, где я впервые увидел мир Божий своими широко распахнутыми глазами. В книге идет речь о войне, о том, как 26 января 1919 года в Уральск, только что занятый красными, глухой ночью ворвались казаки:

«При такой панике, – повествуется в книге, – первые волны бойцов Балашовского и Пензенского полков были сметены огнем, который открыли в дымке рассвета 1-й, 2-й и 3-й учебные казачьи полки в районе женского монастыря И В ОСОБЕННОСТИ ВБЛИЗИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ФЕРМЫ!» (выделено мной. – Б. Ч.).

Моей фермы! Понимаете? Той самой! Я обомлел, когда прочитал в книге эти строки!

Ну, вообще-то я понимаю: сражались, вели бои. Но зачем им понадобилась моя ферма? Это повергло меня в смятение. Вот квартира, где жили папа и мама и где вскоре появился «золотой мальчик», «не ребенок, а подарок матери», короче говоря – я. И что же? Теперь хозяйничал здесь штаб 1-го учебного казачьего полка. В комнате стоял смрадный дым махорки, по половицам, еще помнящим мои разбросанные игрушки, казаки насорили, набросали окурков, нахаркали, натащили грязи. А вот тут помещалась наша спальня. Здесь стояла и моя детская коляска. А так как я верю, что все бессмертно и ничто не умирает, то я несколько не сомневаюсь: тень, отпечаток былого – как угодно назовите, но что-то сохраняется, живет. И потому стоит прислушаться в этой комнате – и можно услышать голос моей матери, когда она укладывала меня спать:

Пойди, Бука, на сарай,
Коням сена надавай,
Кони сена не едят,
Всё на Бореньку глядят...

Теперь, ночью 26 января 1919 года, здесь раздавалась команда, гремели шпоры, поблескивали рукояти сабель. Под окнами нашей квартиры стояла теперь батарея. Пушки непрерывно ухали, посылая в темноту снаряд за снарядом. Там, где в солнечный день мама укладывала меня в степи, стараясь, чтобы солнце не падало мне в глаза, – теперь с гиканьем мчались казачьи сотни, мелкая красными верхушками папах. И все это стреляло, стреляло в том направлении, где жила моя крестная. И только случай помог, что ни разу не попали.

Странно. Ведь не могу же я помнить ферму? Чепуха какая! Мне тогда не было и двух лет. Но я помню. Я решительным образом заявляю, что помню. Нутром. Да и как же я могу не помнить, когда я и замешан-то на полынных дрожжах этой фермы, когда я вскормлен фермерской кашей, вспоен фермерским молоком! Медный кувшин может не помнить медные копии. Но кувшин-то медный?

Когда-то здесь, на ферме, мой отец обучал казацкую молодежь сажать яблоны. Может быть, именно эта казачья молодежь и скакала на конях 26 января 1919 года? Может быть, она и входила в состав 1-го учебного казачьего полка, штаб которого разместился в нашей квартире?

Кстати, прикинем: когда это было? Вчера? Или тысячу лет назад?

И я начинаю зримо ощущать бег времени. Земля – это площадка, на которой каждая смена располагается, как ей удобней. Мамонты жили по-своему, ящеры – на свой лад. Каждый новые хозяева что-то перелаживают, что-то пускают на слом. На пустырях, прилагая адский труд, рассаживают деревья и сердятся, если деревья не приживаются. Существовавшие до их прихода рощи и сады вырубают: они стоят им поперек дороги, мешают их замыслам, черт бы их совсем побрал.

И еще я заметил: сеялки и ткацкие станки легче подвскажутся усовершенствованию, чем человек.

Когда я думаю об Уральской сельскохозяйственной ферме, какой она была в 1896 году, я до мельчайших подробностей представляю... Вот идет крестная Саша. Ей шестнадцать лет. Она несет на руках меня, и я чувствую,

что держит она меня легко, надежно и прочно. За нею вышагивает влюбленный в нее учитель фермерской школы Григорий Сергеевич Крылов. Он несет кастрюлю с парным (!) молоком. Он страшно польщен, что ему доверили такое ответственное дело. Они идут медленно. Вокруг них дышит покоем широкая степь. Они идут, счастливые тем, что они есть, что так привольно дышится воздухом, наполненным запахом трав и полыни. Григорий Сергеевич сосредоточенно наблюдает, как пружинят ноги его юной спутницы. Она счастлива. Он счастлив. И этого им вполне достаточно. Зачем загадывать наперед, что будет с ними через столько-то лет, когда Григория Сергеевича настигнут в степи басмачи? Он счастлив. Она счастлива. Но самый счастливый из них все-таки я...

В мои виденья врезается другая картина. В нашей квартире разместился штаб 1-го учебного казачьего полка. Ночь. Предрассветная мгла. Буран в степи. Выстрелы. Трупы. Скает казачья сотня. Мне хочется крикнуть: «Осторожнее!!! Вы наедете на Григория Сергеевича и он расплещет молоко!»

...А степь – степь полыхает, как солнце, переливается, как на празднике, всеми цветами радуги, ликует, торжествует, – тучная, плодородная, засеянная новыми сортами пшеницы. Степь бессмертна. Достаточно подебосирила, вдосталь напилась кровушки. Сыта-сытёхонька пролитыми здесь разлучными слезами.

Благословляю тебя на добрые дела, степь!

Вовек бы не знать тебе войн и не слышать пулеметной очереди!

Сияй! Живи! Сверкай, моя родная!

Наливайтесь соками, клонитесь долу тяжелыми спелыми колосьями, богатые пашни!

Вы, кому сегодня исполнилось семнадцать! Празднуйте первую годовщину вступления во взрослые!

Вы, кому исполнилось двадцать! Прославьте Великую Родину удивительными делами!

Вы, кому исполнилось пятьдесят! И не помышляйте о завалинке! В полном расцвете сил множьте наши богатства и радости!

И как это хорошо, если молодая мать, склоняясь над колыбелью, тихо-тихо, нежно-нежно и задушевно споет старинную казацкую песню про шумные походы, про горячего коня-скакуна, про казацкое раздолье. Откуда ей запомнилась эта песня? Не столетняя ли бабушка нашептала? Или вольный ветер напел? «Засвистали казаченьки в поход с полуночи, заплакала Марусенька свои ясны очи»...

Будет еще много всякого. Будут и походы, и разлуки, будут и радостные слезы, и горькие улыбки. Жизнь не останавливается. Жизнь течет, плещется, как волны Урала, как сверкающий искрометный Чаган.

Но я все никак не могу добраться до главного: рассказать, как крестная нашла меня. Именно нашла. Ровно через 50 лет. Представляю, какое это было для нее потрясение. Вот, например, существует легенда о богоявлении: явился верующим Иисус Христос, Бог явился. Ничего тут нет особенного. Что стоит Богу явиться? Ведь он всемогущ, взял да явился, с него и спросу нет. А со мной дело куда сложнее.

Город Уральск далеко. То ли в сотне библиотек города не оказалось ни одной моей книги, то ли книги мои были, да не попали в руки крестной, так или иначе, а не видела она моих книг, даже слыхом о них не слыхала. Да и вообще не думала, что ее крестник заделался писателем, ей и в голову это не приходило. Ведь она давным-давно потеряла меня из виду и ничего обо мне не знала. И вдруг... На самом деле вдруг, «вдругее» ничего не может быть: вдруг приходит племянница, тоже, как крестная, немощная старушенция, – существует возраст, когда уже не имеет значения, кто старше на десять-двадцать лет, кто моложе. Словом, приходит одна из тех смешливых востроглазых девиц, которые водили меня весной 1917 года по Уральску и показывали достопримечательности города. Тогда им было лет по семнадцати, а сейчас, в 1966 году, стало значительно больше. Так вот. Приходит Шура, воспетая мною

в давние времена в плохих, но веселых стихах, и приносит книгу...

Мою книгу! Мною написанную!

Причем разрешите дать справку: первая моя книга – сборник рассказов под названием «Сытая земля» – была издана в Ленинграде в 1924 году, в 1925 году вышло в свет четыре моих книги, в 1926 году – семь книг, в 1927 году – пять, и так далее и так далее. И ни одна из них не дошла до Уральска, не дошла до крестной. Правда, крестной-то в те времена было их не до книг: умирают старики, убит муж, даже коровы не осталось в хозяйстве... Но жизнь продолжается. Крестник ее тем временем живет в Ленинграде, выпускает книгу за книгой, с головой уйдя в литературную работу. В 1945 году происходит остановка в творчестве: репрессирован, на одиннадцать лет выведен из строя. Но выжил. Вернулся. Реабилитирован. И снова садится за письменный стол. Снова издает книгу за книгой. Некоторые выходят сотысячными тиражами. И только в его родной город никак не могут попасть.

Но вот, наконец, тридцать девятая моя книга, изданная в 1964 году, попала-таки в руки крестной. Как это случилось наперекор всему – ума не приложу. Но факт налично: вдруг вот попала. Случайно. Просто так, сдуру. А могла и не попасть. Это были «Повести и рассказы», переиздание моих старых, довоенных произведений.

Крестной оставалось выяснить, тот ли это Борис Четвериков. Мало ли бывает Борисов Четвериковых. Может, псевдоним какой. Или однофамилец. В книге помещен портрет автора. Узнать в солидном дяде того мальчишку, каким она помнила крестника, конечно, трудно. Однако вроде бы что-то похожее есть... Но и это еще не все. В книге напечатана повесть о гимназистах «Синяя говядина»... Прочитав ее, крестная больше не сомневается: это тот, тот самый Борис Четвериков! В семье учителя Чердынцева она сразу всех узнала в описании автора: Дмитрия Никаноровича, Клавдию Витальевну – всю свою родню.

Эта родня давно уже даже никаких предположений не строила. Молчит Саша, молчит Григорий Сергеевич... Но кому же не известно, что в Уральске шли уличные бои, полыхали пожары, город обстреливала артиллерия, город переходил из рук в руки... Да если отбросить и это обстоятельство? В 1896 году Григорию Сергеевичу было 29 лет. Значит, сколько же ему стукнуло, скажем, в тысяча девятьсот сороковым? С грустью и молча всей нашей семьей было решено, что ни крестной с ее супругом, ни «собственного дома» на окраине Уральска, ни всей Царицынской улицы давно уже нет в помине, как и сельскохозяйственной фермы, как и уральского казачества, в 1920 году по специальному декрету прекратившего существование как особое военное сословие. В частности, я, изучив все материалы о Шражданской войне и зная о яростных боях на улицах Уральска, был тем более глубоко убежден, что ни от крестной, ни от ее дома следа не осталось.

Мы были правы. Мало кого осталось в живых даже просто среди знакомых моих родителей по Уральску. Но крестная как раз была жива. И ее одноэтажный домишко уцелел, несмотря ни на что, и по сей день, хоть и обветшал основательно. Почему крестная сама не подавала голоса? Не знаю. Вероятно, тоже считала, что нас всех давно нет на свете. Ведь и в Уфе были жаркие бои, и Уфа полыхала пожарами, и Уфу несколько раз брали то красные, то белые, и раз никто из большого семейства не пишет, значит...

Увидев мою книгу, мой портрет и прочитав повесть «Синяя говядина», крестная как воскресла. Представляете? Жила-была старушка, ей давно перевалило за восемьдесят, она примирилась со своим бесправием, со своим унизительным положением, полной беспомощностью и безграничным одиночеством, – и вдруг оказалось, что она не одна на свете, что жив ее брат и крестник, родная кровь!

Крестная долго добывала мой адрес. Получила. И тут же принялась строчить послание.

Стоял декабрь. Декабрь 1966 года. Денек выдался чисто ленинградский, серенький, но у нас в квартире всегда солнечно, потому что есть Наташа. Она смеется, напева-ет, радуется всему: газетной статье на моральную тему,

горячему чаю, свежему батону, любительской колбасе и новой открытке для своей коллекции. Мы завтракали, оба обнаруживая незаурядный аппетит. В это время пришел Павлик, хорошенький юноша, почтальон нашего 136-го почтового отделения, всегда вежливый, всегда предупредительный и аккуратный. Это один из наших многочисленных подопечных, живет он со своей мамой неподалеку, на нашей же улице. Мы жалеем их и помогаем, чем можем. Его мама вернулась с фронта инвалидом, вот уже много лет прикована к постели, как говорят в таких случаях. Сын усаживает ее утром перед столиком, ставит перед ней еду, пододвигает книгу, взятую из библиотеки, и телефонный аппарат. И уходит на работу.

Итак, пришел Павлик, вручил нам заказное письмо, справился о нашем здоровье, и мы, угостив его конфетами и наскоро собрав сверток с гостинцами посущественней для его мамы, заперли за ним дверь и вернулись к завтраку.

– От кого бы это могло быть? – вертела во все стороны письмо Наташа. – По штемпелю ничего не разберешь...

– А ты не гадай, – посоветовал я. – Вскрывай конверт да читай – вот и узнаем, от кого.

Мы принялись за чтение, в результате чего остудили чай, так что пришлось потом наливать новый. Чем дальше мы читали письмо (вернее, читала вслух Наташа, так у нас заведено), тем больше удивлялись. И было чему: писала моя крестная! Но мы не сразу поняли это. Сначала вообще ничего не поняли:

«Здравствуй, дорогой Боря! Или, может быть, теперь не Боря, а Борис Мытрич? Как прикажете величать Вас?»

Наташа перестала читать и взглянула на меня. У нее был смешной вид – полное недоумение на лице.

– Читать дальше? Или сам? Кто это, Боря?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Загляни в конец, какая подпись?

– «Саша». Письмо так кончается: «А пока всего хорошего. Саша».

– Какой Саша?

– Я думала, ты объяснишь. Письмо-то тебе адресовано.

– Понятия не имею. Читай дальше.

«Вот, наверное, удивишься, получив это послание. Ты, наверное, думал, что меня уже давно в живых нет (а может быть, ничего не думал). Вот представь себе, Боренька (пока буду звать так, а дальше видно будет), жива и поздравляет тебя с Новым годом и шлет пожелания еще больших успехов в твоём творчестве, крепкого здоровья и много-много лет жизни (еще столько, сколько ты прожил, – хватит?) – твоя Уральская сестра Саша»...

– Господи! Не может быть! Саша Крылова?! Как же это так? Уж не установилась ли почтовая связь с тем светом!

– Так ведь Саша Крылова – твоя крестная?

– Ну да. Но ведь это значит... Неужели жива?! А мы давно на этом крест поставили. Читай же, пожалуйста. Даже жутко становится.

Дальше Наташа прочла уже до самого конца все большое письмо без остановок:

«Пятьдесят лет мечтала узнать хоть что-нибудь о судьбе дорогой мне семьи, и вот наконец Судьба улыбнулась мне, подслушав мое такое сильное желание, и прислала мне твой адрес. Я уже совсем было перестала мечтать об этом, потому что совершенно не знала, куда обратиться и навести справки. И вот случайно Шурка Крылова, племянница Григория Сергеевича, – может быть, помнишь гимназистку-восьмиклассницу, она приходила, кажется, когда вы с Шурой приезжали ко мне в гости (твоя ровесница, – принесла мне «Литературную Россию» и книжку с твоим портретом, где повесть «Синяя говядина», которая мне очень понравилась. И конечно, я всех сразу узнала и много узнала о хуторе, теперь, наверное, которого не существует, как и нашего сада. И тут я долго тебя разыскивала. Послала письмо в «Литературную Россию» с просьбой прислать твой адрес, и очень долго не было ответа. Мне почему-то вообразилось, что ты живешь в Москве, и я послала письмо в адресный стол, откуда мне ответили, что Борис Дмитриевич Четвериков в Москве и во

всей Московской области не проживает. Тогда я решила послать письмо в Уфимскую газету, где – я узнала из “Литературной России”, из статьи Борзунова “Ясность души”²¹ (хорошая статья) – ты сотрудничаешь и не теряешь связи с Уфой, где живет и работает твоя сестра Вера. К ней обратиться не решилась, потому что не знаю, может, она и не Четверикова теперь. И вот вечером хотела писать туда, а утром встала и в почтовом ящике нашла письмо, это мне твой адрес прислала “Литературная Россия”. И вот я пишу тебе в надежде получить от тебя весточку. Уцелел ли мой дорогой братик Виташа? Мы с ним в письмах были большие друзья. У меня от него очень много писем – такие большие, хорошие, задушевные письма, которые я часто перечитываю и сейчас. А от тебя, лентяя, всего только семь, в том числе и письмо со вложением двух комаров, там они до сих пор обретаются. Конечно, я уже не думаю, что жив мой любимый дядя Митя, потому что и годов ему много, и здоровье, похоже, неважное было. Хочется думать, что жива моя дорогая тетка-подруженька Клавдюшенька, ведь она только на три или четыре года старше меня. И как другие мои младшие братики Женя и Толя – уцелели ли? Напиши мне, пожалуйста, не поленись, удели часок времени на это. Надеюсь, что жива и здорова твоя дражайшая половина Шура, наверно, стала такой важной дамой, поцелуй ее за меня. Есть ли у тебя внучата? Напиши мне все подробно.

Хочется прочитать твой роман о Котовском, но где его достать, откуда выписать можно, посоветуй, у нас в Уральске в библиотеке нет и в книжных магазинах тоже нет, и вообще из твоих произведений ничего нет.

Получила от тебя из Томска письмо и от Шуры открытку, где вы заделались студентами. Тут же ответила и в Уфу тоже написала, но ответа ниоткуда не получила. Удалось ли вам учиться? Мне очень обидно, что вы были у нас в такое голодное время, не было еще ни ягод, ни овощей, ни фруктов, и на базаре также, не удалось вас покормить хорошенько, да и развлечений никаких не было кроме кино. А вот как вы уехали, так вскоре начали поспевать и ягоды, и овощи, и мне было так досадно, что вы уехали. Тут мы начали на базар каждый день скакать, тут у нас и деньги появились, и мы было скопили 50 рублей, хотели послать вам, но не успели, ведь Уральск был отрезан от вас года два. У вас Советская власть установилась в 17-м году, а у нас в 19-м.

Тут началась революция, и мы потеряли друг друга из вида, а потом много было переживаний: погиб Григорий Сергеевич, стариков похоронила, умерла мама. Я осталась совершенно одна с домом и коровой, так жутко было одной, и я вторично вышла замуж за товарища Григория. – Сергеевича по школе и по службе Савелия Васильевича Портнова, но и его вскоре потеряла.

Ну так вот, Борюшка, если ты не очень зазнался, то ответишь мне. А пока всего-всего хорошего. Саша».

Завтрак давно окончен. И письмо прочитано вслух два раза. Мы с Наташей сидим и говорим об Уральске, о крестной, о ее письме. Мы радостно взволнованы.

– Пятьдесят лет назад!

– И все «в том же дому»!

– А как она пишет о давнем моем приезде! Как будто я приезжал к ней на той неделе, а не полвека назад!

– Это о твоём письме из Томска! Ведь это тоже полвека назад было!

Да. Удивительно. Нелепо. Непостижимо. Словно мы жили в различных государствах. Вспоминали друг о друге как о чем-то, что происходило в глубине веков, в какой-нибудь доскифской эре. И никому не приходило в голову, что кто-нибудь жив, цел и невредим... Ну почему, почему я ни разу за все эти годы не попробовал написать в Уральск, послать запрос?! Сейчас это просто дикостью какой-то кажется. И так горько стало, что только случай свел нас опять с крестной, что всю жизнь мы провели врозь, не общаясь.

Крестная как здравомыслящий человек без всякого усилия перешагнула полувековой промежуток, перекинула мост через столетия и стала исходить из того фак-

та, что в мае 1917 года я гостил у нее. Ей казалось, что это было этак с месяц назад. Такая досада, в это время еще не созрели ягоды, не появились свежие овощи, чуть бы попозже – и она покормила бы всласть малокровного юнца с затронутыми верхушками легких...

Весь день у нас был озарен этим необыкновенным письмом. Наташа – порывистая душа – тут же объявила, что уже полюбила мою крестную, стала обдумывать, какую бы послать в Уральск посылочку, и тотчас села писать ответное письмо. А я... Мне кажется, что именно в этот день я решил во что бы то ни стало написать о крестной, об Уральске, о ковыльной степи, о последних казаках и бессмысленном яростном сражении, которым они закончили свое существование на земле. Написать о прожитом и передуманном мною, о своих предках и родичах, о родителях, о моей дорогой России – обо всем, обо всем, обо всех, обо всех, искренно, бесхитростно и со всеми подробностями.

Нельзя нарушать ход времени и забегать вперед, ломать непреложный закон построения повести, а уж до того не терпится рассказать здесь же, сейчас, немедленно обо всем дальнейшем. Ограничусь только необходимыми, на мой взгляд, для полноты картины выписками из писем крестной 1967–1968 годов, которые дополняют ее портрет и дают дополнительные штрихи к описанию ее жизни, прошлой и последних лет:

«Дорогой Боря! Несказанно была рада, получив от тебя такое хорошее, ласковое письмо. Спасибо тебе, дорогой, что откликнулся, спасибо за фотокарточки, на которые по несколько раз в день смотрю, они лежат как раз около моей кровати, и как-то невольно рука протягивается к ним. Прости, что долго не отвечала. По получении твоего письма через два дня заболела гриппом. Другие грипп на ногах переносят, а меня он сваливает, вот третий раз эту зиму болею им.

Очень рада, что ты живешь хорошо, что счастлив в семейной жизни, что у тебя такая славная жена, прямо клад-золото. Это тебе награда за все твои прежние переживания...

Еще рада, что ты работаешь дома, а не в учреждении, и нет над тобой никакого начальства, ты сам себе хозяин.

...Да, кончается наша Четвериковская династия, жалко. Какие мне Виташа хорошие письма писал. И как жаль, что у него родились дочери, а не сыновья. Я ведь хоть и бывшая, но все-таки Четверикова. Дядя Митя в одном из писем обращался ко мне с такими словами: “Дражайшая племянница – последний отпрыск Четвериковской династии”. Почему он так писал, а у самого четыре сына было, – удивительно, точно предчувствовал. О дочке дяди Вани–Верочке я ничего не знаю, жива ли она и где живет, может быть, теперь и не Четверикова и тоже уже старушка. Если что знаешь про нее, напиши. А умерших так жалко, так жалко. И стариков жалко, и ребят жалко: не пожил. Я не поняла: где умерли дядя Митя и Виташа? Виташа был военный, наверно? Артиллерист? Его убили, наверно? И от чего умерли Женя и Толя – уже взрослыми или подростками? Напиши. И это было еще при матери? Сколько ей, бедной, пережить пришлось! Ты прости, что я такие печальные вопросы задаю тебе, но мне так хочется знать все подробно. Как я жалею, что не побывала у вас, как меня интересовал ваш хутор. И опять вспоминаю дядины слова, когда он меня звал и писал, что пожалеешь потом, что не приехала. Так и случилось. А всё благодаря нашему саду, от которого тоже не осталось ни кустика. А ведь столько было вложено в него денег и труда, одних яблонь там было 1200 засажено, только было начали с долгами разделяться, и вот – ничего нет. Так жалко! Так хорошо в нем жилось каждое лето! Ну, что делать, прошлого не вернешь...»

«Как моя жизнь сложилась? Учительницей я не была, только собиралась ею быть и практику проходила в школах, и документы были сданы, где я должна была держать экзамен на учительницу. Но тут почему-то страшно стало ехать в поселок учительствовать, мне было 16 лет – какая я учительница! Работать мне пришлось во время революции, тут все должны были работать, а кто не работал, тех посы-

лали снег на станции чистить, кирпичи таскать. Как раз плотину строили в Ханской роще, а у меня лошадь была, и меня послали хлеб везти красноармейцам в поселок Чаган (40 верст от Уральска), а мороз крепчайший был. И вот я скорее сдала лошадь, и сани, и сбрую всю, а сама поступила в канцелярию в отдел народного образования сначала письмоводительницей (тогда машинок еще не было), потом делопроизводителем, потом зав. столом личного состава. Устроил меня товарищ Григория Сергеевича, и вот я работала года два или три. А когда погиб Григорий Сергеевич, я вторично вышла замуж. И второй раз вдовой стала, с 1937 года, вот уже 30 лет будет в декабре. Тогда забрали арестовали чуть в нем уральскую интеллигенцию, много учителей попало, более 200 человек, в том числе и мой старик, также забрали двух его сыновей (бывшие офицеры). Я теперь живу с его дочкой Ольгой Савельевной и ее мужем Александром Ивановичем Филимоновым (по происхождению он казак) да их дочкой – моей любимицей Галей (она кончила года 4 тому назад пединститут, но работает инженером-электриком). Вот наша семья. Живем неплохо, но только здоровья нет ни у кого. Оля пенсионерка вот уже несколько лет, а Ал. Ив. в этот год тоже выходит на пенсию (он, хотя уже пенсионер, но работает пока). Уральск тем счастлив, что в нем немцы не побывали, не успели дойти. Домик наш уцелел благодаря заботам Ал. Ив. Он как с войны вернулся, так и принялся за его ремонт. Он был на войне 4 года, 4 года мы жили без него. Был ранен. Пришел белый, как снег, – седой... У нас при доме есть сейчас небольшая садик, колодец, в садике 4 яблони, несколько кустов смородины, вишни, малины, есть и клубника, но только очень мало. Сажаем и помидоры, огурцы, редиску, но самое-то главное у нас – виноград. Ал. Ив. любитель-виноградарь, только уже сил не хватает у него, очень ведь трудно и работать в саду, и слушать у него.

«Вчера только написала письмо тебе, Боря, не успела отправить, а сегодня утром получила твое второе письмо. Ты точно угадал, что я заболела. Этот грипп так долго меня держит. И что он привязался ко мне в этом году? Теперь понемногу поправляюсь, но такая слабость!

Ты спрашиваешь, какова теперь жизнь в Уральске. Как тебе сказать: большие очереди за хлебом, за мясом, вообще за необходимыми предметами. Если до свету не получишь хлеба, то уже совсем не получишь. Так что Оле очень трудно приходится нас обслуживать, особенно зимой. Да еще уж очень донимают уральские бандиты: воруяют каждый год, и все по ночам, а выйти, если хочешь быть живым, нельзя, потому что они с финками. Вообще у нас, как стемнеет, жители стараются не выходить из дома, потому что снимают пальто, отбирают часы, вообще раздевают. Их и милиция боится. Можно ходить только большой компанией.

Такая суровая зима нынче стоит, небывалая, морозы без перерыва 37 градусов. Поэтому и у нас холодно этот год. Уж очень топка печей донимает. Топим углем – сколько золы приходится выносить, да и копать, грязно. Домик мой очень пострадал в наводнение в 1942 году. У нас на дворе и во всем квартале можно было плавать на лодке, а мазанок очень много совсем размыло.

Посылаю тебе свою “физию” – вот какая я была 5 лет тому назад, а теперь еще хуже...»

«Ты просишь, чтобы я написала побольше о родителях своих, о предках, обо всем, что знаю и помню, в том числе и о родителях Клавди. Я очень мало знаю о твоих бабушке и дедушке по матери. Дедушку твоего видела один только раз – на свадьбе дяди Мити. А бабушка твоя Надежда Егоровна приезжала на ферму раза два. И вот когда она приезжала, мы с дядей Митей ездили в город ей за пивом, раз в неделю привозили ей корзину пива, она его очень любила. Жили они, кажется, в Стерлитамаке, и больше я о них ничего не знаю. Клавдия отца боготворила. Когда пришла телеграмма о его смерти, мы с дядей не знали, как ей сказать, долго ее подготавливали – ты тут должен был родиться скоро...»

А насчет четвериковских дедов и прадедов – уж очень много писать придется. Постараюсь все-таки.

Прадеда нашего Василия Ивановича я уже, конечно, не видела, только видела его и его жены Варвары Ивановны портреты – очень большие, писанные масляными красками. Эти громадные портреты висели в столовой и сгорели вместе с домом. А вот дедушку нашего Никанора Васильевича очень хорошо помню. Он меня очень любил, везде меня с собой таскал, вообще возился со мной. Особенно мне нравилось гостить с ним у нашего архимандрита отца Варсонофия, для меня праздник был, когда мы туда ехали. У крестьян тоже часто в гостях бывали, и нас там уж очень угощали. Дедушка ведь в большом почете был. Потом, помню, к нему из Москвы приезжали часто важные такие гости – какие-то князья, прокуроры, адвокаты (у него знакомые были все больше из судейских) – и гостили подолгу. Когда играли в преферанс, я всегда восседала у дедушки на коленях, нянька никак не могла меня утащить – он не давал.

Бабушку, которая родила 19 детей, звали Александра Ивановна. Она была очень хорошая, добрая, все крестьян лечила и всегда старалась помочь всем в беде. Но была очень властная, и дедушка ее побаивался. Дедушка тоже очень хороший был, совершенно не пил, но только очень любил шиковать. Про дом-то трехэтажный и про роскошь в доме, наверно, рассказывали вам дядя Митя и дядя Володя. Мебель всю дедушка привез из Москвы шикарную, ковры везде, бронза, полы паркетные... Еще был на втором этаже зимний сад – стены там все стеклянные, а пол усыпан песком. Там росли громадные олеандры, филодендры, камелии. С одной стороны был фонтан, а с другой стояла садовая мебель, покрашенная в зеленый цвет, и мы там часто пили чай. У прадеда был простой, обыкновенный дом, правда, большой, но роскоши в нем никакой не было. А дедушка вовсю шиковал. Одним словом, прадед наживал, а наследники всё проживали.

В Пензе у дедушки тоже был дом на главной Московской улице, большой, двухэтажный, но я его мало помню. Знаю только по словам моей мамы, что верхний этаж сдавался под мужскую гимназию, а в нижнем этаже была квартира директора гимназии и две или три комнаты занимали гимназисты наши – дядя Володя, дядя Ваня, дядя Митя и еще несколько их товарищей. А потом, наверно, этот дом продали, что ли, потому что дядя Митя уже, когда доучивался, жил на хлебах у Зубкова. Дядя Володя учился до 6 класса, поругался с учителями и бросил учебу, а дядя Ваня из седьмого класса поступил в военное училище, так что кончил гимназию только дядя Митя. Отец мой был такой же неудачник в жизни, как и дядя Володя, очень пил много, и вести хозяйство пришлось маме – сначала в Прокудине Саратовской губернии, а после смерти дедушки – в Ломовском имении. В Прокудине поместье неважное было, куда хуже нашего Ломовского, но мы там недолго жили, года 4 или 3, отец там пил очень, и дедушка вернул его обратно в Ломов. А перед отъездом из Прокудина, в этот год, к нам туда приезжал дядя Митя на рождественские каникулы, он был уже гимназистом-восьмиклассником, очень интересный молодой человек, и все тамошние барышни были в него влюблены. И вот решили на прощание дать бал, мне было уже лет 5–6, и я хорошо помню этот грандиозный бал, с лентами, с цветами, это все устраивал дядя Митя, он был такой затейник и танцор, очень веселый был. Когда на другой день он уехал кончать гимназию, все барышни ревели всю ночь о нем, как рассказывали моей маме их маменьки. А барышень было много: в Лисичкине у отца Алексея две дочери-епархалки, несколько молодых дам – жен соседних помещиков, у Огринских одиннадцать дочерей было, и многие уже взрослые девицы. Мне уж очень запомнилась жена помещика Маслова – Матильда Федоровна, она все ездила верхом в мужском костюме. И Огринского жена – красавица Ольга Сергеевна, у которой одиннадцать-то дочерей было. Сам он ужасно некрасивый был, а Ольга Сергеевна – глаз не оторвешь. Она дочь генерала была и с высшим образованием – это тогда редкость была, и очень хорошо играла на пианино. Жилось в Прокудине весело, не хотелось уезжать оттуда. Железных дорог тогда мало было, ездили на

лошадях, и вот я помню большой крытый возок со всеми удобствами, с ящиками для продуктов, и тройка лошадей, и колокольчик так успокоительно позванивал...

Еще мне мама много рассказывала про бабушкину горничную Надежду. Она была на привилегированном положении как любимица бабушкина, и вся остальная прислуга звала ее "Надежда Ивановна" и "вы". А бабушка звала ее Надькой, больше никак, только при гостях Надеждой. Бывало, она чего-нибудь не угодит бабушке и та ее прогонит с глаз долой, а через полчаса кричит: "Надька, куда ты провалилась, чертова перешница!" (это ее обычная брань была). Эта Надежда была большая щеголиха, любила кружева, бантики и обязательно два раза в день переодевалась, утром в одном платье, а к вечеру в другом. Платьев у нее было больше дюжины, бабушка ее задаривала, особенно она старалась наряжаться, когда приезжали на каникулы дядя Володя, дядя Ваня, и они товарищей всегда привозили с собой. А сама она была рябая и страшная, прямо мордovorot, я ее немного помню. Когда она ушла от нас, то увезла целый сундук нарядов.

Тут вскоре года через два мы и имение продали, и дядя Володя уехал в Уральск... К тому времени, когда громилы помещиков, у нас уже ничего не было. Все разлетелись в разные стороны... Мне так жалко было расставаться с Ломовым, я часто и теперь во сне бываю там. Ты, Боря, в стихотворении пишешь: "Я сроду тех троп не миную", а я так напишу: "Я свой милый Ломов никогда не забуду, где родился, росла, где детские годы провела"... Ой, никак уж и я начинаю стихами писать?"

«Ты спрашиваешь, Боря, как мы подружились с Клавдей, твоей мамой. А вот как. Когда дядя Митя задумал жениться, то выписал меня и мою маму на свадьбу к себе (мы тогда в Пензе были), и мы приехали, а потом приехала Клавдия с отцом и матерью к нам на ферму. Сыграли свадьбу – мама моя уехала опять в Пензу, а меня Клавдия не отпустила, и вот мы с ней тогда полгода жили очень дружно, носились по степи за таблаком, потом ты родился, тут уж мы остепенелись. Я еще с полгода прожила на ферме, а потом вышла замуж за Григория Сергеевича Крылова, и он увез меня в город, хотя мне жалко было расставаться с фермой.

А церковь Флора и Лавра – это ведь была домовая церковь сельскохозяйственного училища на ферме. Конечно, ее теперь не существует, там теперь какой-то завод. Отец Вениамин веселый был батька. Мы с ним, то есть я и Клавдия, в горелки играли, а дядя Митя так снисходительно на нас посматривал. Отец Вениамин умер в Гражданскую войну, большевики очень били, истязали его, потому что он был поп, и тут он кончил жизнь свою...

Ну, морозы, кажется, кончились, тепло стало, и мы немножко вздохнули. И с хлебом теперь уладилось: оба завода починили, и хлеб можно получить даже днем, и даже без очереди. Но вот 8-е марта, и сейчас очереди везде за всем.

Я насчет крестной не распространялась в первом письме, потому что боялась тебя подвести каким-нибудь неосторожным словом. Кто знает, может быть, наши письма читают-проверяют? За себя я, конечно, не боюсь, но тебе ещё до моих лет жить долго. Прошу тебя, называя меня как хочешь – крестной ли, Сашей ли, только, пожалуйста, не кузиной...»

А вот из письма, которое крестная послала нам всем троим, – это в мае 1967 года, когда мы с Наташей ездили к Вере в Уфу:

«Здравствуйте, моя дорогая, любимая троица – Боря, Верочка и Наташа! Послала вам в Ленинград поздравление, а вы уже, оказывается, в Уфе. Ну что же, еще раз поздравляем с праздником и желаем здоровья и всякого благополучия.

29-го получила вашу грандиозную посылку. Спасибо большое за нее, но разрешите вас отругать: зачем это было тратиться и хлопотать столько. Когда ты спросил меня, Боря, не нужно ли мне прислать чего-нибудь, я ответила, что мне ничего не нужно, кроме книг твоих и ваших писем. А вы вон что затеяли. Это все Наташа выдумщица! Ну погоди, и влетит тебе при встрече! Это ведь надо же

такую большую посылку отчебучить. Все, конечно, очень понравилось: рубашку уже надела, и чулки на мне, и халат мне впору, и шкатулка понравилась. Отрез тоже очень хорош, но уж вот этого совсем не нужно было делать. 30-го на Пасху у нас были Ореховы (сестра Ал. Ив. с мужем), и мы пили чай с ленинградскими гостинцами. Рассматривали ваши фотокарточки – вот за них большое спасибо, а больше, пожалуйста, ничего не выдумывайте. Когда мне что-нибудь нужно будет, я попрошу.

Ну вот, вы все в Уфе, вместе, – вот и решайте, когда приедете к нам. Все втроем, конечно. Нисколько вы нас не стесните, у нас просторно, Боря, наверно, все-таки помнит немножко, когда был у нас в семнадцатом году. Насчет осени я писала, потому что хотелось бы угостить вас овощами всякими и фруктами, а главное – арбузами и дынями. А вы приезжайте, когда вам удобнее. Если бы у меня были крылья, прилетела бы к вам посмотреть на вас на всех. Не терпится. Но я не теряю надежды...»

Еще приведу пару кусочков из писем крестной к Наташе, они переписывались очень активно и увлеченно, и Наташа ей то и дело посылала что-нибудь.

«Большое спасибо тебе за такое хорошее, большое, подробное письмо – вот такие письма люблю читать! Как бы мне хотелось доставить тебе удовольствие – послать дореволюционных открыток. Но у меня, к сожалению, их нет...

Так Веру хотите перетащить к себе? Конечно, это лучше было бы, чем ей там одной-то жить. Но я ее вполне понимаю, что ей не хочется из Уфы уезжать: очень трудно расставаться с тем, к чему привыкнешь.

А почему Дмитрий Никанорович жил в Ленинграде, а Клавдия в Уфе? Уж не разошлись ли они? Вот тебе счастливая семья! Чего не поделили? Характерами, что ли, не сойтись? Столько детей нажили – и на тебе... Я понимаю, в молодости еще можно ошибиться, но столько лет прожить и разойтись – это ненормально. Я их очень любила обоих, поэтому меня это очень печалило.

С Клавдией Витальевной – Клавдюшей моей – мы очень дружили. Какая она была хорошая, живая, веселая! Из нее хорошая была бы артистка. Ей нужно было бы на сцене играть, у нее был очень хороший голос контральто. И петь она умела, и на гитаре хорошо играла. Как мы с ней носились по степи за таблаком! Я тебе посылаю открытку с двумя цветочками таблаку, который, как ковер, устилал степь вокруг фермы, где мы жили. У нас вся квартира была в цветах. Хорошее, невозвратное время!»

«Ты спрашиваешь, Наташенька, как мне письма писать, – мне приятнее твоей рукой, а не машинкой. У тебя великолепный почерк, очень разборчивый. В очках я очень хорошо вижу, но вот слышу плохо, со мной приходится громко разговаривать.

Еще ты спрашиваешь, в каком я состоянии. Больше в ходячем и сидячем, а когда болею гриппом, то в лежачем. По дому кое-что делаю, например, обед готовлю, посуду мою, иногда чулки чиню. Когда картошку чищу, часто засыпаю. Зимой никуда не выхожу, только по комнатам хожу, а летом в садик выхожу. В городе совсем не бываю. Ноги у меня болят, не знаю, подагра, что ли, или ревматизм.

Осенью купили телевизор, о котором я так мечтала, думала, там оперы будут передавать, которые я очень люблю, и что-нибудь хорошее. Но полное разочарование: передают какую-то ерунду, и мы часто не включаем его. Я люблю слушать только, когда поет Утесов или Бернес, Зыкина, а остальных я не разбираю новых, потому что не слышу, а потом – больно кривляются, трясутся как-то – противно.

И чего это ты, моя дорогая Натусенька, еще выдумываешь, зачем тебе мой размер знать. Ничего мне не надо, какой еще подарок, и так задарил всю: и чай, и пластырь, и резинки прислали, прямо чересчур меня балуете, такая масса гостинцев, и кофточка замечательная – тепленькая, мягкая: Уймитесь вы, пожалуйста, с посылками, неужели у вас кроме этого никаких делов нету! А мы и не придумаем, чего бы вам послать. Что пошлешь из Уральска? Раньше, лет пять тому назад, можно было хоть из-

под полы достать черной икры. А теперь ни за какие деньги не найдешь, все так напуганы. Черную икру простым смертным теперь не полагается кушать».

И все-таки мы получили от них посылку – это уже в 68-м году, к Пасхе: кулич своего приготовления, крашенные яички и домашнее виноградное вино, за которое крестная все беспокоилась, не разбились бы в дороге бутылки.

И наконец последнее: не удержусь, чтобы не привести еще отрывки из Шашиных писем Вере. (В Уральск Вера так и не выбралась, но переписывалась и она с Сашей с удовольствием.) Там у крестной и о Наташе есть хорошие слова, а для меня это всегда праздник.

«Здравствуй, дорогая Верочка! Мне такая отрада от тебя и от Бори с Наташей письма получать, я ведь больше ни с кем не переписываюсь, у меня больше нет никого. Хотя в Гурьеве живет внучка моего второго мужа, я два раза бывала у нее в гостях, а теперь только в большие праздники да на именины обмениваемся поздравлениями. А в Уральске есть Шура Крылова, но с ней мы как-то поссорились и вот уже с год совсем не видимся. Прямо как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, – обиделась она на моих из-за какого-то пустяка и вот не идет ко мне ни в какую, телефонов ни у нее, ни у меня нет, так и живем – в одном городе, а все равно что на разных планетах, безобразии. Из подружек моих последняя ушла в инвалидный дом, а это за городом, в садах, а я ведь никуда не хожу. Другие сверстницы-приятельницы все перемерли, никого уже не осталось. Так я рада, что разыскала вас, мои дорогие, любимые, и теперь моя мечта – повидаться с вами со всеми, пока жива.

Меня очень интересует ваша жизнь втроем, то есть когда и как вы остались втроем. Напиши мне все подробно и опиши последние годы моей любимой тетки-подружки Клавди. Ведь как же мы с ней дружили! Ближе ее у меня друга не было. Ты мне обещала написать о последних годах Клавдиной жизни, позабыла, верно, а я стеснялась тебе напомнить: думаю – тяжело ей об этом вспоминать. Ну, ладно, приедешь – все расскажешь. Молодец, что наконец перестала стесняться и собираешься к нам как к настоящим родным. Но только я страшно боюсь, как бы не задержала тебя твоя подшефная старушка, ведь она может долго прохворать. Может быть, ты сумеешь ее поручить кому-нибудь на это время, что погостишь у нас? Я так размышляла о нашей встрече, приезжай обязательно! Но, конечно, на три дня тебе ехать ко мне нет никакого смысла. Нам разговоров и воспоминаний на целый год хватит. Хотя бы на месяц или недели на три приехала, это все-таки было бы дело.

Эта неумная Натусенька опять не утерпела и прислала мне посылку: альбом для фотокарточек. Ну, за это я уж не ругала ее, больно уж мне понравился этот альбом. Сколько тепла и радости от этой милой славной Наташи людям. Она, оказывается, устроила на 8 марта праздник коллективу дома творчества в Комарово (они там проживут весь март и апрель до 12 мая): все женщины получили подарки и были очень довольны.

Здоровье мое неважное. Встаешь утром – все болит, особенно ноги. Главное – мозоли на подошвах – как на гвозди наступаешь. Ну, что поделаешь, старость. Шутка ли: на третий день Рождества 88 лет будет. Зажилась...»

Так-то вот мы все и переписывались примерно с год. А потом самолично отправились в Уральск – в декабре 1967-го. Наташа, конечно, взяла фотоаппарат и запас пленок, она все годы нашей совместной жизни ведет фотохронику всех событий, и в эту поездку наснимала столько, что потом несколько месяцев посылала в письмах по порции карточек. Крестная была в восторге и писала в апреле:

«До чего же все фото хороши, не могу наглядеться! Ты даже будуар мой сняла! Жаль, что уже – ты пишешь – по следки посылаешь, мы так привыкли их получать».

После нашего отъезда Саша написала Вере:

«Второго января проводила своих дорогих гостей и сейчас ещё под впечатлением их пребывания у нас, все мелочи вспоминаю. Только уж очень быстро пролетела эта неделя – как дивная сказка. Как было радостно встречать

и как грустно провожать. Так сразу стало пусто. А все везде напоминает их: то конфеты, которых мы не в состоянии все поесть, то бокалы в шкафу блестят, которые они преподнесли нам к Новому году, и полно всяких других подарков и гостинцев. Мало того, что сами навезли всего, так уже две посылки успели прислать, а сегодня 24 января – только три недели как уехали. Ругать их бесполезно, все равно по-своему сделают, совсем не слушаются меня, хоть бы ты их вразумила.

Они обещали в письмах, что отпразднуют у нас и Рождество, но обманули меня и удрали быстренько: дела, говорят. Но я рада хоть Новый год-то встретили вместе. Только очень жалею, что тебя не было с нами. А Наташу я и по письмам полюбила, а когда увидела, еще больше люблю: такая милая, ласковая, родная, сколько тепла от нее. Я так рада за Борю, с такой женой не пропадет».

Вот это уж воистину так!

Нам Саша тоже прислала письмо в таком же духе:

«Я до сих пор не могу решить: сон такой чудесный был или явь – ваш приезд. Похоже, как будто явь, потому что об этом все время напоминают то банки с лимонами, то коробки с конфетами, то бокалы в шкафу. Слов нет, мои дорогие, как я рада была нашей встрече, но уж больно быстро промчалась эта неделя, точно кто ее подхлестывал. Этого воспоминания мне надолго хватит. Только не успела я наглядеться на вас, наговориться досыта...»

А уж Шурка как довольна, что вы посетили ее и притащили ко мне. Она в восторге от вас и говорит, что вы очень Татьяна понравились, она сказала, что у нас в Уральске нет таких людей, такой, говорит, большой писатель, а как просто держит себя.

Теперь буду ждать с нетерпением Верочку, это будет мне утешением. И принялась теперь за стихи Борины. Прочитала – все хорошо, но больше всех мне нравится «Там пихты над Волгой грустили», потом «Сестре» и «Ленинград». Я еще их буду перечитывать не раз, как «Синюю говядину», которую уже наизусть знаю. Буду ждать обещанного «Котовского». Спасибо, спасибо, спасибо!»

Тут я хочу сказать несколько слов о Шуре Крыловой, но сначала привести стихотворение «Сестре», которое так понравилось крестной. Вот оно:

Сестренка, знай: по женской линии
Мы из уральских казаков.
Штаны они носили синие
С лампасами до двух вершков,
Скакали на конях, как лешие,
Срубали наотмашь башку...
А мы с тобою люди пешие,
Ни выпивки, ни табаку,
Не мчимся вскачь, не машем шашкою,
Лихие песни не поем,
Сидим себе за чайной чашкою
И крепкий чай с вареньем пьем.
В седле мы не болтались с детства,
Претит нам крик, противен шум.
Но получили мы в наследство
И зоркий глаз, и дерзкий ум.
В нас есть казацкая отвага,
А в сердце, полыхнув огнем,
Степей полынных злая брага
Вот так и ходит ходоуном.
Наш род был долговечным, прочным.
Сто сорок прадед жил почти!
Куда нам – хилым, худосочным...
С нас хватит по ста двадцати!

Шуру Крылову я называю так просто по привычке и подражая крестной: для нее она все Шурка. А полностью она звалась Александра Артемоновна (не Артамоновна, а именно Артемоновна, я даже по святцам проверял и нашел там такое имя – Артемон). Очень она болела ту зиму, ничего не могла есть и все в Саратов ездила лечиться. А мы-то, когда задумали найти ее и помирить с Сашей, имели еще и тайную мысль: что она отправит письма Саше, буде ей понадобится написать нам что-то по секрету от своих родичей. Хоть и любила она их вроде, и Оль-

га Савельевна нам тоже распрекрасные письма присылала, где на все лады расписывала, как они «связаны с мамой любовью», как «страшно привязались друг к другу за долгую жизнь, так как у мамы своих детей не было и она все отдала мне, а когда родилась Галя, то изменила мне: вырастила Галю и жила ее радостями и ее горем»..., и что вообще «ваша тетя Саша и ее родственники – это одна семья и одна душа», а «мамины родные – это и наши родные, так как она мне не В НЕКОТОРОМ РОДЕ мама, а просто мама»... – несмотря на все это, мне упорно казалось – по кое-каким подмеченным мною мелочам – что не все у них так ладно и что бывают у крестной горькие минуты. Я даже предлагал ей совершенно всерьез переехать к нам, готов был тогда же увезти ее с нами, но она наотрез отказалась, хотя и благодарила, даже прослезившись. И я всё обдумывал, пока был в Уральске, как бы нам впредь хотя бы знать всю правду о Сашиней жизни, чтобы в случае чего принять меры. Вот и ухватились мы в этом смысле за Александру Артемонову.

Поиски ее мы в шутку называли операцией «Сатурн». Это было действительно событие для них обеих, волнующее и счастливое, когда мы разыскали дом № 20 на улице Короленко и за руку привели оттуда Александру Артемонову на улицу 8 марта, бывшую Царицынскую, дом 41, к крестной, когда они без всякого выяснения отношений обнялись, расцеловались и не могли наговориться. Этот Шуринов визит был, конечно, тоже торжественно запечатлен Наташей.

КОММЕНТАРИИ

1. Анненков Борис Владимирович (1889–1927), один из лидеров Белого движения в Сибири. Участник Первой мировой войны, есаул, командовал партизанской сотней в тылу врага. После революции 1917 г. прибыл в Сибирь с отрядом Сибирской казачьей дивизии, был объявлен вне закона из-за отказа подчиниться приказу о разоружении. К осени 1918 г. сформировал партизанскую дивизию, борющуюся с большевиками. В 1919 г. Колчаком произведен в генералы и назначен командующим отдельной Семиреченской армии. Расстрелян в 1927 г.

2. Толстов Владимир Сергеевич (1884–1956), один из руководителей контрреволюции на Урале, генерал-майор (1919). В 1919 г. провозглашен атаманом Уральского казачьего войска, командовал бело-казачьим Уральским корпусом, затем – Отдельной Уральской армией. После разгрома армии в 1920 г. эмигрировал.

3. ...всевозможные Махно и Петлюры! – Махно Нестор Иванович (1889–1934), идейный анархист. В 1918 г. создал вооруженный анархистский отряд, который воевал против белогвардейцев, петлюровцев, против Красной армии. Эмигрировал в 1921 г. См.: *Герасименко Н.В.* Батька Махно. Мемуары белогвардейца. Воспроизведение издания 1928 года. М., 1990; *Комин В.В.* Нестор Махно: мифы и реальность. М., 1990. Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), один из руководителей украинского буржуазно-националистического движения в 1918–1920 гг.

4. ...из статьи Борзунова «Ясность души». – Статья напечатана в газете «Литературная Россия» (1966, 23 сентября, № 39. С. 5).

Да-а... Сколько было радости и сколько горечи при встрече, при всем, что мы увидели в Уральске в эту поездку! И хорошо, что мы поспешили: через полгода крестная умерла... Ничего не откладывайте, друзья, на завтра, что можете успеть сделать сегодня!

Последнее письмо от крестной было от 13 мая. Она писала в нем, что получила от Веры «вкусный пирог с калиной», что «в саду цветут яблони и вишни, садик весь белый, красивый, так и просится на Борину картину или Наташе на фотографию», а под конец сообщала, что в инвалидном доме умерла ее последняя подружка... И добавляла: «Теперь черед за мной, а мне вот хочется повидать Верочку да и вас бы хоть еще один разок».

Черед действительно оказался за ней, и повидаться не суждено уже было, хотя Александра Артемоновна писала:

«Наташа! (Про себя я вас называю Солнышко. Солнышко, дающее людям тепло). Не волнуйтесь! Все будет хорошо. Хорошо и то, что у тети Саше есть Наташа, которая её любит и думает о ней. Тетя Саша – Четверикова. А Борис Дмитриевич пишет: «Наш род был долговечным, прочным». Будем надеяться, что это относится и к тете Саше».

Но, увы, в июле крестная умерла – очень грустно и даже в 88 лет, я считаю, преждевременно. Эту главу мне не хочется омрачать описанием смерти. Пусть здесь крестная еще живет. И мне, и Наташе она очень полюбилась. Не может она не вызвать добрых чувств и у читателя.

(Продолжение в следующем номере)

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 321-18-28; E-mail: a.v.malinov@gmail.com

В статье рассматривается философско-историческая концепция историка и одного из первых русских социологов Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Отождествляя философию истории и социологию, в своих работах Кареев разрабатывал теорию исторического процесса, полагал, что только социологическая точка зрения на историю может сделать из истории науку, поскольку не существует собственных законов истории.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, история, социология, исторический процесс, законы, психология, над-органическое, прогресс.

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА Н.И. КАРЕЕВА*

Николай Иванович Кареев (1850–1931) был одним из крупнейших, во всяком случае самым плодовитым теоретиком исторической науки в России. Кареев учился в Московском университете у В.И. Герье, избрав темой магистерской диссертации историю французского крестьянства в последней трети XVIII в. Как известно, преподавательская деятельность ученого в Варшавском и Петербургском университетах сосредоточилась на курсах всеобщей истории, отражением которых стали многочисленные опубликованные учебные пособия: «Введение в курс новейшего времени» (1881); «Введение в курс Древнего мира» (1882); «Введение в курс Нового времени» (1884); «Философия культурной и социальной истории Нового времени» (1893), «Главные обобщения всемирной истории» (1903), «Общий ход всемирной истории» (1903), а также фундаментальная семитомная «История Западной Европы в Новое время». Согласно оценке В. Бузескула, «по широте масштаба, точности и объективности равного этому труду нет ни в русской, ни в западноевропейской литературе»¹.

Диссертационная сторона биографии Кареева, напротив, была обращена к философии истории. Уже работы Кареева, подготовленные в Варшавском университете, «шли с философским уклоном»², поскольку были вызваны написанием докторской диссертации. В 1883 г. он издал двухтомные «Основные вопросы философии истории», на основе которых защитил в Москве докторскую диссертацию. Значение этого труда неоднозначно оценивалось в отечественной историографии. По словам Б.Г. Могильницкого, «сколько-нибудь заметного следа в истории науки он не оставил»³. В «Основных вопросах философии истории», написанных с позиций «либерально-народнической субъективной школы в социологии», Б.Г. Могильницкий указывал на тяжелую манеру изложения, обилие цитат, трюизмов и повторов. Один из современников Кареева, Б.Б. Глинский, напротив, считал исследование Кареева этапным в разработке проблем философии истории в России. Он оценивал его как «капитальное сочинение <...> имевшее бесспорное влияние на оживление в нашей литературе интереса к изучению философии вообще и философии истории в частности»⁴.

Впоследствии Кареев неоднократно возвращался к теоретическим и философским вопросам истории, посвящая их разработке многочисленные статьи, лекционные курсы и написанные на их основе монографии. Синтезом педагогического и теоретического усердия Кареева стали опубликованные им курсы по социологии «Программы социологии» (1895), «Введение в изучение социологии» (1897), «Общие основы социологии» (1919) и по теории истории и исторического процесса: «Из лекций по общей теории истории. Ч. 1. Теория исторического знания (Историка)» (1913), «Из лекций по общей теории истории. Ч. 2. Историология. Теория исторического процесса» (1915). Тематически к ним примыкают и работы ученого по кри-

тике экономического материализма, значению самообразования, выработке мирозерцания, основам нравственности, сущности общественной деятельности. В результате, по подсчетам современного исследователя, примерно треть научных трудов Кареева посвящена философии истории и социологии⁵.

Среди философско-исторических исследований Кареева доминирующее положение занимали проблемы исторического процесса, затем исторического знания и преподавания истории. Становление истории в качестве разновидности научного знания было неизбежным и постепенным процессом. Решающими факторами здесь, по мнению Кареева, были: умножение исторического материала; совершенствование критики источников и теоретическая разработка исторической методологии; увеличение числа биографических и монографических исследований в историографии; сближение истории с другими науками, равно как и утверждение в других науках (языкознании, религиоведении, литературоведении, философии, политике, юриспруденции, экономике) исторической точки зрения; применение общего научного «понятия закономерности» к историческим явлениям⁶. Следствием научного совершенствования историографии стала и разработка теории исторического процесса.

Началом философии истории как специальной дисциплины, полагал Кареев, следует считать XVIII в. Однако философия истории не охватывает всех теоретических проблем историографии; это лишь один из способов их осмысления. Теория истории опирается не только на философию, раскрывающую законы сущего, но и на психологию и социологию, раскрывающие, соответственно, законы духовной и общественной жизни. Философия приложима к истории, только если понимать под первой науку, «занимающуюся явлениями вообще». Так вырисовываются три точки зрения на теоретическое осмысление истории: «...воссоздать историю по ее условиям – дело феноменологии, найти законы развития – дело номологии, показать действие этих законов среди данных условий и влияние этих условий на процесс развития – задача философии истории»⁷. Отсюда и определение Кареевым философии истории «как абстрактно-феноменологического изображения перемены в жизни человечества»⁸. Описание явлений, т.е., по терминологии Кареева, «феноменология», чем и занимается история, не исключает обобщающего подхода. Сам отбор, фиксация фактов, их осмысление предполагают абстрагирующую точку зрения. Собственно, поэтому Кареев и называет философию истории абстрактно-феноменологической дисциплиной. Философско-исторический взгляд на прошедшие судьбы человечества неизбежно вытекает из самой исторической (= феноменологической) установки. Сочетанием априорного и эмпирического, заданного и данного, абстрактного и феноменологического и определяется специфика философии истории.

Определенная зависимость философии истории от историографии побудила ученого искать аналог философ-

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (№12-03-12020).

ско-исторического осмысления в пределах уже известных разновидностей исторического построения. И такой аналог был найден – это всеобщая история. Здесь сошлись и специальные историографические, и теоретические искания Кареева. Экстенсивное расширение предмета историографии до описания прошлых состояний человечества вполне может, по мысли Кареева, быть сопоставлено с той всеобщностью, которой доискивается философия. Между совокупностью частных историй и всеобщей историей, между всеобщей историей и философией истории различие в степени общности, а не в принципе.

Еще одно предназначение философии истории – уяснение смысла истории, оценка событий и исторических деятелей, суд над прошлым. Подобная установка в отношении истории долгое время признавалась в качестве главной особенности философско-исторического подхода, попустительствуя морализаторству на исторические темы. Однако ученый не воспроизводит буквально устаревшую точку зрения на предназначение философии истории, а переинтерпретирует ее с передовых на то время позитивистских позиций: история имеет смысл лишь тогда, когда мы можем признать ее движение прогрессивным. Вопрос о смысле истории, таким образом, есть вопрос о прогрессе.

Двоякое понимание философии истории – с одной стороны, рассмотрение целостного исторического процесса, как он происходит, какие силы в нем действуют и т.п., с другой, искание смысла истории, установление ее цели, оценка исторических событий, деятелей, эпох, – позволяют различать в философии истории или, по словам Кареева, в теории истории две самостоятельные области. Одну из них он называет *историологией* или теорией исторического процесса, другую – *историософией*. В то же время философия истории вслед за историографией не просто восстанавливает прошлое, как оно происходило, но тем самым и познает его. Так обозначается еще одна отрасль философии истории – *историка*, или теория исторического знания. Историология задается вопросом «о том, как вообще делается и происходит история»⁹. Ближе всего к пониманию специфики историологии подходит социология, и Кареев их часто сопоставляет.

Кроме социологии историология, воплощающая философскую установку в отношении истории, может быть сопоставлена с онтологией. Точнее, историологии следует понимать как региональную онтологию, как теорию исторического бытия. В «Историологии» Кареев настаивал на необходимости сформулировать теорию исторических явлений на основе «общей теории бытия», что позволило бы устранить все субъективные элементы оценки, желательного и должного в истории и лишь «констатировать сущее», т.е. заниматься установлением того, «что есть или бывает, как оно есть или бывает»¹⁰.

Помимо историологии, связанной с социологией, в теорию истории входит *историка*, или теория исторического знания, сближающаяся с гносеологией. Проблемы исторической методологии, к которым преимущественно сводится историка, по мнению ученого, представляют интерес только для специалистов-историков, в то время как историологические или социологические проблемы вызывают более широкий интерес. Поэтому, хотя Кареев и посвятил вопросам исторического знания специальное исследование, его работы по теории исторического процесса значительно превосходят его не только по численности, объему, но и по подробности, степени разработанности затронутых проблем. Историка изучает «приемы добывания исторических истин», рассматривает «надлежащие способы занятия исторической наукой».

Русский ученый делает идею эволюции основополагающим принципом всех обществоведческих, т.е. допускающих историческое измерение, дисциплин. Он подразделяет эволюцию на неорганическую, органическую (физиологическую и психическую) и над-органическую (культурную и социальную). Теория исторической эволюции оперирует понятиями прогресса и регресса социальных и культурных форм, обозначающими ее крайние, определенные

проявления. Системообразующими же категориями концепции исторической эволюции выступают понятия традиции и творчества, в динамических взаимоотношениях которых вызревает и главный признак эволюционизма – принцип личности. Историческая эволюция во всех своих проявлениях демонстрирует ослабление традиции и усиление творческого и личностного начала. Иными словами, историческая эволюция имеет органическую (наследственные признаки, психические качества, передающиеся от родителей) и над-органическую составляющие как результат совместной жизни индивидов на основе психического взаимодействия, развивающую «альтруизм» и чувство социальной солидарности. Эволюционный подход способен заменить привычное причинно-следственное объяснение. В этом смысле концепция исторической эволюции может разрешить те сложности, которые возникают при поисках исторической закономерности. Кареев, считая все попытки установить законы истории ненаучными, перевел проблему исторической закономерности в компетенцию психологии и социологии. Эволюционная же точка зрения дает возможность остаться на исторической почве.

Для того чтобы понять специфику истории, необходимо представить те позитивистские координаты классификации наук, в рамках которых рассуждают философствующие историки. В кареевской классификации это науки *феноменологические*, описывающие факты (к ним относится история и философия истории), и *номологические*, выискивающие законы явлений (таковы механика, химия, биология, психология, социология). У Кареева нет сомнений в существовании законов, управляющих историческими явлениями. Другой вопрос: принадлежат ли эти законы самой истории? Кареев категорически отрицает существование специфических исторических законов. Поэтому он предлагает говорить не о закономерности, а о законосообразности истории. Историческая законосообразность сводится к психологической и социологической. К признанию законосообразности исторических явлений ученого подталкивают повторяющиеся элементы, из которых состоит сложная индивидуальность исторического факта. Именно эти элементы могут быть объяснены действием социологических и психологических законов.

В то же время история не может быть сведена лишь к общим тенденциям, раскрываемым социологией. Задача состоит в том, чтобы показать, как и в силу каких причин единая история человечества разнится на множество вариантов. Единство задается общей логикой эволюционных процессов, внутренней закономерностью «исторических организмов». Различия же есть результат внешних условий, неповторимых в каждом конкретном случае. Среди них решающее значение имеют природно-климатические условия или внешняя среда, влияния других народов и расовые особенности. Кареев добавляет к этим причинам еще и условия исторического воспитания народа или над-органические условия жизни, но при этом замечает, что все причины следует рассматривать в комплексе, не абсолютизируя каждую из них в отдельности. В ходе исторического развития значение условий меняется. В начале народ находится под сильным влиянием внешних факторов, затем постепенно решающее значение переходит к культуре и воспитанию. Во взаимоотношениях над-органической среды и личности кроется как главный источник исторического развития, так и исследовательская интрига исторического знания. В ослаблении влияния среды, природных и биологических условий Кареев усматривает признак цивилизованности. Внешние условия помимо климата включают в себя целый ряд географических факторов: ландшафт, качество почвы, водные пути, флору и фауну, а также положение страны относительно других государств.

Как реакция на теорию климата возникла теория расы. Она поднимает вопрос об этнографических условиях истории и в наиболее полном виде реализуется в антропологии. Раса формируется благодаря биологическому закону наследственности. Одновременно с историческим или

культурно-социальным процессом идет биологический процесс смены поколений. К вопросу о роли расы в истории примыкает и вопрос о причинах падения цивилизаций. Вырождение расы и застой в исторической жизни народов объясняются Кареевым как результат воздействия ненормальной над-органической среды. Вместе с этим возникает вопрос о норме цивилизационного развития. Стабилизирующие, консервативные формы жизни сразу же отвергаются Кареевым как ненормальные. Нормально, согласно его подходу, все то, что способствует улучшению и развитию. Это прежде всего формы социальной организации и культуры, способствующие интенсификации психического взаимодействия, а вместе с ним и всей исторической жизни. В этом отношении культурные влияния и социальное развитие предпочтительнее биологических процессов, формирующих породу. Кареев выстраивает следующую цепочку понятий по мере сокращения объема получающих большую определенность и содержательность: порода или антропологическая раса – лингвистическая раса – культурная группа (без национального самосознания) – нация. Дополнительным стимулом для национального самоопределения и одновременно одним из факторов исторического развития выступает влияние других, как правило соседних, народов, вовлекающих этнос в широкий поток исторической жизни, выводящих его из доисторического оцепенения.

Самостоятельный комплекс проблем философии истории составляет искание смысла исторического процесса с субъективной, т.е. человеческой точки зрения. При этом смысл истории увязывается с целеполагающей деятельностью личности: с одной стороны, это цели, которые ставят себе действующие в истории люди, с другой – оценивающая прошлое деятельность историка. Проблемы смысла и цели истории в большей степени относятся к области философии истории, чем историографии. Точнее, они представляют предмет интеллектуальных усилий *историософии*. Согласно Карееву, историософию можно понимать как «синоним философии истории»¹¹. Заложено в историософии телеологическое понимание исторического процесса способствует утверждению в философии истории метафизической точки зрения, для которой характерно навязывание истории «априорной логичности», поступательно-прямолинейной схемы. В компетенцию историософии входят, прежде всего, вопрос о действующих в истории людях, чаще всего в форме вопроса о роли личности в истории, и вопрос о прогрессе. К области историософии в узком или более точном смысле следует отнести проблемы деонтологии истории.

Формулируя те представления, из которых выросла деонтологический взгляд на историю, следует указать на различие отношений человека к действительности. Кареев полагал, что существует четыре рода наших отношений к предметам и явлениям: теоретические, эмоциональные, утилитарные и этические¹². Нормативная оценка этих отношений показывает, что отношения эмоциональные и утилитарные являются единичными, сугубо индивидуальными, в то время как отношения теоретические и этические, вне зависимости от объективного и реального характера одних и субъективного и идеального других, могут быть общими для целых групп людей, несмотря на их индивидуальные особенности.

Явления общественные, согласно Карееву, относятся к явлениям моральным, т.е. принадлежат внутреннему миру и являются предметом (данностью) внутреннего опыта. Естественные и моральные науки, как полагал историк, имеют один и тот же предмет и задачи. В обобщенной форме таким предметом является *факт*, который следует признать результатом наблюдения, данным непосредственного опыта или чужого свидетельства, которое в конце концов можно свести к подобному опыту. Факт – это определенным образом обработанное и описанное явление. Факт – зафиксированное и констатированное в своем существовании явление, явление удерживаемое, растягиваемое в своем существовании благодаря описанию. И естественные, и моральные науки имеют дело с тем,

что существует, с реальными вещами (хотя, при этом и необходимо учитывать, что существование может иметь различные модусы). Существование представляет первейшую, ближайшим образом, непосредственно данную характеристику таких предметов. Повторяемость их позволяет классифицировать эти предметы. Следующий шаг в научной обработке фактов состоит в установлении причинно-следственной связи между ними, а отсюда вытекает возможность раскрытия законов явлений. Законы моральных наук столь же естественны, как и законы самого естествознания. Все это означает, что «между задачами естествознания и наук гуманитарных и социальных нет и не может быть никакой разницы»¹³.

Однако между естественными и гуманитарными науками есть и различие, пролегающее между *существованием* и *долженствованием* и сводимое Кареевым «к противоположности между отношениями объективными, или теоретическими, и субъективными или практическими»¹⁴. Долженствование, регулирующее познавательную деятельность общественных дисциплин, не может быть представлено в виде научного закона. Оно воплощается в принципе, каким человек должен руководствоваться в личной и общественной жизни и который должен лежать в основе общественных форм и порядков. Благодаря творчеству складывается представление о том, что должно, или *идея совершенства*. В отличие от идеи совершенства *идея нормальности* отражает лишь то, что есть в действительности и что можно получить путем исследования фактов. Нормальным признается наиболее часто и постоянно встречающееся. Общественные явления в силу осознанного и идеального поведения человека могут развиваться под воздействием той или иной идеи, стремление к воплощению которой совершенствует их. Аналогичное же развитие естественных явлений невозможно.

Историософия как разновидность философского взгляда на историю делает историческое знание более целостным, стройным и полным. Основные положения историософского подхода заключаются в рассмотрении истории со стороны возможного будущего, что придает историческому процессу целостный вид. Далее, этот подход ставит вопрос о цели истории, достижение которой связывается с совпадением культурных форм с основными мотивами человеческих действий. И, наконец, историософия рассматривает общественные явления с точки зрения их должной формы. Кареев справедливо отмечал, что подобный подход относится уже к области творчества. Общественные явления с историософской точки зрения рассматриваются исходя из представления о должном, из идеи общества. Деятельность, соответствующая этому представлению или этой идее и способствующая ее реализации, является прогрессивной. Последующее развитие идеи прогрессивной деятельности приводит к необходимости установления порядка или формулы прогресса, которая, в свою очередь, черпает материал из исторического процесса, из его законов, из конкретных форм воплощения в истории идеала, понимаемого как цель этого процесса. Научное понимание прогресса проистекает от обобщения действительных фактов, а философское его понимание следует из признания творческой деятельности людей по установке идеалов и стремления к ним. Формула прогресса позволяет взглянуть на действительный, эмпирический ход истории с точки зрения возможной реализации в нем идеальной цели и дать на ее основе оценку исторических явлений.

Научная философия истории опирается на факты, доставляемые наукой, использует формулу прогресса в качестве мерки для оценки хода истории, т.е. рассматривает идеал как основу суждения, а не действительности истории. Все это позволяет научной философии истории как более строгой и последовательной историософии сформулировать смысл истории. Научность достигается путем ограничения творчества при сохранении существования для историософии деонтологического элемента. По утверждению Кареева, «философия истории есть философская феноменология, историософская формула прогресса –

философская номология»¹⁵, т.е. она утверждает законы, способствующие воплощению в истории идеала. Социология и психология раскрывают не законы истории или философии истории, а как раз законы прогресса. Номологичность прогресса Кареев противопоставляет феноменализму историографии и пишет, что «теория прогресса должна быть полной противоположностью истории»¹⁶. Водораздел между ними проходит по линиям «абстрактное – конкретное», «законы – явления», «внутренне-необходимая связь – случайно-необходимая связь», «априорное – эмпирическое». Правда, Кареев признается, что пока не существует удовлетворяющей его теории прогресса. Прогресс прежде всего происходит в интеллектуальной области, осуществляется духовными средствами и охватывает сферу культурной деятельности. В чем же критерий прогресса? В ухудшении или улучшении человеческого существования. Оценку того, прогрессивно или нет историческое развитие, дает «развитая личность, находящая удовлетворение своим потребностям»¹⁷. Прогресс в истории можно наблюдать в развитии интересов высшего порядка, более высоких аффектов (любовь, дружба, филантропия), развитии памяти, воображения, мышления. Все это может привести к вполне практическим последствиям, связанным с сознательной и целесообразной переделкой сначала органической, а затем и над-органической среды.

Подтвержденные историей и соответствующие кумулятивной логике прогресса данные позволяют зафиксировать несколько направлений прогресса. Первое из них – «умственный прогресс», состоящий в развитии интеллекта, накоплении знаний. Правда, периодически в этой сфере случаются кризисы, революции в научных и философских представлениях, приводящие к смене господствующей системы знаний. Но эти факты не отменяют «умственный прогресс»; они, напротив, предусмотрены, заложены в его специфике. «Умственный прогресс» может проходить путем кризисов и революций, путем критического переосмысления теорий и концепций. Другой вид – «прогресс этического сознания», или нравственный прогресс. Следующая разновидность прогресса – это прогресс общественной культуры, который сводится к усложнению и дифференциации структуры общества. В то же время Кареев специально оговаривал нетождественность понятий прогресса и эволюции.

Эмпирический взгляд на историю видит лишь хаотичное множество отдельных фактов. Задача науки философии в отношении истории состоит в том, чтобы привести эту совокупность разрозненных элементов к единству. Метафизика пытается усмотреть единство во внутренней основе самих процессов, в их субстанциональной взаимосвязи, в заключенном в них смысле, стремится вывести историю из одного начала. Научная философия, напротив, создает объективное единство рассмотрения истории, исходя из ее смысла для человека, т.е. судит исторические явления, каковы они на самом деле, на основе представления о том, какими они должны быть. Философия истории представляет собой субъективное, смыслонаходящее отношение к последовательности фактов или объективной эволюции общества, устанавливаемой исторической наукой.

Деонтологический элемент теории прогресса обуславливается тем, что цели личной жизни должны соотноситься с целями общества, к которому принадлежит личность. Цели общества, в свою очередь, должны иметь в виду прогресс всего человечества и идеальный план истории как переход от менее совершенного состояния к более совершенному. Это должностное, нудительное отношение плана нашей частной жизни к жизни общества и судьбе всего человечества, известное подчинение, подчинение осознанное, а значит, свободное, личных целей целям общественным и общечеловеческим и придает нравственный характер формуле прогресса, раскрывающей такое же необходимое в нравственном смысле отношение и в историческом процессе. Требование совершенствования жизни есть нравственное требование. Однако

теория прогресса не ограничивается указанием целей жизни и идеального плана истории. Она предлагает и средства к их достижению, что дается формулировкой законов. При этом следует иметь в виду, что цели прогресса осознаются субъективно и таким же образом устанавливаются. Действительность цели прогресса не есть ее реализация, но ее осознание.

Надо признать, что Кареев несколько старомодно, в духе просветительской историографии трактует деонтологический характер исторического знания. Исторические явления имеют моральное значение, в котором выражается отношение человека к вещи. Но моральное значение понимается Кареевым достаточно широко, а именно как смысл вещи вообще. Соответственно, и смысл исторических явлений есть прежде всего смысл моральный. Исторические явления подлежат моральной оценке, в которой и раскрывается их смысл, «смысл вещи для нас». У исторического нет, строго говоря, своего смысла, оно не обладает спецификой, способной быть выраженной посредством собственной терминологии. В сущности, в рассуждениях Кареева подспудно звучит признание недостаточной разработанности в теории исторической науки понятийного аппарата. Смысл исторического явления выражается словом, точнее, понятием, в котором и через которое он только и существует. Исторический процесс сам по себе смыслом не обладает. Смысл привносится в историю. История (как и жизнь) обретает смысл благодаря осмысленному разговору о ней. По большому счету история и есть только осмысленный разговор. При этом сам процесс, конечно же, отличается от изъясняющего его повествования, но только через это повествование он обнаруживается, фиксируется, обретает, так сказать, вразумительную полноту и завершенность (не в смысле эсхатологического конца истории, а в качестве смысловой определенности, имеющей узнаваемые и отличные от всего другого черты). Только в этом случае история становится собственно историей или, другими словами, прошлое становится историей. Кареев убежден, что смысл вещи, явления принадлежит человеку, есть продукт его сознания, результат субъективного отвлечения одного из признаков вещи от самой вещи и признание в нем неизменной сущности вещи, закона явления.

Принципиальная сторона явлений или деонтологический подход присутствует не только в разыскании истории. Но только исследователь пытается усмотреть идеал или должное положение, с которым соотносятся явления. Эти представления присутствуют и в самой исторической действительности. Это то, что можно назвать «мировоззрением эпохи», «господствующими моральными идеями», «общепринятыми нормами», «духом времени», «бессознательной философией общества». Иными словами, то, что проявляется в религиозных верованиях, и в философии, и в науке, и в литературе, и в искусстве, и в политических учреждениях, и в праве, и в экономическом строе. Так вырисовывается идея интеллектуальной истории или, по словам Кареева, «истории мысли», сводящейся к изображению смены принципов, составляющих мировоззрение общества в определенную эпоху. Как правило, это латентные принципы, неотрефлексированные и часто не ясные для самих людей идеи, и, впрочем, не уменьшает их действительность. Интеллектуальная история, или история мысли представляет собой, по большому счету, историю смысла. Историк, изучающий историю мысли, неизбежно начинает философствовать. Он формулирует принципы эпохи, так сказать, оглашает «дух времени», выявляет систему и общую основу этих принципов. Смысл истории не просто вкладывается историком в прошлое, но воссоздается им в качестве целостного, завершенного явления. Смысл, по существу, и есть такая функция целостности. Сами принципы зависят от действия того или другого социологического закона, реализация которого, в свою очередь, требует конкретных условий. Историк, формулируя бессознательную философию общества, критически относится к выявляемым принципам, соотносит их со знаниями, полученными при изучении са-

мой действительности, и признает зависимость действительной истории от массы причин, не имеющих прямого отношения к этим принципам.

Согласно ученому, сущность исторического процесса состоит во взаимодействии между индивидами, составляющими общество, и духовно-общественной средой. Именно критически мыслящая личность формулирует те идеалы, на основе которых происходит прогрессивное развитие в истории. К объяснению роли личности в истории Кареев подходил с принятой им эволюционной точки зрения. Сама идея эволюции непосредственно заимствуется им у О. Конта в виде концепции социальной динамики и социальной статики, а затем переносится на историю. Следуя же набросанной общей схеме мироустройства, эволюция подразделяется на неорганическую, органическую (физиологическую и психическую) и над-органическую (культурную и социальную). История принадлежит к последнему виду эволюции. Главный отличительный признак исторической эволюции проявляется в усиливающейся роли личного начала. Иными словами, историческая эволюция имеет органическую (наследственные признаки, психические качества, передающиеся от родителей) и над-органическую составляющие как результат совместной жизни индивидов на основе психического взаимодействия, развивающую «альтруизм» и чувство социальной солидарности.

Личность испытывает воздействия над-органической среды (культуры и общества), но и сама способна, желая перемен, преднамеренно влиять на нее. Такой вид действий относится, по словам Л. Уорда, цитируемым Кареевым, к «антропо-телеологической» стороне исторического процесса. Внутри самой личности надобно различать периоды активности и пассивности относительно окружающей среды. Схожее различие можно провести и среди людей, одни из которых принимают деятельное участие в окружающей действительности, другие же «плывут по течению». Можно поэтому говорить о существовании различных степеней пассивности и активности, составляющих, по выражению Кареева, «своего рода лестницу». Общество и культура, состоящие из личностей и вне личностей не существующие, личностями же и видоизменяются. Именно действия людей, изменяющие «данное общественное состояние», и следует признать историческими. Измеряемость их вклада, хотя и не сведена к единому эквиваленту, подразумевает чисто количественное определение исторической личности. Вслед за Гизо, Лораном и Контом Кареев формулирует четыре принципа всякой человеческой деятельности. Первый из них постулирует причинную обусловленность действий и их мотивов. Второй констатирует их управляемость законами. Третий указывает, что действия законов варьируются в

разных условиях. И четвертый говорит о случайном сочетании этих условий.

В заключение рассмотрения философско-исторического учения Кареева стоит еще раз подчеркнуть многочисленность его работ по социологии и философии истории, полный обзор которых приведет к неизбежным повторам. Постоянство его философско-исторических представлений объясняется верностью основным постулатам позитивной философии. Взгляды Кареева, конечно, изменялись, хотя и незначительно, но в целом его философско-историческая концепция представляет вариации на одни и те же темы. Вариативность была вызвана восприятием других философских учений, прежде «субъективной школы», а через нее кантианства и пр., что придавало работам Кареева эклектический оттенок, порой переходящий в контрасты противоречий. В целом Кареев так и не вышел за пределы позитивистской историографии, несмотря на использование в ряде случаев неокантианской терминологии. Категорически против признания неокантианского следа в творчестве Кареева выступали томские историки Б.Г. Могильницкий¹⁸ и Л.Н. Хмылев¹⁹, с которыми вполне можно согласиться.

Курс «Общая методология гуманитарных наук» был одним из последних, прочитанных Кареевым в университете. За этот курс Кареев взялся после смерти академика А.С. Лаппо-Данилевского, читавшего «Методологию истории». Прочитать лекции по методологии гуманитарных наук Карееву довелось лишь один раз – осенью 1922 г. в университете и на Высших женских курсах, тогда же он приступил к его публикации, и часть рукописи была набрана типографским способом (параграфы с 1 по начало 180). В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Фонд 119) сохранились типографские оттиски первых трех глав (за исключением параграфов 180 (кроме начала) – 195 в третьей главе) с авторской правкой. Параграф 39 в рукописи отсутствует. Остальная часть курса представляет собой подготовленный для передачи в типографию машинописный текст. «Общая методология гуманитарных наук» состоит из предисловия, примечаний и семи глав: «I. Понятие науки и классификация наук», «II. Логические предпосылки всякой методологии», «III. Гуманитарные науки, их классификация и методология», «IV. Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках», «V. Научная работа в области исторических построений», «VI. Теоретические гуманитарные науки», «VII. Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках».

В настоящем издании публикуется первая глава «Понятие науки и классификация наук» (параграфы 1–53), в книжном варианте (типографской корректуре) занимавшая страницы с 5 по 26.

¹ Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 164.

² Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 173.

³ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 168.

⁴ Глинский Б.Б. Культурная история России // Исторический вестник. 1897. Т. LXVIII. С. 917.

⁵ Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. С. 44.

⁶ Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. С. 7.

⁷ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. В 2 т. М., 1883. Т. I. С. 228.

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Кареев Н.И. Историология. С. 157, примеч.

¹² Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории // Собр. соч. Н.И. Кареева. Т. 1. История с философской точки зрения. СПб., 1911. С. 37.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Собр. соч. Н.И. Кареева. Т. 1. С. 96.

¹⁶ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 276.

¹⁷ Там же. С. 424.

¹⁸ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики. С. 174–175.

¹⁹ Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978. С. 14.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ (1850–1931)

русский историк и философ; член-корреспондент Петербургской академии наук (1910), член-корреспондент РАН (1917), почетный член АН СССР (1929)

ПОНЯТИЕ НАУКИ И КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК*

1. Термину «наука» придается двоякое значение: одно более широкое, другое более тесное.

В более широком смысле наукою называют совокупность всякого рода сведений, отличающихся большею или меньшею отчетливостью и приведенных в некоторый порядок, тогда как в тесном смысле, в каком мы и будем употреблять это понятие, наука может быть определена как *объективно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях, их объясняющее и указывающее на их взаимоотношения*. В этом втором смысле из области науки устраняются: во-первых, все понятия и построения, в основе которых лежат вера и творческое воображение, как теология и метафизика, а во-вторых, всякие технические сведения, составляющие предмет того или другого искусства, равно как и разные справочные пособия.

2. Собственно говоря, единой науки нет, а существует несколько отдельных наук, общим признаком которых является доказанность и систематичность заключающегося в них знания. Наличие в нашем знании этих двух признаков принято называть *научностью*, причем первое качество относится к *содержанию* науки, второе – к ее *форме*. Теология и метафизика по самому содержанию своему не науки, хотя и *наукообразны* по своей форме. Равным образом, наукообразными по форме могут быть и прикладные дисциплины, имеющие дело не столько с явлениями действительности, сколько с правилами того или другого практического искусства (конечно, в техническом, а не художественном смысле). Впрочем, по своему содержанию, не выходя из мира явлений, они стоят к науке ближе, нежели умозрительные построения теологии и метафизики. Предметом науки может быть не сверхчувственный или потусторонний мир, который стремится постигнуть теология и метафизика, а сами теология и метафизика как явления действительности.

3. Сведение научности на наибольшую проверенность или доказанность содержания знания и на возможно большую систематичность его формы сближают научность с философией, отношение которой к науке может мыслиться трояко: а) или философия есть одна из частных наук, или в) она охватывает все науки, обобщая их в высшем синтезе, или же с) философия есть нечто, отличное от науки. Если под философией разуметь собирательное имя, например, для психологии, этики или для логики, то каждая из них есть, конечно, отдельная наука в ряду других наук. И второе толкование приемлемо в том смысле, что задачей философии может быть приведение к всеобъемлющим полноте и единству всех научных обобщений, предполагающее широкое использование [?] догадками это научно не доказуемыми, и чисто-умозрительными построениями. Идеалом науки является *точность и стройность* знания (т.е. доказанность и систематичность), философия же стремится к *полноте* его и *единству*, в чем научное *исследование* дополняется философским *творчеством*. Поскольку философия остается на почве доказанных наукою положений, она в этом смысле может рассматриваться как высшее увенчание отдельных наук, что и отличает философию, обозначаемую как научная, от философии религиозной или метафизической.

4. Наконец, отличие философии от науки может быть определяемо и в том смысле, что философия, даже научно понимаемая, является тою областью, где совершается, так сказать, окончательная проверка всех основных понятий и руководящих принципов, которыми оперирует и руководствуется всякая наука при *познании сущего*, причем философия занимается еще и установкою понятий и

выработкою принципов для *оценки* сущего с точки зрения *должного*. В первом смысле это та философская дисциплина, которая называется *гносеологией* или теорией знания (познания, познавания), во втором – *этика* или *деонтология* как учение о идеальном, о должном.

5. Из всех отделов философии как обобщающего и объединяющего и вместе с тем основополагающего знания с точки зрения предмета подлежащей книги, никакие другие не имеют такого важного значения, как *гносеология* и тесно связанная с нею *логика*. Первая, как теория познания, изучает самый факт знания и решает связанные с ним вопросы о его возможности, источниках, границах и задачах. Для того чтобы гносеология могла претендовать на бесспорное значение науки, она сама должна быть наукою, притом не только по форме, но и по содержанию, т.е. должна опираться на существующие факты, иначе говоря, должна, рассматривая фактически существующее бесспорное знание, выяснять, при каких условиях оно возможно, и, следовательно, определить, что вообще может и что ни в каком случае не может быть предметом знания.

В гносеологическом отношении настоящая книга написана в общем духе *критической философии* и родственного в этом отношении *позитивизма*, признающих познаваемость только *явлений* (феноменов) и непознаваемость *сверхопытной сущности вещей* (ноуменов), или вещей в себе. В области общественных наук особенно долго царил метафизическое умонастроение, заключающееся в стремлении выходить за пределы феноменального мира.

6. Выясняя условия, делающие знание научным, гносеология на очень важное место ставит *правильность мышления*, а этим предметом занимается логика, которая поэтому иногда прямо рассматривается как часть теории познания и даже как пропедевтика философии, введение в ее изучение. Логику именно и определяют как науку о правильном мышлении, разумея под последним такое, которое служит расширению и обоснованию знания. Научное знание добывается только логичным мышлением, сообразным с логическими законами мышления. Доказывание отдельных положений науки и связывание их между собою во всех науках основывается на одних и тех же принципах *общего логического учения*, но в частностях эти умственные операции разнообразятся в зависимости от особенностей тех или других предметов, изучаемых науками, и ставимых ими себе в связи с этим задач, вследствие чего может существовать и *специальная логика* каждой отдельной науки.

7. Такая логика отдельной науки называется *методологией*, под каковым названием следует разуметь учение о *методах*, т.е. путях («метод» по-гречески и значит «путь»), *способах* или *приемах*, при помощи которых данная наука добывает и строит свое знание. Методов существует много: не все применимы во всякой науке, а применяясь к той или другой из них, всякий метод должен быть приспособляем к особенностям, представляемым ее предметом. С гносеологической точки зрения не все методы, при помощи которых ученье и мыслители стремились познавать истину, и прежде были, и теперь остаются научными. В этом отношении есть, например, громадная разница между *метафизическим* и *научным методами*, что зависит от несходства гносеологических предпосылок у тех или других исследователей действительности.

8. Метод относится к формальной, а не реальной стороне науки. Гносеология определяет, что может быть предметом познания, логика и методология – как познание должно происходить. Объединяя в одном общем представлении гносеологию, логику и методологию отдельных наук, в этом общем учении о познании мы должны различать элементы

* Подготовка текста и примечания *А.В. Малинова*.

познания самой природы знания, как она есть, и познания тех норм, которым должен следовать каждый деятель науки. Логика и методология имеют по преимуществу *нормативный* характер, причем в каждой методологии содержатся вопросы, так сказать, *принципиального*, т. е. гносеологического и логического значения и значения более технического. Таково, например, в методологии истории все то, чем занимаются различные вспомогательные дисциплины, иногда тоже именуемые науками, каковы эпиграфика (учение о надписях), дипломатика (об официальных документах), палеография (о рукописях, почерках), сфрагистика (о печатях), нумизматика (о монетах) и пр. и пр.

9. Научная методология исходит из наблюдений над тем, как в действительности совершается научное дело. В любой отрасли знания научные методы возникали и развивались в самом процессе исследования и умственного творчества, хотя, конечно, время от времени они бывали результатом счастливого прозрения. Подобно тому, как давно установлена мысль, будто логика может служить усвоению искусства правильно мыслить или правильно рассуждать, так и никакая методология не может быть признана пригодной для того, чтобы научить заниматься наукою. Научиться этому можно лишь участь самой науке, не в смысле, конечно, простого усвоения ее содержания, но и знакомясь на чужих примерах и на собственном опыте с теми методами, посредством которых добывается содержание этой науки. Не следует уподобляться персонажу комедии Мольера¹, говорившему, как и все, прозой, но не знавшему, что сам говорит прозой. Задача методологии – осмысливать приемы научного мышления, указывать на их сильные или слабые стороны, сравнивать между собою отдельные роды и виды методов, систематизировать их, возводить к общим принципам теории знания и логики и тем самым вносить больше сознательности в самое научную работу.

10. С указанной точки зрения приведенное выше (§ 1) определение науки могло бы быть дополнено указанием на то, что содержащееся в ней знание является *применением правильных приемов мышления в установлении достоверности и точности объяснения явлений, так и соответствующих действительности их взаимоотношений и в их систематизации*. Наука тем совершеннее, чем совершеннее ее метод и чем менее возникает в ней методологических споров, а потому тогда и методы меньше изучаются отдельно от самого содержания науки, – положение вещей, наименее относящееся к области обществоведения.

11. Возвращаемся к определению науки, данному в § 1. Многие сразу могли бы его найти неполным и потребовать, чтобы наука понималась как достоверное и систематическое знание *со стороны их закономерности или неизменно-го порядка*. Взгляд на науку как на знание законов природы и причин, производящих ее явления, ведет свое начало из философии основателя логики Аристотеля², говорившего, что «нет науки об единичном, а есть только наука об общем». Другими словами, само содержание науки в таком ее понимании, довольно распространенном, может заключаться лишь в общих, отнюдь не в единичных или частных суждениях. С такой точки зрения история, занимающаяся отдельными событиями, отдельными народами и т.п., не могла бы называться наукою, как, например, и взглянул на нее сто лет тому назад немецкий философ Шопенгауэр³, указавший на то, что история имеет дело с индивидуальными явлениями, наука же – с родовыми, что история способна только координировать знание, тогда как наука его субординирует. Иначе говоря, повествование об отдельных фактах или их описание не может быть содержанием науки, которая целиком состоит из общих рассуждений.

12. Внесение в определение науки указания на то, что она занимается только общим, отнюдь не единичным, суживает понятие науки, исключая из ее области всякое знание с индивидуальным, не родовым содержанием. В сущности, есть *две категории наук*, которые родоначальник позитивизма Огюст Конт⁴ назвал науками *абстрактными* и *конкретными*. Первые, это – науки об общих законах, управляющих явлениями действительности, вторые – об *единичных явлениях* с применением к их пониманию за-

конов, открываемых первыми. Вследствие того, что термины абстрактности (отвлеченности) и конкретности (единичной определенности) могут повлечь за собою некоторые недоразумения, их можно было бы заменить другими, назвав науки о законах явлений *номологическими* (от греч. «номос», что значит «закон»), науки о явлениях – *феноменологическими*, или, как это было предложено немецким философом Виндельбаном⁵, независимо от Конта пришедшим к такому же делению, науками *номотетическими*, т.е. устанавливающими законы, и *идиографическими*, т.е. описывающими отдельные явления (от греч. «идиос», что значит «особенный», «отдельный»). Последние два термина у нас получили некоторое распространение, что делает их употребление удобным.

13. Но с их введением в методологическую терминологию соединилось одно важное недоразумение. Это различие *задач* познания или общих законов явлений, с одной стороны, или отдельных явлений в их особенностях, с другой, не должно было смешивать с различием, существующим между самими *предметами* и нашего знания. Номотетика и идиография как два методологических подхода к предметам познания, могущим быть разными, относятся к *формальной* стороне науки, тогда как различие самих предметов относится к *реальному* содержанию. Между тем указанный немецкий философ приписал номотетический характер исключительно *естественным* наукам, идиографический – наукам гуманитарным. Это – прямая ошибка: и в науках о природе, и в науках о культуре возможны одинаково обе точки зрения, обе задачи и оба, следовательно, метода, из которых один ведет к научному открытию законов, управляющих как естественными, так и культурными явлениями, а другой – к научному пониманию отдельных явлений, все равно, данных нами в природе и в жизни человечества. И номотетическим, и идиографическим могут быть одинаково и естествознание, и обществоведение.

14. Если под законами разуметь необходимые, постоянные и неизменные отношения, то исключительно номотетический характер имеет математика, отвлеченно занимающаяся количественными и пространственными отношениями. В естествознании изучается не только общее, но и отдельное. Например, в астрономии дело идет не только об общих законах движения небесных тел, но и об отдельных телах, взятых в их индивидуальности, каковы Солнце, Луна, Венера, Марс и др. планеты с их спутниками или Сириус, Арктур и т. п. и притом не с номотетическою только целью, а из интереса к их индивидуальностям. В геологии, географии изучается также единичный предмет, земля, а на земле, например, единичные моря или горные хребты, горные массивы и т. п., равным образом, не с одними общетеоретическими целями, а ради них самих, в случаях же последнего рода не для практических целей только, но и из чистой любознательности. С другой стороны, и в обществоведении изучается не одно только что-либо единичное, как, например, история такого-то народа, статистика такого-то государства, устройство такого-то учреждения и т. п., но и общее – в теориях государства, права, народного хозяйства, наконец, в социологии, общей номотетической науке, соответствующей в идиографическом ряду – исторической науке. Как геология, тоже идиографическая наука, пользуется выводами номотетической механики, физики, химии, так и история – выводами номотетическими же психологии и социологии. Таким образом, *различение научных задач не совпадает с различием предметов изучения*.

15. Наконец, в разбираемом взгляде есть еще одна сторона, требующая рассмотрения. В нем различие обеих точек зрения связывается с вопросом о причинах различного будто бы в данном случае, отношения нашего к наукам естественным и гуманитарным. В первых нас будто бы может интересовать только общее, тогда как во вторых – единичное, индивидуальное интересует нас лишь в отношении к представляемой им для нас *ценности*. Это *отношение* предметов изучения к *ценностям*, по разбираемому взгляду, составляет характерную особенность наук о культуре в отличие от наук о природе: в естествознании каждый предмет, в отдельности взятый, для нас безраз-

личен, тогда как в обществоведении мы интересуемся тем или другим по представляемой им для нас ценности. Но и это неверно, ибо ведь и в естественных науках то или другое отдельное изучается по особой для нас ценности, хотя бы и чисто практической, а не идеальной, какую имеет в виду критикуемый взгляд.

16. Дело в том, что особая заинтересованность в отдельных предметах или явлениях может иметь разный источник. Им может быть простая любознательность, лежащая в основе чисто *теоретического интереса*, совершенно бескорыстного, *научного*, в строгом смысле слова. Далее, интерес может быть *эмоционального* происхождения, например, с одной стороны, *эстетический*, с другой – *национальный* и т.п., и в этом-то смысле, главным образом, в том взгляде, о котором идет речь, берется понятие ценности. Наконец, мы можем особенно тем или другим единичным интересоваться в практическом, *утилитарном* отношении, на какой-либо почве и возникают все отрасли прикладного знания. Значит, ценность может быть или *теоретическая*, или *эмоциональная*, или *утилитарная*. Теоретический интерес, лежащий в основе чистой науки, ставит ей свои задачи и диктует свои методы, хотя бы такое чистое знание могло бы быть и практически полезным. Утилитарный взгляд на науку может суживать понимание ее существа, но не приводит при этом к искажению самого знания, чего нельзя не сказать относительно интереса эмоционального.

17. Отнесение к ценности на почве эмоционального интереса может быть даже вредным для научности, когда в знание, должностующее основываться исключительно на *фактах* и на *логике*, привносятся элементы национального, патриотического, вероисповедного, партийного, сословного, классового, профессионального субъективизма в смысле *пристрастия*, любви и ненависти, восхищения и отвращения, предрассудков и предубеждений, делающих человека слепым и глухим к объективной истине. Такое отнесение к ценностям может сопровождаться прямыми искажениями объективного знания. Пусть источник нашего особого интереса будет эмоциональным, но, поставив важную задачу, данный интерес пусть не оказывает влияния на *метод* ее разрешения, который должен быть одним и тем же научным методом, т.е. методом строгого *беспристрастия*, ибо в нем, собственно, и заключается требование от науки *объективизма*.

18. Каждая идиографическая наука занимается установлением фактов на основании объективных данных и связей между фактами по законам логики, независимо от того, будут ли полученные выводы нам приятны или неприятны, полезны нам или вредны. Затем, но уже в виде добавочного для науки самой по себе постороннего дела, может происходить оценка познанного. *Констатирование* явлений и их взаимных отношений и *квалификация* их со стороны наших эмоциональных или утилитарных интересов – две вещи разные: первое есть дело науки, теоретического знания, вторая – дело житейское, вненаучное. Наука – едина для всех людей, житейские же интересы разделяют их на антагонистические группы с известными *пристрастиями*, делающими для одних приемлемым то, что для других неприемлемо. Это уже не от науки.

19. Объективизм в смысле беспристрастия, требуемого от науки, есть не только теоретическая, но и этическая проблема. Между возможными отношениями нашими, коротко говоря, к *вещам* и к *людям*, к которым одинаково применимы отношения утилитарное, эмоциональное и теоретическое, существует то различие, что на вещи мы смотрим как на нечто такое, чем может пользоваться в целях, им, этим вещам, совершенно посторонним, тогда как в людях видим *личности*, сами в себе носящие цель своего существования и потому не могущие быть только средствами для достижения целей, им посторонних, чуждых. В этом заключается суть особого отношения к *миру человеческих личностей*, которого не может быть к *миру вещей*, отношения *этического*, тоже отношения *оценочного*, но с совершенно иным мериллом, нежели в оценках, о которых шла речь выше. Те оценки всегда *пристрастны*, этическая как раз есть оценка *беспристрастная*: там в оценивающем про-

является принадлежность к его нации, к государству, к вероисповеданию, к партии, к сословию, к классу, к профессии, здесь оценивающий возвышается до *общечеловеческой точки зрения*, столь же в известном смысле обязательной в этике, какою она является в логике. Пристрастия осуждаются в науке одинаково обеими – и логикой, и этикой: первую – как *прегрешение перед истиной*, вторую – как *прегрешение против справедливости*.

20. Если в отнесении к ценностям и видеть отличие наук гуманитарных от естественных, то только в том смысле, что в деле теоретического познания природы мы не выходим за пределы данной действительности, тогда как в познании человеческого дел перед мыслью становится рядом с миром *сущего* мир *должного*, рядом с *действительностью* – *идеал*. Наука своим предметом имеет только первое, второе же относится к области *философии*, согласно с тем, что было сказано в § 4. Метафизическая философия в понимании человеческой личности, общества, государства и права грешила неразличением сущего и должного, принимая, что второе вытекает из первого, но видя само сущее не в феноменальной действительности, а в ноуменальном бытии (ср. § 5), находящимся за пределами опыта и потому только умопостигаемому. Научная философия смотрит на идеал не как на нечто *данное*, но как на *искомое* и различает между научным исследованием реального общества и философским, по существу дела этическим, творчеством общественного идеала.

21. Вместе с логикой этика и социальная философия (а с ними и эстетика) входят в область *нормативного* знания (§ 8), отличного от знания *экспликативного* (объяснительного), в котором и полагается сущность науки, но поскольку эти три дисциплины занимаются исследованием, на основании фактов, природы совершенных мышления, поведения и общения людей, т.е. того, что может мыслиться как их идеальная цель, и они тоже могут называться науками (а с ними и эстетика как теория художественного восприятия и творчества, где тоже есть свой идеал). Уже издавна мыслится нормативная триада *истины*, *блага* и *красоты*, прежнее метафизическое отношение к которым сменилось научным, основанным на реальном знании человека.

22. Само собою должно быть понятным отличие в методологическом отношении *экспликативных* и *нормативных* отделов познания человеческого мира. Первые идут путем *аналитического исследования*, вторые – *синтетического творчества*, одни – постигая то, что *дано* в действительности, и потому исходя из ее *фактических явлений*, другие – постигая то, что только *постулируется* (требуется) и исходя из этих постулатов, т.е. из *идеальных представлений*. Разница между анализом и синтезом будет выяснена в своем месте ниже, как и то различие, которое существует между *индуктивным* и *дедуктивным* методами, здесь же, не входя в подробности, можно только сказать, что *экспликативные* науки по природе своей *индуктивны*, идя от единичных фактов к общим формулам, *нормативные* же (если их считать тоже науками, а не философскими дисциплинами) – *дедуктивны*, как это делается в математике. В свое время будет, однако, отмечено, что различению, сделанному в этом параграфе, не следует придавать безусловного значения.

23. Определяя понятие науки в книге, посвященной вопросам метода, мы должны были особенно позаботиться о соблюдении тех правил, которые устанавливаются в руководствах логики для определений понятий. Это также ведь вопрос методологический. Как известно, в логике различаются *содержание* и *объем* понятий, причем под первым разумеется совокупность *признаков*, со стороны которых в понятии нечто мыслится, под вторым – совокупность *предметов*, под понятие подводимых, причем из двух понятий, из которых одно (видовое) подчинено другому (родовому), содержание и объем каждого из них находятся в обратном отношении друг к другу: больший объем бывает у более бедного из них по содержанию и, наоборот, более богато содержанием меньшее по объему. Определяя понятие науки, мы взяли существенные признаки научного знания в ясных и определенных, притом положительных выражении-

ях, не пропустив ни одного из них и не внося ничего лишнего, если не считать в первом отношении неуказания на значение общего как признака науки (§ 11), во втором пополнением упоминания о методе (§ 6 и 7), которое отнюдь не суживает понятия. Расширение понятия науки распространением на изучение и отдельных явлений отнюдь нельзя назвать излишним, как дополнение его упоминанием о методе не делает его и слишком узким.

24. Определение понятий или, по крайней мере, употребление понятий с точно определенным содержанием имеет важное значение в каждой науке. Есть, однако, большая разница между понятиями, под которыми мыслятся *естественные предметы*, и понятиями, обозначающими некоторые *отвлеченности*. В понимании содержания и объема первых не может быть разногласия: например, по вопросу, какие животные называются позвоночными и относятся ли к позвоночным животным такие-то и такие-то виды животных. Здесь самую природу указаны нам существенные признаки предметов и даны предметы, обладающие этими признаками. Вне спора находятся отвлеченные понятия математики и естественных наук, так сказать искусственно создаваемые для обозначения не *предметов*, а *свойств, отношений, состояний, действий, процессов*, или, по крайней мере, скоро устанавливается однообразное их понимание, тогда как в науках гуманитарных очень часто возникают и длятся без конца несогласия в установлении самих определений с допущением в них более широкого и более тесного смысла (см., например, в § 1). Мы встретились и с колебаниями относительно включения в их объем того или другого, или по отношению к содержанию, так и объему понятия науки (ср. § 21).

25. Причина этого различия между понятиями в естествознании и в гуманитарных науках заключается в том, что в первом наша мысль довольствуется тем, *что есть, как оно есть*, в последних же нередко в понятии мыслятся и то, что *должно быть*, и существенным признаком признается то, что соответствует нашему требованию от мыслимого в понятии. Так, наукою мы признали не всякое знание о всяких вещах, а знание квалифицированное и только о реальных явлениях, соответствующее известному *идеалу научности*. Так и логику как науку о правильном мышлении мы отличаем от психологии, изучающей между прочими душевными явлениями и мышление, но безоценочным образом. Это относится вообще ко всякому нормативному знанию, но там, где, по-видимому, должна бы преобладать экспликативная точка зрения, признание того или другого существенным признаком зависит не столько от *привносимости* того или другого со стороны философского понимания, т.е. не объективного исследования, а субъективного творчества. Классический пример разнообразия и несогласия в научных определениях представляет собою понятие права.

26. Вследствие указанного свойства таких отвлеченных понятий, употребляемых в общественных науках, одно и то же видовое понятие может входить в состав двух и более родовых понятий. Летучие мыши правильно отнесены зоологической классификацией к млекопитающим животным, и рядом с этой категорией и вне ее не существует другой с нею равносильной, равноправной категории летающих животных, куда были бы отнесены вместе с птицами и летучие мыши, и некоторые насекомые; ибо рождение животных детенышей и питание их молоком представляют собою существенные признаки, объединяющие множество животных в одном классе, тогда как летание не составляет существенного признака, и основываться на нем значило бы создавать не *естественную*, а обусловленную самую природою, а *искусственную*, произвольную классификацию. Здесь, так сказать, нет конкурирующих между собою признаков, и основа деления едина. В гуманитарных понятиях возможно и другое. По одному существенному признаку мы делим конституционные государства на монархические и республиканские, по другому – на дуалистические и парламентарные, вследствие чего в первом делении Англия и Пруссия принадлежали в начале XX века к одной категории, а Франция и Северо-Американские Штаты к другой, во втором же в один класс попадали прусская монархия и

американская республика, а в другой класс с английской монархией французская республика.

27. То же затруднение встречается по отношению к той умственной операции, которая в логике называется *делением понятий*, т.е. разделением всего объема понятия на части, соединенным с отличием их одних от других. В этом деле существуют свои правила, состоящие в том, чтобы деление было полным, покрывающим все его члены, чтобы отличие каждого члена от остальных могло быть понято всеми одинаковым образом и чтобы члены деления исключали друг друга. Соответственно последнему требованию не должно быть перекрестного деления, когда объемы членов деления совпадают своими частями. Но перекрестность деления получается и в том случае, если член деления одного понятия является и членом деления другого понятия, т.е. одновременно какое-либо понятие входит в объемы двух разных понятий. Например, различая науку и философию (§ 3), мы должны мыслить их объемы совершенно ограниченными один от другого, а между тем мы готовы включать логику и в число наук, и видеть в ней часть философии. Другими словами, в этом случае, как и в других гуманитарных понятиях, нет иногда той резкой разграниченности, в силу которой принадлежность к одному классу исключала бы принадлежность к другому.

28. Результаты деления понятий совпадают с результатами *классификации*, т.е. разнесения предметов, составляющих какое-либо понятие, по классам или группам, категориям и т.п., по сходству некоторых из этих предметов в каком-либо отношении и по несходству с другими в том же отношении. В трактатах логики устанавливаются и правила научной классификации, причем сами классификации разделяются на два класса, смотря по тому, служат ли в них, во-первых, основанием деления самые важные признаки или нет, а во-вторых, имеют ли предметы, включенные в одну и ту же группу, больше сходств, нежели различий, относимые же к разным группам, наоборот, больше различий, чем сходств. Классификации, вполне удовлетворяющие обоим требованиям, принято называть *естественными*, а остальные, не считающиеся с важностью признаков, служащих основанием деления и со степенью сходства между предметами, относимыми к одному и тому же классу, обозначаются как *искусственные*. Первые называются естественными потому, что сама природа, так сказать, разместила классифицируемые предметы по определенным группам, тогда как искусственные классификации имеют более условный характер.

29. В предыдущем мы уже классифицировали науки и притом не в одном каком-либо отношении. Во-первых, мы говорили о науке в более широком и в более тесном смысле (§ 1). Далее мы различали науку чистую и прикладную (§ 16). Затем мы указали еще на различие наук экспликативных и нормативных (§ 21) и, наконец, установили понятия наук номологических или номотетических и феноменологических или идиографических. Естественная классификация может быть только одна, искусственных – много, да и само понятие науки, относящееся не к области природы, а к области гуманитарной, не обладает тою определенностью, которая характеризует понятия естествознания и потому отличается некоторою растяжимостью. История науки знает целый ряд различных классификаций наук, очень отличных одна от другой, что есть очень важный их признак. Классификации наук в этом отношении – полная противоположность классификации животного царства в зоологии.

30. Беря науку только в более тесном смысле и ограничиваясь поэтому только чистой наукой, мы отождествили ее, главным образом, с экспликативным знанием, отнесши нормативное к области больше философии, отличающейся в данном случае от науки, а эту, так понятую науку разделили на номологию и феноменологию или номотетику и идиографию, взявши за основу деления *формальную*, а не *реальную* сторону науки, различие ее задач – познание общего, родового и познание особенного, единичного, тогда как реальная основа заключается в *предметах* изучения, по которым и разделение понятия науки будет иным. Оба деления одно с другим перекрещиваются, так что науки, в

одном отношении попадающие в один класс, в другом окажутся принадлежащими разным классам, и наоборот.

31. Логика учит нас, что все наше знание состоит из суждений, т. е. из таких мыслей, в коих нами что-либо утверждается или отрицается и которые сами состоят из более первичных элементов, называемых понятиями, представлениями и т. п. Логика, далее, усвоила составным частями каждого суждения название «понятий», в каждом из которых научила различать содержание и объем. Понятия по их объему она разделила на *единичные* и *общие*, когда объем сводится или к другому предмету, или когда им является целая их группа. Понятия России, Петербурга, Петра Великого относятся к первой категории, понятия государства, города, реформатора – ко второй. Характер той или другой науки определяется тем, имеет ли она дело преимущественно (если не исключительно) с единичными или с общими понятиями. Соответственно этому делению понятий по их объему и суждения, различно делясь в других отношениях на *единичные* и *общие* с прибавкою еще частных. Единичным суждением, как известно, называется такое, в котором подлежащим является понятие единичного, а общим – то, в котором сказуемое относится ко всему объему подлежащего, заключающегося в общем же понятии, тогда как в частном суждении сказуемое относится только к некоторой, хотя бы и неопределенной части объема подлежащего. «Петр Великий основал Петербург» – единичное суждение; «некоторые города основаны Александром Македонским» – частное; «всякий город был основан какими-либо людьми» – общее. Преобладание или господство в науке той или другой категории суждений обуславливает принадлежность к знанию *индивидуализирующему* или *генерализирующему*.

32. Последнее деление, могущее быть одинаково примененным к понятиям или самой науке, или только ее метода, предположено было немецким философом Риккертом⁶, исходившим из мысли, близкой к той, которая легла в основу деления на идиографические и номотетические науки (§ 12), но оба деления, в сущности, далеко не совпадают. Еще идиографическое и индивидуализирующее знание можно отождествить, как знание единичных явлений, но знание номотетическое и генерализирующее не совпадают: первое понятие уже второго, потому что не всякая генерализация приводит к познанию законов явлений и, следовательно, может быть сознательно применяема и для других целей. Термин «генерализация» в русском переводе значит «*обобщение*». Так мы называем образование из нескольких единичных суждений ($a + a + a \dots$) одного суждения общего (A), причем, однако, подлежащее этих единичных суждений или, вернее, предметы, в них мыслимые, могут быть или только *отдельными примерами одного какого-либо общего явления*, или же, будучи либо не будучи таковыми, *являться отдельными частями какого-либо сложного целого*. В случаях первого рода обобщение происходит по содержанию, во вторых – по объему понятий.

33. Обыкновенно такого рода различения в понятии «обобщение» не делают, и потому на нем следует остановиться подробнее. Когда я говорю, например, о процессе собирания Руси московскими великими князьями, я, в сущности, обобщаю отдельные случаи присоединения к Московскому княжеству новых и новых уделов. Все эти случаи подходят под общее понятие, термином которого является слово «присоединение», но в то же время, происходя все на одной и той же территории, которую мы называем Россией, и в одном и том же периоде времени, обозначаемом, как XIV–XVI столетия по Р. Х., вместе с тем они являются отдельными моментами или этапами одного и того же процесса, понимаемого как собирание Руси или объединение России. Этот процесс представляет собою, как отдельные его части, лишь *единичное* же, но *сложное целое*, выражаемое суждением, в котором обобщено много единичных суждений. В буквальном смысле здесь $A = a + a + a + a$ и т. д. Обобщение тождественно здесь с *интегрированием*, принимая этот термин не в его математическом употреблении, а в близком к спенсеровскому⁷ термину «интеграция», под которым мыслится процесс сплочения бывшего прежде разрозненным. (Иначе можно было бы назвать это и синтезированием.)

34. Иным характером отличается обобщение, когда обобщаемые явления не связаны ни местом, ни временем, но принадлежат разным странам и разным эпохам и, подходя под одно и то же понятие, никоим образом не могут рассматриваться как части одного целого, а имеют значение однородных фактов, могущих быть суммированными в одной общей формуле. Аналогичные собиранию Руси процессы происходили и в других странах, причём род московских Рюриковичей играли во Франции Капетинги, в Пруссии Гогенцоллерны⁸ и т. п., и все это были процессы, так сказать, параллельные, однородные, но разрозненные, не составлявшие одни продолжения других, не бывшие частями одного целого. Мы можем суммировать отдельные случаи политической интеграции, каковой является каждое собирание областей под единую власть, но формулой здесь будет не столько $A = a + a + a + a + a \dots$ (§ 33), сколько $A = na$, в котором n обозначает количество случаев, имевшихся в данном обобщении. Такое обобщение, как известно, в логике называется *индукцией*, учение о которой имеет громадное значение в методологии наук.

35. Значит, не всякая генерализация приводит к образованию общих суждений. «Москва собрала великорусское племя в одно государство» есть единичное суждение, хотя и сложное, как получившееся путем суммирования ряда простых единичных суждений о присоединении отдельных княжеств, тогда как суждение: «новые европейские государства образовались путем уничтожения самостоятельности отдельных феодальных владений или феодов» будет, конечно, суждением общим. С другой стороны, не всякое общее суждение может претендовать на значение закона. Многие обобщающие суждения говорят не обо всех случаях данного рода, без чего не может быть закона в научном смысле, а только о некоторых, так что обладают значением не действительных *общих суждений*, имеющих в виду *всякий* случай одной категории, а только суждений частных (§ 13), говорящих лишь о некоторых случаях, как это мы видим в обобщающем суждении об образовании европейских государств из феодальных и удельных владений.

36. Отсюда получается тот вывод, что номологические суждения суть только частный вид обобщений и что, с другой стороны, суждения идиографические, в свою очередь, могут быть суждениями об отдельных простых, неразложимых фактах и о фактах сложных, в состав которых входит несколько отдельных фактов. Их можно было бы назвать суждениями *простыми* и *сложными*, как это делается в логике по количеству ли сказуемых при одном подлежащем, или подлежащих при одном сказуемом, если бы в обобщенных суждениях многие подлежащие логически не были заменяемы одним, т. е. отдельные слагаемые: $s + s + s + s + s^9 \dots$ их общему суммою S. Здесь можно было бы воспользоваться терминами *индивидуализирующий* и *генерализирующий*, если бы единичное явление было всегда простым и никогда не было сложным, т. е. суммою нескольких слагаемых и если бы обобщение не приводило к образованию не только к суждениям о сложных явлениях, но и о законах явлений.

37. Признаки единичности и общности нужно приписывать суждениям только в условном смысле. Между тем, так сказать, безусловно единичными суждениями (Петербург основан в 1703 году) и безусловно общими (все люди смертны), как двумя суждениями полными, существует не пропасть, а пространство, заполненное великим множеством суждений, которые по отношению к другим или в сравнении с ними будут то более общими, то более частными, смотря по тому, будут ли их подлежащие понятиями с более или с менее широким объемом. Безусловно единичным суждением будет то, в котором объем подлежащего заключен только в одном предмете, как мы это видим в суждении: «Иван III присоединил Новгород». Из ряда таких простых суждений мы можем составить сложное, в котором будет соединен ряд единичных подлежащих с одним сказуемым: «Такой-то, такой-то, такой-то и т. д. князь объединил под властью Москвы разные княжества», и это суждение будет общим по отношению к первому, но останется частным по отношению к более общему, так как говорят

только о *некоторых* (именно о московских), а не обо всех, хотя бы только о великорусских князьях, о которых можно было бы высказать действительное общее суждение: «Эти князья вели свой род от Рюрика». Но сложное суждение с несколькими подлежащими превратимо в простое, когда мы многие слагаемые выражаем в единой сумме: «Династия Ивана Калиты политически объединила великорусское племя». Это уже и не сложное, и не частное суждение, а простое и единичное, но полученное путем обобщения ряда единичных суждений с заменой нескольких подлежащих одним. Систематизация в науке и заключается в постепенной переработке массы единичных суждений (первичных фактов) все в меньшее и меньшее количество общих путем указанных приемов интеграции и индукции.

38. Чем более в науке единичных суждений, первичных и обобщенных, тем она идиографичнее, что в области гуманитарных наук прежде всего относится к историческому знанию вообще, и, наоборот, чем более в науке суждений общих, полученных индуктивным путем, тем она номологичнее, что наиболее всего относится к математике, совершенно лишенной идиографического элемента. Между идиографическим и номологическим полюсами науки размещается ряд наук в порядке уменьшающейся идиографичности и возрастающей номологичности. Изучая единичные экземпляры животных, зоологи высказывают более общие суждения о их видах, а сравнивая отдельные виды – о родах, еще более общих, затем о классах, о животных вообще и, наконец, соединяются с ботаниками, изучающими таким же порядком растения, и подходят к наиболее общей науке об органической природе – биологии.

40. То же самое наблюдается и в истории, все более идиографически обобщающей свой фактический материал, тем самым делая его пригодным для номологических обобщений в социологии. Здесь есть целый ряд переходов от суждений безусловно единичных к суждениям безусловно общим, переходов с характером частных суждений, которые будут более близкими к единичным или к общим, смотря по объему их подлежащих. Раз в истории, так же, как в зоологии и в ботанике, создаются классификации, хотя бы и более искусственные, чем в естествознании, здесь кроме единичных изучений могут быть и групповые с применением сравнительного метода, о котором речь будет впереди. Так, между прочим, изучаются некоторые *общие типы* государственных образований, и то, что я называю *типологией*, служит одною из переводных ступеней от идиографии к номологии, соответствуя совокупности частных суждений между совокупностью единичных, с одной стороны, и совокупностью общих, с другой. Это – один из этапов на пути между историей и социологией (идиографией и номологией).

41. Введение понятия типологии в один ряд с идиографией и номологией необходимо в соответствии с логическим делением суждений на единичные, частные и общие, а главным образом для того, чтобы дать место наукам, в которых особенно видную роль играют *классификации*, занимающие место между описаниями и повествованиями (например, в географии и в истории), с одной стороны, и самыми общими рассуждениями, с другой. Привьется ли это методологическое нововведение – вопрос другой, решение которого будет зависеть от практической пригодности нововведения, но логическое оправдание для него имеется, о чем будет говорить еще дальше.

42. С особенной еще точки зрения науки разделяются на два больших класса, из которых один носит название наук *умозрительных*, другой – *опытных*. Первые называются еще *рациональными* (от лат. «ratio», разум) и спекулятивными (от лат. «speculatio», созерцание), вторые – эмпирическими (от греч. «εμπειρία», опыт). В дальнейшем мы будем пользоваться терминами «рациональный» и «эмпирический». Все различие между ними заключается в том, что рациональное знание состоит из суждений, доказываемых *без помощи какого бы то ни было опыта*, как в смысле наблюдения над действительностью, так и в значении эксперимента, знание же эмпирическое состоит из суждений, так или иначе *основанных на данных опыта*. Наилучшим

примером рационального знания может служить геометрия, в которой новые теоремы выводятся из старых, а первые теоремы – из самоочевидных истин, называемых аксиомами. Примером наук эмпирических может быть история, которая целиком зиждется на данных опыта. Научная гносеология, одинаково отвергая исключительные взгляды на опыт или на деятельность разума в качестве единственных источников познания, признает двойное его происхождение, а научная методология причисляет к той или другой категории отдельные науки в зависимости от преобладания в них того или другого элемента.

43. Соответственно с этим последним делением наук, логика отдельно рассматривает два класса доказательств, соединенных или не соединенных с данными опыта, что имеет весьма важное значение и для методологии разных наук, особенно если принять в расчет, что гораздо чаще все доказательства делятся на *индуктивные* и *дедуктивные* (разница между которыми будет выяснена в своем месте), здесь же отметим, что в зависимости от преобладания в методе науки либо индукции, либо дедукции, ту или другую науку называют индуктивной или дедуктивной. Например, математика является наукою, несомненно, дедуктивной, и тот характер придал Адам Смит¹⁰ созданной им политической экономии, но когда та же самая политическая экономия стала пользоваться историческими обобщениями, она приобрела понятие «наука».

44. До сих пор мы говорили о делении понятия «наука» с *формальной*, методологической стороны, принимая в расчет *задачи*, какие может наука ставить себе, теперь же речь будет идти о классификации наук с *реальной* стороны, по тем *предметам*, какими наука может заниматься. Совокупность этих предметов дана нам в действительности, сводящейся к миру явлений единственно с точки зрения критической и позитивной философии, доступному нашему знанию. Доступность знанию значит *доступность опыту*, опыт же наш делится, как известно, на *внешний* и *внутренний*, на впечатления, получаемые нами от окружающего мира, и на наши психические переживания. На почве этого различия создался дуализм понятий *материи* и *духа*, породивший в метафизике противоположные направления материализма и спиритуализма, или отличные от них дуализм, принимающий в основе мира оба начала, и монизм, видящий в материи и духе лишь проявления одной и той же сущности. Наука не призвана решать такие вопросы (§ 5), относящиеся к области метафизики, но и не устраняет различности, с одной стороны, явлений материальных, или *физических*, в широком смысле слова (греч. «physis», природа) и духовных, или *психических* (греч. «psyche», душа). Отсюда два больших отдела наук о *природе* и наук о *духе* (нем. Naturwissenschaft и Geisteswissenschaft).

45. Науки о природе принято называть еще *естественными*, *естествознанием*, реже *природоведением*. Под естествознанием разумеют именно изучение внешней природы, то включая сюда и математику, то отделяя ее в особое понятие, весь объем которого сводится к ней самой (если только не подразделять ее на арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию и т.п.). Впрочем, вопрос о месте математики в общей системе знания для нас не представляет интереса, равно как и вопрос о внутренней классификации естествознания с массой его наук, носящих разные названия. В одной только зоологии каких только нет названий (орнитология, ихтиология, энтомология и т.д.).

46. Употреблять название «науки о духе» нужно только с оговоркою, что речь может идти здесь лишь о явлениях человеческой психики и что духовный мир человека может изучаться со стороны его содержания как совокупность внутренних переживаний человека без всякого его объективирования за пределами мира явлений. Спиритуалистическая философия может исследоваться совершенно так же, как и другие продукты духовного творчества, как и религия, и поэзия, без деления отсюда выводов о духовном мире как сверхчувственном и сверхопытном, сверхестественном, потустороннем или ноуменальном (§ 5). В данном случае показателен пример современной психологии, совершенно не касающейся природы или сущности души.

47. Гораздо удобнее называть науки о духе – гуманитарными (лат. «humanus», человеческий), так как все они имеют своим предметом человека, человечество, все человеческое, беря человека, однако, не с материальной, физической стороны его бытия. В последнем отношении человек есть предмет естествознания, в частности таких наук, как анатомия, физиология, антропология (в качестве своего рода отдела зоологии), т. е. наук биологических, вообще изучающих органическую жизнь на земле. В гуманитарных науках человек берется, прежде всего, в качестве существа мыслящего, чувствующего, желающего, действующего и живущего в обществе себе подобных. В этом смысле *психология есть первая и основная гуманитарная наука*, примыкающая в естествознанию к физиологии (в частности, к физиологии мозга, нервной системы, органов чувств).

48. За последнее время наукам о *природе* стали противопоставлять науки о *культуре*, изучению созданного и создающегося природою в ее эволюционном процессе изучение того, что обязано своим происхождением творчеству человека. Это разделение имеет своим происхождением творчество человека. Это разделение имеет свои основания, но и вызывает возражения. Конечно, одно – природа, другое – культура, но в таком случае куда отнести психологию, изучающую естественные явления и процессы человеческой душевной жизни? С другой стороны, с этим делением соединено противоположение *естественной эволюции и культурного творчества*, получающие смысл только в том случае, если последнее имеет всегда и во всем сознательный, преднамеренный, явно целеполагающий характер, тогда как на деле столь много в исторической жизни человечества стихийных, органических и т. п. процессов, совершающихся путем естественной эволюции без ведома и желаний самих людей. Наконец, если понятие природы мыслится всеми одинаково, термин «культура» страдает некоторою расплывчатостью. Поэтому из трех существующих названий (науки гуманитарные, о духе, о культуре) лучше всего употреблять название, указывающее на человеческий мир как на общий предмет этого класса наук.

49. Этим не отвергается пользование понятием *культуры* в смысле совокупности всего, что *возвышает человека над животным миром* и что составляет предмет почти всех гуманитарных наук. В этой совокупности мы различаем материальную, духовную и общественную стороны, т. е. *технику, идеологию и учреждения* в широком смысле этих слов. Изучение *материальной культуры*, составляющее, между прочим, предмет археологии для более далеких времен, нуждается для более близкой эпохи в помощи прикладного естествознания. Под понятие *духовной*, идеологической культуры подводятся такие явления исторической жизни, как язык, мифология, фольклор, поэзия, религия, философия, наука, литература, искусство, составляющие предметы специальных изучений теоретического и исторического характера. Третьим видом культуры является *общественная*, сводящаяся к тем установившимся формам практических отношений между людьми, которые называются учреждениями в самом широком смысле термина, т. е. нравы и обычаи, право, хозяйственные порядки, государство, тоже изучающиеся теоретически и исторически.

50. Только что указанное изучение культуры может быть и идиографическим, и типологическим, номологическое же ее изучение должно быть преимущественно предметом более общих наук. Ими в данном случае являются *психология и социология*, первая – для наук о духовной культуре, которые ради краткости позволим себе называть *культурными* (в более узком смысле), вторая – для наук общественных, или, как тоже их можно назвать, *социальными*. Психологию при этом мы берем не только в ее обычном понимании изучения психических явлений, совершающихся в индивидуе (психология индивидуальная, интраментальная, от лат. «inter mentes», между душами). Социальные психология и социология, таким образом, занимаются исследованием законов культурных и социальных явлений.

51. В состав гуманитарного знания входят еще две нормативные (деонтологические от греч. «deon», должное) дисциплины философского характера: этика и социальная философия, имеющие своим содержанием идеалы личного поведения и общественного устройства. К той же категории должны быть отнесены также логика и эстетика.

52. Так можно классифицировать науки по изучаемым ими предметам. Заслуживает еще большего внимания вопрос о иерархическом порядке, в каком должны быть расположены все номологические науки. Этот вопрос поставил и правильно, в общем, решил родоначальник позитивизма и основатель социологии Огюст Конт, допустивший только одну ошибку в виде исключения из этого рода наук психологию, которую мы и восстанавливаем на надлежащем месте. В основу иерархического порядка Конт положил принцип *убывающей общности при возрастающей сложности* изучаемых предметов, причем каждая последующая наука опирается на предыдущую, внося в знание и нечто свое, новое, некоторый *плюс*, и в этом же порядке отдельные науки исторически перешли с метафизической ступени на положительную, т. е., строго говоря, научную. Этот порядок представляется, с указанною поправкою в следующем виде:

1. Математика.
2. Астрономия (небесная механика).
3. Физика.
4. Химия.
5. Биология.
6. Психология.
7. Социология.

53. Можно сказать еще, что после Конта началось, так сказать, заполнение промежутков между этими номологическими науками в виде астрофизики, физической химии, физиологической химии, психофизиологии, социальной психологии, что более соответствует непрерывности порядка природы. В связи с этим произошло и сближение методов гуманитарных наук с естественнонаучными, и началось вытеснение из первых методов, основанных на метафизических предпосылках. В гуманитарные науки, не всегда, впрочем, к их пользе, переносились даже целиком понятия, точки зрения и методы, свойственные естественным наукам, как, например, такие понятия, как «социальная физика», «социальная статика», «социальная динамика», «социальный организм», применение физических и биологических аналогий в качестве одного из важнейших методов и т. п.

¹ Мольер (Жан Батист Поклен, 1622–1673) – французский комедиограф и актер. Журден – герой комедии «Мещанин во дворянстве» (1670).

² Аристотель (384 г. до н. э. – 322 г. до н. э.) – древнегреческий философ.

³ Шопенгауэр Артур (1788–1860) – немецкий философ, один из родоначальников неклассической философии.

⁴ Конт Исидор-Мари-Огюст-Франсуа-Ксавье (1798–1857) – французский философ, родоначальник позитивизма и основатель социологии.

⁵ Виндельбанд Вильгельм (1848–1915) – немецкий философ, представитель баденской школы неокантианства.

⁶ Риккерт Генрих (1863–1936) – немецкий философ, представитель баденской школы неокантианства.

⁷ Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ, один из родоначальников позитивизма, представитель органического направления в социологии.

⁸ Рюрикович – княжеский, а затем царский род на Руси, берущий начало от полупоэтического Рюрика (ум. 879 г.), последними правителями в Московском государстве из рода Рюриковичей были Федор Иоаннович (1557–1598) и Василий Шуйский (1552–1612). Капетинги – французская королевская династия, правившая с 987 по 1328 г. Гогенцоллерны – немецкая династия, правившая в Бранденбурге, Пруссии и Румынии.

⁹ S – subjectum, подлежащее (примеч. Н.И. Кареева).

¹⁰ Смит Адам (1723–1790) – шотландский экономист, профессор нравственной философии Университета Глазго.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета (Нижневартовск)

Тел.: 8 (922) 655-71-50; E-mail: r.solodkin@yandex.ru

Оценивая сочинение Дж. Флетчера как источник по отечественной истории XVI в., С.М. Середонин пытался вскрыть тенденциозность сообщений английского дипломата и юриста, уделив первостепенное внимание его уникальным свидетельствам. Ученый старался определить, на чем основаны его сведения, определить степень их достоверности, выяснить место трактата «О государстве Русском» в ряду многочисленных произведений о «Московии», оставленных иностранцами, особенно англичанами.

Ключевые слова: С.М. Середонин, Дж. Флетчер, Дж. Горсей, устные источники, трактат «О государстве Русском», записки иностранцев о России, Россия в XVI в.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЖ. ФЛЕТЧЕРА О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ С.М. СЕРЕДОНИНА*

Среди иностранных источников по отечественной истории XVI в. одно из первых мест зачастую отводится сочинению Дж. Флетчера «О государстве Русском». Известное российским ученым со времени Г.Ф. Миллера¹, это сочинение, впервые опубликованное на родине автора в 1591 г., спустя три столетия стало предметом монографического исследования С.М. Середонина².

По его определению, «задача русского историка, при изучении иностранных известий, состоит в следующем: 1) изучить понятия и воззрения автора, равно как и отношения его к Московскому государству, 2) проверить, что возможно, несомненными данными, 3) указать источники его сообщений; таким путем определится степень его достоверности, и судя по ней, должно принимать или отвергать известия, проверка которых невозможна». Эту задачу С.М. Середонин, в частности, пытался решить, анализируя трактат Дж. Флетчера.

На взгляд исследователя, из иностранных известий русский историк должен выбирать факты, проверять их отечественными известиями, а если таковых нет, сличать данные факты с показаниями других иностранцев; если и этого сделать нельзя, то по возможности следует решить вопрос об источнике интересующего нас известия: наблюдение ли это самого автора, передал ли он сообщение осведомленного лица или записал ходившие слухи. Определить, каким путем дошло то или другое известие до автора-иностранца, очень важно; ведь иноземцы жили в древней Руси особняком, и большинство сведений доходило до них в извращенном виде³.

По замечанию С.М. Середонина, он не может припомнить ни одного самостоятельного научного труда по русской истории XVI в., в котором не встречались бы ссылки на сочинение Дж. Флетчера. Своей целью ученый считал определить степень достоверности как всего этого сочинения, так и его отдельных сообщений.

«По своей ценности» С.М. Середонин различал три категории известий Флетчера. «К первой относятся известия, не имеющие вовсе никакой цены или имеющие очень малую цену для русской науки», например, о порядке православного богослужения, церковных обрядах. Вторую категорию, в представлении историка, составляют многочисленные известия, сами по себе интересные, но для решения вопросов, к которым они относятся, имеют лишь второстепенное значение. С особой тщательностью С.М. Середонин обращался к показаниям английского дипломата, которые служат главными источниками для рассмотрения затронутых им проблем⁴.

Как подчеркнул С.М. Середонин, из всех англичан, посетивших в XVI в. Россию, Флетчер был наиболее образованный человек. Он воспитывался сначала в Итоне, а потом в Кембридже, где получил степень доктора прав⁵.

Сочинение Флетчера резко отличается от других иностранных произведений о России тем, что его автор обнаруживает по тому времени большую начитанность; свое изложение он иногда подкрепляет ссылками на того или другого писателя⁶.

Ученому казалось несомненным, что своей эрудицией Флетчер превосходит остальных иноземцев XVI–XVII вв., писавших о «Московии»: ему известны были самые разнообразные сочинения; многое Флетчер узнавал из своих разговоров в России и по личным впечатлениям. Так, ему немало рассказали торговавшие там англичане, например, о вывозе оттуда мехов, льна, воска.

Несколько раз автор трактата ссылается и на свои разговоры с русскими, и ни в одном иностранном сочинении о России нет такого количества русских слов самого разнообразного значения, какое мы встречаем у Флетчера, причем эти слова, за исключением очень немногих случаев, употребляются вполне уместно⁷.

Как предполагал исследователь, толмач, постоянно состоявший при английском после, мог сообщить ему русские имена, «названия интересовавших его лиц и предметов»⁸.

Отвечая на вопрос, откуда Флетчер получил разнообразные и подробные сведения о России, С.М. Середонин указывает, что, приехав туда, королевский дипломат как человек любознательный и привыкший уже к литературной деятельности «стал записывать свои заметки об этой стране, столь не похожей на те, которые он посетил раньше»⁹.

Часто англичанин мог пользоваться только смутными слухами, что видно из того, как неточно Флетчер рассказывает о возведении митрополита Московского в патриарший сан¹⁰.

При этом, по заключению С.М. Середонина, «Флетчер вовсе не ограничился только ролью пересказчика чужих слов»¹¹.

Ученому также думалось, что многое Флетчер мог узнать в Лондоне из личных бесед с англичанами, побывавшими в России, и несомненно, что этот посол Елизаветы I знал о Московии еще до поездки туда¹².

Почти все цифры, приведенные Флетчером, с первого же взгляда, по словам С.М. Середонина, возбуждают недоразумения у читателя и часто противоречат друг другу. Скорее всего, эти данные заимствованы у Дж. Горсея. Иногда то, о чем последний сообщает как о единичном факте, по наблюдению историка, в трактате Флетчера служит уже обобщением¹³.

У С.М. Середонина сложилось впечатление, что «наиболее интересные и существенные части всего сочинения (Флетчера. – П.С.) представляют пересказ известий Горсея»¹⁴.

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-4218.2012.6

С точки зрения исследователя, если в некоторых случаях (например, относительно русского судопроизводства) отзывы авторов прямо противоположны, то это объясняется тем, что Флетчер, считая себя компетентным по ряду вопросов, позволил себе ответить на них иначе, чем Горсей¹⁵.

По словам С.М. Середонина, в описании событий со времени Грозного «руководителем Флетчера является Горсей». К примеру, рассказ последнего о спасении Пскова юристом Николаем Салосом повторяется в трактате «О государстве Русском» с незначительными изменениями. И Горсей, и Флетчер видели в возведении на престол Симеона Бекбулатовича лишь фискальную меру царя Ивана.

Говоря о времени Федора Ивановича, Флетчер во многом тоже следует Горсею, сокращает его довольно интересные рассказы о роли, которую уже с 1586 г. играл Б.Ф. Годунов при московском дворе.

С.М. Середонин считал очень вероятным, что главы о дворянстве, об областном управлении, о царской думе, доходах, военных силах, частной жизни царя, т.е. наиболее интересные разделы всего сочинения Флетчера, – это пересказ известий Горсея. К примеру, глава 11-я содержит такие сведения, которыми только что приехавший в Москву посол, конечно, не располагал. 26-я глава (где сообщается, что делал Федор Иванович с самого утра и до вечера, даже об отношениях его к царице) могла быть написана только со слов очень близкого ко двору лица, каким являлся Горсей¹⁶. (А.А. Севастьянова тоже считает, что Флетчер многое почерпнул из рассказов Горсея, «в упорядоченных записках-трактате» которого «совсем мало живых зарисовок событий и свидетельств: он иной по жанру», чем повествование Горсея¹⁷.)

То обстоятельство, что Флетчер многое заимствовал у Горсея, в глазах С.М. Середонина не уменьшает заслуг первого: остается только радоваться, что ценный материал, собранный Горсеем, попал в руки ученого автора, который изложил его ясно и систематически, хотя и не везде внимательно¹⁸.

С.М. Середонин думал, что 20-я глава (о пермяках, самоедах и лопарях) написана Флетчером главным образом по рассказам известного английского купца А. Мерша, которого посол, как и Горсея, вез с собою в Англию (Мерш одно время вел торг с Сибирью, посылал своих агентов к Оби, и, конечно, от него Флетчер мог заимствовать данные о самоедах и о Золотой Бабе)¹⁹.

Кроме того, по свидетельству Флетчера, он разговаривал с несколькими самоедами, в частности об их религии.

По заключению С.М. Середонина, приехав в Москву, Флетчер попал в круговорот слухов, сплетен, которые и запечатлел в своем сочинении. Так, многие известия англичанина – в значительной степени отголосок ходивших по Москве разговоров, например, об отношении Бориса Годунова к царевичу Дмитрию.

С.М. Середонин пришел к выводу, что сведения Флетчера (побывавшего в Москве в 1588–1589 гг.) о прошлом России крайне сбивчивы и заключают такие промахи и ошибки, которых нет у других иностранных авторов.

Подобно Горсею, Флетчер не считал нужным дать своим читателям очерк русской истории, но его сообщения о древнейшем прошлом Руси в оценке С.М. Середонина «ниже всякой критики, несмотря на большую, сравнительно, начитанность нашего автора», вследствие неумения или нежелания английского дипломата сойтись с русскими²⁰. Так, он производил московских царей от венгерских²¹. Но чем ближе подходит Флетчер к своему времени, тем меньше он делает грубых ошибок, – констатирует С.М. Середонин²².

По его наблюдению, границы России Флетчер, в отличие от С. Герберштейна, указывает очень неопределенно. К концу 1580-х гг. А. Дженкинсон, Х. Борро и другие англичане произвели уже измерения географических долгот и широт разных местностей России. Флетчер, однако, не воспользовался данными сведениями, а вместо них привел очень далекие от истинных. Очевидно, он не знал даже измерений своих предшественников. В оценке С.М. Середонина и свидетельства Флетчера по гидрографии России, в общем, лишены интереса.

Малоценными признавал исследователь также его сообщения о климате и почве Московского государства. По замечанию С.М. Середонина, Флетчер описывает русскую зиму словами С. Герберштейна и притом не совсем удачно.

Из «животного царства» Флетчер останавливается на некоторых видах, которые в Англии не встречаются: лось, олень, дикая лошадь, медведь, россомаха, рысь и др. Но автор знаменитого трактата, – констатировал С.М. Середонин, – ограничивается только их перечислением, а если иногда и сообщает что-то о русских лошадях, овцах, то его известия не представляют ничего нового и интересного. Более ценными ученый считал сообщения Флетчера о служивших предметами торговли мехах, кожах, сале и ворвани, рыбьем зубе, т.е. клыках моржа, а также описание английским юристом и богословом ловли тюленей.

Зато о предметах «царства ископаемых» Флетчер говорит обстоятельнее многих остальных иностранцев, побывавших в России. Им указаны все главнейшие в «Московии» места добычи соли, хотя вычегодскую автор ошибочно выдает за каменную.

С.М. Середонин находил не имеющими значения свидетельства Флетчера о русских городах, за исключением описания их наружного вида²³. В описании же весеннего и летнего пейзажа русской природы Флетчер, на взгляд историка конца XIX в., совершенно оригинален²⁴.

Географический очерк Московского государства, с точки зрения С.М. Середонина, вышел у Флетчера довольно слабым. Обстоятельны только его сообщения о предметах торговли. В описании северных берегов России (из 20-й главы «О пермяках, самоедах и лопарях») Флетчер дает больше нового, и эти строки заслуживают внимания²⁵.

С.М. Середонин находил, что 12-я глава рассматриваемого сочинения, посвященная царским доходам в России, – самая интересная из всех, и преимущественно именно она содействовала упрочению за трактатом Флетчера репутации первостепенного источника по русской истории. Однако автору трудно было уловить особенности общественного и административного строя «Московии», и у англичанина часто встречается желание втиснуть ее жизнь в западноевропейские рамки²⁶.

Пользуясь, по заключению С.М. Середонина, сведениями Горсея, Флетчер обстоятельно перечисляет доходы Б.Ф. Годунова, допуская, однако, явные преувеличения. Так, в высшей степени сомнительно, чтобы правительству принадлежали доходы с Рязанской и Северной земель (якобы 30 000 руб.); следом сам Флетчер говорит, что из Рязанского края поступали в Четвертной приказ те же 30 000 руб. тягла и податей. Флетчер преувеличил доходы казны с Ваги почти в четыре раза.

Его известия об экономическом упадке России особенно интересны тем, что, не ограничиваясь общими замечаниями, он в 3-й главе указал несколько цифр относительно размеров русского экспорта. Вполне подтверждается показание автора о важности Нарвы для России. В целом следует вполне согласиться с Флетчером в том, что русский «отпуск» после войны с Баторием и Швецией значительно упал сравнительно с предшествовавшими годами, – полагал исследователь конца XIX в., хотя английский дипломат не уяснил себе, как тяжело отозвалась на состоянии Московского государства Ливонская война. Флетчеру было хорошо известно про торговлю в Архангельске, но о сухопутной торговле русских, которая в 1580-х гг. расширилась, автор трактата едва ли знал хотя бы приблизительно²⁷.

Весьма важным С.М. Середонин считал уже самое определение Флетчером четверти, но указанная им цена четверти хлеба в 2 алтына для того времени кажется ученому слишком низкой. Вероятно, Флетчеру кто-нибудь умышленно назвал такую цену, чтобы больше его поразить, думалось исследователю²⁸.

С.М. Середонин полагал неверным указание Флетчера на то, что все пошлины должны поступать в приказ Большого прихода к 1 сентября, и находил, что англичанин, очевидно, «считал некоторые цифры дважды» и при

свойственной ему поспешности запутался в них (а также в названиях учреждений), иногда одной и той же суммой оперируя несколько раз.

С.М. Середонин был убежден в том, что по обилию материалов для истории управления, финансов и экономического быта русского народа сочинение Флетчера не имеет себе равных среди других иностранных сочинений о древней России. Недостаток же этого сочинения исследователь видел в тенденциозности и односторонности автора²⁹.

С.М. Середонин утверждал, что ни у одного иностранца, писавшего о России, не проведено так ясно и последовательно в основе своей неверное воззрение на государственный строй России, как у Флетчера. Его самоуверенность, ясность и стройность изложения не позволили даже специалистам выявить многие промахи и ошибки сочинителя знаменитого трактата.

В оценке историка мысль об эгоизме государя служит лейтмотивом произведения Флетчера, объясняющей автору все действия московского правительства.

Как писал С.М. Середонин, англичанину совершенно чужда мысль о праве обычном, на котором главным образом держался строй Московского государства; посол Елизаветы I вовсе не понял характера отношений русского народа к своему правительству.

Если мы сравним отзыв Герберштейна с показанием Флетчера, то не обнаружим существенной разницы: эти иностранцы, посетившие Московскую Русь при Василии III и Федоре Ивановиче, одинаково представляют ее государя полным распорядителем своей страны, неограниченным властелином³⁰.

Боярской думе Флетчер вовсе не придает политического значения³¹.

Флетчер, очевидно, даже не мог представить, чтобы царь стал держать около себя довольно самостоятельный тайный совет.

С.М. Середонину казалось сомнительным известие Флетчера о том, что в обыкновенное время дума собирается только по понедельникам, средам и пятницам, поскольку есть свидетельства за XVII в. о двух ежедневных заседаниях.

Флетчер единственным представительным учреждением, которое могло бы ограничивать царскую власть, считает собор – парламент, как он его называет, но то, что описывает посол Елизаветы I, по заключению С.М. Середонина, вполне напоминает объединенное заседание Боярской думы и освященного собора, т.е. синклита и синода. Флетчер сообщил о заседании думного собора или «распространенной» думы. (Большинство же русских историков и юристов считало эту главу трактата изображением Земского собора. Однако, как справедливо констатирует С.М. Середонин, Флетчер вовсе не рассказывает о заседаниях Земского собора и даже не упоминает его, по всей вероятности, не зная о существовании Земских соборов. На 8-ю главу Флетчера, по заключению ученого, следует смотреть исключительно как на описание заседаний думного собора³².)

По убеждению же Е.Н. Ардабацкого, Флетчер описывает Земский собор и Боярскую думу с участием около 20 духовных лиц³³.

С точки зрения исследователя, основная идея трактата Флетчера – макиавелева политика московских государей, которые ради упрочения собственной власти нарочно «раздували» вражду общественных классов.

По замечанию С.М. Середонина, Флетчер приехал в Россию «с совершенно готовой мерой для суждения»: это закон. От внимания англичанина совершенно укрылось то обстоятельство, что московский государь, действительно, был всевластен, но над лицами, «а не над порядком».

Замечание Флетчера об опричнине не может идти в сравнение с рассказом И. Таубе и Э. Крузе; в соответствующей небольшой заметке налицо несколько фактических ошибок, – констатировал учений.

С.М. Середонин указал на «спокойное, объективное отношение» Флетчера к Грозному. Английский юрист воз-

дал должное уму и энергии Ивана IV, но был далек от того, чтобы оправдывать поступки этого московского царя.

Для Флетчера Борис Годунов со своим окружением являлся только похитителем прав верховной власти.

Флетчер, как кажется С.М. Середонину, задался строго определенной целью – представить факты именно в таком-то свете. Поэтому у него каждый шаг Ивана Грозного или Бориса Годунова является строго обдуманым.

На взгляд С.М. Середонина, характеристика царя Федора в книге Флетчера – едва ли не самая лучшая из оставленных иностранцами. Так, она вполне подтверждается сообщениями Дж. Горсея и А. Поссевино. Свидетельство Флетчера о преемнике Грозного как человеке простоватом и слабоумном, кажется, ближе всех к истине.

Передаваемой Флетчером подробности о смерти кормилицы царевича Дмитрия мы не находим в русских литературных памятниках даже позднейшего времени, а между тем подобный факт был бы слишком значительным, чтобы противники Годунова впоследствии умолчали о нем, – находил С.М. Середонин.

В его представлении Флетчер не совсем ясно раскрывает значение борьбы Бориса Годунова с его политическими противниками. По мнению англичанина, это была завещанная Грозным борьба со знатными княжескими фамилиями.

Иногда, заключал С.М. Середонин, Флетчер располагал сомнительными данными; обстоятельства противостояния Годунова с князьями И.П. Шуйским и И.Ф. Мстиславским изложены совсем неверно, равно как и «дело» племянницы Грозного Марии Владимировны; версии и смерти Н.Р. Юрьева, и кончины князя В.Ю. Голицына по вине Годунова не подтверждаются другими источниками³⁴.

С.М. Середонину думалось, что сословное деление Англии Флетчер попытался целиком перенести на русскую почву, и таким путем он выделил среди населения Московского государства 1) знать, соответствующую английскому пэрству; 2) детей боярских (английское джентри) и 3) мужиков (английские commons), не считая духовенства. Как писал С.М. Середонин, Флетчер не понял строго аристократического строя Русского государства и того, что такое местничество.

Сообщив ценные сведения о приказном строе управления «Московии», Флетчер ошибочно указывает, что вся Россия делится на четыре части и каждой из них заведует одна из четвертей. Флетчер был введен в заблуждение самим словом «четверть», и, кроме того, тем, что четыре названных им дьяка (А. и В. Щелкаловы, С. Аврамов, Е. Вылузгин) заведовали почти всей территорией страны.

Королевскому послу осталось неясным, что суд являлся больше правом наместников и их людей, чем обязанностью.

Непростительной ошибкой Флетчера С.М. Середонин признает то, что создатель трактата «О государстве Русском» не заметил самоуправления общин, а этот способ управления в оценке ученого был гораздо лучше предшествовавшего – посредством наместников.

Флетчер, как и некоторые другие иностранцы, на взгляд С.М. Середонина, совершенно извратил смысл и значение губных учреждений. Он не знает вовсе, что местное население через своих выборных людей расправлялось с разбойниками и ворами, а это лишний раз показывает, как поверхностно наблюдал Флетчер – один из наиболее обстоятельных иностранцев – русскую жизнь.

Частые смены воевод и наместников, вопреки его мнению, объясняются не боязнью правительства долго держать в области одних начальников, дабы они как-нибудь не завязали отношений с местным населением, а тем, что это было своего рода жалованье, вознаграждение за службу.

Но воеводы больше пользовались номинальной властью, чем действительной, которая, по утверждению Флетчера, находилась в руках дьяков, с чем был согласен С.М. Середонин.

Он заключил, что сообщения Флетчера об областном управлении Московского государства не отличаются ни особенной точностью, ни достоверностью; лучше англи-

чанин усвоил себе устройство центрального управления. Недостаток свидетельств Флетчера по этому вопросу С.М. Середонин объяснил (хотя бы отчасти) привычкой слишком поспешно обобщать подмеченные им факты и стремлением тотчас же «создать известную систему». В представлении С.М. Середонина Флетчер вообще легко впадает в преувеличения и скор на обобщения.

Флетчер уяснил (как не исключал С.М. Середонин, из внушений московской знати) стремление властей к централизации; он увидел дурные стороны тогдашнего областного и приказного управления и занял сторону «аристократической партии», – рассудил исследователь.

Будучи доктором права, Флетчер с презрением отзывался о русском законодательстве. Такая сторона русской жизни, как право обычное, «осталась совершенно недоступной Флетчеру», хотя многим иностранцам, даже враждебно относившимся к России, данная черта ее суда импонировала³⁵.

Говоря о численности русской армии, Флетчер, вероятно, объединил детей боярских и их людей (холопов), полагал С.М. Середонин. Он отклонял, пользуясь разрядными записями, сообщения Флетчера о 80 тыс. детей боярских, составлявших конницу. (С.М. Середонин пришел к заключению, что «80 000 человек были обыкновенным числом русского войска».) Никогда в Московском государстве какие-то 110 лиц не выставляли в поход 65 000 всадников, о чем сказано в трактате «О государстве Русском». В оценке ученого состояние военного дела в России осталось для Флетчера не вполне ясным; к тому же приведенные им цифры жалованья несоразмерно малы.

Он считал стрельцов пехотинцами, но в официальных документах XVI в. идет речь как о пеших, так и о конных стрельцах. О казаках Флетчер не говорит, но среди иноземцев в составе русской армии насчитывает 4000 поляков, т.е. черкас, подвластных Польше³⁶.

Верстание происходило не всегда так, как описывает Флетчер, но документально подтверждается его свидетельство о затруднениях, которые испытывались много-семейными детьми боярскими: взрослые из них должны были жить и служить с отцовских поместий, по крайней мере до верстания. Утверждение Флетчера, что фонд поместных земель не изменялся, С.М. Середонин отвергал, но указывал на нехватку поместных земель в начале царствования Федора Ивановича.

Английский дипломат, с точки зрения С.М. Середонина, явно преувеличил денежное жалованье «дворян больших» и тем более стрельцов.

Флетчер, всегда неблагосклонный к русскому правительству, верял, однако, что ни у одного христианского государя нет такой прекрасной артиллерии, как у московского царя.

Автор трактата, сообщая о структуре русской армии, пропустил Большой полк, а его воеводу принимал за главнокомандующего; поэтому, по свидетельству англичанина, русское войско разделялось на четыре полка. Флетчер ошибается, говоря, что звание воеводы принадлежит только главнокомандующему. Вероятно, вследствие непонимания слова «гуляй», «гулевой», Флетчер думал, что «гулевой» воевода предводительствовал и гуляй-городом, и разведочным отрядом. (Флетчер свидетельствует, что гуляй-город применяли против татар, на западной же границе русские его не употребляли.)

По заключению исследователя, очень интересная глава о русском войске (12-я) написана Флетчером недостаточно внимательно, местами даже небрежно, что особенно касается цифр. Он разделяет общее мнение иностранцев о русском войске как гораздо лучше защищающемся в крепостях, чем сражающемся в открытом поле. Флетчер объяснял это, в оценке С.М. Середонина, несколько односторонне: рабское состояние, в котором держатся русские, и недостаток в наградах, отличиях³⁷.

С точки зрения историка, раздел анализируемого им сочинения о русской церкви лишен достоверности. Примечательно, что Флетчер неверно рассказывает об учреждении патриаршества в России, хотя это важное событие

произошло как раз во время пребывания английского посла в Москве.

По словам Флетчера, собор при каждом епископе состоял из 24 членов. Откуда Флетчер взял эту цифру, догадаться затруднительно.

Приведенные им цифры доходов духовных лиц, как думалось С.М. Середонину, очень сомнительны: невероятно, чтобы патриарх получал в четыре раза меньше новгородского владыки.

Своеобразную сторону русского церковного управления, которое в глазах С.М. Середонина изложено Флетчером также не вполне удовлетворительно, составляло участие в нем лиц светских, не духовных: архиерейских бояр, дьяков, десятильников, и известия о них недавно побывавшего в России посла С.М. Середонин признавал не лишены интереса, а заключение англичанина о большой зависимости церкви от светской власти находил справедливым.

К русскому духовенству, по словам ученого, Флетчер питает ненависть совершенно особого рода. Когда автор трактата пространно говорит об упадке русской церкви, о незаконности, чуть ли не преступности для церкви владения поземельными имуществами, то в этом, на взгляд С.М. Середонина, прежде всего обнаруживается протестант – ревностный поборник церковной реформы³⁸.

Частная жизнь английского общества резко отличалась от русской положением женщины. По мнению С.М. Середонина, затворничество женщины окончательно убедило Флетчера в том, что русские – варварский народ.

На взгляд Флетчера, русское общество страдало особенно склонностью к насилию, невоздержанностью, особенно в вине, и крайним самомнением, почти исключавшим самую возможность положительных изменений.

С.М. Середонин пришел к выводу, что к русскому народу Флетчер относился с сожалением, потому что этот народ управлялся совершенно иначе, на особых началах, чем в благоустроенном (как елизаветинская Англия) государстве. Впрочем, Флетчер не столько жалеет народ, сколько клеймит систему того произвола, который царил, по его убеждению, в Московском государстве³⁹.

В 19-й главе Флетчер дает прекрасное, живое описание татар. К ним он причислил и черемис, и мордву, и черкесов, и кавказские народы. (То, что говорится при этом о татарах, подтверждается и другими авторами, особенно С. Герберштейном, у которого Флетчер в данном вопросе кое-что заимствовал.) Самоеды и пермяки отнесены в трактате к народам татарского происхождения, судя по их наружности. Сравнительно с «герберштейновыми» известиями о Перми сообщения Флетчера в оценке С.М. Середонина не содержат ничего нового. Свидетельства Флетчера о лопарях тоже не отличаются особенной новизной. Дикую лопь он считает коснеющей во мраке язычества, что, на взгляд С.М. Середонина, не совсем верно.

Сообщения Флетчера об управлении «инородцами» в оценке историка конца XIX в. не лишены интереса, хотя и здесь много говорится о макиавелевых приемах правительства, а замечание о смене администраторов 2–3 раза в год неверно.

По свидетельству Флетчера, когда Строгановы завоевали Сибирь, то правительство отняло у них почти все, отбирая по частям, тысяч по 20, так что теперь у их детей осталась только очень незначительная доля прежнего состояния. Утверждение это до такой степени неверно, что невольно набрасывает тень подозрения и на другие сообщения Флетчера, – писал историк⁴⁰.

По его заключению, Флетчер оставил замечательное описание русской одежды, которое не только превосходит аналогичные рассказы, встречающиеся у других иностранцев, но и может служить хорошим пособием для объяснения разных частей одежды XVI в., упоминающихся в отечественных источниках. Обыкновенно иностранцы лишь мимоходом сообщают о ней; Флетчер же точно называет каждую отдельную часть русской одежды⁴¹.

Не говоря о времяпрепровождении русских, он очень обстоятельно описывает день Федора Ивановича, и соот-

ветствующая (26-я) глава принадлежит, в глазах С.М. Середонина, к лучшим разделам сочинения, даже драгоценна, потому что от времени наследника Грозного не сохранилось сведений о забавах и увеселениях царской семьи, и можно лишь пожалеть, что англичанин не останавливается подробно на этих увеселениях⁴².

Как полагал С.М. Середонин, описание Флетчером обрядов, сопровождающих заключение брака, не представляет чего-либо интересного, причем явно ошибочно утверждение, будто накануне дня венчания невеста со своей матерью отправляются в дом жениха, где невеста и проводит ночь, причем жених не только не видится с нею, но даже и не встречает ее⁴³.

Несправедливо, отмечал С.М. Середонин, и заявление Флетчера, что русские не хотят ничему учиться у своих соседей⁴⁴.

Как считал историк, по тем людям, с которыми Флетчер и окружавшие его англичане были знакомы, они и составили «себе понятие о русском народе»; большей частью это было столичное население, остальная же его масса осталась почти неизвестна Флетчеру⁴⁵. (Думается, исследователь здесь явно забывает о поморах.)

С.М. Середонин не сомневался в том, что трактат Флетчера по праву занимает важное место среди источников по русской истории XVI в.⁴⁶

По убеждению исследователя, лучше всего удалось автору те фрагменты его сочинения, «где он просто, без всяких рассуждений <...> рассказывает, как очевидец», передавая впечатления, вынесенные им от русской природы, внешнего быта народа, — его построек и одежды, либо описывает царя Федора и его супругу Ирину, и ниоткуда мы не вынесем об этом такого цельного представления, как из сочинения Флетчера.

В тех же сообщениях, которые повторяют известия других лиц, по словам С.М. Середонина, промахи уже неизбежны. При этом сравнительно лучше всего изложены Флетчером факты политической истории России (со времени Ивана IV) и описаны северные ее окраины (но из сочинений его предшественников-англичан мы почерпнем более богатые сведения о Русском Севере)⁴⁷.

С.М. Середонин находил, что труднее, чем явления прошлого, было усвоить Флетчеру современное ему положение русского общества и государства. В сообщениях бывшего королевского дипломата на этот счет много ошибок, встречаются противоречия, что затрудняет в значительной степени толкование данных свидетельств. Однако именно они придают столь ценный характер всему сочинению, касаясь наиболее интересных сторон жизни народа и государства, — сторон, о которых в других источниках сохранились сведения очень неполные и отрывочные. Именно поэтому к известиям такого рода из трактата Флетчера ученые относились всегда с наибольшим вниманием.

Часто заблуждаясь в общем, Флетчер зато передает очень много мелких подробностей и черт, далеко не лишены интереса, например, о заседаниях думы и собора, о некоторых Приказах, о количестве вспомогательных отрядов в русской армии, ее вооружении, о судопроизводстве. Главным недостатком соответствующих известий С.М. Середонин назвал стремление автора обобщать и систематизировать узанное или виденное им, между тем как именно эти стороны жизни труднее всего было как-то свести в систему: управление административное, церковное, финансовое, формы судопроизводства, налоги и пошлины отличались разнообразием, в зависимости от условий местности и состава населения, а Флетчер не заметил этого разнообразия и поэтому допустил в своем изложении довольно

крупные ошибки: так, он просмотрел самоуправление общин, неправильно определил компетенцию отдельных Приказов (четвертей, Большого прихода). С другой стороны, конечно, многое Флетчеру было трудно понять хотя бы из-за недостаточного знания русского языка⁴⁸.

Поскольку немало сведений Флетчеру доставил Горсей, то не удивительно, что автору вскоре изданного трактата сложно было разобраться в сбивчивых и недостоверных данных. Налицо и случаи, где Флетчер и сам также поспешно, «наскоро» наблюдал русскую жизнь, а внимательное отношение к предмету своего сочинения как будто ему несвойственно. В оценке С. М. Середонина самые недостоверные известия Флетчера посвящены власти и отношениям ее к населению, церкви, экономическому быту, нравственной и религиозной жизни народа. Крайне враждебное отношение Флетчера к русскому правительству и отчасти к народу ученый объяснял недовольством автора результатами своего посольства и оказанным ему в Москве приемом⁴⁹, желанием (которое не осуществилось) обратить на себя благожелательное внимание английского правительства как на потенциального историографа Генриха VIII и Елизаветы I. Кроме того, много Флетчер не понял по причинам, от него не зависящим, а отчасти был введен в заблуждение окружавшими его лицами, в том числе и «москвитами», жаловавшимися на действия своего правительства; сыграло роль и то, полагал исследователь, что английский дипломат наблюдал Россию в пору правления временщика — Бориса Годунова. Флетчер не разгадал характера ее народа, не предугадал его будущей роли в делах Европы, он смотрел на русских как самой судьбой обреченных на низшие роли, — констатировал С.М. Середонин, полагая это наиболее серьезной причиной заблуждений англичанина⁵⁰.

Флетчер напрасно объяснял все шаги московского правительства исключительно узко-эгоистическими побуждениями. Тенденциозность, — писал С.М. Середонин о Флетчере, — крупнейший недостаток его сочинения, который не остался без влияния даже на фактическую сторону трактата, сообщив ему столь односторонний характер⁵¹.

Заметим, что, вопреки мнению А.Н. Медушевского⁵², С.Ф. Платонов в отзыве о книге С.М. Середонина вовсе не «упрекал ее автора за то, что в центре его исследования оказался источник, а не исторические факты»⁵³. Напротив, в рецензии С.Ф. Платонова, у которого с С.М. Середониным сложились «теплые дружеские отношения», подчеркнуто, что автору удалось совместить исследование исторического факта и исторического источника⁵⁴. Неточным следует признать и взгляд И.В. Карацубы, будто С.М. Середонин усматривал в книге Флетчера остаток социально-психологической среды эпохи⁵⁵.

В представлении С.М. Середонина англичанин стройно и ясно изложил «механизм государственный и общественный конца XVI в. в Московском государстве», но подробное изучение отдельных сторон этого механизма позднее показало, что он был гораздо сложнее, чем рисовал Флетчеру. К тому же последний вовсе не понял, как этот механизм приводится в движение, и оттого у читателя (да и у самого автора) создается превратное представление о государственном строе России. Тем не менее русская историческая наука будет благодарна Флетчеру за сохранение массы интересных фактов⁵⁶, — заключал С.М. Середонин.

Таким образом, мнение, что в книге С.М. Середонина показано значение сочинения Флетчера как ценного источника по русской истории⁵⁷, следует признать несколько односторонним.

¹ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина). С. 74; Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 219; Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 19.

² О С.М. Середонине (1860–1914) см., напр.: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 53–57, 97. Примеч.; Пашков А.М. Историческая география в отечественном архивном образовании конца XIX — начала XX в. // Историческая география: Пространство человека vs человек в пространстве: Мат-лы XXIII Международ. науч. конф. М., 2011. С. 474–475.

³ Середонин С. Английские известия о России во второй половине XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 12. Отд. 2. С. 164–165.

⁴ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. II–IV, 178. Вряд ли можно согласиться с мнением, что основной метод работы с записками иностранцев у С.М. Середонина – «историко-описательный, который подразумевает пересказ источника с дроблением его на различные интересующие исследователя сюжеты» (Алёшин М. Оценка достоверности записок иностранцев о России в отечественной историографии // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Мат-лы XXII Международ. науч. конф. М., 2010. С. 131).

⁵ Середонин С. Английские известия о России... С. 152.

⁶ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 45.

⁷ Там же. С. 56, 57.

⁸ Середонин С. Английские известия о России... С. 159.

⁹ Там же; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 64.

¹⁰ Середонин С. Английские известия о России... С. 160; Он же. Сочинение Джильса Флетчера... С. 64, 65, 108.

¹¹ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 65.

¹² Середонин С. Английские известия о России... С. 152.

¹³ Там же. С. 161; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 65, 66, 239.

¹⁴ Середонин С. Английские известия о России... С. 162. Этот вывод был оспорен Д.М. Володихиным. См.: Володихин Д.М. Источники трактата Дж. Флетчера «О государстве Русском» // Россия и Запад: Диалог культур: Тез. конф. М., 1994. С. 32–35.

¹⁵ Середонин С. Английские известия о России... С. 161.

¹⁶ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 67, 68, 72, 73, 78, 80, 96.

¹⁷ Севастьянова А.А. Двор русского царя и польской королевы в описаниях англичан XVI века // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: Вторая международ. науч. конф. (23–25 июня 2009 года). Тез. докл. М., 2009. С. 155.

¹⁸ Середонин С. Английские известия о России... С. 162; Он же. Сочинение Джильса Флетчера... С. 68.

¹⁹ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 68, 135.

О том, что Флетчер, который приезжал в Россию, в частности, по «делу» А. Мерша, торговавшего одно время с Сибирью, мог у него многое узнать, как и у других англичан, об этой стране, которая оставалась почти совсем неизвестной и для большинства русских, писал и М.П. Алексеев. См.: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарий: XIII–XVII вв. 3-е изд. Новосибирск, 2006. С. 170–171 (СО РАН. Избр. тр.).

²⁰ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 50, 55, 71, 72, 108, 135, 370, 371.

²¹ Середонин С. Английские известия о России... С. 153. В оценке В.В. Трепавлова попытка Флетчера «возвести русского белого царя к имени нескольких венгерских королей – Бела» выглядит «этимологическим курьезом» (Трепавлов В.В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 37. Примеч. 43).

²² Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 72.

²³ Там же. С. 111, 113–116, 121, 122, 125, 126, 129–130. Заметим, что Л.Н. Годовикова не разделяет это суждение. См.: Годовикова Л.Н. Иностранцы писатели XVI века о русском городе // Русский город (исследования и материалы). М., 1986. Вып. 8. С. 72, 73, 75.

²⁴ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 130.

²⁵ Там же. С. 132.

²⁶ Там же. С. 307.

²⁷ Там же. С. 190, 191, 207, 209, 210, 213. По утверждению А.Н. Медушевского, «вопросы истории русско-английской торговли и организации английских компаний для торговли с Россией наиболее подробно освещаются С.М. Середониным в ряде его работ», прежде всего в изданной в 1891 г. монографии о книге Флетчера (Медушевский А.Н. Комментарии // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 288). В действительности это сделано И.И. Любименко в исследованиях 1910-х – начала 1930-х гг.

²⁸ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 118–120. В.О. Ключевский же в статье, впервые опубликованной в 1884 г., высказал мнение, что хлебные «цены, сообщаемые» Флетчером, «держались на рынке только в особенно благоприятные годы» (Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 84. Ср.: С. 96).

²⁹ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 68, 321–323, 334, 335.

³⁰ Середонин С. Английские известия о России... С. 163; Он же. Сочинение Джильса Флетчера... С. 68–70, 217.

³¹ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 218, 227, 228. По замечанию С.Н. Богатырева, комментарий С.М. Середонина к рассказу Флетчера о Боярской думе «полностью основан» на работах В.О. Ключевского. (Богатырев С.Н. Царский совет в сочинениях Дж. Флетчера и В.О. Ключевского // Ключевский: Сб. мат-лов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 50. Примеч. 13).

³² Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 224, 228, 230–233. С.О. Шмидт, не ссылаясь на книгу С.М. Середонина, высказал такое же мнение (Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 105; Он же. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 155, 408–409).

³³ Ардабацкий Е.Н. Церковь и государство на земских соборах XVI – начала XVII века // История России: Диалог российских и американских историков: Мат-лы российско-американской науч. конф. (г. Саратов, 18–22 мая 1992 года). Саратов, 1994. С. 246.

³⁴ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 67, 84, 85, 94, 97, 98, 100, 102, 107, 108, 239, 240.

³⁵ Там же. С. 84, 182, 240, 267, 273, 279–283, 287, 288, 297, 317.

³⁶ Там же. С. 344–346, 348. О.В. Скобелкин не считает возможным доверять свидетельству Флетчера о численности иностранцев в русской армии. См., напр.: Скобелкин О.В. Ливонская война и западноевропейцы в русском войске // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 211.

³⁷ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 61, 62, 350–352, 356, 360–362, 365, 367. См. также: Он же. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. С. 28, 31.

³⁸ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 63, 238, 291, 292, 294–296. См. также: Он же. Английские известия о России... С. 159.

³⁹ Середонин С. Английские известия о России... С. 122; Он же. Сочинение Джильса Флетчера... С. 166, 287.

⁴⁰ Середонин С. Английские известия о России... С. 158; Он же. Сочинение Джильса Флетчера... С. 63, 135, 136, 139, 208, 289–291, 347.

⁴¹ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 145. Ср.: Лабутина Т.В. Представления британцев о русском народе в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 15, 16.

⁴² Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера... С. 148, 151.

⁴³ Там же. С. 155.

⁴⁴ Там же. С. 169.

⁴⁵ Там же. С. 178.

⁴⁶ Там же. С. 370.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 371–372.

⁴⁹ Об этом писали и другие исследователи. См., напр.: *Дмитриева О.В.* Английская фантазия на русскую тему: «Маргарита Американская» Томаса Лоджа (1596) // Россия – Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений и торговых связей: Тез. докл. Междунард. науч. конф. М., 2003. С. 34.

⁵⁰ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера... С. 372–374.

⁵¹ *Середонин С.* Английские известия о России... С. 162; *Он же.* Сочинение Джильса Флетчера... С. 375. С.Ф. Платонов тоже находил, что «Флетчер вывез из Московского государства разностороннейшие наблюдения», которые «стремился согласовать с тем, что знал по книгам, привести в определенную систему, объединить известною идеей, скажем даже более – тенденцией». См.: *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth», как исторический источник. СПб. 1891. Отзыв профессора С.Ф. Платонова // Отчет о тридцать четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1892. С. 64 (Приложение к LXXI-му тому Записок Имп. Академии Наук. № 1). И в глазах А.А. Севастьяновой сочинение Флетчера – «это образец традиционной тенденциозности в рассказе о «грубом и варварском» восточном соседе» (*Севастьянова А.А.* Двор русского царя... С. 155).

⁵² *Медушевский А.Н.* Комментарии. С. 245.

⁵³ См.: *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. Отзыв профессора С.Ф. Платонова. С. 59, 63, 64, 82.

⁵⁴ *Мамонтова М.А.* С.Ф. Платонов как рецензент // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 322.

⁵⁵ *Карацуба И.В.* Некоторые источниковедческие аспекты изучения записок английских путешественников по России (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) // История СССР. 1985. № 4. С. 166.

⁵⁶ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера... С. 375, 376.

⁵⁷ *Любименко И.* Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией // Исторические известия. 1916. № 2. С. 14–15.

ИСТОРИОГРАФИЯ

НАДЕЖДА ВАЛЕРЬЕВНА БУДНАЯ

аспирантка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: budnaya1@mail.ru

В статье осуществлена попытка анализа исторических аспектов развития представлений людей о счастье, учитывая тот факт, что в историко-научной перспективе психология развивалась в контексте философского знания.

Ключевые слова: субъективное благополучие, позитивная психология, счастье, радость, удовлетворенность социальные взаимоотношения, юмор, смех.

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

С древнейших времен философы пытались найти ответ на вопрос, что такое счастье, какими способами можно его достичь и что делает одних людей счастливыми, а других несчастными.

Достаточно вспомнить об учении Эпикура, для которого стремление к удовольствию является основой нравственного поведения, а само удовольствие – высшим благом.

Идея счастья подробно рассматривается в этической концепции Аристотеля, согласно которому состояние счастья-блаженства как высшего совершенства предполагает стремление человека соответствовать своему предназначению («даймону»), что невозможно без развития всех возможностей, изначально заложенных в человеке¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в историко-научной перспективе психология развивалась в контексте философского знания, где проблемы счастья нашли свое отражение в противоборстве двух основных этико-психологических концепций счастья – гедонизма и эвдемонизма.

На протяжении всей истории человечества мыслители пытались приблизиться к пониманию того, что же такое счастье вне зависимости от общества или уровня культуры, в которой они существовали, так как отрицать счастье как предельное состояние человеческого существования никто и никогда не решался.

В связи с этим актуальность данной проблемы не вызывает сомнений, но интерес психологов к изучению счастья возник сравнительно недавно. Только в 1930-е гг. XX в. появились первые эмпирические исследования счастья (Watson, 1930; Hartmann, 1934; Symonds, 1937).

В них применялись простые и графические типы шкал или списки из основных категорий. Но эти попытки можно отнести больше к случайности, нежели закономерности. Интересно, что разработка проблемы счастья началась с негативных его значений или с того, что З. Фрейд назвал «нормальным несчастьем повседневности».

И даже последние полвека, как справедливо замечает М. Селигман, наука психология по существу занималась исключительно психическими расстройствами человека.

Эта односторонность предмета изучения по-настоящему впервые начинает исчезать только во второй половине XX в. под влиянием работ гуманистически ориентированных психологов (А. Маслоу, Г. Олпорт, Э. Эрикссон, К. Роджерс, В. Франки, Р. Мэй и др.).

А. Маслоу обнаружил, что ситуации самоактуализации встречаются в жизни всех людей. Эти ситуации или состояния, когда человек на какое-то краткое время приобретает черты самоактуализирующейся личности, Маслоу назвал «пиковыми переживаниями».

В. Франкл в контексте своего подхода к психотерапии (логотерапия) противопоставлял обретение смысла чувственному удовольствию, выступая против учения З. Фрейда о доминирующей роли принципа удовольствия в жизни человека.

В конце 1990-х гг., главным образом по инициативе американского психолога Мартина Селигмана и его кол-

лег Дж. Вейланат, Э. Динера и М. Чиксентмихали и др., возникла новая отрасль психологического знания – позитивная психология.

Одним из аргументов в пользу выделения позитивной психологии как отдельной дисциплины была как раз необходимость развертывания собственно-психологических исследований счастья. С самого своего зарождения в конце прошлого века позитивная психология провозгласила своей задачей изучение путей и возможностей достижения человеком хорошей и достойной жизни, процветания. Этому посвящены работы психологов М. Аргайла, Э. Динера, Д. Майерса и М. Селигмана, М. Чиксентмихали и др.

Отечественная психология рассматривает счастье как ценность и аффективное состояние (И.А. Джидарьян, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.И. Додонов, Е.П. Ильин и др.).

Но до сих пор нет единых, принятых всеми определений и теории счастья. Также в полной мере не решена проблема объективации субъективного переживания счастья и представления о нем.

После долгих дискуссий за условную меру счастья была принята характеристика «субъективного благополучия», связанная с удовлетворенностью от жизни и положительными эмоциями.

Для измерения счастья были разработаны различные системы. Например, Шкала удовлетворенности жизни Динера (Satisfaction with Life Scale – SWLS), Шкала счастья Фордуса (Happiness Measure – HM), Аффективный баланс Брендберна (положительные эмоции минус отрицательные) (AB) и др.

В настоящее время запрос на изучение проблемы счастья достаточно актуален. В начале XXI в. ускорился ритм жизни, возросло количество стрессовых ситуаций, связанное прежде всего с усложнением конструирования человеком собственной жизни, выбора жизненных ориентиров, трудностями социализации и другими проблемами современного общества.

Современные эмпирические исследования убедительно подтверждают высокую степень родства оптимизма и счастья как двух важнейших составляющих субъективного благополучия личности.

Многогранность понятия счастья выражается в том, что до сих пор нет его четкого общепринятого определения, но основные детерминанты уже определены.

Основными детерминантами счастья являются: радость, удовлетворенность, доход, работа, досуг, социальные взаимоотношения, юмор и смех, личность, возраст, пол, религия.

Эти факторы (объективные и субъективные) относятся к разным уровням и направленности, и каждая вносит свой вклад в общий индекс счастья. Детерминанты изучаются в интернациональных социальных исследованиях, которые показывают заметные различия среднестатистических показателей счастья и удовлетворенности жизни у жителей разных стран. Но эти различия однозначно интерпретировать не удается.

Альтернативный метод заключается в применении более подробных шкал и исключении вопросов, задаваемых

напрямую, или тех единичных пунктов, что, как правило, использовались до сих пор. Одним из вариантов качественного изучения счастья может стать исследование его проявлений в пространственно-временной перспективе.

Образ мира как индивидуализированная культурно-историческая основа восприятия и субъективная прогнозистическая модель будущего, отражает личностные и этнические детерминанты счастья. И образ «счастья» имеет категориальную структуру в индивидуальном сознании, проявляясь в образе мира.

При этом счастье приобретает свой смысл только в соотношении с масштабом человеческой жизни – в единстве ее прошлого, настоящего и будущего. Поэтому изучение счастья, как психологического феномена, через пространственно-временную перспективу позволяет раскрыть его неосознаваемые компоненты и критерии, а представление о счастье выводит нас на осознаваемый уровень.

Способы изучения счастья и его детерминант могут быть различны.

Например, С.Л. Рубинштейн настаивал на том, что соотношение между конкретными побуждениями и результатами их деятельности определяет счастье человека. Счастье, по его мнению, является производным результатом «дела жизни» личности².

А.Н. Леонтьев предлагает использовать единый способ описания его содержания и механизмов изменения с помощью семантического анализа значений.

Данная точка зрения обусловлена тем, что исследование детерминант субъективного благополучия и счастья осложняется специфичностью данных понятий, изучение этих феноменов с позиции психосемантического подхода открывает возможности для выявления их осознаваемого базиса, что позволяет установить определенные отношения между конкретным понятием и сознанием субъекта.

Таким образом, по его мнению, субъективное семантическое пространство может быть рассмотрено как модельная форма репрезентации содержания индивидуального сознания.

Предложенное А.Н. Леонтьевым понимание сознания выделяет единый способ описания его содержания и механизмов изменения с помощью семантического анализа значений. Отражение действительности является обобщенным, нормативно-культурным, т.е. обусловленным рамками тех деятельностей, в которые вовлечен человек как представитель данной культуры.

Понятие «значение» является одним из основных в теоретической системе психологии и экспериментальной психосемантике.

Значение понимается как «обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности»³.

Проблема значения описана в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия, Д. Брунера, Ч. Осгута и др.

Качественное исследование счастья и его детерминант становится возможным при применении психосемантических и проективных методов.

Историческая периодизация данного вопроса.

Таким образом, можно сделать вывод, что возрастная динамика представлений о счастье и его детерминант в историческом контексте может быть изложена следующим образом. Долгое время проблема счастья рассматривалась в контексте философского знания.

Первые эмпирические исследования по данному вопросу появляются лишь в 1930-е гг. XX в.

В период с 1930 по 1937 г. немногочисленные работы по данному вопросу были написаны с применением простых и графических типов шкал или списков из основных категорий.

В 1930 г. Уотсон (Watson) предпринимает первую попытку классифицировать общие составляющие счастья. Описывая его в рамках и терминах простой связи «стимул – реакция».

В 1934 г. Х. Хартман (Hartmann) также занимается исследованием данного вопроса.

Но он рассматривал счастье исключительно в контексте своей концепции вторичной автономии. Счастье для него – это итог баланса между несколькими процессами регуляции адаптации: равновесие влечений, равновесие инстанций, равновесие окружающего мира и индивидуума. В 1937 г. Симондс (Symonds) также предпринимает попытку классифицировать основные компоненты счастья.

Все вышеперечисленные работы можно условно отнести к первому периоду, когда проблема счастья рассматривалась учеными скорее в прикладном значении.

В промежуток с 1937 г. и до 1960-х гг. дальнейшая разработка проблемы счастья производилась исключительно с точки зрения его негативных значений либо эта проблема и вовсе носила прикладной характер. В данный период само понятия счастья рассматривали в качестве «нормального несчастья повседневности».

Следующий важный период в истории возрастной динамики представлений о счастье и его детерминант обусловлен появлением ряда трудов гуманистически ориентированных психологов, например, А. Маслоу, Г. Олпорта, Э. Эриксона, К. Роджерса, В. Франки и других. Всех их объединяет стремление рассмотреть данный вопрос по-новому, выявив динамику представлений о счастье. Данный вопрос начинает осмысливаться ими на качественно новом и более высоком уровне.

Наконец, последний, но еще не завершившийся период времени связан с появлением новой отрасли психологического знания – позитивной психологии в конце 1990-х гг. Работы американского психолога Мартина Селигмана и его коллег Дж. Вейланат, Э. Динера и М. Чиксентмихайли и других ученых лучше всего демонстрируют возрастную динамику представлений о счастье и его детерминант.

Мартину Селигману и его коллегам удалось проанализировать и систематизировать весь опыт человечества по данному вопросу, накопившийся за столетия, чтобы соединить изучение данного вопроса на абсолютно новом уровне.

В этом контексте довольно интересна работа Мартина Селигмана «Подлинное счастье», опубликованная в 2002 г., так как в ней, как мне кажется, наглядно демонстрируется возрастная динамика представлений о счастье и его детерминант за несколько прошедших десятилетий.

Безусловно, эта отрасль психологического знания динамично развивается, поэтому данный период времени было бы неправильно считать завершенным.

Историческая периодизация, изложенная в данной статье, весьма субъективна и составлена с учетом анализа и систематизации ключевых исторических событий.

Анализ возрастной динамики представлений о счастье и их психологических детерминант в историческом контексте показывает важность изучения этого вопроса для современного общества.

¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

² Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

³ Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. М.: Высшая школа, 2001.

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА БОБКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, соискатель ученой степени доктора исторических наук по кафедре отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара)
Тел.: (8482)995-66-13; E-mail: vica3@yandex.ru

Автор освещает некоторые аспекты истории изучения проблемы политического воспитания личного состава Советской армии в период хрущевской оттепели. Обзору подвергались печатные работы и защищенные диссертации, а также и некоторые публикации учебного характера.

Ключевые слова: политическое воспитание, хрущевская оттепель, партийно-политическая работа, министр обороны СССР, начальник Главного политического управления СА и ВМФ, советская историческая наука.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СОВЕТСКОЙ АРМИИ: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.)

В советской исторической науке проблема политического воспитания личного состава Вооруженных сил Советского государства входила в число приоритетных, что нашло отражение в большом количестве фундаментальных обобщающих трудов, монографий, статей, материалов различных научных форумов, а также и в защищенных диссертациях. Она освещалась, главным образом, в историко-партийном ключе в рамках исследования феномена партийно-политической работы в Вооруженных силах СССР¹, который представлял собой идеологическую и организаторскую деятельность военных советов, командиров, политорганов, партийных организаций Советской армии и Военно-морского флота (СА и ВМФ). Партийно-политическая работа являлась составной частью руководства Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) Вооруженными силами. Она также рассматривалась в качестве теории и практики воспитания военнослужащих, организовывалась и проводилась как система мероприятий по реализации политики КПСС в СА и ВМФ².

Не являлся здесь исключением и период хрущевской оттепели, когда советская историческая наука пыталась вырваться из системы координат сталинской методологии исторических исследований. Это наложило на советскую историографию специфический теоретико-методологический отпечаток³. Применительно к предмету исследования проблемы, которой посвящена данная статья, здесь можно выделить ряд явлений:

Во-первых, в распоряжении историков появилась серьезная источниковая база в лице опубликованных сборников документов, в состав которых включили и те, что ранее были засекреченными⁴.

Во-вторых, под воздействием хрущевской оттепели, а также и революции в военном деле⁵ в армии происходили позитивные изменения, стимулировавшие перестройку системы партийно-политической работы. На данном фоне совершенствовалась и военно-научная работа, в том числе и в области военно-исторических исследований⁶.

В-третьих, для военных историков стало своего рода неписанной обязанностью верификация своих суждений под положения, которые высказывали министр обороны СССР и начальник Главного политического управления СА и ВМФ. Так, министр обороны СССР Р.Я. Малиновский уделил самое пристальное внимание проблемам дальнейшего усиления пропаганды требований военной присяги, общевоинских уставов, очертив тем самым круг проблем, решение которых способствовало в том числе и совершенствованию политического воспитания военнослужащих⁷. Он также ввел в научный оборот дефиницию «повиновение приказу»⁸ и конкретизировал требования к боевой готовности войск и сил флота⁹. Все это следовало учитывать военным ученым. Такое положение между тем не могли поколебать демократические начала, внедряемые в Вооруженных силах СССР в контексте процессов, детерминированных хрущевской оттепелью. Инакомыслия

не допускалось, что, конечно же, не могло не сковывать инициативу и творчество исследователей.

Проведенный автором данной статьи историографический обзор позволил установить, что проблема политического воспитания личного состава Советской армии нашла опосредованное отражение в статьях, посвященных различным аспектам партийно-политической работы, которые опубликовали в специальных сборниках¹⁰. Так, Г.П. Шатунов подчеркивал, что политическая закалка комсомольцев является одним из средств обеспечения их личной примерности в воинской дисциплине¹¹. Однако это только констатация. Она правильная, но глубокий анализ, предшествующему подобному синтезу, отсутствует.

В 1958 г. опубликовали сборник «Критика и самокритика – мощное оружие в борьбе с недостатками». В нем разместили статьи, ранее увидевшие свет в различных периодических изданиях, но с согласия авторов в статьи внесены некоторые изменения и дополнения. Через все материалы проходит стержневая идея – дальнейшее развитие внутрипартийной демократии. Здесь явно прослеживается влияние решений октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Что характерно: для авторов сборника принцип единоначалия выступает в качестве незыблемого. Поэтому научно обоснована недопустимость в рамках внутрипартийной демократии критики приказов командиров и начальников. И это должно доводиться до ума и сердца советских воинов и в сфере их политического воспитания.

Между тем конкретных форм и методов партийно-политической работы в данной связи исследователи не раскрывают. Предпочитают обращаться к авторитету соответствующих документов КПСС и Советского государства. И такие ссылки не оставили места освещению исторического опыта; они, видимо, стали и одной из причин декларативности отдельных авторских позиций. В сборнике же статей «В помощь офицерам, изучающим марксистско-ленинскую теорию», увидевшем свет в 1959 г., проблема, которой посвящена данная статья, освещена опосредованно и кратко, главным образом, в статьях, где затрагиваются аспекты воспитательной работы. Причем это сделано, как правило, в постановочном плане.

Проблема политического воспитания личного состава Советской армии поднималась в публикациях по вопросам воинской дисциплины и правопорядка, политического и воинского воспитания, размещенных в журнале «Коммунист Вооруженных сил» (фактически в каждом номере)¹². Причем как в редакционных, так и авторских статьях. Здесь нет научных обобщений, но есть оригинальный материал по проблемам воспитательной работы, почерпнутый из жизни войск и сил флота, в том числе и в сфере политического воспитания военнослужащих. Но в подобных публикациях все сильнее прослеживается тенденция к полуправде, когда речь идет о недостатках в рассматриваемой области деятельности.

Качественно новым историографическим явлением стала разработка силами ученых Военно-политической

академии им. В.И. Ленина монографии «КПСС и строительство Советских Вооруженных сил 1917–1964»¹³. Понятно, что предмет исследования монографии побудил авторский коллектив обобщенно осветить проблему политического воспитания личного состава Советской армии. Между тем уровень научных обобщений достаточно высок. В них синтезирован богатый материал, накопленный исторической наукой по указанной выше теме. Особенно ценны обобщения авторов о том, что в работе по повышению уровня политического воспитания военнослужащих после XX съезда КПСС и октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС сделали акцент на воспитании сознательного отношения к исполнению воинского долга. Но в работе нет острой постановки проблемы воинской дисциплины и правопорядка. Состояние преступности в войсках, например, не показано вовсе.

Заслуживает отдельного анализа и труд «Некоторые вопросы партийно-политической работы в Советских Вооруженных силах»¹⁴. Авторский коллектив избрал предметом своего исследования лишь только некоторые вопросы партийно-политической работы в Советских Вооруженных силах. Следовательно, к труду неприемлем статус крупного научного труда обобщающего характера. Однако отдельные темы здесь оказались ключевыми во всем спектре проблем, входящих в сферу партийно-политической работы. В их число включена и деятельность командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций по повышению политической сознательности воинов. Уровень научных обобщений, сделанный исследователями того времени, относительно высок. Этому способствовало то, что для синтеза выводов и заключений брался материал, почерпнутый из деятельности множества воинских коллективов. Характерная черта – раскрытие конкретных форм и методов, в том числе и политического воспитания солдат и офицеров, показ конкретных путей дальнейшего совершенствования подобной деятельности, подчеркивание роли офицеров-политработников в жизни воинских коллективов.

В то же время ученые искусственно сузили, например, сферу правовой пропаганды до пропаганды требований советских законов, военной присяги и общевоинских уставов, оставив за рамками данной работы, в частности, такое направление, как конкретное доведение до ума и сердца воинов приговоров об осуждении военными трибуналами военнослужащих за воинские и общеуголовные преступления. Нельзя не сказать и о том, что часто встречаются обезличенные категории типа «отдельные командиры», «некоторые недисциплинированные воины». Авторы побоялись провести конкретную статистику правонарушений и преступлений для иллюстрации своих тезисов. Видимо, здесь проявилась набирающая силу в конце хрущевской оттепели тенденция к свертыванию и без того непоследовательной, робкой гласности.

Необходимо подчеркнуть то, что многие аспекты проблемы деятельности командиров всех степеней, политорганов, партийных и комсомольских организаций всех уровней по политическому воспитанию военнослужащих в условиях мирного времени стали анализироваться в трудах, посвященных крупным проблемам воспитательной работы. Так, тема, упомянутая выше, опосредованно изложена в научных и учебных трудах, а также и в диссертационных исследованиях по проблемам идейно-политического, патриотического и интернационального воспитания личного состава армии и флота¹⁵.

Рассматриваемая тема особенно рельефно отражена в контексте укрепления интернациональной солидарности

с личным составом армии стран, входящих в Организацию Варшавского договора (данной теме очень много внимания уделяет в своей кандидатской диссертации И.М. Буцкий). Авторы вполне справедливо указывают, что любые правонарушения, совершенные военнослужащим за пределами СССР, особенно против населения, приобретают политическую окраску и наносят огромный вред престижу государства и армии. Правда, исследователи обошли стороной «острые углы» – состояние преступности по отношению к местному населению в странах, входящих в Организацию Варшавского договора, в которых дислоцировались советские войска. Но статистических данных в то время, исходя из тенденции на свертывание гласности, исследователям, надо полагать, просто никто бы не дал.

Проблема политического воспитания военнослужащих нашла отражение, кроме как в печатных работах и защищенных диссертациях исторического характера, еще и в трудах военных ученых-психологов и педагогов по проблемам формирования воли и волевой устойчивости у военнослужащих, а также индивидуально-воспитательной работы¹⁶. Ясно, что такие работы не могут рассматриваться как исторические исследования. Но их авторы, в силу специфики предмета своего исследования, не смогли пройти мимо проблем политической закалки воинов, уровня их дисциплинированности, морального климата в подразделениях и частях. Причем в работе М.М. Дьяченко затронут весь комплекс проблем воспитательной работы через индивидуально-воспитательное влияние на военнослужащих. Материал в данном ключе подается исследователями обобщенно.

Нельзя не отметить, что здесь значительно меньше ссылок на авторитет партийно-государственных документов, чем в работах исторического характера, подвергнутых историографическому обзору выше. Поэтому такие работы представляют определенный историографический интерес для предмета исследования данной статьи. Точно так же, как и работа В.В. Лагоды «Командные кадры и законодательство в кадрах в развитии Вооруженных сил», изданная «Воениздатом» в 1960 г.¹⁷ Несмотря на свой юридический характер, она содержит опосредованный материал, представляющий интерес для проблемы политического воспитания военнослужащих. Нельзя обойти вниманием и такое историографическое событие, как мас-сив научно-популярной литературы, в которой затрагивается и ряд аспектов исследуемой проблемы¹⁸.

Таким образом, даже столь краткий историографический обзор дает его автору определенные основания для следующего заключения: в условиях хрущевской оттепели в исследовании проблемы политического воспитания личного состава Советской армии были достигнуты некоторые положительные результаты. Тема стала исследоваться предметно. Свидетельство тому – наличие большого количества научных трудов. В изучении данной темы налицо определенные демократические начала. Особое внимание уделялось анализу деятельности командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций, армейской общественности по политической закалке военнослужащих. Примечательно и то, что освещаемая проблема нашла отражение в крупных монографиях и книгах, написанных в историко-партийном ключе. Вместе с тем прогрессировало приукрашивание истинного положения дел в освещении рассматриваемой проблемы. Данная тенденция набирала силу пропорционально свертыванию положительных процессов, порожденных хрущевской оттепелью.

¹ Мищенко М. Партийно-политическая работа в Красной армии: указатель лит. М.; Л., 1929; Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: аннотированный библиогр. указ. М., 1980 и др.

² См., напр.: Партийно-политическая работа в Вооруженных силах СССР (1918–1973 гг.): ист. очерк. М., 1974; Партия и Армия / [Е.Е. Мальцев, А.А. Бабаков, П.А. Жилин и др.]; под общ. ред. Епишева А.А. 2-е изд., доп. М., 1980 и др.

³ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Ее же. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008; Афанасьев, Ю. Феномен советской историографии // Отечеств. история. 1996. № 5. С. 146–168 и др.

- ⁴ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: сб. док. 1917–1958. М., 1958; Народ и армия едины / Под общ. ред. Калашникова Н.Х. М., 1959.
- ⁵ Появление ракетно-ядерного оружия в корне меняло стратегию, систему боевой и политической подготовки и т.д. (см., напр.: Советские Вооруженные силы: история строительства. М., 1976; Война и армия: филос.-социолог. очерк / Под ред. Д.А. Волкогонова. М., 1977; Язов Д.Т. Верны Отчизне. М., 1988; Гречко А.А. Вооруженные силы Советского государства. Изд. 2-е, доп. М., 1975 и др.)
- ⁶ Более подробно см., напр.: Головастиков А.П. Деятельность КПСС по идейно-политическому воспитанию личного состава Военно-воздушных сил (1952–1961 гг.) // Сб. науч. ст. № 16. М., 1980. С. 85–105.
- ⁷ Малиновский Р. Я. Бдительно стоять на страже мира. М., 1962. С. 60–68.
- ⁸ Там же. С. 65.
- ⁹ Сороковая годовщина Советских Вооруженных сил: (доклад министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского на торжественном заседании Моссовета 22 февр. 1958 г. // Правда. 1958. 23 февр.
- ¹⁰ Комсомольская работа в Советской армии и Военно-морском флоте: сб. ст. М., 1956; Критика и самокритика мощное оружие в борьбе с недостатками: сб. М., 1958; Коммунистическая мораль и воинский долг: сб. ст. М., 1960; В помощь офицерам, изучающим марксистско-ленинскую теорию: сб. ст. М., 1959.
- ¹¹ Шатунов Г.П. За примерность комсомольцев в учебе и дисциплине // Комсомольская работа в Советской армии и Военно-морском флоте: сб. ст. М., 1956. С. 57.
- ¹² См., напр.: Андрианов В. Твердая воинская дисциплина – сильнейшее оружие // Коммунист Вооруженных сил. 1961. № 24; Горный А. Вопросы социалистической законности в Дисциплинарном уставе // Там же. № 1; Коровников И. За крепкую воинскую дисциплину среди автомобилистов // Там же. № 11; Крылов Н. Новые уставы Советских Вооруженных сил и воспитание воинов // Там же. № 12; Пелюх П. Воспитание исполнительности и повиновения // Там же. № 13. И подобные статьи можно найти в каждом номере журнала КВС в любом году. – Е.Б.
- ¹³ КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил 1917–1964. М., 1965.
- ¹⁴ Некоторые вопросы партийно-политической работы в Советских Вооруженных силах / Под общ. ред. И. С. Медникова. М., 1963.
- ¹⁵ См., напр.: Исаков Д. Единой семьей М., 1957; Бурляя А.А., Савченко А.М. Идеино-политическое воспитание личного состава Советской армии: лекция. М., 1959; Иванов Н.И. Воспитание советских воинов в духе боевого содружества с воинами армий стран социалистического лагеря: лекция. М., 1959; Беляков С.А. Коммунистическое воспитание советских воинов и задачи идеологической работы в Советских Вооруженных силах. М., 1960; Ворошилов Н.А. Идеино-политическое воспитание личного состава Советских Вооруженных сил. Харьков, 1960; Демин П.А. Деятельность Коммунистической партии по воспитанию воинов Советской армии в духе пролетарского интернационализма на основе решений XX и XXI съездов КПСС (1956–1959 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 1961; Буцкий И.М. Воспитание личного состава Советских Вооруженных сил в духе боевого содружества с воинами армий стран социалистического лагеря (1957–1961 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 1961; Балакирев В.П. Деятельность Коммунистической партии по воспитанию воинов в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма (1956–1961 гг.): Дис... канд. ист. наук. Киев, 1974; Ужегов Т.И. Деятельность органов советской военной печати по воспитанию личного состава в духе интернационализма и боевого содружества с армиями социалистических стран (1956–1966): Дис... канд. ист. наук. М., 1974 и др.
- ¹⁶ Воля и характер. Вопросы советской военной психологии: очерки. М., 1959; Луков Г.Д. Воспитание воли у советских воинов. М., 1961; Дьяченко М.М. Индивидуальный подход в воспитании воинов. М., 1962.
- ¹⁷ Лагода В. В. Командные кадры и законодательство в кадрах в развитии Вооруженных сил. М., 1960.
- ¹⁸ См., напр., материалы научно-популярного и агитационно-пропагандистского характера, помещенные на страницах журнала «Партийно-политическая работа в Советской армии и Военно-морском флоте» в 1958 г.

РУСЛАН ВАСИЛЬЕВИЧ КОСТЮК

*доктор исторических наук, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812)745-44-46. E-mail: rouslan_k@mail.ru*

Статья посвящена роли советского (российского) фактора в организационно-политическом расколе левого движения Франции в конце 1910-х гг. В статье рассматривается отношение к Октябрьской революции, Советской России и ее внешней политике со стороны различных направлений социалистического движения Франции в конце 1910-х гг.

Ключевые слова: СФИО, Россия, партия, революция, политика, рабочий класс.

«РЕВАНШ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ», ИЛИ «ОШИБКА ИСТОРИИ»?

Всемирно-историческое значение русской революции 1917 г. проявилось в самых разных последствиях и направлениях. В частности, в закреплении организационного и идейного размежевания в международном левом движении, а также в левых движениях отдельных стран, в частности Франции. Разумеется, идейное и политическое размежевание в европейской социал-демократии было в значительной мере предопределено совершенно различной реакцией на события Первой мировой войны, о чем свидетельствовало противостояние внутри левого движения различных вовлеченных в войну государств.

Очевидно, что раскол единой социалистической партии, окончательно происшедший во Франции в конце 1920 г., был предопределен во многом и внутренними причинами, многие из которых проявились даже в период, предшествовавший Октябрьской революции в России. В частности, речь идет о фрагментарности и сильных «центробежных» тенденциях в рабочем и социалистическом движении Французской Республики, о разном восприятии внутри Французской секции Рабочего Интернационала (СФИО) продолжения участия Франции в мировой войне, различных подходах отдельных фракций французского социализма к теории марксизма и практике диктатуры пролетариата, возможности сосуществования в одной партии революционных и реформистских сил.

И все-таки именно события в России, начавшиеся после Октябрьской революции, стали мощнейшим катализатором тех внутренних процессов внутри рабочего и социалистического движения Франции, которые в итоге привели к Турскому расколу 1920 г. На фоне российских событий «сугубо французское движение, выражавшееся в росте антивоенного и пацифистского движения, подъеме и радикализации профсоюзной активности, новых волнах забастовок со стороны шахтеров, металлистов, железнодорожников или работников почт, реакции народных масс на кризис, получило совершенно новое измерение»¹.

На самом деле, еще Февральская революция 1917 г. вызвала бурный восторг у активистов левого и рабочего движения Франции, породила масштабное движение солидарности и поддержки со стороны самых разных фракций и группировок французского социализма. Это было вполне понятно и оправданно. Но радикализация событий в далекой и союзной России, приведшая в итоге к октябрьским событиям, переход власти в руки пробольшевистских Советов, декреты о мире и земле, радикальная антикапиталистическая политика советской власти во внутренней сфере, разрыв с прежней внешней политикой и выход России из войны – все эти калейдоскопические, поистине революционные перемены вызывали среди французских левых уже не однозначные, но противоречивые чувства.

Следует сказать, что с конца 1917 г. происходящее в России крайне интересовало не только левых активистов, но и более широко – общественность Франции. Как писал в начале 1918 г. рабочий – корреспондент газеты социалистов «Юманите» из небольшого северофранцузского города: «В нашем городке все взбудоражены. Обсуждают

события в России повсюду – на заводах, на улице, на рынках. Случаются перепалки и даже драки. Рабочие слои приветствуют, буржуа резко осуждают, образованные горожане рассуждают...»²

Под воздействием Октябрьской революции во Франции заметно возросла социальная мобилизация. Резко усиливается стачечное движение. Если, например, в 1918 г. во Франции было зафиксировано около 500 стачек с участием в них немногим более 176 тыс. человек, уже в 1920 г. произошло более 180 забастовок, в которых приняли участие более 1 млн 300 тыс. рабочих³. Именно под воздействием стачечного пролетарского движения в 1919 г. на законодательном уровне во Франции был установлен восьмичасовой рабочий день. Следует отметить, что социалисты, равно как и представители других левых и крайне левых сил, очень серьезно работали в среде наиболее активных в плане социальной борьбы представителей рабочего класса – железнодорожников, шахтеров, металлистов, моряков, работников почтовых служб.

Массовый характер принимают акции в пользу скорейшего прекращения войны, а затем – подписания подлинно справедливого мирного договора. Более того, воздействие русского опыта в 1918–1919 гг. приводит к попыткам появления советских форм самоуправления на отдельных, в том числе достаточно многочисленных, рабочих предприятиях Франции. Просоветская пропаганда достигает и военные части, притом не только находящиеся на собственно французской территории. В данной связи можно напомнить о восстании части французских военных моряков на Черном море весной 1919 г. Факты революционного брожения во французской армии, происходившего нередко именно под влиянием событий в России, были действительно многочисленны.

Резко увеличиваются ряды Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) – ведущего профсоюзного центра Франции. На этом фоне происходит заметный приток сторонников в ряды СФИО. Если в конце 1918 г. численность СФИО составляла всего около 36 тыс. человек, то уже в 1919 г. в ее рядах было 133 тыс., а в 1920 г. – свыше 178 тыс. членов⁴. При этом значительное число «новых социалистов» на деле вступало в СФИО под воздействием событий в Советской России, пополняя число сторонников революционного направления в партии. В общем, подтверждался ленинский тезис о медленном, но неуклонном повороте влево в европейском социалистическом движении. И это сдвиг, опять же следует добавить, в значительной степени определялся ходом событий в далекой России.

До поры до времени, желая сохранить единство рядов социалистической партии, ее руководство пыталось занять весьма обтекаемую позицию в отношении Советской России. Тем более, что внутри руководства СФИО было далеко до единодушия относительно внутренней и внешней политики русского большевизма. С одной стороны, уже с 1918 г. социалисты на своих национальных форумах заявляли, что «партия решительно осуждает действия официальной Франции и ее союзников в России, представляющие собой посягательство на права русского народа»⁵.

В частности, такой тезис был принят на национальном съезде социалистов в октябре 1918 г. Иными словами, СФИО осуждала участие Франции в интервенции против красной России (в резолюции съезда говорилось об определенно преступном характере интервенции против Советской России), способствовала разрыву пролетарского движения солидарности с Советской Россией, считая, что социализм ни под каким предлогом не может и не должен содействовать планам русской контрреволюции. СФИО решительно осуждала конкретную политику французского буржуазного правительства по отношению к русской революции, справедливо считая, что эта политика уж больно напоминает методы коалиции европейских монархов против Французской революции в конце XVIII в. В то же самое время, вплоть до заключения Компьенского перемирия соцпартия оставалась на позиции «национальной обороны», а депутаты-социалисты голосовали за военный бюджет и военные кредиты.

В течение 1918 г. происходил процесс перехода руководства партии от умеренных социал-демократов в руки социалистов-центристов и левых, которые откровенно и четко выступали за поддержку Советской России. В то же время, в 1918 и 1919 гг. во Франции появилось множество коммунистических объединений, федераций и даже партий, активисты которых были ранее связаны с рабочим, профсоюзным и даже анархистским движениями; эти объединения еще более жестко солидаризировались с РСФСР и открыто одобрили провозглашение весной 1919 г. Коммунистического Интернационала. В частности, в 1918–1919 гг. во Франции действовал промосковский Комитет III Интернационала, требовавший от СФИО скорейшего вступления в Коминтерн. Во Франции издавались просоветские журналы «Большевик» и «Спартак», а декабре 1919 г. ряд левацких групп и активистов, призывавших к следованию опыту советской власти в России, даже создали в Париже учредительный съезд «Коммунистической партии» (Ано, Жиро, Гильбо)⁶. Правда, данная организация, оказавшаяся под влиянием анархо-синдикалистских и сектантских идей, сумела объединить в лучшем случае несколько сотен активистов. В итоге, к лету 1920 г. Коммунистический Интернационал отказался от поддержки данной формации. Но объективно роль левацкого направления в общественно-политической жизни Франции была невелика. Также отметим, что открытую солидарность с Советской Россией с самого начала проявляла общественная организация – Республиканская ассоциация бывших фронтовиков (АРАС), созданная в 1917 г. А. Барбюсом и П. Вайяном-Кутюрье. К 1920 г. АРАС представляла собой относительно массовую (около 40 тыс. членов) организацию. Но все-таки основной целью Москвы в 1919 и 1920 гг. стало перетягивание на позиции III Интернационала революционного направления СФИО и основного профсоюза Франции – ВКТ.

Очевидно, что успехи большевиков в Гражданской войне и против интервенции, образование Московского Интернационала содействовали дальнейшим процессам структурирования коммунистического направления в СФИО. Очередной съезд СФИО в октябре 1918 г. подтвердил тенденцию поворота Французской секции Рабочего Интернационала влево. На съезде директором партийной газеты «Юманите» стал Марсель Кашен, яркий представитель революционного направления в партии, не скрывавший симпатий по отношению к Советской России. На страницах «Юманите», равно как и иных партийных изданий, в 1919–1920 гг. заметно возросло количество материалов в поддержку большевиков и их политики.

В апреле 1919 г. на чрезвычайном съезде СФИО первый раз на всепартийном уровне обсуждался вопрос о присоединении к только что провозглашенному в Москве III Интернационалу. Большинство делегатов тем не менее поддержали проект социалистов-центристов о необходимости борьбы за «революционную реконструкцию» II Интернационала, но при этом высказались в пользу сохранения политических контактов и братских отношений с Коминтерном. В то же время политическая резолюция кон-

гресса была пронизана жесткими антикапиталистическими, антиимпериалистическими и антивоенными тезисами, чувством солидарности с революционным процессом в Европе. В резолюции съезда СФИО так говорилось о значении Октябрьской революции: «...Смелость и упорство, с которыми рабочие и крестьяне России борются в невыносимых трудных условиях за осуществление общего идеала социалистов, доказывают, насколько социалистическая партия была права, поверив в русскую революцию и ведя борьбу против преступной интервенции, с помощью которой буржуазия союзных стран хотела и все еще хочет сокрушить ее...»⁷ На первомайской манифестации в Париже и промышленных центрах Франции corteжи социалистов, в своем большинстве, вышли с лозунгами солидарности и поддержки Республики Советов.

На протяжении всего 1919 г. при обсуждении во французском парламенте вопроса об участии Франции в анти-советской интервенции депутаты-социалисты (если не брать в расчет откровенно правых в СФИО) выступали за скорейшее прекращение пребывания французских военнослужащих на территории бывшей Российской империи. Так, обращаясь к парламентариям от буржуазных партий, Марсель Кашен говорил, в частности: «...Давайте, господа, предоставим русскому народу возможность идти своим путем; не вмешивайтесь в его дела; не оказывайте финансовой помощи реакционерам худшего типа, которые стремятся поработить свой народ! Дайте ему избрать путь по своему желанию. Более того, отзовите солдат, направленных туда вопреки их желанию...»⁸ Классовые забастовки, которые в 1919 г. шли во Франции по нарастающей, в той или иной степени затрагивали и тему протестов рабочих в связи с продолжавшейся интервенцией в России.

Немаловажно, что идея солидарности с Советской Россией нашла отражение в тексте предвыборной программы, с которой СФИО вышла на парламентские выборы в конце 1919 г. Программа носила радикально-социалистический характер. В ней, в частности, содержался призыв к французским трудящимся: «Ваша победа окажет самую большую помощь и послужит лучшей защитой русской революции, против которой без колебания объединились союзные правительства и вчерашние враги, чтобы отнять у миллионов людей, освободившихся от векового гнета царизма, право самим строить свою жизнь в условиях полной независимости и завоеванной свободы...»⁹ На выборах в ноябре 1919 г. победу одержали консервативные силы, но правая пресса напрасно кричала о том, что «Франция уничтожила большевизм». Ведь около четверти активных избирателей отдали голоса кандидатам-социалистам.

Но чем дальше, тем больше в рядах СФИО усиливалась революционная тенденция. На фоне новой волны забастовочной борьбы в феврале 1920 г. в Страсбурге состоялся очередной съезд СФИО, который продемонстрировал дальнейшую эволюцию партии влево. Делегаты приняли на страсбургском конгрессе внушительным большинством (4330 мандатов против 337) решение покинуть II Интернационал как объединение, не оправдавшее надежд французских социалистов¹⁰. Но на тот момент в СФИО самой сильной фракцией были еще «центристы», ориентировавшиеся на т. н. II/2 (левосоциалистический) Интернационал. В итоге резолюция левого крыла СФИО о вступлении в Коминтерн на форуме в Страсбурге получила 1621 голос против 3031¹¹. Следует особо отметить, что на съезде в Страсбурге присутствовали специальные представители III Интернационала, который именно с начала 1920 г. резко активизирует работу по привлечению СФИО в новый Интернационал.

Тем временем промосковские силы в СФИО продолжали агитационно-пропагандистское наступление в поддержку внутренней и внешней политики Советской России. На протяжении 1920 г. в «Юманите» последовательно увеличивался поток позитивных материалов по внутренней, национальной и внешней политике советской власти. Лидеры СФИО – Генеральный секретарь партии Луи Оскар Фроссар и глава «Юманите» Марсель Кашен были официально приглашены в Советскую Россию с тем, что-

бы иметь возможность присутствовать на конгрессе Коминтерна. Естественно, правая пресса и консервативные общественные круги сразу подняли шум, обвиняя Москву в том, что она стремится «купить» социалистическое и рабочее движение Франции. Достаточно длительный визит Фроссара и Кашена оказался успешным с точки зрения сторонников присоединения к Коммунистическому Интернационалу.

Вот что писали в своей телеграмме однопартийцам Генеральный секретарь СФИО Л. О. Фроссар и М. Кашен из Москвы: «Мы находимся в стране, в которой нет буржуазии и капиталистической эксплуатации. Единственным обладателем власти во всех областях экономики, политики, администрации, самоуправления и правосудия являются трудящиеся. Новые формы общественной жизни возникают у нас на глазах»¹². Лидеры СФИО были убеждены в том, что в России «ни на один день не прекращается строительство социалистического общества, в котором только труд будет иметь право на существование»¹³. Л.О. Фроссар и М. Кашен провели несколько встреч с В.И. Лениным, что тоже сказалось на эволюции их позиций в отношении вступления в Коминтерн. И эта «просоветская» точка зрения становилась все более и более популярной в рядах французского левого движения.

Многие видные деятели левого, революционного фланга СФИО в своих статьях и выступлениях в 1919–1920 гг. подчеркивали универсальный исторический характер Октябрьской революции и диктатуры пролетариата, установленной в России. Даже если они признавали, что отнюдь не все, что происходит в России, возможно применить в будущем во Франции, тем не менее главной мыслью данных выступлений было подчеркнуть без сомнения позитивный характер революционного процесса в РСФСР. И всячески говорилось о необходимости максимальной поддержки русской революции. В передовой органа СФИО «Юманите» за 11 августа 1920 г. однозначно подчеркивалось: «Защита русской революции является предварительным этапом мировой революции. Неоказание русской революции максимальной и всяческой помощи означало бы предательство мировой революции»¹⁴.

Уже вернувшись на родину, М. Кашен и Л.О. Фроссар твердо заявили, что будут просить свою партию о вступлении в III Интернационал. На крупном митинге социалистов в столичном цирке 13 августа 1920 г. лидер СФИО Л.О. Фроссар в присутствии почти десяти тысяч человек высказался в пользу безоговорочной поддержки русской социалистической революции, утверждая, что в России создается по-настоящему новый, полный жизни мир. В свою очередь, редактор «Юманите» М. Кашен заявил: «Для старого социалиста, тридцать лет мечтавшего увидеть общество, в котором труд, трудящиеся не подвергались бы эксплуатации, было большой радостью попасть в такую Россию, где власть, вся власть принадлежит трудовому народу»¹⁵.

Ученые-историки французского левого движения в своем большинстве убеждены, что именно поездка Фроссара и Кашена в Советскую Россию была переломным моментом во внутривнутрипартийной дискуссии в рамках СФИО в отношении присоединения к Коминтерну. Как известно, конгресс, на котором присутствовали посланцы руководства французских социалистов, принял жесткие условия для вступления в Интернационал («21 условие»), подразумевавшие, в частности, организационный разрыв с социал-реформистами в партии и профсоюзах, борьбу за диктатуру пролетариата, признание норм демократического централизма, сочетание легальных и нелегальных форм борьбы и т.д. Разумеется, Москва требовала также полной солидарности с советской властью, ее внутренней и внешней политикой. И, надо сказать, революционные круги в левом движении Франции уже в 1920 г. безоговорочно поддерживали внешнюю политику Советской России. Данная тенденция весьма ярко проявилась, в частности, в месяцы советско-польской войны, когда промосковские силы в СФИО однозначно обвиняли Варшаву и стоящие за нею империалистические державы (в частности,

и правительство собственной страны) в провоцировании и организации военных действий.

В итоге движение СФИО в сторону Коминтерна приняло необратимый характер. Это объяснимо и в связи с тем, что основная масса вступивших в 1920 г. в ряды соцпартии членов исповедовала революционные, коммунистические взгляды. Состоявшийся в конце 1920 г. в Туре съезд СФИО стал «съездом раскола». Более двух третей делегатов (3252 мандата) проголосовали за резолюцию о вхождении в «Московский Интернационал»¹⁶. Эта позиция получила поддержку большинства социалистов в 79 из 96 департаментских федераций (организаций) СФИО¹⁷. Причем в 12 федерациях за присоединение к Коммунистическому Интернационалу высказались единогласно! В предложенном прокоммунистическим большинством съезда проекте генеральной резолюции говорилось о принятии «21 условия» Коминтерна и о необходимости еще более твердой солидарности с русскими большевиками. На базе большинства была сразу же образована Французская коммунистическая партия (ФКП), во главе которой был избран Л.О. Фроссар. Новорожденная партия на долгие десятилетия связала себя тотальной солидарностью с внутренней политикой советских коммунистов и внешней политикой Москвы. Коммунисты Франции верили в то, что «развивающаяся революция, родившаяся в России, постепенно охватит все государства и континенты и поднимет на борьбу миллионы и миллионы стойких бойцов»¹⁸. Так или иначе, родилась партия, которая вплоть до крушения СССР оставалась главным и искренним союзником Москвы во Франции. Недаром в ответ на критику со стороны умеренных социалистов в том, что они слишком некритично поддерживают советский эксперимент, сторонники создания ФКП отвечали: «Мы будем защищать русскую революцию и неустанно выступаем против всех нападков, откуда бы они не исходили»¹⁹.

Но Турский съезд, как я уже отметил, был и съездом раскола. Большая часть социалистов-центристов и тем более те, кто принадлежал к правому флангу СФИО, отказались идти за большинством делегатов. Они сохранили прежнее название партии, СФИО, приняли решение о вступлении во II/2 Интернационала, а в 1923 г. СФИО примкнула к объединенному Социалистическому рабочему Интернационалу, объединившему международное социал-демократическое движение. И не последнюю роль в организационном расколе французского левого движения сыграл именно вопрос об отношении к происходящему в России, к внутренней и внешней политике советской власти. Вот почему представляется правильным рассмотреть отношение умеренных направлений СФИО к значению Октябрьской революции, к политическому курсу «красной России».

Следует сказать о том, что наиболее критично к Октябрьской революции внутри левого движения Франции отнеслись те, кто до 1918 г. занимал господствующие позиции в СФИО – правые социалисты (Альбер Тома, Марсель Самба и их сторонники). Будучи адептами линии участия Франции в мировой войне до победного конца, правые социалисты не смогли простить большевистскому правительству Советской России «измены» и выхода восточного союзника из войны. Кроме того, будучи идейными и политическими союзниками умеренных русских меньшевиков и эсеров, правые социалисты Франции соответствующим образом смотрели на события Гражданской войны в России. «Можем ли мы поддерживать запрет других социалистических партий, закрытие независимых рабочих организаций, высылку несогласных? Где же здесь народная демократия и обещанные свободы? Поддерживать все это, присоединиться к таким порядкам, значит сознательно отказаться от гуманистических принципов социализма»²⁰, – заявляли представители правого крыла СФИО.

Умеренные социалисты осудили разгон Учредительного собрания в начале 1918 г. В дальнейшем они всяческие критиковали внутреннюю политику большевиков – и ее социально-экономическую составляющую, и характер от-

ношения российских коммунистов с другими левыми партиями. Один из лидеров правого течения в СФИО Пьер Рендель, признавая военные и политические успехи русских коммунистов, в начале 1920 г. тем не менее утверждал, что большевизм как социализм, как более прогрессивный проект общества, провалился. Социальная и экономическая политика советской власти постоянно подвергалась критике со стороны политиков, находившихся на умеренном фланге французской социал-демократии. Они называли результаты этой политики «чудовищными» и «ужасными», одновременно заявляя о том, что Россия не готова к социализму.

Весьма двусмысленной была позиция умеренных социалистов в отношении политики официального Парижа к Советской России. В отличие от радикальных социалистов и социалистов-центристов, представители правого крыла СФИО практически не участвовали в акциях, требовавших вывода французских военных из России. На рубеже 10-х и 20-х гг. Леон Блюм, все более сдвигавшийся к правому центру СФИО, заявлял: «Мы по-прежнему верны диктатуре пролетариата <...> Но то, что мы видим в большевистской России, не дает основания делать вывод о том, что там установлена диктатура пролетариата»²¹. Правые в СФИО считали ошибочным следовать «советским путем», будучи убежденными в том, что для Франции и для других развитых западноевропейских стран эксперименты, подобные большевистскому, оказались бы пагубными.

Соответственно, с самого начала обсуждения вопроса о присоединении СФИО к III Интернационалу правые во французской социал-демократии заняли негативную позицию. По мнению умеренных социалистов, Коммунистический Интернационал является сверхцентрализованным политическим объединением, служащим, в первую очередь, интересам Москвы и русской революции. В то же самое время на съезде в Туре делегаты от умеренных социалистов, как, например, М. Самба, открыто подчеркивали, что сами ориентируются на Лондон, на то, как организованы рабочее движение в Англии и британская лейбористская партия. Как заявлял М. Самба, «как с экономической точки зрения, так и с точки зрения социалистического воспитания между французскими и английскими массами значительно больше сходства, чем между французскими и русскими массами»²². Радикальный же русский опыт неприменим для стран Западной Европы. В глазах умеренной части социалистов речь шла – применительно к происходящим в далекой России событиям – именно о «новом социализме», который, с их точки зрения, «основывается на глубоко ошибочных идеях, противоречащих важнейшим и неизменным принципам марксистского социализма»²³. Отметим также, что в 1919–1920 гг. правые социалисты все время обвиняли Москву и Коминтерн в постоянном вмешательстве во внутренние дела французского левого движения. Они обвиняли именно радикальную тенденцию социалистического движения в расколе, инспирированном, с их точки зрения, российскими большевиками: «Съезд в Туре при неоднократном вмешательстве Москвы, за которой шло слепое большинство, разорвал единство французского социализма»²⁴.

Если говорить о социалистах-центристах, которые на короткий период (1918–1920) были ведущим направлением в руководстве СФИО, то их идейным и политическим лидером был Жан Лонге, популярный политический деятель, парламентарий, внук Карла Маркса. Социалисты-центристы были за разрыв с социал-реформистским II Интернационалом, они действительно считали, что, в общем и целом революция в России имеет прогрессивный характер. И заявляли о солидарности с нею, и даже о восхищении тем, как в России строится новое общество. Социалисты-центристы твердо осуждали участие Франции в интервенции против Советской России и поддерживали, нередко даже выступая в числе организаторов, различные акции солидарности с российским пролетариатом. Ж. Лонге и его сподвижники считали, что социалистическое движение Европы ни в коем случае не должно содей-

ствовать планам русской контрреволюции. Лонгетисты ставили условием любого внешнего вмешательства в русские дела «единодушное согласие русского социализма, без которого такое вмешательство шло бы вразрез с интересами Франции»²⁵.

Ж. Лонге подчеркивал: «Русский опыт очень важен для всех. Его нельзя абсолютизировать и в то же время нельзя ниспровергнуть. На мой взгляд, главное, что является ценным, это то, что рабочий класс, рабочая партия достигли власти и открывается путь к новому, свободному от оков эксплуатации обществу»²⁶. Центр социалистической партии выступал за официальное признание Советской России, установление с нею полноценных политических и экономических отношений. Но все-таки солидарность по отношению к Советской России и к ее политике не была тотальной. Так, в 1920 г. Ж. Лонге и его сторонники со страниц партийной печати выступили с рядом критических статей в отношении конкретных форм осуществления экономической политики русскими большевиками и фактов «политического оттирания» из Советов представителей некоммунистических партий. В отличие от левых в СФИО, социалисты-центристы с определенной критикой воспринимали и национальную политику большевиков.

Социалисты-центристы, как и революционные направления в СФИО, выступали за принципиальный разрыв со II Интернационалом как обанкротившимся реформистским объединением. Но все-таки и идейно, и политически Ж. Лонге и его соратники были ближе к Венскому, т.е. II Интернационалу. В то же время лонгетисты считали сам факт образования III Интернационала в марте 1919 г. положительным событием и с самого начала выступила за активное сотрудничество с этим объединением. Но результаты Второго конгресса Коминтерна заметно охладили настрой центристской тенденции в СФИО.

Полагаю, что в итоге главным камнем преткновения для большей части социалистов-центристов явилась жесткость условий приема в Коммунистический Интернационал. Полное подчинение национальной партии исполнительному органу международного Интернационала, жесткая и беспрекословная дисциплина, курс на исключение реформистов всех мастей, по-коммунистически понимаемый демократический централизм – все это лонгетисты принять так и не смогли. Они считали абсолютно неприемлемым перенос большевистских традиций и правил внутрипартийной жизни на международное революционное движение. Незадолго до съезда СФИО в Туре Ж. Лонге заявил следующее: «Московские условия соответствуют особой философии – русской философии. Таким образом, III Интернационал будет тоже русским <...> Для Франции и Англии эти условия неприемлемы <...> В отношении России мы проявили чувства самой большой привязанности. Но она в ответ показала нам палку»²⁷.

Учитывая громадный личный авторитет Ж. Лонге в левом движении Франции, лидеры коммунистического направления, в частности Л.О. Фроссар и М. Кашен, предприняли перед Туром и непосредственно на съезде несколько попыток, чтобы переубедить Лонге. Но, будучи последовательным сторонником единства левого и рабочего движения, Ж. Лонге все-таки отказался от предложений трансформировать СФИО в коммунистическую партию, принадлежащую Московскому Интернационалу. Выступая на съезде в Туре, Ж. Лонге вновь призвал к созданию объединительного интернационала международных революционных сил, к единству левых сил в европейском масштабе. Ж. Лонге вновь заявил о том, что III Интернационал «является не Интернационалом пролетариев всех стран, а специфически русским Интернационалом, с русскими взглядами и русской дисциплиной» и потому «не подходит для других стран»²⁸.

Турский раскол, конечно же, имел массу внутренних причин. Но громадную роль здесь сыграл и внешний фактор – фактор русской революции и ее последствий. В конечном счете, в дальнейшем, на протяжении долгих десятилетий межвоенного периода и холодной войны, на отношения двух ведущих рабочих партий Франции – коммуни-

стической и социалистической – очень большое влияние оказывало именно различное по сути отношение ФКП и соцпартии к Советскому Союзу, советскому типу социализма и внешней политике Москвы.

И вот это противостояние во французском левом и рабочем движении начиналось как раз после Октябрьской

революции, когда одни, как Жак Дюкло, квалифицировали ее как «реванш Парижской Коммуны», а другие, как Леон Блюм, называли «ошибкой истории». Поэтому, изучая историю левого движения Франции в XX столетии, невольно приходишь к мысли, насколько важен здесь анализ советского (российского) фактора.

¹ Communistes. La naissance d'un Parti. Paris, 1998. P. 21.

² L'Humanité. 1918, 25 février.

³ Чернуха З.В. Становление Французской коммунистической партии. М., 1976. С. 13.

⁴ Communistes... P. 30.

⁵ Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967. С. 178.

⁶ SFIO. Lourdes années. 1917–1920. Paris, 1995. P. 202.

⁷ Ibid. P. 215.

⁸ Цит. по: Дюкло Ж. Октябрь 17 года и Франция. М., 1967. М. 253.

⁹ Communistes... P. 114.

¹⁰ SFIO. Lourdes années... P. 252.

¹¹ Ibid. P. 254.

¹² L'Humanité. 1920, 21 juillet.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. 1920, 11 août.

¹⁵ Ibid. 1920, 14 août.

¹⁶ Чернуха В.З. Указ. соч. С. 100.

¹⁷ SFIO. Lourdes années... P. 305.

¹⁸ Дюкло Ж. Указ. соч. С. 366.

¹⁹ L'Humanité, 1920, 31 décembre.

²⁰ Ibid. 1920, 22 février.

²¹ Цит. по: SFIO. Lourdes années... P. 246–247.

²² Ibid. P. 281–282.

²³ Салычев С.С. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921–1940 гг. М., 1973. С. 22.

²⁴ SFIO. XIXe Congrès national. Rapports. Paris, 1921. P. 54.

²⁵ Дюкло Ж. Указ. соч. С. 163.

²⁶ L'Humanité. 1917, 19 juillet.

²⁷ Ibid. 1920, 25 octobre.

²⁸ SFIO. XVIIIe Congrès national. Compte-rendu sténographique. Paris, 1920. P. 391.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА СИНОВА

кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)

Тел.: 8 (911) 250-32-03; E-mail: s-irina@yandex.ru

Статья посвящена анализу причин отклоняющейся социализации девочек во второй половине XIX – начале XX в. На материалах архивов и публицистических статей показано, как социально-экономические условия, семейная обстановка влияли на эксплуатацию девочек со стороны родителей, хозяев ремесленных мастерских, домов терпимости. Проанализированы меры, предпринимавшиеся государством и общественными организациями по оказанию помощи детям.

Ключевые слова: отклоняющаяся социализация, детская проституция, Общество защиты детей, Санкт-Петербургский Дом милосердия, детский суд, Врачебно-полицейский комитет, Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщин, деструктивность.

ДЕТСКАЯ ПРОСТИТУЦИЯ КАК ФОРМА ОТКЛОНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Проблемы, связанные с отклоняющимся от нормы поведением, привлекали ученых различных областей знаний: социологов, философов, юристов, психологов, педагогов, историков. Каждый со своей позиции, в соответствии с областью знаний оценивал самоубийства, преступность, проституцию, алкоголизм. В рассматриваемый период в науке отсутствовал единый подход к этим явлениям, который помог бы сделать обобщающие выводы о причинах и закономерностях, а соответственно и вывести определенные способы решения существующих проблем.

Рассмотрение соотношения частного и общественно-го, нормы и отклонения в процессе социализации детей в рамках социального контекста второй половины XIX – начала XX в. в условиях отсутствия демократической системы власти и управления, нарушения социально-политического консенсуса, падения нравов, безработицы, нужды, нищеты большей части населения, активного процесса маргинализации трудящихся и, в целом, состояния аномии способствует осмыслению и формированию понимания современных процессов в развитии общества.

Во второй половине XIX в., а особенно в начале XX, явление детской проституции обострилось до такой степени, что стало предметом обсуждения на международных и Всероссийских съездах, среди законодателей и педагогов и вызвало усилия и противостояние полиции, общества защиты детей и многочисленных благотворительных организаций. Юрист М.Н. Гернет отмечал, что хотя «официально проституции малолетних нет, а в действительности тысячи детей гибнут ежедневно на тротуарах»¹. Как свидетельствуют многочисленные публикации и отчеты общественных и благотворительных организаций, детская проституция, несмотря не только на латентный характер, но и на нелегитимность, фактически росла год от года.

По обследованию 1889 г., число зарегистрированных проститутток, не достигших 20-летнего возраста, составляло 31%, а в 1909 г. их стало уже более 45%. По данным статистики Российской империи о проституции по обследованию на 1889 г., более четырех пятых общего числа проститутток, т.е. 83,5%, происходило из бедных семей². По возрасту, в котором женщины стали заниматься проституцией, более четырех пятых от общего числа проститутток обратились к своему занятию ранее достижения гражданского совершеннолетия, а около четверти, т.е. 23,1%, начали свою профессию ранее достижения физической зрелости³. Около 30% составляли девочки, не достигшие 16 лет⁴, а наибольший процент несовершеннолетних девушек – 15,9% приходился на возраст от 16 до 17 лет⁵.

Журнал «Трудовая помощь» отмечал, что на долю детской проституции в начале XX в. приходилось 23%⁶. В отчете попечительского Комитета Санкт-Петербургского

Дома милосердия за 1907 г. отмечалось, что «торговля малолетними в Петербурге принимает все большие и большие размеры: продают детей и родители, и подруги, и специальные фактории»⁷.

Причины проституции в целом и детской в частности специалисты видели, прежде всего, в социально-экономических условиях, но каждый отмечал еще и свои факторы, влиявшие на это явление. С. Ломброзо и Г. Ферреро определили следующие причины: «а) потеря невинности: многие девочки нравственно падают и становятся проститутками, соблазненные обещанием жениться на них или же лишенные невинности путем изнасилования; б) обман и изнасилование: молодых девушек обманом завлекали в притоны разврата, лишали их там невинности, и потом насильно заставляли отдаваться мужчинам; в) нищета и дурные примеры со стороны окружающих и совращение в разврат родителями своих собственных детей»⁸.

В отчете о деятельности Санкт-Петербургского Дома милосердия говорилось, что причины проституции, «как они рисуются по цифровым данным и биографическим сведениям, кроются по преимуществу в заброшенном детстве, когда уже с раннего возраста ребенок начинает впитывать в себя все деморализующее влияние среды, в неблагоприятных в материальном отношении условиях жизни, в городском соблазне и проч.»⁹. Газеты анализировали условия, влиявшие на развращение детей. Публицисты отмечали, что «увеличивающаяся из года в год тайная проституция детей составляет характерное знамение нашего времени и угрожающий симптом будущего. Проституция детей, с ведома или без ведома их родителей, является не только доказательством крайней общественной испорченности, но также и ее иллюстрацией <...> Школу заменяет вертеп, воспитателя – сводница, семью – улица»¹⁰.

О росте детской проституции свидетельствуют данные отчета попечительского Комитета Санкт-Петербургского Дома милосердия: «...Социальные условия последнего времени создали нагло-циничный разврат. Не говоря уже о той дразнящей скрывааемые или подавляемые до сего времени чувств инстинкты проповеди безнравственности в литературе и со сцены, которая доступна классам более или менее культурным. Можно видеть, что дух разложения и нравственного упадка широко охватил и низшие классы. Улицы Петербурга за последнее время ночью переполнены малолетними проститутками, ищущими своих покупателей. Какая масса из этих детей идет во Врачебно-полицейский комитет за комиссионными листами, но еще больше их гуляет без всякой регистрации, и среди таких можно встретить девочек среднего класса, родители которых имеют достаточно средств, чтобы воспитывать их в учебных заведениях, прилично одевать и давать средства к жизни. Если од-

них на улицу гонит голод и нежелание честно трудиться, то другими руководит просто жажда развлечения»¹¹.

Аренда детей для проституции была широко развита в Петербурге, Москве и на юге России. «Нигде проституции так много нет, нигде с такой откровенностью проститутки не торгуют своим телом, или вернее, не торгуют их телом, как это делается в Киеве и Петербурге»¹². Центром «торговли детским телом служит Невский по ту сторону Знаменской площади»¹³. В столице «при вечерних полицейских обходах бань, гостиниц, ночлежных домов попадалась иногда проститутки детского возраста, начиная с 11 и до 15 лет»¹⁴. В начале XX в. отмечали, что «в Петербурге явление малолетней проституции усилилось до такой степени, что стоит вам вечером выйти на Невский проспект и так называемые улицы, где промышляют проститутки, как вы непременно встретите среди них малолетних девочек, открыто пристающих к проходящим мужчинам. Иногда они гуляют группами в сопровождении своих сутенеров, тоже малолетних мальчишек, с которыми перебрасываются вслух самыми нецензурными словечками»¹⁵.

Первым учреждением, занимавшимся надзором за проституцией, был созданный в 1843 г. Врачебно-полицейский комитет. Положения о его деятельности, принятые в 1861, 1903 и 1908 гг., содержали ограничения и запреты относительно несовершеннолетних. В Положении о Врачебно-полицейском комитете 1903 г. был сформулирован порядок подчинения надзору, в котором в отношении несовершеннолетних было записано следующее: «В своей деятельности по надзору за проституцией комитет руководствуется следующим: б) женщины, не достигшие 18 лет, не могут быть допущены к промыслу разврата и отдаются на попечение родственников, попечителей, благодетелей, учреждений или установлений, на кои законом возложено попечительство о неимущих»¹⁶. Кроме этого, воспитанники низших и средних учебных заведений и все малолетние вообще не допускались в дома терпимости.

Некоторых девочек на путь проституции толкали родители или родственники, другие были изнасилованы в раннем возрасте, третьи ступали на этот путь добровольно, либо спасаясь от нищеты, либо в погоне за легкой жизнью. В журнале «Вестник права» в 1905 г. отмечалось, что «почти всякая проститутка была обольщена еще в самом нежном возрасте. В соответствии со статистикой Российской империи, 4/5 всех проституток (80,5%) идут в ряды проституции до гражданского совершеннолетия»¹⁷.

Детская проституция делилась, главным образом, на две разновидности: или малолетних девочек арендовали прямо для проституции, или же для какого-либо сравнительно невинного ремесла, которым обычно прикрывалась истинная цель аренды. Аренда производилась или с ведома и согласия родителей, или же в глазах последних ловко прикрывалась какой-либо другой работой. Система привлечения детей к этому промыслу была тщательно разработана. Девочек-нищенок присматривали с 5-летнего возраста, постепенно приобщали, чтобы к 12–13 годам они уже приносили доход. При этом им создавали такие условия, что обратного пути для них уже не было. Существовала целая масса почтенных матрон, занимавшихся доставкой любителям детского тела детей-женщин. Каждая из этих несчастных девочек содержала на своем иждивении покровителя-сутенера, на обязанности которого лежало: «защищать “свою любовницу” (это 10–11-летнее дитя), доставлять ей “гостя”, забирать “выручку”, поить ее водкой и, наконец, бить при всяком удобном случае»¹⁸.

Отношение самих девочек к своему занятию проституцией было различным. Это зависело как от воспитания, так и от образа жизни, окружения, семейной обстановки. Среди девочек-проституток «одни – посылаемые родными и тетями-промышленницами – идут на торжище с ужасом, плачем и скрежетом зубным; другие самостоятельно, проклинаясь даже родителями, бегут

туда со смехом, буйною шаловливостью, разнузданностью. Одни, почти еще крошки, кончают подневольно позорную жизнь самоубийством; другие – нисколько не сознавая нравственного ужаса – смотрят на пьяный угар своего существования как на веселый детский праздник, где можно вволю безобразничать, напиваться, творить что угодно с мальчишками-хулиганами и почтенными взрослыми дядями»¹⁹.

В Отчете Санкт-Петербургского Дома милосердия приводится случай, когда одна девочка-проститутка 11–12 лет с убеждением и охотой занималась своим промыслом: «Ничего тут нет худого. Гораздо лучше, чем дома. Пью все сладкое да вкусное... А платья какие у меня... Дядьки все больше смешные да добрые... Если же что вздумают худое, я спуску не дам. Как напьюсь – сама очень я буйная... Да и весело как»²⁰. Одновременно некоторые девочки были не в силах вынести развратную жизнь и кончали жизнь самоубийством.

Доктор Б. Бетовин связал рост детской проституции в начале XX в. с социально-экономическими проблемами и падением общественных нравов. «Теперь детская торговля любовью ведется с удивительно откровенностью и широтой, без всякой маскировки и ширм. По улицам, где обычно скопляются проститутки, вы встретите теперь целые группы девочек 10–12 лет, которые заглядывают вам в глаза, обещают удивительные наслаждения и изрыгают скверные фразы. Существуют гостиницы для приезжающих, которые как бы специализировались на детской проституции <...> Самое яркое явление – начинающаяся популяризация детской проституции среди широких масс потребителей, которые ранее об этом и не думали»²¹. Отмечалось, что в развитии детской проституции «экономическое стимулирование играет, конечно, первенствующую роль <...> За коробку конфет, за красивую ленту ребенок готов на многое»²².

В отчете Врачебно-полицейского комитета за 1908 г. отмечалось, что «девочки-подростки в возрасте 12–14 лет доставляются в Комитет наружною полицией по подозрению в промысле разврата впервые, по установившейся практике, подвергаются медицинскому освидетельствованию в том только случае, если при этом находятся родители или родственники, изъявившие желание подвергнуть их освидетельствованию, в противном случае они возвращаются через ту же полицию для водворения к родным, при отсутствии родных задержанные девочки-подростки передаются на попечение ежедневно присутствующей в Комитете даме-патронессе от Попечительного Комитета дома милосердия»²³. И уже 30% по возрасту были от 16 до 20 лет²⁴.

Вопросы о сводничестве малолетних, привлечении их к занятию проституцией регламентировались на законодательном уровне, постоянно поднимались среди общественности, в средствах массовой информации, но, несмотря на все меры и внимание к этой проблеме, в ежегодных отчетах Врачебно-полицейского комитета всегда фигурировали девочки в возрасте до 16 лет, хотя они и не подлежали официальному надзору.

В докладе о положении надзора за проституцией, подготовленном Врачебно-полицейским комитетом и направленном помощнику петербургского общественного градоначальника в 1861 г., говорилось: «Неоднократно выяснялось, что частные квартиры проституток представляют собою дома терпимости в миниатюре. Там кроме зарегистрированных проституток проживали или допускались для непотребства тайные проститутки, нередко малолетние»²⁵. Для пресечения данных фактов выдвигались следующие требования: «...Принять самые строгие меры к недопущению разврата малолетних (одна из мер – изолирование подрастающего поколения от совместного проживания с проститутками)»²⁶.

Более четырех пятых от общего числа проституток обратились к своему занятию ранее достижения гражданского совершеннолетия, а около четверти (23,1%) начали свою профессию ранее достижения физической зрелости²⁷.

В 1910 г. был принят «Закон о мерах по пресечению торга женщин в целях разврата», в котором содержались и положения, касавшиеся проституции несовершеннолетних, и предусматривалось наказание в виде тюремного заключения для виновных в сводничестве или приеме в притон лиц женского пола, не достигших 21 года. Но эти меры не смогли существенно задержать развитие проституции малолетних и несовершеннолетних.

Ремесленное мастерство очень часто являлось местом предложения и спроса живого товара, главным образом малолетних. Условия жизни в мастерских делали их удобными для процветания замаскированного притона. На публикацию о том, что ищется ученица, являлись сотни детей, которых родители и родственники готовы были отдать чуть ли не в полное распоряжение владелицы мастерской. А то, что творилось и делалось в мастерской, для чего и как воспитывали и чему обучали девочку под опытным руководством хозяйки, все это носило латентный характер и было скрыто не только от наблюдателей, но и от родителей и родственников.

На I Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщин и его причинами, проходившем в Санкт-Петербурге в 1910 г., достоянием обществу стали факты использования малолетних воспитанниц ремесленных мастерских для проституции: «На Большой Охте, на углу Большеохтинского проспекта и Гужевой улицы под скромной вывеской “Белошвейная” находилась мастерская госпожи Р. В мастерской занималось 5–6 девочек, обыкновенно очень милых. Ученицы вербуются среди беднейших семей, и она берет к себе девочек не только для обучения мастерству, но и для воспитания. А воспитание это весьма своеобразно и обращено, главным образом, на выработку приличных манер, красивых и пластичных жестов и обучение танцам. В опытных руках госпожи Р. девочки быстро формировались в интересные и грациозные создания, и если не приобретают никаких познаний мастерства, но наука страсти нежной ими усваивается вполне. Белошвейная часть посещается многочисленными знакомыми госпожи Р., солидными и богатыми стариками, с видом знатоков оглядывающими питомцев гостеприимной хозяйки, и сами девочки неоднократно берутся на прогулку куда-либо на острова и т.д. <...> И таких мастерских, где не в житье бывает сила, много раскинуто в нашей столице, и работают они под покровом таинственности, увеличивая кадры малолетних проституток, часто совершенно детьми»²⁸.

Согласно статье 44 Устава о наказаниях за сводничество и отдачу малолетних посредством обмана в дома терпимости и торговлю детским телом следовал арест максимум на месяц или 100 руб. штрафа²⁹. Поэтому в целом Закон не решал проблем, связанных с ограничением раз-

ращения малолетних, а тем более борьбы с детской проституцией.

8 июня 1897 г. Санкт-Петербургский градоначальник генерал-майор Клейгельс направил Секретное циркулярное письмо, в котором предлагалось приставам «ответственно сообщить и представить мне к 1 числу будущего августа подробные сведения: 1) О всех существующих в столице тайных притонах разврата. 2) О притонах, в которых по желанию посетителей приглашаются для противуестественного непотребства женщины и дети из частных квартир и 3) О таких лицах, которые промышляют с корыстной целью смириванием детей в означенные притоны»³⁰. Сам факт такого письма свидетельствует не только о существовании тайных притонов, но об эксплуатации детей в них.

Но и в 1914 г. член-распорядитель Петроградского Врачебно-полицейского комитета в записке к отчету о деятельности комитета пытался привлечь внимание к вопросу физического и нравственного здоровья детей: «Во многих квартирах вместе с проститутками проживают дети разного возраста, что не только растлевающим образом действует на подрастающее поколение, но и представляет для последнего громадную опасность в смысле заражения сифилисом»³¹.

В 1911 г. девочка К., обвиненная в краже у своей подруги, была отдана на попечение отца. В попечительской книге отмечалось: «Живут зажиточно, отец, видимо, любит и оберегает дочь». На шестой месяц надзора попечитель узнала, что девочка проститутует. Выяснилось, что отец всецело жил на заработок дочери и категорически запрещал ей говорить о своем занятии»³².

Создание отделения для несовершеннолетних девочек в возрасте до 14 лет, впадших в разврат, в Санкт-Петербургском Доме милосердия свидетельствует не только об осознании существующей реальности, но и о стремлении изменить и сгладить ситуацию. В Доме милосердия действовал очень строгий режим, имелось два отделения – «исправительное» для уже «падших» подростков и «предупредительное» для тех, кого вырвали из условий, неминуемо ведущих к разврату.

Общественные деятели осознавали, что «не приют, конечно, даже самый образцовый, уничтожит детскую проституцию, но спасти хоть немногих они могут. А уничтожить <...> Превратите вонючий подвал в чистую светлую комнату, грязную улицу в разумную школу, нужду и беспризорность – в уют, хотя и самый скромный»³³. Искоренение детской проституции зависело не только от неравнодушных людей, которых было немало, и не от количества денежных средств, расходуемых на приюты, она являлась одним из самых унижительных и позорных явлений российской действительности и частью социально-экономических проблем общества, решение которых затягивалось.

¹ Дети-преступники. Сборник статей с предисловием и под ред. М.Н. Гернета. М.: Знаменский, 1912. С. 368–369.

² Статистика Российской империи. XIII Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 года. Под ред. А. Дубровского. СПб., 1890. С. XXVII.

³ Статистика Российской империи. С. XXVIII.

⁴ Статистика Российской империи. С. 54.

⁵ Статистика Российской империи. С. XXVIII.

⁶ Детская проституция и меры борьбы с ней // Трудовая помощь. 1913. № 1. С. 75.

⁷ Отчет попечительского Комитета СПб Дома милосердия, состоящего под высоким покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской за 1907 год. – СПб., 1908. С. 10.

⁸ Ломброзо С., Ферреро Г. Женщины-преступницы и проститутки. Киев, 1897. С. 437, 438.

⁹ Отчет о деятельности СПб Дома милосердия за 1912 г. СПб.: Типография А. Бенке, 1913. С. 21.

¹⁰ Канкарович И. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб., 1907. С. 101.

¹¹ Отчет попечительского Комитета СПб Дома милосердия. С. 7.

¹² Мукалов М.К. Дети улицы. Малолетние проститутки. СПб.: Типо-лит. И. Юделевича, 1906. С. 7.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Федоров А.И. Врачебно-полицейский надзор в Петербурге. СПб., 1893. С. 49.

¹⁵ Канкарович И. Указ. соч. С. 101.

¹⁶ Врачебно-полицейский надзор за городской проституцией. СПб., 1910. С. 20.

¹⁷ Рубиновский А.Л. Некоторые легко устранимые причины проституции // Вестник права. 1905. № 5. С. 134.

¹⁸ Мукалов М.К. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Бентовин Б. Дети-проститутки. СПб., 1910. С. 14.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Там же. С. 3.

²² Там же. С. 6, 13.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 11. Д. 1271. Л. 19 об.

²⁴ Там же. Л. 22 об.

²⁵ Там же. Оп. 17. Д. 474. Л. 139 об.

²⁶ Там же. Л. 140.

²⁷ Статистика Российской империи. С. XXVIII.

²⁸ Труды I Всероссийского съезда по борьбе с торговом женщин и его причинами, происходившем в СПб с 21 по 25 апреля 1910 г. СПб., 1911. С. 95.

²⁹ Дети-преступники. С. 377.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 607. Л. 56.

³¹ Там же. Ф. 513. Оп. 162. Д. 109. Л. 170 об.

³² Дети-преступники. С. 367–368.

³³ Там же. С. 380.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА БАРКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: olgabarkova@list.ru

В центре внимания статьи – особенности жизни русских эмигрантов во Франции в 20–30-е гг. XX в. Автор рассматривает дискуссионный вопрос о количественном и гендерном составе «первой волны» российской эмиграции во Франции, проблему ее социальной, психологической и культурной адаптации.

Ключевые слова: российская эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг., численный, гендерный, социальный и национальный состав, проблема адаптации.

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ, ГЕНДЕРНОМ И СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ В 1920–1930-е гг.

История российской эмиграции XX в. за последние десятилетия стала одной из наиболее активно разрабатываемых тем отечественной историографии.

Результаты «архивной революции» 1990-х гг. нашли свое отражение в ряде концептуальных исследований А.О. Чубарьяна, Ю.С. Пивоварова, С.Л. Тихвинского, Е.И. Пивовара и др., в которых была дана не только современная трактовка российского исторического процесса, но и осмысление сущности и особенностей социально-культурного феномена российского зарубежья, его роли и места¹.

Без преувеличения можно сказать, что именно в постсоветский период история российского зарубежья XX в. удостоилась соответствующего внимания отечественных исследователей. В частности, крупным исследовательским направлением стало изучение процесса становления и институционализации российской эмиграции в XX в., проблем социально-экономической, правовой и культурной адаптации беженцев из России, вопросов интеграции и ассимиляции эмигрантов и др.² Именно поэтому история российской эмиграции «первой волны»³, ее численность, география расселения, образовательный уровень, профессиональный и национальный состав, повседневная жизнь и деятельность в различных областях производства, науки, культуры и искусства является сегодня одним из объектов пристального внимания отечественных историков и публицистов.

Справедливости ради заметим, что и в советское время историки обращались к этой тематике, но в существенно меньшей степени, нежели в настоящее. Долгое время исследования, связанные с историей российского зарубежья в нашей стране, проходили, по образному определению Р.Ш. Ганелина, «партизанскими методами»⁴, поскольку не вписывались в официально принятую концепцию научных исследований. Работы того периода несли в себе определенную идеологически выдержанную смысловую нагрузку, их проблематика была узка и ограничена изучением преимущественно политических аспектов жизни русской эмиграции⁵.

Благодаря усилиям современных исследователей нам известны приблизительная численность российских бе-

женцев, направление и география миграционных потоков, основные причины, побуждавшие российских подданных покинуть свою родину, и др. Однако вопрос о количественном составе русских беженцев «первой волны» во Франции, в числе ряда других, до сих пор остается спорным.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности жизни русской колонии во Франции в 20–30-е гг. XX в. в контексте численного, гендерного, социального и национального состава «первой послереволюционной волны» российской эмиграции.

Начиная со второй половины XIX в., Франция привлекала внимание российских эмигрантов своим благоприятным территориальным положением, стабильной экономической ситуацией в стране, отсутствием языкового барьера для многих беженцев, традиционными русско-французскими связями, имевшими глубокие исторические корни, и др. К 1909 г. русская колония во Франции насчитывала примерно 40 тыс. человек⁶. Считается, что именно диаспора во Франции, главным образом в Париже, была одной из наиболее влиятельных за рубежом.

Франция стала одной из 25 стран, принявших русских эмигрантов «первой волны»⁷. Согласно данным, приведенным в газете «Последние новости», в декабре 1920 г. во Франции находилось 175 тыс. беженцев из России⁸.

К сожалению, любые данные о численности русских эмигрантов во Франции достаточно условны. Так, по сведениям Министерства внутренних дел Франции, на 1 декабря 1921 г. в стране и ее колониях оказалось 60 тыс. человек, а по данным департамента Сены (Париж и его окрестности), в тот же период было зарегистрировано 38 982 русских эмигранта, из них 14 400 мужчин, 10 566 женщин и 14 тыс. детей⁹. Эти цифры подтверждаются и запиской Земгора от 1921 г. о количестве белоэмигрантов по разным странам Европы, из которой следует, что во Франции в начале 20-х гг. XX в. проживало 65 тыс. эмигрантов из России⁹.

В то же время в статье Э.А. Шулеповой на основании данных из префектур Франции делается вывод о том, что в 1931 г. в стране находилось около 72 тыс. российских беженцев, а к 1933 г. их число увеличилось до 83 тыс.¹⁰

С.С. Ипполитов, В.М. Недбаевский и Ю.И. Руденцова называют цифру в 120 тыс. человек с возможным колеба-

нием численности российской колонии во Франции в 7–8% ежегодно и около 30 тыс. человек, обосновавшихся в Париже¹¹.

Опубликованные в газете «Последние новости» данные префекта полиции Нодэна указывают на 23 500 русских беженцев, находившихся в Париже в 1921 г.¹²

В монографии Е. Менегальдо говорится о 45 тысячах проживавших в русском Париже и его пригородах в период с 1917 по 1939 г.¹³

А.Н. Вертинский, живший в Париже с 1927 по 1934 г., пишет в своих воспоминаниях о том, что «всего во Франции русских было, вероятно, тысяч двести-триста, а в Париже нас было тысяч восемьдесят»¹⁴.

В книге С.С. Ипполитова «Российская эмиграция и Европа; несостоявшийся альянс» (М., 2004) со ссылкой на чиновника французского министерства труда Ж. Моко приводятся данные о 36 964 русских, обосновавшихся в департаменте Сена, и еще 3503-х – в прилегающих районах.

В работе М.В. Назарова «Миссия русской эмиграции» (М., 1994) отмечается, что численность русской диаспоры в этой стране увеличилась с 70 тыс. в 1922 г. до 175 тыс. в 1930 г.

Несколько иные цифры можно увидеть в монографии В.В. Большакова «Русские березы под Парижем» (М., 1990), который полагает, что, по данным Нансеновской комиссии, к началу 1930-х гг. во Франции пребывало около половины – 400 тыс. из 860 тыс. послеоктябрьских русских эмигрантов. Эти сведения подтверждает З.С. Бочарова, считая, что численность беженцев из России колебалась в диапазоне от 100 до 400 тыс. человек¹⁵.

На количество в 400 тыс. указывают и данные статистики Лиги Наций¹⁶, опубликованные в 1922 г.¹⁷ Такое же число русских изгнанников во Франции в 1920 г. назвал Фритшоф Нансен¹⁸ в докладе Лиге Наций в 1924 г.

Другой вариант динамики численности русских во Франции дается в исследовании М.И. Раева: «На 1 января 1922 г. – 67–75 тыс., на 1 января 1930 г. – 150–200 тыс., в 1936–1937 гг. – 100–120 тыс. неассимилированных беженцев»¹⁹.

Следует подчеркнуть, что разница в оценках числа российских эмигрантов во Франции на рубеже 20–30-х гг. XX в. (от 120 до 400–450 тыс. человек) и в Париже (от 30 до 80 тыс. человек) вполне объяснима мобильностью эмигрантских потоков, высоким уровнем смертности и реэмиграцией, которые затрудняли строгий учет численности русских беженцев в определенный момент времени. Более того, все подсчеты, делавшиеся властями принимавших эмигрантов стран и различными международными организациями, по сути, не охватывали всю массу беженцев из России, неточно обозначали их этническую принадлежность и чаще всего базировались на принципах формального гражданства.

Думается, что более корректными следует считать следующие данные о количестве русских эмигрантов во Франции: в начале 1920-х гг. – около 70 тыс., на рубеже 1920–1930-х гг. – 200–250 тыс., а в конце 1930-х гг. – 100–150 тыс. человек. При этом в Париже в те же годы проживало в среднем от 35 до 40 тыс. эмигрантов из России. Эти цифры чаще других встречаются в различных документальных источниках и подтверждаются общими тенденциями изменения числа беженцев в основных центрах русской эмиграции в Европе, которые и приведены в работах М.И. Раева и М.В. Назарова. Последний, в частности, отмечает, что в начале 1920-х гг. самыми значительными странами по числу выходцев из России были Германия (около 240 тыс. человек), Польша (около 175 тыс. человек) и Югославия (около 43 тыс. человек). При том, что Земгор дает нам несколько другие данные по состоянию на тот же период: Польша – порядка 400 тыс., Германия – порядка 300 тыс., Турция – порядка 90 тыс. и Югославия – порядка 35 тыс. человек²⁰.

Хорошо известно, что многие гуманитарные эмигрантские организации намеренно старались завышать численность русских беженцев – для получения дополнительного финансирования от различных международных и

частных благотворительных фондов и т.д. Так, русские представительства Красного Креста и Земского союза в г. Константинополе при подаче сведений в международные центры помощи беженцам завышали реальные цифры на 10–14%²¹. Однако все это не ставит под сомнение общую картину расселения русских эмигрантов, а лишь подтверждает тот факт, что назвать точное число беженцев из России во Франции не представляется возможным и сегодня.

Тем не менее на долю Франции приходилось около трети российского эмиграционного потока первой половины XX в., в котором диспропорция численного состава мужчин и женщин, находившихся во французской эмиграции 1920–1930-х гг., была высока. Так, в 1921 г. женщины-беженки из России составляли 39,4% от общей численности русских беженцев во Франции, в 1926 г. – 34,9%, в 1931 г. – 34,4% и в 1936 г. – 34,8%²².

Среди них были балерины Любовь Егорова, Матильда Кшесинская и Вера Трефимова, писательницы и поэтессы Нина Берберова, Зинаида Гиппиус и Ирина Одоевцева, «женщина-эпоха» монахиня мать Мария (Е.Ю. Кузьмина-Караваева), исполнительница народных песен Надежда Плевицкая, оперные певицы – М. Давыдова, Н. Ермоленко-Южина, Мария Кузнецова и Лидия Липковская, художница Зинаида Серебрякова, представительницы российской аристократии: великая княгиня Мария Павловна (Романова) – основательница дома вышивки «Китмир», княгини М.А. Путятина – владелица шляпного дела «Шапка», О.В. Урсова – хозяйка ателье моды, М.С. Трубецкая и Л.П. Оболенская – основательницы дома моды «ТАО», графини М.М. Орлова-Давыдова – дом моды «Мод», А.И. Воронцова-Дашкова – дом моды «Имеди», автор книг о русской истории Марина Грей (М.А. Деникина), график, одна из основоположников стиля ар-деко Александра Экстер, переводчица и искусствовед Ариадна Эфрон (дочь М. Цветаевой), профессор истории Т. Бакунина, профессор литературы К. Санина, скульптор Хана Орлова и др.

Во второй половине 1920-х гг. численность русской диаспоры во Франции несколько снизилась за счет натурализации и выезда в другие страны. По мнению Е.И. Пивовара, в 1931 г. во Франции проживало 63 394 русских эмигранта, причем мужчин было почти вдвое больше, чем женщин²³.

Следует отметить, что сложности адаптационного периода в эмиграции мужчины и женщины переносили по-разному в силу их психологических и гендерных особенностей – зачастую женщины более стойко реагировали на удары судьбы и, в свою очередь, становились даже своеобразной опорой для мужчин. Без сомнения, адаптация в чужой стране – процесс сложный, состоящий из множества факторов и особенностей. Оказавшись на чужбине, эмигрант сталкивался не только с проблемами «материального» плана – поиском жилья, работы, получения документов и вида на жительство и др., перед ним остро вставали трудности и иного характера, преодоление которых можно было, как правило, только благодаря моральной поддержке окружающих людей²⁴. Потеря прежнего социального статуса, неприятие со стороны французского общества, тоска по Родине часто перерастали в «синдром отчуждения», с которым сталкивался практически каждый эмигрант, но не каждый находил в себе силы его преодолеть. Именно поэтому самой действенной формой адаптации российских эмигрантов в новой инокультурной среде стала их самоорганизация. И в этом смысле именно женщины русского зарубежья первой половины XX в., в том числе и во Франции, дают наиболее яркие примеры такого «выживания»²⁵.

Большая часть русских эмигрантов была сосредоточена в Париже – неофициальной столице российского зарубежья второй половины 20-х гг. XX в., который вместе с его ближайшими пригородами, как считает профессор Е. Менегальдо, играл роль научного магнита для всей русской диаспоры, ее политического и культурного центра²⁶. Именно о Париже русский эмигрант А.Н. Вертинский на-

пишет: «Париж покорял всех, покорил и меня. Его нельзя не любить, так же как нельзя забыть его или предпочесть ему другой город. Объездив многие города Европы, побывав в Америке и других частях света, я до сих пор не знаю равного ему места на земле. Нигде за границей русские не чувствовали себя так легко и свободно, как именно в Париже»²⁷.

При этом беженцы из России не были рассредоточены по всей столице, они селились в определенных кварталах. Первоначально – на юго-востоке, в дешевых отелях и скромных меблированных комнатах Латинского квартала: так, в XV квартале проживало около 4 тыс. человек, что составляло около 10% всего населения. Популярностью также пользовались XVII и XVIII кварталы. Проживание в XVI квартале могли позволить себе лишь немногие.

«Внутри столицы Франции образовался русский город, – писал Н. Зернов, – его жители могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавочках и там узнавали интересовавшие их новости; закусывали они в русских ресторанах и дешевых столовых, посылали детей в русские школы; по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады или участвовать в собраниях всевозможных обществ и объединений...»²⁸

Помимо Парижа русские беженцы проживали также в Марселе, Лионе, Лилле и других городах. Выбор того или иного места жительства зависел, прежде всего, от возможности найти там работу и жилье. Русские рабочие, имевшие высокую квалификацию, смогли утвердиться в начале 1920-х гг. на крупных заводах в промышленных центрах Франции, успешно выдерживая конкуренцию с местными кадрами. Так, к 1925 г. только в Марселе около 2 тыс. русских эмигрантов нашли себе работу на заводах и вокзалах города. Одной из наиболее выгодных возможностей трудоустройства считалась работа на сахарных заводах и в морском порту по загрузке судов, где размер заработной платы составлял от 18 до 24 франков за восьмичасовой рабочий день. Самым многочисленным русским поселением в Марселе был «лагерь-общезитие» «Виктор Гюго» – частное предприятие, существовавшее на коммерческой основе²⁹.

Аристократическими центрами русского зарубежья, кроме столицы Парижа, был и Лазурный Берег Франции – Ницца и Канны, в которых в разные времена обосновались представители не только известных дворянских семей, но и императорского дома.

Можно сказать, что послереволюционная эмиграция «первой волны» во Франции была представлена беженцами всех российских сословий, которых, с одной стороны, при всей разнице их имущественных и социальных различий объединяла общность языка, православная вера и культура; с другой стороны – тяжелое материальное положение и повседневные бытовые трудности.

Описывая структуру российской эмиграции 20–30-х гг. XX в., Зинаида Гиппиус, жившая во Франции в это время, отмечала: «Одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической и т.д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и земли) – представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо»³⁰. Таким образом, социальный состав русской эмиграции во Франции 1920–1930-х гг. представлял собой своеобразный срез общественной структуры царской России с несколько смещенными количественными пропорциями. «Все перемешалось: аристократы с казаками, капиталисты с ремесленниками, художники и ученые с солдатами регулярных войск», – подчеркивал Н. Зернов³¹.

Национальная компонента российских эмигрантов «первой послереволюционной волны» во Франции была

представлена русскими, евреями, украинцами, поляками и представителями других этнических групп.

В жизни русской диаспоры во Франции существовал своеобразный механизм самоорганизации, в основе которого лежал ее менталитет, опирающийся на осознанную культурную традицию и национальную принадлежность. Именно поэтому, стремясь к сохранению национального самосознания и культурной гомогенности у своих детей, многие эмигрантские семьи давали им «русское» образование³². Любовь к покинутой России долгое время оставалась в числе приоритетных задач светского и религиозного воспитания в эмиграции. (На это обстоятельство обратил внимание и состоявшийся в Праге в июле 1929 г. съезд по проблемам русской молодежи за рубежом.)³³ Как известно, вопросами воспитания детей в семье традиционно занимаются женщины, которые и стали в эмиграции хранительницами идеи русской идентичности³⁴.

Одними из самых главных вопросов жизни в эмиграции были вопросы, связанные с неопределенностью гражданского статуса беженца из России и возможностью трудоустройства. Как писала известная русская балерина М.Ф. Кшесинская, «с первого дня нашей эмигрантской жизни вопрос о хлебе насущном нас очень тревожил. Мы все выехали совершенно нищими, потеряв в России все, что имели»³⁵.

Многочисленные трудности возникали у эмигрантов и при попытках определения их юридического статуса – фактического беженца из России, поскольку Российская империя как государство перестало существовать и на ее месте возникло принципиально новое образование – РСФСР. Постановлением ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав граждан некоторых категорий лиц, проживающих за границей» российское гражданство теряли следующие категории лиц:

- выехавшие из России до октября 1917 г. и не получившие от советских представительств заграничных паспортов до июня 1922 г.;
- покинувшие Россию после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти;
- добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти, или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях;
- имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения срока таковой;
- лица, не подходящие под пункт «а», находящиеся за границей и не зарегистрировавшиеся в указанный срок.

Этим же документом было разрешено всем желающим россиянам подавать заявления о восстановлении своих прав граждан через ближайшую представительство РСФСР, которые практически отсутствовали в большинстве стран Европы до середины 1920-х гг. – периода официального признания СССР, поэтому получить советское гражданство даже при очень большом желании было крайне затруднительно.

Середина 20-х гг. XX в. явилась первым «переломным» этапом для русских беженцев, проживавших во Франции. В 1924 г. Франция официально признает СССР. Следующим этапом был уже 1927 г., когда французскую границу почти полностью закрыли для эмигрантов из России, введя тем самым запрет на их свободное перемещение по Европе и фактическую изоляцию. Более того, экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг., поразивший все европейские страны, положил конец десятилетию «временного» пребывания русских за пределами Родины и заставил их более активно интегрироваться во все сферы жизни Франции. (К началу Второй мировой войны большинство русских беженцев уже приняли гражданство тех стран, в которых они проживали.)

Проблема адаптации к новым социальным, политическим, культурным и лингвистическим условиям стоит на первом месте при изучении истории русской эмиграции во Франции «первой послереволюционной волны». По прибытии в страну перед изгнанниками из России остро вставала задача приспособления к новым условиям и осо-

бенностям жизни в эмиграции. Этот процесс условно можно разделить на три взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга части: социальную адаптацию (приобщение эмигрантов к социальным и правовым нормам французского общества, его экономической системе), психологическую адаптацию (изменения в эмоциональном отношении эмигрантов к новой среде обитания) и культурную адаптацию (приспособление к ценностям французской культуры, языку и религиозным традициям этой страны).

При этом процесс адаптации беженцев из России зависел не только от объективных, но и субъективных факторов психологического настроения – экономического положения эмигранта, знания языка, наличия у него той или иной профессии, семейного положения и др. Анализируя повседневную жизнь русских эмигрантов, нельзя не учитывать и роль смешанных браков, которые позволяли не только более быстро войти в новую культурную среду, но и получить французское гражданство.

До 1927 г. процедура получения французского гражданства была многоступенчатая и довольно длительная: только через десять лет проживания во Франции мигрант мог претендовать на гражданство, а его дети – по достижении 24-летнего возраста. Позднее, после принятия нового закона, стаж пребывания в стране для натурализации был сокращен до трех лет, а для мужчин, женившихся на француженках, – до одного года. Дети же становились гражданами Франции автоматически, с момента принятия их отцом французского подданства³⁶.

Как известно, Франция в середине 1920-х гг. испытывала острые демографические проблемы из-за диспропорции женского и мужского населения в стране в пользу первого³⁷ и была заинтересована в притоке мужчин трудоспособного возраста, которые и составляли большую часть численного состава русской эмиграции «первой послереволюционной волны». Это с одной стороны. С другой стороны, смешанные браки способствовали ускорению процесса адаптации русских эмигрантов. С 1920 по 1931 г. в законный брак с французскими женщинами вступили 5239 российских мужчин. За тот же период 786 россиянок вышли замуж за французов. По данным на 1926 г., французское гражданство приняли 5803 выходца из России, к 1936 г. их число увеличилось до 13 810 человек³⁸.

Таким образом, ко времени революционных событий 1917 г. в России, во Франции в целом уже сложилась многотысячная колония, состоявшая из российских эмигрантов и лиц, подолгу проживавших на французской территории, включившая в себя представителей различных политических течений, лиц свободных профессий, студентов, деятелей науки и др. Так, накануне Первой мировой войны только в Париже проживали 35 тыс. русских, из них 1600 были студентами³⁹. Считается, что эмигранты из России жили во Франции достаточно коммуникативно, активно занимались культурно-просветительской и изда-

тельской деятельностью. Исключение, пожалуй, составляли державшиеся всегда особняком представители российской аристократии. Русская колония во Франции имела опыт создания институциональных структур социального, общественно-политического, образовательного и просветительского назначения. Это первое.

Второе. «Первая послереволюционная волна» российской эмиграции коренным образом изменила качественные параметры русской диаспоры во Франции: социальное происхождение, имущественное положение, образование, национальность, возрастную и половую принадлежность и др. И хотя на долю Франции в первой половине XX в. приходилась почти треть эмиграционного потока из России, вопрос о его количественном составе остается на данный момент до конца не решенным. Представляется, что численность русских беженцев могла составлять в 1920–1930-е гг. от 60–70 тыс. человек до 100–150 тыс. человек соответственно.

Диспропорция количественного состава мужчин и женщин в эмиграции была высока. В среднем беженки из России составляли от 30 до 40% от общего числа русской колонии во Франции. При этом женщины-эмигрантки были представлены в основном образованной и интеллигентной частью российского общества. Считается, что, оказавшись в эмиграции, женщины менее эмоционально, чем мужчины, воспринимали изменения своего социального статуса, часто были более предприимчивы и успешны. Они легче преодолевали языковой барьер, психологическую и социальную адаптацию, что объясняется спецификой их гендерных приоритетов.

Третье. Социальный состав российского зарубежья 1920–1930-х гг. во Франции в разной степени состоял из всех классов и сословий дореволюционной России – от представителей монаршего дома до низших слоев, для которых объединяющим началом в эмиграции являлись православие, сохранение национально-культурной идентичности и общность языка. В то же время отсутствие точных статистических данных о национальном и социальном составе российской эмиграции во Франции позволяет нам сегодня формировать представление по этому вопросу исключительно за счет некоторых фрагментарных материалов, мемуаров и других источников личного происхождения.

Четвертое. Процесс адаптации русских беженцев «первой послереволюционной волны», выпавших из своей социальной и профессиональной социальной группы, являлся, по сути, попыткой совмещения двух разных линий поведения в эмиграции – старых традиций и новых правил. На скорость адаптационных и интегративных процессов непосредственное влияние оказывали территориальные, правовые, демографические, политические, религиозные и другие нормы и законы стран-реципиентов. И в этом смысле жизнь русских эмигрантов во Франции в 20–30-е гг. XX в. не стала исключением.

¹ См., напр.: Чубарьян А.О. Вместо введения. История XX столетия: уроки и проблемы // Мир в XX веке. Отв. ред. академик РАН А.О. Чубарьян. М., 2001; Тихвинский С.Л. XX век. Взгляд с близкого расстояния. М., 2004; Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006; Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-политический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008 и др.

² См., напр.: Поляков Ю.А. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. Сборник статей. М., 1996; Селунская В.М. Проблемы интеграции в российское зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1998; Пивовар Е.И. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999; Сабурова Л.Н. Культурно-просветительская деятельность российских эмигрантов в Чехословакии. 1920–1930-е годы. М., 2004; Бочарова З.С. «...Не принявшие иного подданства: проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. СПб., 2005 и др.

³ Термин «российская эмиграция» и «русская эмиграция» равнозначно употребляются сегодня в современной научно-исследовательской литературе, не подразумевая под собой какой-либо этнонациональной дефиниции. В связи с этим автор данной статьи оставляет за собой право тождественного их использования.

⁴ Ганелин Р.Ш. «Свободный художник» советской исторической науки // Из истории русской интеллигенции: Сб. материалов и ст. к 100-летию со дня рождения В.Ф. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 143.

⁵ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Червякова М.М. История российской революционной эмиграции. Каменск, 1975; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1981 и др.

⁶ Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-политический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 108.

- ⁷ Последние новости. Париж. 1920. 25 декабря.
- ⁸ ГАРФ. Ф. Р-5724. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.
- ⁹ Там же. Д. 9. Л. 5.
- ¹⁰ Шулепова Э.А. Русские вне границ России (проблемы правового статуса, трудовой занятости, образования российской эмиграции первой волны) // Культура Российского зарубежья. Сб. статей... М., 1995. С. 10.
- ¹¹ Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920–1930-х годов. М., 1999. С. 121.
- ¹² Последние новости. Париж. 1923. № 836. январь.
- ¹³ Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. М., 2001. С. 30.
- ¹⁴ Вертинский А.Н. Дорогой длинною... М., 1990. С. 186.
- ¹⁵ Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917–1930-е годы: Учебное пособие. Уфа, 1998. С. 20.
- ¹⁶ Лига Наций, международная организация, имевшая своей целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». Действовала в 1919–1939 гг. Формально была ликвидирована в апреле 1946 г.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6461. Оп. 1. Д. 20. Л. 175.
- ¹⁸ Нансен Фритъф (1861–1930), норвежский исследователь Арктики. В 1920–1921 гг. – верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных. В 1921 г. был назначен комиссаром по делам русских беженцев. Инициатор создания специального документа для эмигрантов – т.н. нансенского паспорта. Активный сторонник репатриации русских беженцев. Лауреат Нобелевской премии Мира (1922).
- ¹⁹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 75.
- ²⁰ Назаров М.В. Указ. соч. С. 34.
- ²¹ Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-политический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 83.
- ²² Бойко Ю.В. Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российской эмиграции // Источники по истории адаптации российской эмиграции. М., 1997. С. 145.
- ²³ Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-политический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 110.
- ²⁴ См. более подробно: Поляков Ю.А. Указ. соч.
- ²⁵ Баркова О.Н. Дом моды «Китмир». Великая княгиня Мария Павловна во Франции // Родина. 2012. №12. Ч. I; 2013. № 1. Ч. II.
- ²⁶ Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. Париж, 1998. С. 25.
- ²⁷ Вертинский А.Н. Указ. соч. С. 186.
- ²⁸ Зернов Н. За рубежом. Париж, 1973. С. 123.
- ²⁹ Возрождение. Париж. 1925. № 47.
- ³⁰ Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. М., 1991. С. 456.
- ³¹ Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 22.
- ³² Баркова О.Н. Роль женщин русского зарубежья в сохранении национальных традиций школьного образования в эмиграции. 1917–1939 гг. // Вестник ЧелГУ. История. 2012. Вып. 53. №34 (288).
- ³³ Российская эмиграция: вопросы воспитания молодежи // Педагогика. 1996. № 6.
- ³⁴ Баркова О.Н. Женщины русского зарубежья (1917–1939 гг.): сохранение национально-культурной идентичности // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2012. №5.
- ³⁵ Кшесинская М. Воспоминания. М., 2001. С. 346.
- ³⁶ Бойко Ю.В. О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов. М., 1996. С. 112.
- ³⁷ Там же. С. 105.
- ³⁸ Сабейникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь. 2002. С. 344.
- ³⁹ См.: Ковалевский П. Русский Париж полвека тому назад // Возрождение. [Париж] 1970. №220.

ПРОШЛОЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ МАШКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины (Киев)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

На основе обширной историографии, в том числе XIX – начала XX в., автор отмечает заметную роль иностранцев в становлении финансовой системы, строительства и сферы услуг в развитии южных регионов Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: иностранцы в России, финансовая система Российской империи, финансы Юга Российской империи, Юго-Западный край, Малороссия, Новороссия.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАНЦЕВ В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ, СТРОИТЕЛЬНОМ ДЕЛЕ И СФЕРЕ УСЛУГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (на примере губерний Юго-Западного края, Мало- и Новороссии)

Все, кто более или менее долго занимался историей отечественной экономики, замечали, что она состоит как бы из двух почти антагонистических частей, сущность которых может быть определена словами «серьезные» и «не очень». С одной стороны – классические промышленность, сельское хозяйство, торговля и другие тесно связанные с ними звенья народнохозяйственной жизни, а с другой – бытовое обслуживание, «рестораны, бары, вина и закуски», т.е. виды деятельности, которые с непривычки даже составляющими частями общественного базиса назвать трудно. Не собираясь выяснять внутреннюю сущность дуализма, отметим, что на пространствах той части исторической России, которая нас здесь интересует, на протяжении 1796–1856 гг. в этих секторах материального производства работали люди, среди которых, подчиняясь внутренней логике, заявленной названием этой статьи темы, мы будем искать именно тех выходцев из-за границы, которые, приехав на восток Европы, продолжали, однако, считать себя гражданами своих родных государств.

Если говорить о периоде 1796–1801 гг., более известном в исторической литературе как «эпоха Павла Первого», то в настоящий момент автор, к сожалению, не располагает конкретными сведениями о деловой активности подданных, скажем, европейских держав в означенных частях отечественной экономики того времени. И причина сему, видимо, не в отсутствии их как таковых, а в том, что для их поиска нужно гораздо шире, чем ныне, привлекать местные и зарубежные архивы, недоступные порой по целому ряду объективных причин. Позднейшие же времена, значительно полнее отраженные на страницах той же периодической печати, в разного рода статистических справочниках и монографиях, дают именно ту картину, о которой речь пойдет ниже.

Во времена императора Александра I (1801–1825) в сфере услуг Харьковской губернии среди иностранцев особенно прославился некий И. Ренеке (Рейнеке), на чью долю выпала заслуга совершенствования процесса обеспечения водой жителей самого губернского центра, не имевших до самого начала XIX в. собственного (общегородского) колодца. Когда же в 1803 г., согласно журналам местной городской думы, он был, «под навесом и на каменных столбах», наконец-то вырыт, перед властями стала другая проблема: как черпать из него живительную влагу? Еще минимум два года харьковчане будут делать это дедовским методом, т.е. при помощи обычного ведра, пока, «не прельстившись примером временного мастера, иностранца Ренеке, устроившего у себя во дворе колодец с насосом, и сами пожелали иметь насос в своем городском колодце»¹.

Переходя же к разговору о тех предпринимателях, чья национальная принадлежность нам доподлинно известна,

следует прежде всего отметить французов. В частности, те же харьковчане позапрошлого века хорошо знали, что именно переселенцы из Парижа, Марселя и Лиона охотнее других иностранцев работали частными воспитателями-гувернерами, а также содержали городские пансионы для девиц². О качественной стороне оказывавшихся ими тогда услуг на этих страницах говорить не будем – это тема отдельного исследования; отметим лишь, что многие известные люди Российской империи получили воспитание и начальное образование именно в заведениях аналогичного типа.

Определенный вклад в развитие указанных звеньев экономической жизни края внесли также шведы. К примеру, в период с 1805 по 1807 г. один из коренных стокгольмцев не только начал собственное дело по распространению книг на Слобожанщине, но и стал, по словам источников, «самостоятельным комиссионером Харьковско-го университета»³.

Не менее интересные явления наблюдаются в 1825–1856 гг. Так, когда уже известная нам по предыдущему изложению «Харьковская дума признала нужным иметь городские часы для того, чтобы определять в базарные дни время, когда перекупщики имеют право покупать продукты у привозивших их в город крестьян, а содержатель же тамошней биржи просил об устройстве оных потому, что разъезжающие на бирже особы, особенно – господа военные, задерживают кучеров лишнее время, иногда – с причинением им побоев»⁴, решить эту насущную проблему местная администрация пригласила временно находившегося тогда в Полтаве иностранца Ебервейна⁵. Данный тип, несмотря на то, что «расход на часы эти был определен в 3600 рублей, возился с ними три года, причем с городской думой у него часто возникали разные недоразумения, заставлявшие вмешиваться в дело устройства часов не только губернскую администрацию, но и приезжего сенатора, ревизора Брозина. В конце концов в 1830 году часы эти все же были готовы и помещены на колокольню Николаевской церкви»⁶.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что выходцы из-за границы сыграли заметную роль и в становлении водопроводно-канализационной системы Харькова. Мысль о ее создании, как говорится, «всплыла в воздухе уже давно», требуя для своего конкретного воплощения лишь толчка. Который, однако, пришел с той стороны, откуда его, видимо, никто и не ждал: «В 30-х годах XIX в., – читаем по этому поводу в одном из документов городского магистрата, – какой-то иностранец, умирая в Харькове от болезни, которую он приписывал известковой воде, положил основание “водопроводному капиталу”, оставив городу все свое небольшое состояние на улучшение водоснабжения»⁷. «Таково предание!» – ком-

ментируют ситуацию исследователи харьковской старины профессора Д.И. Багалея и Д.П. Миллер⁸. Реальное, добавим от себя, настолько, что созданная на деньги этого заезжего гостя система очистки и подачи воды потребителю действовала в городе еще и через 50 лет.

Отдельные наблюдения имеют отношение и к расположенной значительно южнее Херсонской губернии. Например, почти все путешественники, проезжавшие тогда через «Южную Пальмиру», отмечали, что здесь существовало множество «блестящих магазинных вывесок, украшенных надписями на европейских языках»⁹. Позволив себе не останавливаться на том, что конкретно в них продавалось, отметим лишь наличие в тогдашнем одесском бытовом обслуживании своеобразного «коммерческого интернационала», чьи адепты наперебой предлагали горожанам собственные товары и услуги.

Но было бы огромной ошибкой думать, что подданные других государств работали с местным населением только инкогнито. Напротив, большинство иностранцев с первых дней пребывания в Российской империи четко заявляли властям о своей национальной принадлежности. Не имея возможности рассмотреть здесь все случаи подобного типа, обратимся лишь к самым характерным из них.

Говоря об австрийцах, заметим, что большинством из них подвизалось в области удовлетворения нужд жителей Киевской губернии. И пусть при этом они иногда нарушали туземное законодательство и даже становились подследственными Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии – вклад подданных цесаря в дело обеспечения тех же киевлян научной и художественной литературой через систему, как тогда говорили, «лавок» (которые все же более походили на библиотеки, чем на пункты розничной торговли), должен быть признан весьма значительным¹⁰.

Организацией благотворительных акций удовлетворяло собственную деловую активность определенное количество прибывших на Юг России уроженцев Бельгии. В частности, жители уже упоминавшегося нами выше Харькова долго вспоминали брюссельскую еврейку Розалию Петровну Гельм, которая, приняв католичество в Чугуевском костеле, «до конца дней своих осталась христианкой в полном смысле слова. Ни один бедный, обращавшийся к ней за помощью, не оставался без удовлетворения, и сама она это отыскивала нуждающихся в поддержке. Делала она это по-евангельскому, так, чтобы правая рука не соблазнялась тем, что творит левая. Одну бедную старушку, доставлявшую ей кур, сломавшую себе ногу и чрез то пришедшую в нищенство, посещала она во время ее болезни ежедневно, возя ей в район Журавлевки лекарства, чай, сахар, подкрепляющую пищу, одежду, деньги, ободряла ее, утешала, и, умершую, похоронила. Сколько бедных девушек, приняв к себе в обучение, вывела она в люди, выдав замуж или иначе обеспечив! Всякий приезжий в Харьков иностранец, особенно – из числа артистов, находил у нее покровительство и поддержку. Всегда веселая, приветливая, она старалась всем угодить. Смолоду она была очень красива, грациозна, ловка, быстра в движениях и энергична. Строго держала она своих учениц и умела их строить. Все они ее боялись, но и любили!»¹¹ Кроме того, имея на центральной улице города дамский магазин-ателье, госпожа Гельм вносила также немалый вклад в развитие местной моды¹².

Среди лиц, балансировавших тогда на грани промышленности и чисто социальной сферы, замечаем также и некоторых британцев. Например, долгое время живший в Киеве англичанин Дункон летом-осенью 1843 г. состоял подрядчиком на еще продолжавшемся тогда строительстве университета Святого Владимира, обеспечивая процесс возведения этого учебного заведения всеми необходимыми материалами и рабочей силой¹³. С другой стороны, некоторые граждане туманного Альбиона выполняли аналогичные функции и при эксплуатации целого ряда сахарных и механических заводов края.

Пространства Новороссии плодотворно осваивали греки, причем их проникновение сюда было настолько мас-

совым, что затрагивало не только крупные города, например, Таврии, но и расположенные на ее периферии уездные центры. «Приближаясь к Козлову, – не без легкой иронии пишет по данному поводу один из путешественников, посетивший Крым в 1837 г., – мы увидели прежде всего его предместье, содержавшее множество мельниц о восьми крыльях. Продолжая наш путь по набережной, ежедневно более и более стесняемой морем, мы прибыли, наконец, в единственную здешнюю гостиницу, на вывеске которой было написано французскими буквами: “Трактир «Евпатория»”. Уехавшие вперед товарищи наши были уже здесь. Трактир превратился решительно в лабораторию, в которой собранные нами ранее птицы, рыбы, растения и минералы были подвергнуты разным операциям, способствовавшим их сохранению для науки. Это зрелище несколько изумляло нашего хозяина, грека довольно хитрого, принимавшего на себя роль знатока»¹⁴.

Не менее широким территориальным диапазоном характеризовались и занятия приезжих итальянцев. В частности, на Киевщине определенное количество их пробовало свои силы в качестве камердинеров разных лиц (как бы следуя примеру 23-летнего флорентийца Пьетро Луччи, который, давая показания российской полиции относительно какого-то второстепенного вопроса, отмечал, что на Родине он имеет «двух братьев и отца, служившего писцом в Королевском трибунале; сам же он, Луччи, прибыл в империю с желанием увидеть эту землю и отыскать для себя лучшие способы существования»)¹⁵. В Херсонской губернии некоторые уроженцы Апеннинского полуострова владели магазинами, на чьих вывесках в 1846–1848 гг. «можно было прочесть лозунги типа “Да здравствует объединенная Италия!”»¹⁶. А в Таврии капиталистские землячки всемирно известного Дж. Гарибальди не только «открывали лавки, рестораны, постоялые дворы, преимущественно расположенные в припортовых зонах»¹⁷, но и ведали тем, что на современном языке называется гостиничным бизнесом. «Город Севастополь, – отмечал один из современников описываемых событий, – раскинулся на круглом холме, врезывающемся между двух бухт. Улицы в этом городе широкие, но до чрезвычайности пыльные. Зданий значительных немного, дома большей частью маленькие, низкие, отделенные друг от друга просторными дворами. Нам указали для ночлега какого-то итальянского кондитера, который отдал в наше распоряжение две пустые комнаты, с разбитыми стеклами в окнах. Войдя в эту “квартиру”, мы вынуждены были подумать и о мебели. Но хозяин наш, почтенный господин Кабалзоро, объявил, что немедленно доставит к нам мебель. И в самом деле, день или два спустя к нам притащили мешков двадцать, набитых сеном и напомнимших нам о постелях, на которых в середине века спали студенты»¹⁸.

Впрочем, подобного типа небрежность встречалось на Черноморском побережье достаточно редко, поскольку уже через пару страниц тот же наблюдатель, еще недавно так горько жаловавшийся на свою тяжкую, нарочью лишенную элементарных удобств судьбу, с восторгом пишет следующее: «Возвратясь 29 августа 1837 года в Ялту после двухнедельного странствия, наша экспедиция радостно, как будто бы в родительский дом, вступила в гостиницу Бартоллуччи. На этот раз мы привезли с собой коллекцию разных редких естественных произведений всякого рода. Здесь мы занялись классификацией наших ученых сокровищ и составлением нового маршрута для тех наших товарищей, которые должны были оставаться в Крыму»¹⁹. И далее, очерчивая суть дела: «Не могу описать того приятного впечатления, какое произвел на нас после возвращения сюда содержатель ялтинской гостиницы Бартоллуччи: “Saita benvenuti, signori!” В этой гостинице, называвшейся “Citta di Odessa”, мы нашли все, чего только могут пожелать путешественники усталые, измоченные дождем и с ног до головы покрытые пылью!»²⁰

Несколько слов можем сказать и о немцах. В первой половине XIX в. именно они, содержа без уплаты гильдийного взноса разного рода мелкие и средние заведения, обеспечивали комфортное времяпрепровождение жите-

лей того же Харькова²¹. С другой стороны, в уже известном нам по сюжетам, касающимся бельгийского предпринимательства, харьковском районе Журавлевка с 1850 г. существовал крупный «немецкий трактир, усердно посещавшийся в летние вечера. Освеженные купанием в протекающей неподалеку глубокой речке, горожане наслаждались в саду чаепитием и игрой в кегли, а в самом трактире – биллиардом и пивом»²².

Аналогично складывалась ситуация и в Таврической губернии, где выходцы с берегов Рейна также предоставляли обывателю свои услуги в области быта. При этом особым уровнем «сервиса» отличались немецкие постоянные дворы главного административного центра указанной области, о чем непосредственно пользовавшиеся их услугами постояльцы отзывались так: «По прибытии своем в Симферополь мы едва могли найти бедную гостиницу, украшенную надписью “Трактир”, содержимую каким-то немцем. Ужин подали нам такой же плохой, как и в Николаеве (видимо, и в этом месте Херсонщины германцы не умели готовить. – *О.М.*), только мы ждали его еще дольше, и, попытавшись утолить голод, легли спать на узких деревянных скамьях, прикрытых сеном»²³. А вот как выглядело аналогичное же заведение еще чуть южнее, в Керчи: «Въехавши в этот город 4 октября 1837 года со стороны Феодосии, сразу же оказываешься в начале главной улицы, которая пересекается под прямым углом с другими и содержится в чрезвычайной чистоте. В одной из боковых улиц, к ней прилегающих, мы, после долгих поисков, нашли гостиницу “Босфор”, о которой заранее знали, что это – лучшая и почти, можно сказать, единственная здесь гостиница. И, несмотря на это, какая же, однако, это была гостиница! Представьте себе, что и здесь вместо кроватей мы нашли только зловещий биллиард, на котором, как правило, и спали постояльцы»²⁴. И далее: «Гостиницу “Босфор” содержал немец; у него – премилое семейство. Но увы! Эти немцы сохранили и здесь свою национальную медлительность! Мы должны были дожидаться несколько часов, пока нам развели огонь в огромной печи, которая могла нагреться не иначе как после продолжительной, почти суточной, топки. Столь же долго вынуждены мы были дожидаться и скудного ужина. В окнах недоставало трех стекол, и оттого в комнате была сильная стужа; мы попросили, чтобы окна эти вставили; но такое требование изумило всех от мала до велика, и с той поры никто уже не хотел нам служить, все говорили, что мы чересчур взыскательны»²⁵. Кроме того, в степной части Крыма именно немцы содержали целый ряд так называемых «конных станций», где путники за сравнительно небольшую плату могли накормить более-менее качественным сеном личный «подвижной состав» или же заменить его на свежих животных²⁶.

Интересную картину дают также французы. В частности, на территории исторической Малороссии (т.е. в пределах Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний) представители данной нации еще до отмены в Российской империи крепостничества создали разветвленную сеть удовлетворения самых изысканных прихотей обитателей Харькова²⁷, Киева и Одессы²⁸.

И в завершение данного сюжета отметим определенный вклад в развитие местной сферы услуг конца XVIII – начала XIX в. уроженцев Швейцарии. В частности, сохранившиеся до наших дней источники того времени свидетельствуют, что «настоящим основателем Харьковского регулярного водопровода был выходец одного из швейцарских кантонов Борель, учитель французского языка в городском Институте благородных девиц, который, покидая в сороковых годах XIX столетия этот населенный пункт, оставил ему капитал на устройство водопровода» в размере 15 тыс. руб.²⁹ Кроме того, отдельные швейцарцы способствовали удовлетворению культурных потребностей обывателей Симферополя³⁰.

Таким образом, можем констатировать, что процесс становления такой важной отрасли народного хозяйства южных областей Российской империи, как обеспечение жизнедеятельности населения, весьма часто проходил не без определенного участия со стороны проживавших тог-

да здесь австрийцев, бельгийцев, греков, итальянцев, немцев, французов, шведов и швейцарцев. Владея целым рядом учреждений культурно-бытового назначения в Киевской, Харьковской, Херсонской, Таврической и других губерниях края, их иностранные хозяева способствовали тому, что через эту систему трактиров, ресторанов, гостиниц, магазинов и торговых центров библиотечного типа (которые, «будучи созданы на манер Санкт-Петербургского заведения Сен-Флорана и Белизара», являлись местом, где не столько покупали «наиболее ходовой книжный товар», сколько собирались «любители наук и искусств»)»³¹ люди самых разных классов получали возможность утолить либо собственный «умственный голод» или же различные физические потребности.

Переходя же от бытовых услуг к разговору о сфере развлечений, позволим себе прежде всего привести одну цитату, лучше других, как нам представляется, характеризующую финансовую рентабельность заведений, на первый взгляд касательства к экономике не имеющих вовсе. «В промышленном отношении, – пишет в одной из своих работ хорошо информированный в вопросах общей статистики Киевский гражданский губернатор И.И. Фундуклей, – городской театр в Киеве – довольно выгодное заведение, как можно заключить из следующего исчисления денежных выручек его за 10 лет. В 1836 г. получено содержанием театра 6700 руб. серебром, в 1837 – 17 000, в 1838 – 15 000, в 1839 – 14 600, в 1840 – 7 000, в 1841 – 14 000, в 1842 – 10 500, в 1843 – 18 000, в 1844 – 14 000, в 1845 – 15 647 руб. Сверх того отпускается театру пособие от города по 3000 руб. серебром ежегодно. Значительная часть доходов выручается за счет контрактных съездов – ярмарок. Труппа – постоянная; представления бываю на русском и на польском языках; достоинство их не превышает обыкновенной меры искусства провинциальных артистов. Концерты (в дешевых концертах участвуют почти ежегодно известные артисты – Липинский, Серве и другие иностранцы), панорамы и разные представления тоже приносят некоторую выгоду предпринимателям – театрам, особенно в эпоху всеобщего расположения из увеселениям. О доходах этого рода можем представить театру следующие сведения за шесть лет: в 1840 г. выручено от концертов – 4560, а заявлено – 1750 руб. сер.; в 1841 – соответственно 5000 и 1600, в 1842 – 5200 и 1500, в 1843 – 3600 и 750, в 1844 – 3100 и 600, а в 1845 – 3300 и 700 руб. серебром»³².

Развивая далее эту сюжетную линию, отметим, что в 1841–1842 гг. уже не раз упоминавшийся нами выше Харьков посетили две испанские танцовщицы, чьи выступления, находясь на стыке высокой культуры и банального варьете, «имели, – по выражению одного из очевидцев, – большой успех»³³. Есть свидетельства и о многочисленных посещениях городов Юго-Западного края и Новороссии итальянскими труппами, чья гастрольная деятельность в большинстве случаев не ограничивалась залами системы общепита, а выходила на профессиональные подмостки.

Еще одной нацией, которая почти всегда присутствовала в этой части экономической жизни России, были германцы. «В сороковых годах XIX в., – пишут в данной связи профессора Д.И. Багалеи и Д.П. Миллера, – немецкий театральный клуб гремел в Харькове славными своими собраниями и сильно конкурировал с залом Дворянского собрания, потому что в немецком клубе не было такой официальности и этикета, как у дворян. Он помещался в Московской улице, в бывшем доме купца Чистякова, потом – Воиновой»³⁴.

Пришельцы-эмигранты имели определенное влияние и на развитие финансовой системы тогдашней Восточной Наднепрятчины. Говоря о британцах, которые, собственно говоря, первыми в мире прибегли к экспорту денег за границу, следует иметь в виду, что уже в 1845 г. в том же Киеве действовало представительство Лондонского страхового общества, чьими силами здесь от пожаров, на сумму в 1736 руб. серебром, был застрахован как минимум один частный деревянный дом³⁵.

На протяжении первой четверти XIX в. в девяти губерниях подросийской части современной Украины денеж-

ным обращением промышляли также итальянцы. Так, в 1802 г. уроженец Ливорно Жом открыл в Одессе (Херсонская губ.) Коммерческий банк с капиталом в 300 тыс. ливров³⁶. И хотя в соответствии с нашими представлениями о подобного типа структурах такая сумма может быть признана недостаточной для успешной «раскрутки» дальнейших спекуляций, именно этот негодичант с Апеннин был у истоков создания в Причерноморье сообщества дельцов, которые «среди выходцев из Западной Европы представляли наиболее значительную группу»³⁷. Чуть севернее, в «матери городов русских», подвизалась немецкая «Гамбургская страховая кампания» (чьими силами в середине 40-х гг. XIX в. от несчастных случаев охранялся по крайней мере один каменный дом на Подоле)³⁸, а в Южной Пальмире – французский «страховик» Фурнье, который, начав в 1800–1801 гг. свое дело почти с нуля, вскоре довел его до 0,3 млн франков³⁹. Кроме того, с 1825 г. на просторах от Волыни до Таврии возрастает роль финансово-греков типа консула Тосканы на Юге России и оптового торговца зерном Т. Родоканаки, чьи вексельные операции в 1847 г. достигали 4 544 000 руб.⁴⁰

Обращаясь к рассмотрению участия иностранцев в строительном бизнесе края, отметим, что здесь они подвизались в самых разных должностях. К примеру, на уровне хозяев фирм и генеральных подрядчиков заметнее всего были те же выходцы с Апеннинского полуострова. «В Одессе в конце XVIII – начале XIX в. – отмечает один из украинских исследователей, – с участием итальянцев был возведен ряд монументальных зданий. Городской театр, план которого составил петербургский зодчий Тома де Томон, строился, например, подрядчиком Поджио»⁴¹.

Потомки Юлия Цезаря нередко выступали также в роли архитекторов, проектантов и зодчих. Так, римский мастер Беретти разработал макет Киевского университета Святого Владимира (который, по оценке современников, «был поистине прекрасен»)⁴² и сам руководил его воплощением в жизнь. На начальном этапе (апрель–август 1835 г.) проводились как поиск места для будущего вуза и Ботанического сада при нем («на месте, занимаемом ныне улицами Тарасовской и Нижне-Владимирской»)⁴³, так и «разметка общих расходов на это мероприятие, достигших, в соответствии с предварительным подсчетом, гигантской суммы, которой, однако, к назначению еще не было»⁴⁴. 10 октября 1835 г., «в 9 часов пополудни», Киев специально ради этого случая посетил император Николай Первый, сюда приехал также давно ожидаемый местной администрацией Беретти и были завершены приготовления к самой церемонии (причем «граф Уваров (тогдашний министр народного просвещения Российской империи. – А.М.) так спешил, что, изготовив в Санкт-Петербурге доску для закладки и медали, 6 сентября 1835 г. воспользовался оказией и передал эти вещи с Даниловичем, который ехал профессором в Киев»)⁴⁵. Составляя полную смету будущего строительства, сам Беретти определил масштаб его в 8 432 785 руб., причем с данным выводом известного архитектора согласился как министр финансов империи граф Гурьев, так и попечитель Киевского учебного округа фон Брадке. Однако царь, услышав о такой сумме, был шокирован: «Много восемь миллионов, – заявил монарх в ходе одной из аудиенций киевским чиновникам, – восемь миллионов – все равно что ноль, ибо тогда постройка не может совершиться»⁴⁶. Более того, раздраженный подобного рода финансовою наглостью главного проектанта, Николай Первый, а) «сославшись на занятость, не присутствовал при закладке университета», б) высказал свое неудовольствие попечителю Брадке, который при разговоре с его величеством растерялся настолько, что сначала оправдывался незнакомой ситуацией, а после заявил, что «на строительство университета, конечно, хватит и трех миллионов рублей»⁴⁷. Перепуганному таким ходом событий Беретти было приказано «оставаться в Киеве для основательного обсуждения дела на месте, а равно и для уменьшения справочных цен»⁴⁸. Архитектор, как писал в свое время историк вопроса, профессор Владимирский-Буданов, «конечно же, остался и начал заниматься сметой»⁴⁹.

Итогом таких «занятий» стал вскоре новый реестр строительных затрат в... 4 001 382 руб. казенных денег. Однако Комиссия проектов и смет при главном Управлении путей сообщения и публичных зданий, наученная горьким опытом практического общения с корыстолюбивым иностранцем, нашла возможным еще более снизить указанную сумму. Результатом чего стали жаркие полемические схватки между чиновниками данного учреждения и не лишеным наглости итальянцем, в ходе которых расходная часть проекта все же упала до 3 859 475 руб. Не соглашаясь с такими цифрами, Беретти представил свои возражения «наверх», причем на этой почве возникла целая канцелярская полемика, которую мы позволим себе воспроизвести здесь почти дословно: «31 августа 1836 года Комиссия проектов и смет, получив отношение министра народного просвещения, находит, что настойчивость, с которой старается оправдать свою смету Беретта, вынудила Комиссию пойти на дальнейшие подробности отсылительно сего дела, пересмотрев оное с самого начала. Первый проект Беретта был одобрен Комиссией только как эскиз, хотя и прекрасный, но недостаточный для полного проекта, который, следовательно, должно было улучшить более глубоким изучением и обработыванием подробностей. Беретта, по мнению Комиссии, не исполнил этого и, вместо того, чтобы принять указания Комиссии к сведению, ограничивается лишь спорами. Поэтому Комиссия считает нужным представить на благоусмотрение Совета путей сообщения и публичных зданий, что, изложив во всей подробности мнение свое о проекте и смете профессора Беретта, почитает она излишним и даже несовместимыми с прямыми ее по службе обязанностями, продолжать далее по сему делу переписку»⁵⁰.

Но даже получив такой отлуп от имперских профессионалов, Беретти и не думал успокаиваться. Более того, он начинает кампанию встречных исков и апелляций, обращаясь с протестами к министру финансов и даже на Высочайшее Имя («Держаться того, – ответил Николай Первый на одно из его писем, – что Комиссия пректов и смет наметила, ибо она для того и создана»)⁵¹. Лишь в начале 1838 г., учитывая то, что время неумолимо истекает, «работы по Университету начались и проводились без утвержденной сметы, и лишь 15 февраля 1838 года Беретта представил в Строительный комитет очередную смету, составленную им по замечаниям Комиссии проектов и смет, требующую Министерства народного просвещения, по справочным ценам, существовавшим в июле 1837 года. Только тогда Комитету были, наконец, представлены, вместе со справочными ценами, три фасада и пять планов всех этажей главного университетского здания»⁵².

Не менее анекдотично выглядело поведение Беретти и по отношению к возникшему для руководства проектом Строительному комитету. Несмотря на то что в его состав вошли такие уважаемые люди, как новый, назначенный вместо фон-Брадке, попечитель Киевского учебного округа князь Давыдов, «великий итальянский мастер» считал в ней главным, бесспорно, самого себя⁵³, выдав «на гора» «первую смету означенного Комитета», от явно завышенных требований которой даже выдавшие виды санкт-петербургские чиновники, образно говоря, с кресел попадали: «1) Инспектору работ – читаем мы в этом более чем интересном документе, – 3 тыс. руб. ассигнациями жалования в год; 2) Ему же – столовых и на разъезды во время пребывания в Киеве – 1500; 3) Советник Комитета, знающий строительную часть, – 2500; 4) Ему же на разъезды – 1000 руб.; 5) Советник, знающий хозяйственную и делопроизводительную части (он же – кассир) – 2500 руб.; 6) Секретарь – 1500 рублей ассигнациями в год; 7) Практический архитектор – 2000 руб.; 8) Ему же на разъезды – 750 рублей; 9) Каменных дел мастер – 3000 рублей в год; 10) Ему же на разъезды – 750 руб.; 11) Комиссар Комитета, он же – полицеймейстер – 1200 руб.; 12) Его помощник – 800 рублей ассигнациями в год; 13) Бухгалтер Комитета – 1500 рублей в год; 14) Помощник архитектора – 1200 рублей; 15) Канцелярским служителям высшего разряда двум – 1200 рублей; 16) Канцелярским служителям низшего разряда двум – 1200

рублей; 17) Один унтер-офицер при Комитете и 8 инвалидов – 1800 рублей; 18) Два десятника по присмотру за работами; каждому – по 100 руб. в месяц, полагая 8 рабочих месяцев – 1600 руб.»⁵⁴. А вот как выглядела предложенная Беретти погодичная схема возведения зданий университета до и после ее координации представителями официальных властей: «Построение в городе Киеве Университета во имя Святого Владимира полагается произвести в течение пяти лет следующим образом: Смета. 1836 год: по распланировании места сделать под главное здание фундамент, построить для хранения материалов и помещения рабочих временные строения, сделать колодцы и приготовить необходимые запасы, построить два нежилые флигеля, должны служить во время производства работ для квартирования практического архитектора с помощником, каменных дел мастера, чертежную, покои для десятников и части рабочих на сумму 380 468 рублей 50,5 копеек. Дабы в будущем году можно было заблаговременно и до открытия реки Днепр приступить к работе, в сем же 1836 году полагается на приготовление части материалов 300 000 рублей. Итого на первый год – 680 468 руб. 50,5 копейки (сумма эта сокращена была Комиссией до 578 000 рублей. – А.М.); 1837 год: построить вчерне главное здание – 1 163 878 рублей, на приготовление материалов к 1838 году – 250 000; итого на 1837 год – 1 413 878 рублей (расходы сокращены до 1 202 800 рублей. – А.М.); 1838 год: В главном здании сделать своды, подборы, переборки и печи, произвести вчерне флигель для команды и службы – 395 268 руб. 87 3/4 коп., на приготовление материалов к 1839 году – 150 000; итого по 1839 году – 545 268 руб. 87 и 3/4 копейки; расходы сокращены до 454 000 рублей»; 1839 год: Отделать главный флигель и корпус для команды и службы – 329 816 руб. 51 коп., на приготовление материалов для окончания работ в 1840 году – 150 000 рублей; итого на 1839 год – 479 816 руб. (Сокращено до 408 000 руб.); 1840 год: произвести все прочие работы, назначенные в проекте, кроме манежа, бани, кладовых, двух ледников, замощения дворов и шоссе на главном дворе – 63 734 рубля 3 и 3/4 копейки. Два профессорских флигеля, манеж, кладовые, два ледника, замощения дворов и шоссе на главном дворе, могут остаться впредь до востребования; сии строения составляют 634 453 рубля 43 и 1/4 копейки (данная сумма урезана до 54 000 рублей). Итого на совершение здания, кроме непредвиденных расходов, полагается: 3 817 620 рублей 22 копейки (сумма урезана до 2 697 020 рублей). Подписано: профессор архитектуры Беретта». Отметим также, что данный гражданин Италии, так откровенно стремившийся пожить за счет одного из государственных проектов и носивший звание «главного архитектора университета», не побрезговал занять там кафедру архитектуры, «пробивать» на профессорскую же должность своего родного сына⁵⁵.

Собственных гигантоманов вроде Беретти имела и местная «глубинка». Так, среди художников Одессы похожими на него были господа Боффо, Моранди и Фраполи. Последний из них, к примеру, действуя в городе, переживавшем тогда экономический бум, получил огромные средства для возведения здесь театра по собственному проекту. «Пока шло строительство, – читаем в современной мо-

нографии по означенной теме, – завершившееся в 1809 г., спектакли давались в одном из временно приспособленных частных домов. По своей архитектуре сооруженный театр представлял одну из наиболее красивых городских построек, имел вместительный трехъярусный зрительный зал с хорошей акустикой, что неизменно отмечали современники»⁵⁶.

Немало истинных витрузов своего дела находим среди немцев. По словам авторов второго тома «Истории Харькова за 250 лет его существования», в 1808–1809 гг. «на Николаевской площади иностранец Герман выстроил балаган для комедий; быть может, здесь шли во время праздников представления для простого народа. Декорации по тогдашнему времени и способам появились приличные, выгодные и благовидные. Все ложи и много кресел были немедленно абонированы, и уже счет шел не на время, а на число представлений»⁵⁷. Вместе с тем в указанный период многие иностранцы предстают пред нами и в виде обычных строителей. «Партии итальянских рабочих, – пишет один из украинских авторов, – занимались на различные строительные работы. Поэт Батюшков, посетивший в 1818 г. в Одессу, в письме от 12 июля отмечает, что «итальянцы пьлят камни и мостят улицы: так их много!»⁵⁸.

Таким образом, даже исходя из приведенного нами выше, разумеется, далеко не полного материала, можно сделать вывод о достаточно приметной роли выходцев из-за границы в становлении финансовой системы, строительного дела и сферы услуг южных регионов Российской империи конца XVIII – начала XIX в. Анализируя экономические реалии того времени, мы находим их везде: в гостиничном комплексе края, среди хозяев ресторанов и трактиров, в качестве инициаторов открытия целого ряда увеселительных заведений, на стройплощадках и даже там, где, по образному выражению одного из современников описываемых событий, «текла кровь всей экономики». С национальной же точки зрения здесь абсолютно преобладали бельгийцы, греки, итальянцы, немцы, граждане Австро-Венгрии, Великобритании, Испании, Франции, Швеции, Швейцарии, а в территориальном плане наиболее показательными были Киевская (Юго-Западный край), Харьковская (Малороссия), Херсонская и Таврическая (обе – Новороссия) губернии. Важна была и степень наполнения их деятельности конкретным содержанием. Особым вопросом является сущность и степень наполненности их деятельности конкретным содержанием: кто строил водопроводы и канализационные системы в городах и поселках, кто-то развлекал посетителей со сцены варьете, содержал клуб или же магазин-читальню, другие специализировались на подрядах либо же открывали «постоялые двory, одни из которых путешествующие проклинали, другие же расхваливали выше всякой меры», третьи, пытаясь как можно полнее приспособиться к формуле «деньги должны стать капиталом», работали исключительно на свой личный карман, а кто-то – немножечко и исключительно для других. Но, соединенные вместе, все они создавали тот непередаваемый колорит частной собственности, который был навсегда утрачен Родиной нашей после февраля-октября 1917 года!

¹ Багалея Д.И., Миллер Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1665 по 1905 год). Историческая монография. – С приложением альбома, планов и рисунков. Харьков, типо-литография «М. Зильберберг и сыновья», 1912. С. 6.

² Там же. С. 952.

³ Там же. С. 747–748.

⁴ Там же. С. 435–436.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 372.

⁸ Там же.

⁹ Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М.: Типография А. Семена, 1853. С. 255.

¹⁰ Варварцев Н.Н. Украина в российско-итальянских общественных и культурных связях (первая половина XIX ст.). Киев, 1986. С. 62.

¹¹ Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 541.

¹² Там же. С. 167.

¹³ Владимирский-Буданов М.Ф. История Императорского университета Святого Владимира. Т. 1. Университет Святого Владимира в царствование Императора Николая Павловича. Киев: В университетской типографии, 1884. С. 379.

- ¹⁴ Демидов А.Н. Указ. соч. С. 423.
- ¹⁵ Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 102–103.
- ¹⁶ Труды слушательниц Одесских высших женских курсов. Т. 1. Вып. 2. Одесса, 1911. С. 215; Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁷ Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ Демидов А.Н. Указ. соч. С. 347–348.
- ¹⁹ Там же. С. 348–349.
- ²⁰ Там же. С. 508.
- ²¹ Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 173.
- ²² Москвитянин. 1852. № 20; Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 20.
- ²³ Демидов А.Н. Указ. соч. С. 420–421.
- ²⁴ Там же. С. 472.
- ²⁵ Там же. С. 469, 472.
- ²⁶ Там же. С. 472.
- ²⁷ Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 167, 173.
- ²⁸ Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 66–68.
- ²⁹ Харьковские губернские ведомости. 1862. № 1; Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 372, 441.
- ³⁰ Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 66–68.
- ³¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1936. С. 142.
- ³² Статистическое описание Киевской губернии, изданное тайным советником сенатором Иваном Фундуклеем. В 3 ч. Ч. 1. Обзорные площади, народонаселения, населенных мест и путей сообщения. СПб.: Типография МВД 1852. С. 376–377.
- ³³ Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 832.
- ³⁴ Статистическое описание Киевской губернии, изданное тайным советником сенатором Иваном Фундуклеем. С. 346.
- ³⁵ Там же. С. 953.
- ³⁶ Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 12–13.
- ³⁷ Одесса. 1794–1894. Одесса, 1895. С. 172.
- ³⁸ Статистическое описание Киевской губернии, изданное тайным советником сенатором Иваном Фундуклеем. С. 346.
- ³⁹ Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 172.
- ⁴⁰ Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 13–14.
- ⁴¹ Там же. С. 17.
- ⁴² Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 286–287.
- ⁴³ Там же. С. 288.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 289.
- ⁴⁶ Там же. С. 292.
- ⁴⁷ Там же. С. 289, 292.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 297–298.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 295.
- ⁵⁴ Там же. С. 293–294.
- ⁵⁵ Там же. С. 295–296.
- ⁵⁶ Там же. С. 228.
- ⁵⁷ Аглая (Москва). 1812 год. Май. С. 12; Из прошлого Одессы. Одесса, 1894. С. 36; Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 128–129.
- ⁵⁸ Багалея Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 818.
- ⁵⁹ Батюшков К.Н. Сочинения. Т. 3. СПб., 1886. С. 21; Варварцев Н.Н. Указ. соч. С. 17.

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СИНЕЛЬНИКОВА

аспирантка отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (921) 38 37 064. E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблемы взаимоотношений власти и научных обществ города. Рассмотрены механизмы и формы их взаимодействия, проанализированы основные нормативные акты, на основе которых функционировали научные общества в 1920-е гг.

Ключевые слова: научные общества, власть, наука, Ленинградское отделение Главнауки, Академия наук.

ВЛАСТЬ И НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА ЛЕНИНГРАДА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Проблема взаимоотношений между наукой и властью в Советской России 1920-х гг. не раз становилась объектом внимания отечественных и зарубежных историков. И тем удивительнее, что такой ее аспект, как отношения партийно-государственных структур и научных обществ оказался практически неразработанным. Одна из причин такого положения, на наш взгляд, – нечеткое понимание самого понятия «научное общество». Нередко исследователи включают в эту группу все научные организации, некритически воспринимая источники 1920-х гг. Так, по мнению историка А.А. Курепина, в Ленинграде в это время действовало 102 научных общества¹. Эти данные совпадают с численностью организаций, представленных в разделе «Научные объедине-

ния» справочника «Наука и научные работники в СССР. Научные учреждения Ленинграда»² за 1926 г. Однако не все организации, представленные в указанном разделе справочника, являлись собственно научными обществами. Все вышесказанное относится и к исследователю Ф.Ф. Перченку, который отмечал, что «двадцатые годы – время живого существования научных обществ. По стране их многие сотни, в Ленинграде – около ста»³.

Целью настоящей статьи является анализ взаимоотношений между научными обществами Ленинграда и государственной властью в середине и второй половине 1920-х гг. Под научными обществами понимаются организации, которые функционировали на основе утвержденного устава и состояли из ученых и специалистов, зани-

мающихся исследовательской работой, с целью всесторонней разработки какой-либо области науки.

По данным Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ), к 1 июля 1924 г. в городе функционировало 49 научных обществ, причем 12 из них находились на государственной субсидии⁴. Число научных обществ постепенно возрастало, в 1926 г., по нашим подсчетам, их было уже 56⁵. Среди них были не только вновь образованные, но и возобновившие прежнюю деятельность организации, в частности Урологическое общество, Российское палестинское общество (РПО). Последнее оказалось в числе немногих (если не единственное), в возрождении которого власть была заинтересована сильнее, чем ученые. Образованное еще до Революции 1917 г. Российское палестинское общество обладало имуществом в Италии, Сирии и Палестине⁶. В начале 1920-х гг. оно было ликвидировано, однако эти государства отказались признавать Советскую Россию собственником имущества РПО. Пришлось в 1925 г. «по инициативе и настоянию» Советского правительства представителям Главнауки и Наркомата по иностранным делам обращать «особое внимание председателя Общества на необходимость скорейшего возобновления деятельности, в частности, скорейшего издания очередных выпусков его периодического органа («Сообщения Российского палестинского общества»), т.к. они должны явиться реальным доказательством существования и деятельности Общества, весьма важным для сохранения прав Общества на принадлежащие ему заграничные имущества»⁷. Вместе с тем РПО не было впоследствии избаловано вниманием власти. В 1929 г. оно оказалось в сильно стесненном финансовом положении и собиралось самораспуститься, но сумело все же просуществовать до середины 1930-х гг.

Научная жизнь в стране постепенно восстанавливалась, и к середине 1920-х гг. была налажена нормальная работа большинства научных обществ Ленинграда, в отчетах которых отмечалось «окрепшее финансовое положение»⁸, «несомненное оживление <...> работы»⁹, «все улучшающееся [положение] как условий самой научной работы, так и условий печатания»¹⁰.

Но одновременно внимание государства к деятельности обществ становится более пристальным и, как показало дальнейшее развитие событий, постоянным. Формы такого контроля были разнообразными.

В заседании коллегии ЛОГ 29 декабря 1924 г. к обсуждению был представлен «Проект увязки деятельности научных обществ с учреждениями»¹¹, который получил одобрение, однако с поправкой, что в список обществ будет внесено Научное общество марксистов (НОМ), чья деятельность должна была быть связана со всеми учреждениями, в особенности с Институтом научной педагогики¹². Поскольку основной задачей НОМ являлась «разработка идей марксизма и распространение марксистского мировоззрения», то это решение связано с намерением идеологизировать науку, а упоминание Института научной педагогики¹³ говорит о стремлении власти внедрить принципы марксизма и в обучение.

По сообщению заведующего ЛОГ М.П. Кристи, направленному им в Главнауку в начале 1925 г., «установление возможно более тесной связи между научными учреждениями и обществами» необходимо «в целях внесения большей плановости и углубленности в работу научных обществ, равно как в целях приближения научных учреждений к источникам общественной инициативы, коими эти общества являются, и, наконец, и главным образом в целях достижения наибольшей беспристрастности критики деятельности научных институтов и обществ (на основе взаимности)»¹⁴. Общества были разбиты на группы по научным отраслям, которыми занимались научные учреждения города. На совместных заседаниях представителей обществ и учреждений (в основном научно-исследовательских институтов)¹⁵ было решено обмениваться представителями между советами обществ и институтов, а также периодически обсуждать их отчеты и производственные программы, причем протоколы таких заседаний должны были направляться в ЛОГ¹⁶.

Эта «увязка» позволяла, с одной стороны, подвергать общества дополнительному контролю, с другой — взаимно контролировать учреждения и общества. Стоит только отметить, что нередко одни и те же люди работали в научных учреждениях и профильных им обществах, так что они, получалось, контролировали и сами себя.

В середине 20-х гг. власть попыталась привлечь ученых к нормотворческой деятельности. К этому времени стало очевидно, что Нормальный устав 1923 г.¹⁷ не во всем соответствует современным требованиям. 20 января 1925 г. в Ленинградское отделение Главнауки и в Главнауку в Москве был направлен «Проект нормального устава»¹⁸, выработанный участниками Совещания представителей ленинградских научных обществ, созданного по предложению Главнауки при Географическом обществе. Этот проект существенно отличался от действующего устава. В нем, например, появились два новых раздела: «Цели общества и методы их осуществления» и «Филиальные отделения Общества», возросло общее количество пунктов. Один из них уточнял условия вступления: «Действительными членами общества могут быть все лица, работающие в области <...> и не лишенные права общественной работы по суду»¹⁹. В Нормальном уставе о такой категории граждан ничего не говорилось.

Но наиболее важными были изменения, связанные с отчетностью и властным контролем над деятельностью обществ. В проекте отсутствует § 9 Нормального устава: «Списки членов обществ ежегодно представляются в орган НКВД, зарегистрировавший общество, в двух экземплярах»²⁰, а в пункте о выбытии из общества добавлено, что член может быть исключен, в том числе и из-за «явного ущерба, нанесенного интересам общества»²¹. В разделе «Средства Общества» в проекте подчеркивалось, что «порядок расходования, хранения и контроля сумм общества устанавливается Общим Собранием»²², Устав 1923 г. этого вопроса вообще не касался. В разделе «Собрания Общества» в проекте отсутствует положение Нормального устава о том, что о собраниях необходимо предварительно извещать властные органы за три дня до срока собрания²³.

В разделе «Правление Общества» согласно Нормальному уставу правление избиралось на один год²⁴, в проекте — на срок от одного до трех лет²⁵. Из проекта был исключен следующий пункт: «О составе избранного Правления и о всех происходящих в нем изменениях сообщается соответствующему органу НКВД»²⁶, а также положение, что «в случае неопубликования общего отчета о его деятельности в 3-х месячный срок, по истечении такового общество считается прекратившим свое существование»²⁷.

Отличия встречается и в пунктах, касающихся имущества ликвидированного общества: в проекте оно «получает назначение согласно постановлению ликвидационного собрания общества»²⁸, а в Нормальном уставе все имущество, «принадлежавшее закрытому обществу, поступает в распоряжение Народного комиссариата по просвещению»²⁹.

Проект устава получился довольно демократичным, научные общества по нему освобождались от властного контроля в вопросах расходования своих средств и распоряжения своим имуществом, сроков собраний, отчетности относительно личного состава. Он так и не был утвержден, вероятно, потому, что предполагал большую свободу действий, чем Нормальный устав, что противоречило стремлению власти к всеохватывающему контролю.

Более действенными становились финансовые рычаги. Часть научных обществ и в первой половине 20-х гг. получала денежную помощь от государства. Однако в середине этого десятилетия она была закреплена на законодательном уровне. 17 февраля 1925 г. декретом СНК был утвержден «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата Просвещения РСФСР и состоящих на государственном бюджете», в котором было девять ленинградских и шесть московских научных обществ, а также 12 провинциальных отделений Русского географического общества.

Из девяти ленинградских научных обществ шесть имели в своем названии слово «государственные». Тем самым власть дополнительно подчеркивала их значимость для страны. Примечательно, что к ним были отнесены старейшие научные общества: физико-химическое, минералогическое, палеонтологическое, ботаническое, энтомологическое, географическое. Помимо них находились под идеологическим и административным контролем Главнауки и полностью финансировались государством еще Ленинградское общество естествоиспытателей, Русское общество любителей мироведения, Научное общество марксистов. Кроме последнего, все общества были естественнанаучными. Это свидетельствовало о заинтересованности советской власти в определенных областях науки.

Все это позволяет усомниться в правильности утверждения некоторых современных авторов, писавших, что «научные общества оказались менее втянуты в процесс огосударствления»³⁰. Наоборот, постепенно научные общества в Ленинграде все больше лишались самостоятельности.

Середина десятилетия отмечена также завершением первого этапа унификации и стандартизации делопроизводства. В общий процесс, помимо государственных, партийных и иных структур, оказались втянуты и научные общества. С 1925 г. они должны были составлять отчеты строго по утвержденной Главнаукой в декабре 1924 г. единой для всех научных учреждений форме (до этого научные общества писали отчеты произвольно), которая состояла из 54 пунктов и раскрывала все сферы их деятельности. С этого времени отчетность научных обществ стала еще более подробно: протоколы общих собраний, журналы заседаний советов обществ, сметы, финансовые отчеты (даже для не субсидируемых обществ), производственные программы (планы работ), ежеквартальные и годовые отчеты о деятельности по особой форме и т.п. должны были регулярно направляться в ЛОГ. Единоеобразие делопроизводства сопровождалось и его бюрократизацией.

Возрастающая регламентация деятельности обществ, а также отчетность по трем «фронтам» – перед административными органами НКВД, Главнаукой и перед органами финансового контроля, вызывала недовольство ученых. 1 апреля 1926 г. на очередном совещании директоров научных учреждений, подведомственных Главнауке в Ленинграде, секретарем Общества любителей мироведения В.А. Казицыным был прочитан доклад «Об упрощении отчетности научных обществ». Докладчик сразу же попытался определить принципиальный характер отношений обществ и государства. По утверждению Казицына, научные общества – «суть учреждения частно-правовые, а не государственные»³¹. Однако правительству их следует поддерживать и субсидировать, так как «задачи, поставленные и осуществляемые научными обществами, являются общественно полезными и имеющими гос[ударственное] значение»³².

Вместе с тем докладчик подчеркнул, что «из работы научных организаций должны быть, насколько возможно, исключены канцелярщина, бюрократизм и формалистика»³³, а также предложил всю отчетность перед НКВД и Главнаукой свести к предоставлению годового отчета и перейти к системе субсидирования «с освобождением от обязанности распоряжения кредитами и самостоятельного выписывания ассигновок», и представлению «в финансово-контрольные органы отчетности по формам, обязательным для государственных учреждений, но, по возможности, без сокращения размеров ассигнований»³⁴.

Поводом к открытой критике власти стала непомерно трудная для выполнения научными обществами задача по «доставлению полного списка членов общества по форме сложной анкеты»³⁵ в сжатые сроки (меньше чем за месяц), чего от них требовали административные органы НКВД. Эта анкета на всех научных и административных работников, содержащая 24 пункта, должна была быть заполнена всеми научными учреждениями, входящими в ведение ЛОГ. Между тем, в отличие от учреждений, состав некоторых обществ был весьма значительным, в особенности тех, что имели отделения во многих городах страны. Например, в Обществе любителей мироведения состояло 639 членов³⁶,

а в Географическом обществе – 540, причем, только 380 из них проживало в Ленинграде³⁷, а остальные в провинции – в Иркутске, Красноярске, Омске, Барнауле, Семипалатинске, Хабаровске, Владивостоке, Чите и др.

Надо полагать, что доклад В.А. Казицына был проигнорирован, так как решительных действий властей в отношении общества или его секретаря не последовало, при этом ни одно из положений доклада не было проведено в жизнь, а контроль и регламентация продолжали возрастать, причем не только по государственной, но и по партийной линии.

Начиная с 1926 г., как отмечал А.А. Курепин, деятельность Ленинградского губкома ВКП(б) в сфере науки резко активизировалась³⁸. Пути «коммунизирования» научных учреждений, подведомственных ЛОГ, обсуждались на заседаниях бюро коллектива ВКП(б) ЛОГ³⁹, поэтому научно-административные органы стали постоянно интересоваться наличием коммунистической и комсомольской прослойки среди членов обществ. В таблице, характеризующей состав общества и включаемой в отчет, появилась графа «партийность». Наличие коммунистов и комсомольцев повышало доверие властных органов к деятельности общества. С идеологической точки зрения самым надежным оказывалось, конечно, Научное общество марксистов, в котором уже в 1923 г. состояло около 50 членов РКП(б)⁴⁰. Не вызывало сомнения и Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН), в составе которого в начале 1927 г. из 18 членов насчитывалось четыре члена ВКП(б)⁴¹. Положение в других обществах было намного хуже: в некоторых из них партийцы отсутствовали, в других их насчитывались единицы, и до начала 1930-х гг. ни одна партийная фракция здесь так и не была создана.

Серьезные изменения в жизнь научных обществ в конце 1920-х гг. внесло появившееся 6 февраля 1928 г. новое «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». По справедливому мнению современного отечественного историка И.Н. Ильиной, оно «было разработано с одной-единственной целью – получить законное основание для «наведения порядка» в общественной сфере, уменьшения количества негосударственных организаций. Объявленная в связи с принятием «Положения» 1928 г. перерегистрация существующих обществ и союзов стала далеко не формальным мероприятием, она была проведена с размахом и серьезными для всей системы общественных организаций последствиями»⁴².

Перерегистрация 1928 г. (как и предыдущая 1922–1923 гг.) шла очень медленно и по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР была продлена до 1 марта 1930 г.⁴³ Некоторые научные общества Ленинграда, в частности Микробиологическое и Русское евгеническое общества, Научное общество страховых знаний, не смогли ее пройти и были закрыты.

Согласно пунктам 29-32 нового Положения регистрирующие органы, а также организации, к компетенции которых относилась область деятельности общества, обязаны были осуществлять наблюдение за их деятельностью – знакомиться с делами, финансовым состоянием путем обследования или путем получения периодических отчетов, а также могли, в случае необходимости, выносить решение о закрытии обществ⁴⁴. Это Положение явилось принципиально новым документом, в котором подробнейшим образом излагались принципы отношений общественных организаций и власти, так как в 1922 г. вышло только постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними»⁴⁵.

В дополнение к принятому Положению были разработаны «Типовые уставы научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, имеющих филиальные отделения» и не имеющих таковых⁴⁶. С июля 1928 г. научные общества должны были функционировать на основе уставов, согласованных с одним из этих типовых. По этим уставам общества обязывались предоставлять сведения о своей научно-академической, административно-хозяйственной деятельности, сведения о движении сумм с приложением плана работ на следующий год и приходи-

расходные сметы, а также данные о составе правления и обо всех изменениях, в нем происходящих, в органы, на которые был возложен контроль над ними⁴⁷.

Согласно § 7 уставов, членами общества не могли быть лица, лишенные по суду права занятия выборных должностей в течение срока, установленного судом, а лица, лишенные избирательных прав в советы, могли быть членами общества, но не имели права избираться в исполнительные и ревизионные органы общества⁴⁸. В этом состояло принципиальное отличие от предшествующего Нормального устава.

В соответствии с Положением 1928 г. в следующем году было проведено обследование научных обществ Ленинграда. Оно началось с Русского технического общества (РТО), которое с середины 1920-х гг. постоянно пытались закрыть. В 1924 г. согласно постановлению Наркомата внутренних дел РТО должно было быть закрыто, однако по представлению общества оно было отменено. В 1925 г. выпущено аналогичное постановление, однако у РТО был в данном случае выбор – слиться в одну организацию с Всероссийской ассоциацией инженеров или быть ликвидированным. РТО согласилось на объединение с этой ассоциацией в качестве отдела⁴⁹. Укрупнению путем объединения подверглись и другие общества. Например, Общество детских врачей и Научное общество охраны и младенчества были слиты в одно (1931 г.), так же как и Общество врачей по ушным, горловым и носовым болезням и Русское отоларингологическое общество (1930 г.). Включение обществ в другие организации было своеобразной формой их ликвидации, как считают А.П. Купайгородская и Н.Б. Лебина⁵⁰, и с ними нельзя не согласиться.

Обследование РТО проводилось 7 и 25 мая 1929 г. комиссией из 29 человек, включая представителей областной РКИ, обкома ВКП(б), Секция научных работников и др. Выводы комиссии были неутешительные: «На основании результатов обследования признать, что Русское техническое общество является организацией нежизненной, оторванной от советской общественности и не отвечающей тем вопросам, которые представляют собой хозяйственной жизнью СССР, особенно в связи с индустриализацией страны»⁵¹, «в силу приведенных соображений Русское техническое общество с его филиалами необходимо закрыть»⁵².

Начиная с осени 1929 г. до начала лета 1930 г. было обследовано еще 11 научных обществ города: Общество древней письменности и искусства, Русское астрономическое общество, ЛОИКФУН, Общество российских физиологов им. И.М. Сеченова, Русское общество любителей мироведения, Русские ботаническое, энтомологическое, географическое общества, Научно-техническое общество электротиков и Общество естествоиспытателей при Ленинградском государственном университете. Проверке, таким образом, подверглись научные общества всех отраслей научного знания. Кардинальным образом поменялся состав комиссий. Каждая из них включала всего по три аспиранта Академии наук СССР, назначенных Управлением уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде. Как указывает А.А. Курепин, «первый прием в аспирантуру [Академии наук], начавшийся в декабре 1929 г., осуществлялся в соответствии с установкой ЦК ВКП(б) на призыв партийной молодежи в науку и составил 108 человек, 50 коммунистов из которых стали опорой коллектива ВКП(б)»⁵³. Член партии возглавлял тройку, а в помощь ему придавалось по два комсомольца. Можно предположить, что такой подбор проверяющих, с точки зрения партийной и государственной власти, определялся рядом обстоятельств. Во-первых, принадлежность к ВЛКСМ и ВКП(б) обеспечивала идеологически правильную критику обществ. Во-вторых, представители научной молодежи, получившие высшее образование уже в советское время, обладали иным взглядом на современную науку и ее задачи.

Обследование шло по определенному плану, включающему знакомство с работой общества, его историей и организацией, хозяйственно-финансовой деятельностью. Несмотря на различные научные направления деятельности обществ, замечания ряда комиссий совпадают, что

заставляет высказать предположение об определенных пристрастиях проверяющих.

Несколько обществ были обвинены в аполитичности и (или) наличии в их рядах лиц, чуждых новой идеологии. «С 1917 по 1929 г. общество не делало никаких попыток реорганизовать свою деятельность, связать свою деятельность с научно-марксистскими учреждениями», «общество состоит из известных реакционно настроенных ученых (Лихачев, Платонов и т.д.)»⁵⁴ – так отзывались проверяющие об Обществе древней письменности и искусства. В составе Русского энтомологического общества комиссией не было выявлено «лиц, заведомо враждебных советской общественности, за исключением почетного члена Уварова, [который] <...> в настоящее время является эмигрантом и занимающим должность хранителя в Британском музее (Лондон)»⁵⁵. Кроме того, по мнению комиссии, «общество не имеет какой-либо идеологической установки и занимается исключительно узко специальными вопросами»⁵⁶. Русское географическое общество обвинялось в том, что «преобладающий процент общества представляет собой закоренелых консерваторов, чуждых пролетарской идеологии, пишущих в своей анкете “аполитичен”»⁵⁷. Интересны характеристики, которые давала комиссия членам Научно-технического общества электротиков. В частности, в отчете отмечалось, что «проф. Л.К. Каине, арестован за вредительство в Наркомпочте, официально числится в Правлении и по сей день», «проф. Дмитриев, беспартийный, большая сволочь»⁵⁸. Далее следовали обвинения в кастовости, в отсутствии политических установок и классовой линии, в том, что очередные «задачи социалистического строительства и решения партии общество не интересуют»⁵⁹, и подчеркивалось, что «общество никоим образом не должно подменять собой научно-исследовательские институты»⁶⁰. Характеристики Общества естествоиспытателей тоже заслуживают внимания: «Общество в научном отношении соответствует своему названию, в политическом и идеологическом – ни в коей мере»⁶¹, «курс партии и правительства на индустриализацию страны и коллективизацию [сельского] хозяйства», а также очередные задачи социалистического строительства не находят своего отражения в деятельности общества»⁶².

Еще одно направление критики касалось сферы культурно-просветительной и антирелигиозной работы. В отчете о ЛОИКФУН говорилось о том, что «доклады членов общества <...> за исключением отдельных докладов (членов партии в большинстве) носят идеалистический характер, явно направленный, в частности, против материалистической лингвистики школы марксистов и школы Н.Я. Марра», «не ставят массовых докладов ни на фабриках, ни на заводах, ни в рабочих клубах»⁶³. Комиссия посчитала, что «по своим целям и задачам в эпоху культурной революции [общество] может сыграть большую роль, но при условии коренной реорганизации его»⁶⁴. Обследователями Русского астрономического общества подчеркивалась необходимость усиления культурно-просветительной работы «не только по линии антирелигиозной работы, но также и по линии чисто популяризаторской издательской деятельности»⁶⁵. Напротив, Русскому обществу любителей мироведения комиссия рекомендовала обновить Совет общества и «по многим вопросам согласовываться с союзом безбожников», особенно в деле антирелигиозной пропаганды, которую общество пока не вело⁶⁶.

В деятельности Русского ботанического общества комиссия выявила недостатки организационного характера. Во-первых, это была «ненормальная форма вступления в члены общества»⁶⁷, когда от вступающего не требовалось заявления, а можно было ограничиться рекомендациями двух членов общества. Во-вторых, комиссия ратовала за отмену экспедиционных командировок, так как «вся экспедиционная работа должна вестись планомерно, а не носить случайный характер»⁶⁸.

Немаловажным условием для дальнейшей работы обществ члены комиссий считали создание и укрепление партийной прослойки в научных обществах. В отношении Общества русских физиологов им. И.М. Сеченова комис-

сия пришла к таким выводам: «Общество не приблизило свою работу к требованиям реконструктивного периода социалистического строительства», необходимо «организовать фракцию ВКП(б)»⁶⁹. Российское минералогическое общество, по мнению комиссии, — «замкнутая организация, объединяющая старые кадры квалифицированных научных и научно-технических работников геолого-минералогического цикла»⁷⁰, поэтому было рекомендовано создать из общества отдельные группы «геологов-марксистов» или специальные секции «геологов-марксистов, работающих под руководством и в контакте с Комакадемией»⁷¹.

В обобщенном виде выводы всех обследований были представлены в «Докладе о работе научных обществ»⁷², в котором они получили очень нелестную характеристику: «После свержения самодержавия и установления пролетарской диктатуры буржуазно-либеральные общества в их старой форме должны рассматриваться как пережиток до-революционной эпохи, тормоз кипучей энергии трудящихся масс, а иногда даже как реакционная идеологическая сила»⁷³. Всем без исключения обследованным обществам ставились в вину отсутствие фракции ВКП(б), недостаточное вовлечение масс и молодых научных работников в состав обществ. Было решено, что научные общества должны стать массовыми организациями, связать свою работу с красными уголками, избами-читальнями и в то же время с хозяйственными и профессиональными организациями. Их необходимо поставить на службу социалистическому строительству — подчеркивалось в документе — а общее руководство ими Главнаукой должно быть усилено⁷⁴. Что же касается дальнейшей судьбы обществ, то предлагались три варианта: одни должны быть укрупнены, другие ликвидированы, остальные усилены и укреплены⁷⁵.

Свои организационные выводы относительно будущего научных обществ делали не только члены обследовательских комиссий. В конце 1920-х гг. секретарь Высших курсов зоологии и фитопатологии Потапов сообщал в Главнауку в Москве, что Русское энтомологическое общество «никакой общественно полезной работы не ведет, как и научной», «объединяет наиболее реакционную часть профессуры», что члены общества «связаны с заграницей и ими издается журнал на иностранных языках, кроме русского», а также, что «ими был принят помощником библиотекаря выкорчеванный из Академии наук сотрудник»⁷⁶. По мнению партийного бюро курсов, которое выражал Потапов, Русское энтомологическое общество необходимо было ликвидировать, а его библиотеку передать курсам⁷⁷.

В свою очередь, научные общества также не оставались безучастными к деятельности и перспективам развития различных научных учреждений. В 1929 г., во время так называемой «чистки» Академии наук, на открытом заседании Правительственной комиссии по чистке выступил председатель ЛОИКФУН В.А. Егоров. Раскритиковав работу Комиссии по изучению племенного состава России, состоявшей в ведении Академии наук, он вызвал КИПС на социалистическое соревнование «по финно-угроведческой работе»⁷⁸. Вскоре общее собрание ЛОИКФУН постановило: «Принять участие в реорганизации АН СССР по части финно-угроведения»⁷⁹.

Новым шагом во взаимоотношениях между властью и научными обществами стало создание в Ленинграде в 1929 г. «параллельной системы научных обществ» при Ленинградском отделении Коммунистической академии — Общества аграрников-марксистов, воинствующих материалистов-диалектиков, врачей-материалистов, марксистов-биологов, марксистов-востоковедов, марксистов-государственников, математиков-материалистов, советского права, экономистов-марксистов. Уже из их названия явствовало, что новые организации имеют ярко выраженную идеологическую направленность, а в основу научного познания был положен материализм. Подобную попытку можно расценивать, в частности, как реакцию власти на слишком медленный рост партийных и комсомольских рядов в уже существующих научных обществах.

Таким образом, отношения научных обществ Ленинграда и власти на протяжении второй половины 1920-х гг.

становились все более напряженными, а административный контроль усиливался.

Конец одного и начало другого периода в отношениях власти и научных обществ обозначило «Положение о добровольных обществах и союзах», утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 30 августа 1930 г. Оно разрабатывалось «в целях привлечения добровольных обществ и союзов к активному участию в социалистическом строительстве и ввиду необходимости в соответствии с этими целями коренной перестройки форм и методов работы названных объединений на основе широкого вовлечения в эти общества и союзы трудящихся масс и обеспечения пролетарского руководства»⁸⁰. Согласно этому Положению научно-исследовательская деятельность обществ должна была «строиться на основе, обеспечивающей марксистско-диалектическую проработку вопросов в соответствующих отраслях знаний»⁸¹, а наблюдение и руководство деятельностью обществ осуществлялось «соответствующими органами с привлечением секций советов и исполкомов и других общественных организаций»⁸².

Как видно из материалов обследований научных обществ Ленинграда 1929–1930 гг., а также из данного Положения, власть стремилась превратить общественные организации в массовые. В инструкции «О порядке утверждения уставов добровольных обществ и союзов и надзора за их деятельностью»⁸³, вышедшей вслед за Положением, говорилось, что уставы обществ должны «давать совершенно определенное и конкретное изложение задач обществ, увязанных со всеми установками партии и соввласти на данном участке соцстроительства и метод их осуществления»⁸⁴, причем «[административные органы] проверяют состав членов обществ или союза с точки зрения изживания цеховой замкнутости в обществ, вовлечения в его состав широких трудящихся масс, в первую очередь рабочих с производства, пролетарской части учащихся, сельскохозяйственных рабочих и работниц, батрацко-бедняцких и колхозных слоев деревни»⁸⁵.

Новые «Типовые уставы добровольных обществ, имеющих отделения (не имеющих отделений)»⁸⁶, опубликованные в ноябре 1930 г., отвечали вышеизложенным требованиям. Интересно, что если раньше типовые уставы существовали для всех видов организаций: научных, литературных, художественных, пожарных, спортивных и т.п., то теперь все должны были функционировать по единому уставу. Таким образом полностью нивелировалась присутствующая каждому виду общества специфика.

Коренным образом был изменен §1 в уставах. Отныне целью любого общества становилось «активное участие в социалистическом строительстве СССР, а также содействие укреплению обороны страны»⁸⁷. Переработке также подверглись пункты §2, излагающего задачи общества. Особенно подчеркивалось «вовлечение в круг деятельности <...> широких трудящихся масс и обеспечение пролетарского контроля и руководства деятельностью общества»⁸⁸. Она должна была строиться в «соответствии с общегосударственным планом народного хозяйства и социкультурного строительства»⁸⁹, а научно-исследовательская работа проводиться на основе «диалектического материализма»⁹⁰. Примечателен и §3 в разделе «Общие положения»: «Общество организует деятельность своих членов на основе методов и форм проявления творческой активности трудящихся, выдвигаемых практикой социалистического строительства (соцсоревнования, ударничества, культпоходы, смотры и т.п.)»⁹¹.

Из раздела «Состав общества» исчезло упоминание о разных видах членства (члены действительные, почетные, члены-корреспонденты), как это было в предшествующих уставах. Согласно Уставам 1930 г. для членов общества в возрасте до 23 лет предусматривалось создание юношеских секций «на основе положений о них, вырабатываемых по соглашению с организациями ВЛКСМ»⁹², что также являлось нововведением. Причины для исключения из общества тоже претерпели изменения. Неуплата членских взносов не могла стать основанием для отчисления, в отличие от «лишения члена общества избирательных прав», «выступления члена обществ устно или письменно про-

тив платформы общества», «отклонения члена общества от программных основ общества или неосуществление таковых в своей работе»⁹³.

Из раздела «Средства общества» в Уставах 1930 г. исчезло упоминание о двух источниках финансирования – «добровольные пожертвования» и «субсидии правительственных учреждений и общественных организаций»⁹⁴.

Разделы «Отделения общества», «Съезды общества и общие собрания отделений», «Ликвидация общества» остались без изменения.

Принципиально новое положение вошло в раздел «Структура общества и его управление»: «В целях наиболее тесной увязки деятельности общества с госучреждениями, общественными и профессиональными организациями в состав правления общества вводятся с правом решающего голоса представители (от каких госучреждений), проф[союзных] и общ[ественных] организ[аций], а также представитель юнсекции общества»⁹⁵. Внедрение

непосредственно в правление людей из властных органов означало полную ликвидацию самостоятельности и введение тотального контроля над деятельностью обществ. Правление общества было вынуждено, кроме того, отчитываться в своей работе «перед соответствующими секциями советов, профсоюзными организациями, а также на широких рабочих и крестьянских собраниях»⁹⁶.

Взаимоотношения между властными органами и научными обществами на протяжении всех 1920-х гг. можно определить как непростые. Особенно напряженными они были в середине и второй половине десятилетия и характеризовались постепенным усилением контроля над деятельностью обществ, при расширении форм такого контроля. На рубеже 1920–1930-х гг. в этих отношениях произошел качественный скачок, приведший к трансформации самой сути научных обществ, к радикальному изменению их целей и задач, а также к сокращению их численности до 49 обществ – до уровня 1924 г.⁹⁷

¹ Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб., 2003. С. 21.

² Наука и научные работники СССР. Часть II. Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926.

³ Перченко Ф.Ф. Академия наук на «Великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 166.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 688. Л. 200.

⁵ Число научных обществ определено на основе разработанных нами критериев их научности (название, наличие четкой организации, нахождение в ведении Главнауки Наркомпроса, строго научные цели и задачи, определенная деятельность, самоидентификация общества как научного, определение властными органами как научного, состав), и подсчитано на основе архивных материалов и данных справочника «Наука и научные работники СССР». Ч. II. Научные учреждения Ленинграда. (Л., 1926).

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 926. Л. 15.

⁷ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 73. Л. 4–4 об. В другом документе о причинах возрождения РПО говорилось еще откровеннее: для власти оно «существенно важно для получения находящегося за границей ценного имущества общества» (Там же. Л. 5).

⁸ Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1000. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 999. Л. 17.

¹⁰ Там же. Д. 791. Л. 26 об.

¹¹ Текст проекта не сохранился.

¹² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

¹³ Институт научной педагогики был основан 19 июля 1924 г. постановлением Наркомпроса РСФСР при Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 10 об.

¹⁷ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса // Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 87–89.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 999. Л. 6–11.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ... // Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 999. Л. 8.

²² Там же. Л. 9.

²³ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ... С. 88.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 999. Л. 10.

²⁶ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ... С. 89.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 999. Л. 11.

²⁹ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ... С. 89.

³⁰ Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводаителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917–1950-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1989. № 3. С. 74.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 49.

³² Там же.

³³ Там же. Д. 1001. Л. 49.

³⁴ Там же. Л. 49 об.

³⁵ Там же. Л. 39.

³⁶ Там же. Л. 25.

³⁷ Там же. Д. 1080. Л. 7.

³⁸ Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде... С. 131.

³⁹ Например, в заседании 4 апреля 1926 г. (См.: ЦГА СПб. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.)

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 629. Л. 26.

⁴¹ Там же. Д. 1104. Л. 8.

⁴² Ильина И.Н. Общественные организации в России в 1920-е гг. М., 2000. С. 56.

⁴³ СУ РСФСР. 1930. № 7. Ст. 89.

⁴⁴ СУ РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157.

⁴⁵ СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622.

⁴⁶ Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 529–558.

⁴⁷ Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 22. С. 538 (§32-34); Типовой устав научных, литературных, художественных, научно-технических и т.п. обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Бюллетень НКВД. 1928. № 22. С. 544–545 (§29-31).

⁴⁸ Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 27. С. 536.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 959. Л. 43.

⁵⁰ См.: Купайгородская А.П., Лебина Н.Б. Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917–1937 гг. Л., 1989. С. 13.

⁵¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 80. Л. 11.

⁵² Там же.

⁵³ Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде... С. 206.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 93. Л. 97.

⁵⁵ Там же. Л. 175.

⁵⁶ Там же. Л. 177.

⁵⁷ Там же. Л. 201 об.

⁵⁸ Там же. Л. 210.

⁵⁹ Там же. Л. 210 об.

⁶⁰ Там же. Л. 212.

⁶¹ Там же. Л. 222.

⁶² Там же. Л. 222 об.

⁶³ Там же. Л. 130–131.

⁶⁴ Там же. Л. 133.

⁶⁵ Там же. Л. 122а.

⁶⁶ Там же. Л. 160.

⁶⁷ Там же. Л. 172.

⁶⁸ Там же. Л. 173.

⁶⁹ Там же. Л. 144 об.–145.

⁷⁰ Там же. Л. 217 об.

⁷¹ Там же. Л. 219.

⁷² Там же. Л. 248–248 об.

⁷³ Там же. Л. 248.

⁷⁴ Там же. Л. 248 об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Д. 94. Л. 25. Стиль документа сохранен. Фамилия в документе отсутствует.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Д. 92. Л. 13.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ СУ РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527. С. 686–690.

⁸¹ Там же. С. 687.

⁸² Там же. С. 689.

⁸³ Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. Ст. 531. С. 7–10.

⁸⁴ Там же. С. 7.

⁸⁵ Там же. С. 8.

⁸⁶ Типовой устав добровольных обществ, имеющих отделения // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 11–27; Типовой устав добровольных обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Там же. С. 18–22.

⁸⁷ Там же. С. 11, 18 (§ 1.)

⁸⁸ Там же. С. 11, 18 (§ 2, пункт «б»).

⁸⁹ Там же. С. 11, 18 (§ 2, пункт «а»).

⁹⁰ Там же. С. 11, 18 (§ 2, пункт «д»).

⁹¹ Там же. С. 11, 18 (§ 3).

⁹² Там же. С. 12, 19 (§ 9).

⁹³ Там же. С. 13, 19–20 (§15, пункт «а», «б», «в»).

⁹⁴ Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 22. С. 537 (§20); Типовой устав научных, литературных, художественных, научно-технических и т.п. обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Там же. С. 544 (§ 20).

⁹⁵ Там же. С. 13 (§20), 20 (§19).

⁹⁶ Там же. С. 14, 21 (§ 29).

⁹⁷ Подсчет произведен на основе архивных данных и справочника «Весь Ленинград» (См.: Весь Ленинград на 1930 г. Л., 1930. С. 239–246).

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА ГАЗИЕВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 542-25-73; E-mail: LLGHist@yandex.ru

В статье исследуется работа центральных органов государственной власти СССР и РСФСР по нормализации жизнедеятельности и спасению детей сирот, вывезенных из блокированного Ленинграда в 1942–1943 гг.

Ключевые слова: Наркомпрос РСФСР, СНК СССР, Ленинград, эвакуация, дети.

РАБОТА НАРКОМПРОСА РСФСР В 1942–1943 гг. ПО НОРМАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Работа Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР, возглавляемого наркомом просвещения В.П. Потемкиным, по организации спасения детей в 1942–1943 гг. остается нераскрытой в исторических исследованиях до сего дня. Опираясь на документы коллекции Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): Ф. А-2306 (Народный Комиссариат про-

свещения РСФСР), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб): Ф. 7384 (Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся), Ф. 2076 (Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета народных депутатов), Ф. 9713 (Научно-методическое бюро санитарной статистики Ленгорздравотдела), раскроем одну из важных сторон этого процесса: обеспечение продоволь-

ствием детей детдомов, вывезенных из блокированного Ленинграда в эвакуацию в 1942–1943 гг.

Необходимость вывоза детей из прифронтовой полосы, в том числе из блокированного Ленинграда, в эвакуацию предполагала возникновение целого ряда новых и сложных задач, прежде всего по их жизнеобеспечению.

24 марта и 8 августа 1942 г. были приняты Постановления Совета народных комиссаров (СНК РСФСР) об обслуживании детских учреждений Наркомторгом, Наркомместпромом, Наркомпросом, Наркомздравом РСФСР, Управлением промкооперации при СНК РСФСР и Центросоюзом.

В декабре 1942 г. в поездку по стране (в республики Закавказья, Казахстан, Узбекистан) отправились уполномоченные Наркомпроса РСФСР и СНК СССР с целью проверки устройства и работы эвакуированных детских учреждений. Однако результаты были неутешительны: в большинстве случаев детские дома оказались в тяжелом положении. Проверка в конце декабря 1942 г. 21 эвакуированного детдома в Ташкентской, Ферганской и Андижанской областях (Узбекской ССР) и 15 детдомов и интернатов в Казахстане выявила переуплотненность, недостаток самого необходимого, продовольствия, мебели, посуды, высокую заболеваемость детей¹. В служебной записке зам. председателя СНК СССР Р.С. Землячке нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин 30 января 1943 г. писал, что к исправлению этих недостатков СНК и НКП Узбекской ССР уже приступили².

В Грузию и Армению дети и молодежь переправлялись через перевал из Краснодарского края при наступлении гитлеровцев. Так, в сентябре 1941 г. в Грузию через перевал пришла группа испанской молодежи – 75 человек в возрасте от 15 до 22 лет, которые были направлены НКП и ЦК МОПр (Международной организации пролетариата) Грузии в гор. Махарадзе, где были размещены и устроены главным образом в качестве рабочих на шелкоматальной фабрике.

Несколько лучше оказалось положение тех, кто переехал в Армению: 18 эвакуированных детдомов с количеством детей 1401, из них 363 человека ленинградских детей (находившихся в Краснодарском крае). Детям выделили достаточное количество продуктов, снабдив дополнительно в III квартале 1942 г.: сахаром – 100 кг, карамелью – 600 кг, маслом животным – 775 кг, пшеницей – 500 кг, рисом – 100 кг, сыром – 300 кг, мясом – 300 кг, мукой – 250 кг, а в I квартале 1943 г. дополнительно к нормам: пшеницей – 3000 кг, мукой – 500 кг, макаронами – 300 кг, виноградным сгущенным соком – 8000 кг³.

Ереванцы не остались равнодушны к страданиям ленинградских детей. Так, по инициативе редакции газеты «Советский Айастан» в конце августа 1942 г. было создано совещание женского актива Еревана тов. Маруджян и Маркарян, была создана шефская комиссия над Ленинградским детдомом № 58 во главе с женой зам. председателя СНК Армении Л.Г. Агобалян. Для получения необходимых средств для оказания помощи эвакуированным детям был организован и проведен спектакль, сбор от которого в сумме 20 тыс. руб. пошел на эту цель. Были собраны и переданы матрацы – 80 шт., одеяла – 80, простыни – 140, пододеяльники, наволочки – 140 шт., обувь – 75 пар, пальто – 75 шт., верхняя одежда – 75 компл., мед – 40 кг и др.⁴

Доброжелательность и сострадательность жителей Армении привели к притоку беженцев через перевалы и

наплыву беспризорников. Местный НКВД, в распоряжении которого был всего один приемник-распределитель на 75 мест, не мог с ними справиться. К тому же дети и подростки из-за отсутствия необходимой одежды и обуви из него не выводились (в нарушение распоряжения СНК СССР от 23/1 1942 г.).

В результате проверки правительством Армении было принято решение открыть дополнительно приемник на 100 мест, каждого ребенка НКВД должен был снабдить одеждой и обувью на 200 руб., обеспечив их скорейшее устройство, организовать не менее двух пунктов в Ереване для сбора детей с улицы и дом особого режима⁵.

Необходимо отметить, что исследование положения детей, эвакуированных из Ленинграда в союзные республики, затруднено, так как в Отчетах НКП РСФСР указывался только контингент детдомов, находившихся на территории России. В то же время при реэвакуации количество возвращавшихся из республик детей уменьшалось. Так, в списках детей Ленгорисполкома, подлежащих реэвакуации, указывалось только 100 детей, находившихся в Армении, вероятно по причине того, что круглые сироты возвращению в Ленинград с детскими учреждениями не подлежали⁶.

В крайне трудном положении оказались эвакуированные детские дома в ряде районов РСФСР: некоторые оказались на оккупированной территории, другие вынуждены были реэвакуироваться из-за наступления гитлеровцев в Краснодарском крае, Ярославской области и других районах. В некоторых областях возникла скученность эвакуированных учреждений, количественно превышавших все существующие планы и фондовые разнарядки. По всей стране было запланировано на 1942 г. иметь детдома с контингентом 192 635 детей, а фактически имелось – 212 955 человек, или 110,6% плана.

В III–IV кварталах 1942 г. ухудшение положения детских домов было связано с передачей эвакуированных учреждений весной 1942 г. на местное финансирование. В результате резко снизились нормы снабжения детских учреждений продуктами. Так, в Чкаловской области на IV квартал 1942 г. нормы продуктов питания снизились: по крупе с 1800 г в месяц до 750 г на одного ребенка; по жирам с 1500 г до 230 г, по сахару с 500 г до 330 г, по картофелю в два раза; в Кировской области норма по крупе в IV квартале была снижена с 900 г до 250 г. В Куйбышевской области норма хлеба в городских детдомах с 600 г была снижена до 400 г. В городах Челябинской области райторги систематически не отоваривали спущенные для детских домов фонды. Нерегулярное и недостаточное снабжение детских домов продуктами питания приводило к заболеванию воспитанников авитаминозом (г. Ярославль, детдом им. Воровского, райгорцентр Кукукс Саратовской обл., детдом № 1) и к нарушениям общего порядка в детских домах⁷.

Таким образом, среди трудностей жизнеобеспечения эвакуированных детей были не только скученность и недостаток фондов, но и проблемы иного характера.

С января 1942 г. по 1 января 1943 г. контингент детдомов по всей РСФСР увеличился со 144 810 до 212 955 человек, что составило 147% от плана⁸. В то же время значительная часть этого контингента находилась в школьных интернатах, обеспечиваемых большей частью за счет средств родителей, которые поступали не вовремя, не полностью или не поступали.

Таблица 1. Устройство детей, оставшихся без родителей, на 1 ноября 1942 г. (по г. Ленинграду)

	Кол-во детей		Устроены			Трудоустроены, в том числе		патронированы С 1.11.42 г.	Всего за 1942 г.
	Оставшихся без родителей	В т.ч. сирот	На опеку	Усыновлены	Помещены в детдома	В РУ, ЖУ, ФЗО*	На работу в пром-ть		
Ленинград ¹	41229	27803	4173	329	38360	979	533	1081	45455
В процентном соотношении	100	67,5%	10,1%	0,8%	93,1%	2,38%	1,3%	2,62%	110,3%

* РУ – ремесленные училища, ЖУ – железнодорожные училища, ФЗО – школы фабрично-заводского обучения. Все системы Главного управления «Трудовых резервов».

Таблица 2. Расчет НКП РСФСР норм снабжения детей продовольствием на III квартал 1943 г. (по г. Ленинграду)

В месяц	Количество фондов (в тоннах)		Контингент	
	Нормы на 1 чел. (в граммах)		Детские дома	Детские сады
			2700 чел. (по г. Ленинград)	24 000 (по г. Ленинград)
Детдома	детсады			
Мясо-рыба	2100	1200	5,67	28,8
Яйцо (шт)	15	10	40,5	240,0
Жиры	500	450	1,35	10,80
Сыр	250	150	0,68	3,60
Сметана	300	200	0,81	4,80
Сахар	900	600	2,43	14,4
Крупа, макаронь	1000	1200	4,86	24,8
Картофель-овощи	10000	6000	27,0	144,0
Молоко	3000	3000	8,1	72,0
Хлеб	15000	12000	40,5	244,8
Мука	900	450	2,43	10,8
Чай	6	3	0,016	0,072
Кофе	60	60	0,16	0,44
Соль	400	300	1,08	7,20
Сухофрукты	300	300	0,81	7,20
Мыло хоз.	400	300	1,08	7,20

Детей, оставшихся без родителей, среди этого контингента было на 1 ноября 1942 г. 78 865 человек⁹ (или 37%), из которых больше половины было ленинградцев (48 623 человек¹⁰, или 61,6%). Это были дети сироты или полусироты, а также дети, родители которых были в Красной армии.

В ноябре 1942 г., по данным Наркомпроса, в г. Ленинграде были устроены 41 229 детей, оставшихся без родителей (см. табл. 1).

Эти данные, в целом совпадают с показателями, приведенными в Отчете Ленгорсовета на 1 января 1943 г.¹² Кроме 2500 детей, оставшихся в детдомах г. Ленинграда, большая часть названных детей были вывезены в эвакуацию в 1942 г.

На II квартал 1943 г. был подготовлен проект Постановления СНК РСФСР, к которому прилагался расчет Наркомпросом РСФСР необходимого количества продуктов для детских домов с контингентом 28 800 детей и детских садов с контингентом 69 300 детей по 15 прифронтовым территориям, в том числе по г. Ленинграду и Ленинградской обл.¹³ (см. табл. 2).

В комментариях указывалось, что в данную разрядку входит некоторое количество для детдомов санаторного типа и диетических столовых для школьников, а также круглосуточных детсадов.

В феврале 1943 г. Наркомпросом РСФСР был подготовлен проект Постановления СНК РСФСР для представления в СНК СССР, в связи с необходимостью правительственного вмешательства¹⁴.

Особое значение отводилось подсобным хозяйствам. 5.IV.1943 г. было принято постановление СНК РСФСР «О подсобных хозяйствах детских домов»¹⁵. Подсобным хозяйствам при детдомах, интернатах, детсадах были выданы семена овощей на 706 га, зерновых на 3264 га. СНК РСФСР своим распоряжением от 29.IV.1943 г. № 8740-р выделил для детдомов коров 3750, поросят 5000, цыплят 200 тыс.¹⁶ Таким образом можно увидеть внимание к нормализации жизнедеятельности эвакуированных детских учреждений из блокадного Ленинграда со стороны Наркомпроса РСФСР и Совета Народных комиссаров СССР в 1942–1943 гг., направленное на сохранение жизни и здоровья спасенных детей.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306 (Народный комиссариат просвещения РСФСР). Оп. 69 (Секретариат). Д. 2963. (Докладные записки и ходатайства НКП в СНК СССР о состоянии эвакуированных детских учреждений, об улучшении материально-бытового положения работников просвещения и по др. вопросам. 5 января 1943 – 12 июня 1943 гг.). Л. 5.

² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2963. Л. 3, 4.

³ Там же. Д. 3005. (Докладные записки и ходатайства НКП РСФСР в СНК РСФСР о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, и о работе детских домов. 9 апреля 1943 – 21 июня 1943). Л. 4, 5, 5 об, 6.

⁴ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3005. Л. 6 об, 7.

⁵ Там же. Л. 6, 8, 9, 10.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384 (Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся). Оп. 17. Д. 1513 (11 января – 18 декабря 1945. Переписка о эвакуации учреждений). Л. 78; см. также: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 983. Л. 6, 6 об, 7.

⁷ Докладная записка от 6/III 1943 г. зам. председателя СНК СССР Р. С. Землячке от наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. (Докладные записки и справки НКП РСФСР в СНК РСФСР о состоянии детских домов в республике (с приложением материалов). Л. 74, 74 об.

⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 42, 42 об.

⁹ Там же. Л. 53, 53 об.

¹⁰ Отчет отдела народного образования исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 2076 (Плановая комиссия исполкома Ленгорсовета народных депутатов). Оп. 4. Д. 54. Л. 167.

¹¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 53.

¹² Отчет отдела народного образования исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся за период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 54. Л. 210.

¹³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2963. Л. 31.

¹⁴ О состоянии детских домов НКП РСФСР // ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 37, 39, 39 об., 41.

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3005. Л. 42 об.

¹⁶ Там же.

НИНА ДМИТРИЕВНА ХУДАКОВА

кандидат исторических наук, доцент, блокадница, ветеран войны и труда
(Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Статья публикуется автором в канун ее 100-летия со дня рождения. Она посвящена изучению проблемы всенародной помощи блокированному Ленинграду. Статья основана как на большом фактическом материале, так и на личных воспоминаниях автора, пережившего блокаду Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Ленинград, блокада Ленинграда, всенародная помощь, всенародная поддержка.

ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЛЕНИНГРАДА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1942–1945 гг.)

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ленинград, находясь 900 дней в блокаде, жил, боролся и победил. Преодолеть величайшие трудности и лишения блокады – голод, холод, бомбежки и обстрелы, выстоять и разгромить немецко-фашистские войска защитникам Ленинграда помогала вся страна, трудящиеся республик, краев и областей Советского Союза.

Всенародная помощь явилась важнейшим фактором и в восстановлении народного хозяйства Ленинграда и Ленинградской области, пострадавших от немецко-фашистских захватчиков. Она была составной частью общенародного движения в стране по оказанию помощи в восстановлении городов и сел, разрушенных фашистскими захватчиками. С помощью братских народов осуществлялось восстановление Сталинграда, освобожденных от немецкой оккупации городов Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик и др. Уже в ходе войны восстановление народного хозяйства стало всенародным делом.

В период блокады враг нанес огромный ущерб Ленинграду: его промышленности, городскому хозяйству, историческим памятникам, культурным сокровищам города.

Немецко-фашистская авиация сбросила на Ленинград 107 тыс. фугасных и зажигательных бомб. Фашисты обстреливали город 611 раз и выпустили около 150 тыс. снарядов¹. Достаточно сказать, что в результате воздушных бомбардировок и артобстрелов было разрушено и повреждено свыше 10 тыс. жилых домов. Полностью было разрушено 840 промышленных зданий, более 3 тыс. повреждено². Особенно пострадали крупнейшие предприятия: Кировский завод, «Русский дизель», Ижорский завод, «Светлана», мясокомбинат, электростанции. Сильно пострадали городской и железнодорожный транспорт, коммунальное хозяйство, лечебные и культурные учреждения. Было разрушено 38,8 км трамвайных путей, 118 трамвайных вагонов; повреждено 980 трамвайных вагонов и 114 троллейбусов. Уничтожено и повреждено 106 паровозов и 640 вагонов, разрушено более 285 км железнодорожного полотна³.

Гитлеровцы разрушили полностью 22 школьных здания и пять зданий институтов, 393 школы и 150 учебных корпусов вузов получили повреждения, в их числе здания Ленинградского университета, Академии художеств, Горного института и др. Пострадали 482 лечебных учреждения и 195 детских учреждений⁴. В результате бомбежек и артобстрелов было разрушено и повреждено 187 исторических зданий города. Сильно пострадало здание Адмиралтейства, на которое было сброшено 26 фугасных бомб, 50 снарядов и сотни зажигательных бомб. Большие разрушения были причинены Эрмитажу, Русскому музею. Центральному государственному историческому архиву, Таврическому дворцу, Петропавловской крепости, Театру оперы и балета им. С.М. Кирова и др. Гитлеровские оккупанты разграбили и разрушили всемирно известные дворцы-музеи в Пушкине, Павловске, Петродворце, Гатчине, где они хозяйничали в период блокады. Только из Петродворца фашисты вывезли в Германию около 34 тыс. музейных экспонатов⁵.

Общий ущерб, причиненный гитлеровцами гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов, составлял свыше 38 млрд руб.⁶

Гитлеровские захватчики нанесли огромный ущерб и Ленинградской области, две трети которой были оккупированы врагом. За два с половиной года хозяйничанья на территории временно оккупированных районов области они уничтожили свыше 90% промышленных предприятий⁷, разрушили и разграбили МТС, разграбили имущество почти 1900 колхозов⁸, разорили более 4 тыс. населенных пунктов⁹. Старинные русские города Новгород, Старая Русса, Демянск, Шлиссельбург и многие другие были превращены в руины. Фашисты надругались над замечательным памятником «Тысячелетие России» в Новгороде, который символизировал величие России. Общий ущерб, причиненный оккупантами экономике и культуре Ленинградской области, исчислялся более чем в 8 млрд руб.¹⁰

К восстановлению промышленности и городского хозяйства ленинградцы приступили еще в условиях блокады, весной 1942 г. Враг продолжал бомбить город, ожесточенно обстреливал его из артиллерийских орудий. В то время давали о себе знать последствия лютой, голодной зимы 1941/42 г., когда из-за недостатка топлива и электроэнергии многие предприятия были законсервированы, не работали центральное отопление, бани, прачечные, парикмахерские, замерз водопровод, погас свет в домах, остановился городской транспорт. Все это предстояло возродить. И ленинградцы взялись за восстановление: ремонтировали поврежденные объекты, восстанавливали поврежденные инженерные коммуникации и др. В связи с улучшением снабжения электроэнергией и топливом, начиная со второй половины 1942 г., вступили в строй предприятия, законсервированные в первую блокадную зиму. В Выборгском районе возобновили работу заводы «Красная заря», «Русский дизель», в Володарском районе – фабрика «Рабочий» и др.

После прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г., когда усилилась помощь страны, ленинградцы приступили к систематическому восстановлению промышленности и городского хозяйства.

В 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял ряд постановлений, которые предусматривали возобновление производства на крупнейших предприятиях города. Задания по изготовлению промышленной продукции мирного времени получили такие крупные заводы, как «Электросила» им. С.М. Кирова, «Большевик», Невский машиностроительный завод им. В.И. Ленина, «Севкабель» и др.

Наряду с восстановительными работами горожане самоотверженно трудились для фронта, для страны, защищали свой город от немецко-фашистских захватчиков. В этом была особенность процесса восстановления народного хозяйства.

В результате снятия блокады 27 января 1944 г. были созданы благоприятные условия для более широкого развертывания восстановительных работ. 29 марта 1944 г. ГКО принял постановление «Об очередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяй-

ства Ленинграда в 1944 г.»¹¹. Это постановление стало программой действий партийных организаций и всех ленинградцев по возрождению крупнейшего промышленного и культурного центра страны. Государство вкладывало крупные средства в восстановительные работы. И это осуществлялось в условиях войны, которая требовала колоссального напряжения всех сил страны. В 1944 г. на восстановление Ленинграда правительством было ассигновано 790 млн руб.¹¹

За девять месяцев 1944 г. ленинградские предприятия общего машиностроения получили 528 единиц нового оборудования¹². По решению ГКО от 6 марта 1943 г. для восстановления завода «Электросила» было выделено 5 млн руб. Из других городов страны направлены 500 рабочих и инженерно-технических работников. Заказы завода объявлялись приоритетными для всех его поставщиков. Отраслевые наркоматы выделили заводу дополнительные материалы и оборудование¹³.

Одновременно по призыву партии возникло и развивалось патриотическое движение трудящихся республик, краев и областей страны по оказанию помощи ленинградцам в восстановлении народного хозяйства. В нем принимали участие широкие слои населения – рабочие, инженерно-технические работники, колхозники, учащиеся и др. Эта помощь была моральной и материально-технической, помощь кадрами. Благодаря творческой инициативе трудящихся она имела разнообразные формы. С разных концов страны в Ленинград поступали письма, телеграммы, приветствия, в которых грудящиеся вдохновляли ленинградцев на героический труд по восстановлению родного города, желали им успехов в скорейшем восстановлении разрушенного хозяйства и культуры и выражали готовность оказать помощь в его возрождении. ЦК ВКП(б) Казахстана, Президиум Верховного Совета Казахской ССР, Совет народных комиссаров Казахской ССР 29 января 1944 г. от имени трудящихся республики писали ленинградцам, что в быстрейшем восстановлении Ленинграда и разрушенного хозяйства Ленинградской области будет участвовать вся страна и казахстанцы окажут им братскую помощь. Собрание партийного актива столицы Киргизии г. Фрунзе обратилось с посланием к командующему войсками Ленинградского фронта генералу армии Л.А. Говорову и секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданову, в котором приветствовало и поздравляло защитников Ленинграда с полным освобождением города от вражеской блокады. «Через стену блокады Киргизия всем, чем смогла, помогала родному брату – Ленинграду... – говорилось в послании. – Трудящиеся Киргизии делают все для того, чтобы прекрасный город Ленина – гордость всего советского народа – поскорее залечил свои раны и стал прекраснее, чем когда-либо прежде».

Трудящиеся г. Сталина в обращении к ленинградцам, принятом в январе 1944 г. на митингах и собраниях рабочих и служащих города, рассказывая о возрождении «Всесоюзной когечарки» с помощью всей страны, писали: «Мы пошлем вам, дорогие герои, наш донецкий уголь. Мы согреем ваши дома. И пусть наша горячая любовь согревает вас»¹⁴.

На фабриках и заводах, в колхозах и совхозах страны проводился сбор средств в фонд восстановления Ленинграда. Так, работники заготовительных организаций Старо-Юрьевского района Тамбовской области из своих личных сбережений собрали на восстановление Ленинграда 70 тыс. руб.¹⁵ В Армянской ССР трудящиеся Степанакертского района собрали в фонд восстановления Ленинграда 900 тыс. руб. «Эта братская помощь и забота о Ленинграде вдохновляет ленинградцев и придает им новые силы»¹⁶, – говорилось в телеграмме секретаря ЛО и ГК ВКП(б) А.А. Жданова от 30 марта 1944 г. секретарю КП(б) Армении.

Помощь Ленинграду оказывали также коллективы ленинградских заводов, культурно-просветительных учреждений, эвакуированных вглубь страны. Например, коллектив Ленинградского государственного Малого оперного

театра, находясь в Чкалове, собрал 30 тыс. руб. на восстановление памятников культуры Ленинграда и его пригородов, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками, и 45 тыс. руб. в фонд помощи детям ленинградских фронтовиков¹⁷. В июне 1944 г. коллектив завода им. М.И. Калинина направил в фонд восстановления Ленинграда три вагона дефицитных металлов и инструментов¹⁸. Трудящиеся тыла оказывали помощь Ленинграду строительными материалами, оборудованием, сырьем, топливом, которые были столь необходимы для восстановления народного хозяйства города. Они брали социалистические обязательства о посылке в Ленинград продукции, изготовленной сверх плана, в нерабочее время, приобретенной на личные средства.

Лучшие люди предприятий выделялись в состав делегаций, которые направлялись с производственными подарками в Ленинград. 150 тыс. листов кровельного железа прокатили сверх плана для Ленинграда рабочие металлургического завода г. Лысьвы Пермской области.

В августе 1944 г. вольские цементники отправили в подарок Ленинграду 50 вагонов цемента, выпущенного ими сверх плана¹⁹. Коллектив Угловского известкового завода совместно с трудящимися района отправил в Ленинград 25 и 26 мая 1944 г. 42 вагона извести и камня²⁰.

Для скорейшего восстановления Ленинграда тысячу тонн асфальта прислали трудящиеся Октябрьского района г. Сызрани и рабочие Батракского асфальтового завода²¹. В феврале 1944 г. из Куйбышева в Ленинград был направлен эшелон строительных материалов, готовился к отправке второй²². Помощь инструментами и различными строительными материалами оказывали Ленинграду коллективы заводов Свердловска: «Уралмаш», завод пластмасс и другие.

В мае 1944 г. жилищные работники Москвы отправили в подарок ленинградцам три вагона строительных материалов и инструментов, изготовленных сверх плана коллективами заводов треста Мосжилуправления. Председатель исполкома П.С. Попков и начальник Ленжилуправления Мотылев в ответной телеграмме заверили москвичей, что все присланное поможет быстрейшему залечиванию ран, нанесенных фашистскими варварами Ленинграду. В ноябре 1944 г. коллектив одного из московских заводов изготовил в подарок трудящимся Ленинграда 1 тыс. шт. арматуры²³.

В июле 1944 г. рабочие, служащие и инженерно-технические работники лесного хозяйства Архангельской области отправили в Ленинград два эшелона пиломатериалов и строительного леса²⁴. 29 февраля 1944 г. состоялось собрание актива Котласской городской партийной организации. Начальник Северо-Печорской железной дороги т. Малькевич в своем выступлении рассказал о работе, которую проводит коллектив дороги по оказанию помощи в восстановлении Ленинградской железной дороги, в первую очередь лесом и топливом²⁵.

В июле 1943 г. железнодорожники Северо-Печорской дороги послали железнодорожникам Ленинградского узла свой первый подарок – 800 т печорского угля, сэкономленного коллективом дороги. Т. Малькевич привел пример высокого советского патриотизма машиниста депо Северо-Печорской железной дороги станции Кулой П.Х. Завидея²⁶. Узнав о тяжелом положении Ленинграда, П.Х. Завидей обратился в наркомат путей сообщения с просьбой разрешить ему купить на собственные деньги и доставить в Ленинград эшелон с дровами. Просьба была удовлетворена. 13 февраля 1944 г. от Завидея на счет № 8 было переведено 5962 руб. В течение нескольких суток без отдыха П. Х. Завидей (вместе с помощником Е. Ситовым) вел эшелон в Ленинград. На паровозе плакат: «Подарок от машиниста станции Кулой Северо-Печорской дороги П.Х. Завидея». Поезд шел по «зеленой улице». Ленинградцы сердечно встретили патриота. В Смольном он был награжден грамотой и именными часами²⁷. По приему Завидея воинская часть в Кулое вместе со всем коллективом Кулойского узла приобрела за счет экономии маршрут угля и отправила в подарок Ленинграду²⁸.

¹¹ Ныне Донецк.

Сотрудники треста «Печорлес» взяли обязательство к XXVII годовщине Октябрьской революции отправить Ленинграду на восстановление разрушенных зданий эшелон круглого леса. В сентябре уже началась подготовка леса к отгрузке²⁹.

Десятки вагонов строительных материалов были направлены для восстановления Ленинграда трудящимися Кировской, Костромской, Ленинградской и других областей.

Металлурги Чермоозского завода Молотовской области решили помочь трудящимся Ленинграда и Киева в восстановлении исторических культурных памятников, разрушенных гитлеровскими захватчиками. Этот патристический почин вдохновил сталеваров, прокатчиков на новые трудовые подвиги. Бригады и цеха вступили в соревнование за внесение в фонд восстановления Ленинграда и Киева большего количества уральского стального проката. 19 июня 1944 г. 150 т высококачественной стали было отгружено Ленинграду. В телеграмме коллектива металлургов от 19 июня 1944 г. секретарю ЛО и ГК ВКП(б) А.А. Жданову говорится: «Коллектив гордится тем, что на его долю выпала честь участвовать в восстановлении славного русского города, колыбели пролетарской революции, города-воина, прославившего себя на весь мир. Знайте, дорогие ленинградцы, что за вашим самоотверженным трудом по возрождению города следит весь Урал, и, если понадобится, каждое предприятие посчитает для себя гордостью принять участие в восстановлении героического Ленинграда»³⁰.

Исключительную ценность приобретала помощь трудящихся республик и областей, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. Переживая огромные трудности, они протянули руку братской помощи Ленинграду. Из Воронежской области было отгружено Ленинграду 3 тыс. т комового мела³¹.

Из Литовской ССР прибыло большое количество строительных инструментов. В июле 1944 г. с большой радостью была встречена ленинградцами делегация лесорубов только что освобожденной Красной армией от гитлеровских оккупантов Карело-Финской Советской республики. Она сопровождала эшелон из 40 платформ строительного леса, который был заготовлен лесорубами во внеурочное время, на массовых субботниках и воскресниках, и отправлен в качестве подарка трудящимся Ленинграда для восстановления народного хозяйства³².

На заводе им. Халтурина, которому были переданы присланные лесоматериалы, состоялся митинг. Рабочие завода горячо благодарили трудящихся Карелии за драгоценный подарок и в ответном письме заявляли. «Сейчас, когда перед ленинградцами стоит задача – в кратчайший срок восстановить промышленность, жилищное и коммунальное хозяйство нашего города, вернуть ему былую славу, сделать его еще краше, вы, дорогие товарищи, проявили благородный почин, заготовив во внеурочное время 545 кубометров леса... Мы рассматриваем ваш подарок как одно из проявлений несокрушимой дружбы народов Советской Родины, сцементированной совместно пролитой кровью на полях сражений в гигантской борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины»³³. Председатель Ленгорисполкома П.С. Попков и секретарь ЛГК А.А. Кузнецов, поблагодарив от имени ленинградцев лесорубов, писали: «Присланный вами строительный лес послужит ценным вкладом в дело восстановления наших жилищ, коммунального хозяйства и промышленности города». Они пожелали больших успехов трудящимся Карело-Финской ССР в возрождении их родных городов и сел, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками³⁴. 4 апреля 1945 г. ЦК ВКП(б) Эстонии и Совнарком Эстонской ССР в телеграмме председателю Ленгорисполкома Советов депутатов трудящихся сообщили, что в знак дружбы между Эстонией и Ленинградом направляют ленинградцам маршрут со строительными материалами в составе 10 вагонов стекла, 10 вагонов цемента и 20 вагонов строительного леса и желают успеха в их работе по залечиванию ран, нанесенных героическому Ленинграду фашистскими захватчиками³⁵.

Для возрождения и развития промышленности, коммунального хозяйства Ленинграда, для работы транспорта особенно необходимы были уголь и жидкое топливо. На помощь пришли трудящиеся Казахстана, Кузбасса, Подмосковского угольного бассейна, Ростовской области, Коми АССР. В Кузбассе в январе 1943 г. коллектив шахты «Зиминка» послал защитникам Ленинграда эшелон угля, добытого сверх плана. 24 января горняки встали на фронтную вахту сроком на одну неделю, чтобы всю сверхплановую добычу угля за это время отправить в Ленинград³⁶. Коллектив Ивано-Владимирской шахты Епифановского района Тульской области 31 января 1943 г. отгрузил Ленинграду 319 т (21 вагон) угля, добытого сверх плана, 2 февраля – 373 т³⁷.

Горняки г. Новошахтинска Ростовской области 4 июня 1943 г. за счет сверхплановой добычи отправили в подарок трудящимся Ленинграда эшелон высококачественного антрацита³⁸. С воодушевлением трудились комсомольцы и молодежь Карагандинского угольного бассейна Казахской ССР, взяв обязательство в январе 1943 г. добыть для Ленинграда в неурочное время 15 эшелонов угля. Секретарь комитета комсомола шахты № 19 Ковальчук выдал 15 т угля, навалотбойщик Роголев – 18 т. Коллектив 5-го участка шахты № 20 на четыре дня раньше срока выполнил месячное задание. В день Красной армии комсомольцы рапортовали о выполнении своего обязательства – добыли в неурочное время и подготовили к отправке в подарок Ленинграду более 20 тыс. т угля³⁹. В августе 1943 г. горняки Воркуты отправили в Ленинград 10 эшелонов угля, добытого сверх плана⁴⁰. 7 августа состоялись проводы первого эшелона, которые вылились в грандиозную демонстрацию нерушимого единства и дружбы советских людей. Паровоз и вагоны были украшены транспарантами и лозунгами. На паровозе надпись: «Героическому Ленинграду от горняков Заполярья», карта маршрута и большая красная звезда, как бы освещающая советским патриотам путь к городу-герою. Эшелон сопровождала делегация горняков в составе заместителя начальника политотдела Сухина, главного инженера шахты Филонова и мастера угля Ветошкина. На митинге после напутственных речей начальников шахт Иванова и Фомина, секретаря парторганизации шахты Марета было зачитано письмо горняков Заполярья рабочим Ленинграда, единодушно принятое и подписанное делегатами всех предприятий Воркуты. В этом письме шахтеры взяли новое обязательство – отправить ленинградцам к XXVI годовщине Октябрьской революции 30 эшелонов угля, добытого сверх плана.

В апреле-мае 1944 г. горняки Воркуты самоотверженно трудились, чтобы вновь добыть сверх плана 10 тыс. т угля для Ленинграда. Социалистическому соревнованию была представлена широкая гласность. Местное радио ежедневно передавало информацию о ходе соревнования бригад, участков, шахт, в коллективах выпускались боевые листки, газеты. 23 мая 1944 г. начальник комбината «Воркутауголь» Мальцев и начальник политотдела Иванов телеграфировали в Ленинград тт. Жданову, Попкову, Кузнецову о том, что, желая помочь трудящимся героического Ленинграда в восстановлении хозяйства, разрушенного немецко-фашистскими варварами, коллектив угольщиков комбината «Воркутауголь» добыл сверх плана и приобрел на свои личные средства для ленинградцев 10 эшелонов угля⁴¹. 28 июня эшелон угля в качестве подарка в сопровождении делегации были направлены в Ленинград. В 19 часов транслировался митинг, посвященный отправке эшелонов угля.

29 сентября 1944 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло решение об установлении шефства над Воркутой⁴². Ленинградцы выделяли для воркутян оборудование, технические материалы, посылали специалистов, отправляли литературу, газеты, кинофильмы. А шахтеры, в свою очередь, помогали шефам топливом. На шахтах Воркуты, где шла упорная борьба за уголь, победителям социалистического соревнования вручалось переходящее Красное Знамя Ленгорсовета депутатов трудящихся. Так, 17 октября 1944 г. по результатам итогов соревнования за

III квартал переходящее Красное Знамя было присуждено шахте № 3. Вручение Красного Знамени было поручено делегации, которая направлялась к горнякам Воркуты на празднование XXVII годовщины Октябрьской революции. К ее приезду в Воркутинском бассейне развернулось движение за сверхплановую добычу угля для Ленинграда. В частности, железнодорожники Воркуты, помимо выполнения прямых обязанностей, спускаясь в шахты, добыли эшелон угля, который направили в подарок работникам Октябрьской железной дороги⁴³. Руководители комбината «Воркутуголь», поздравляя трудящихся Ленинграда с праздником, пожелали успеха в их большой восстановительной работе. С 1 января 1943 г. по 1 января 1945 г. Воркута дала Ленинграду 551,9 тыс. т угля: в 1943 г. – 195,3 тыс. т, в 1944 г. – 356,6 тыс. т⁴⁴. Новым подтверждением нерушимой дружбы трудящихся Ленинграда и горняков Воркуты явилась отправка в Ленинград 8 января 1945 г. эшелона угля, добытого сверх плана и приобретенного на средства трудящихся комбината. 25 апреля инициатор предмайского соревнования – коллектив шахты № 4 отправил в Ленинград в качестве подарка эшелон угля⁴⁵. Коллективы Интастроа и Печорстроа оказали также значительную помощь в восстановлении Ленинграда. 24 июля 1943 г. делегаты Печорстроа сообщили в Леноблисполком, что кольцевым замкнутым маршрутом из Череповца ведут в Ленинград эшелон угля, купленный на личные сбережения работников Печорстроа в подарок рабочим Ленинграда⁴⁶. 26 июля эшелон прибыл в Ленинград. Тепло, по-братски встретили делегатов ленинградцы. По возвращении из поездки делегаты рассказывали, что их поразили порядок и чистота на улицах Ленинграда, все скверы засажены овощами, очень много женских бригад работает на восстановлении города: разбирают разрушенные здания, закладывают новые, штукатурят стены, асфальтируют улицы, ремонтируют водопровод, работают на электросети. Население огромного города живет одной мыслью, одной целью – победить врага, восстановить город, улучшить жизнь. В 1944 г. тоже был направлен в Ленинград эшелон угля, приобретенного на трудовые сбережения рабочих и служащих. В начале января 1945 г. коллектив Печорстроа, желая помочь ленинградцам в быстром восстановлении города, собрал 127 тыс. руб. для приобретения новых эшелонов угля в подарок городу-герою. Горняки Интастроа, воодушевленные победами Красной армии, добыли сверх плана три эшелона угля и в январе 1945 г. в сопровождении делегации отправили в Ленинград. В первомайском соревновании шахтеры обязались добыть и отгрузить в Ленинград сверх плана два маршрута угля. 10 мая 1945 г. они были доставлены в Ленинград⁴⁷. Из Коми АССР в Ленинград доставлялось жидкое топливо. Так, нефтяники Ухтинского комбината к XXVI годовщине Октябрьской революции послали ленинградцам два эшелона нефти и нефтепродуктов, добытых сверх плана⁴⁸, а к первомайскому празднику 1944 г. 3 тыс. т сверхплановой нефти⁴⁹. В Казахстане комсомольцы и молодежь нефтепромыслов Эмбы Гурьевской области в марте 1943 г. добыли сверх плана 1400 т нефти для Ленинграда⁵⁰. Нефть в качестве подарка специальным эшелонам была доставлена в Ленинград. Для восстановления народного хозяйства Ленинграда необходимы были кадры рабочих, а в результате блокады, ухода большинства рабочих на фронт, эвакуации их с предприятий города испытывал острейший дефицит кадров. Страна пришла на помощь в решении этой важнейшей проблемы. Наряду с реэвакуацией рабочих, ранее работавших на ленинградских предприятиях (на 1 июля 1944 г. было реэвакуировано свыше 80 100 человек), кадры пополнялись за счет набора новых рабочих-добровольцев из Ярославской, Саратовской, Свердловской, Калининской, Кировской и других областей РСФСР. В июне 1944 г. 110 выпускников строительной школы ФЗО № 4 г. Иванова прибыли в Ленинград для работы по восстановлению города⁵¹. Всего за 1944 г. ленинградская промышленность пополнилась 87 тыс. новых рабочих, инженерно-технических работников и служащих⁵².

Но все же основная тяжесть работ по восстановлению легла на плечи ленинградцев. А им, стойко выдержавшим величайшие испытания блокады в 1941–1942 гг. и в последующее время, было нелегко. Организм, ослабленный голодом, не мог сразу прийти в норму. В результате бомбежек и артобстрелов многие лишились не только крова, но и личного имущества, не хватало предметов первой необходимости. Война неумолимо оставляла свой след. А работа по восстановлению города, для фронта и страны требовала немалого напряжения сил. Поэтому большое значение для ленинградцев имела всенародная помощь продовольствием, медикаментами, предметами первой необходимости, забота о восстановлении и укреплении их здоровья, об улучшении условий жизни и труда.

Колхозники Новосибирской области в январе 1943 г. провели неделю усиленной помощи Ленинграду; в феврале в Красноярском крае была проведена декада помощи ленинградцам. На Алтае по инициативе колхозников сельхозартели «Ленинградец» была организована неделя помощи Ленинграду. 27 января 1943 г. на общем собрании артели колхозники приняли обращение «Ко всем колхозникам и колхозницам, ко всем трудящимся Алтайского края о проведении недели помощи Ленинграду». В нем они писали: «Мы хорошо помним и никогда не забудем ту помощь, которую оказал Ленинград деревне в первые годы колхозного строительства. Лучших своих сыновей послал Ленинград в числе двадцатипяти тысячников на работу в только что рожденные колхозы <...> Своими успехами колхозы во многом обязаны пролетарскому Ленинграду. Вся страна помогает ленинградцам залечивать раны вражеской блокады. Пусть в этом новом патриотическом движении за оказание помощи Ленинграду будет и наш вклад. Колхозники сельхозартели в один вечер выделили для ленинградцев из своих запасов 206 пудов хлеба, 30 пудов мяса, 56 пудов овощей, 308 пудов картофеля, 4 пуда сахара, 50 литров молока, 500 яиц, 9 килограммов махорки и 20 300 руб. деньгами. Сбор продуктов продолжается. Пусть наш скромный дар положит начало организации посылки эшелона продуктов героическому Ленинграду». Этот почин поддерживали все колхозники, все трудящиеся Алтайского края. Право послать делегацию, говорилось в обращении, будет иметь тот район, который добьется наилучших результатов по выполнению обязательств перед государством и сбору продуктов для эшелона⁵³. Успешно закончив сельскохозяйственный год, колхозники Ярославской области послали в подарок трудящимся Ленинграда эшелон с продовольствием в количестве 529 т: мясо, масло, картофель и другие продукты. «Просим принять этот подарок в знак дружбы колхозников Ярославской области с трудящимися Ленинграда», – писал секретарь обкома ВКП(б) тов. Жданову 5 ноября 1943 г.⁵⁴ 37 вагонов продовольственных подарков прислали в Ленинград трудящиеся Киргизии⁵⁵, 50 вагонов – трудящиеся Казахстана⁵⁶, 84 т картофеля в качестве подарка послали ленинградцам комсомольцы Вологды⁵⁷.

В июле 1944 г. трудящиеся Мурманск в сопровождении делегации отправили в Ленинград два состава рыбы⁵⁸. В Омской области по инициативе рабочих, инженерно-технических работников и служащих Ново-Ревельского маслозавода, Горьковского молкомбината, Крутинского раймаслодела и ряда других маслозаводов и колхозов маслоделы решили отправить к XXVI годовщине Октябрьской революции трудящимся Ленинграда и воинам Ленинградского фронта сверхплановый поезд с маслом и молочными продуктами, выработанными из молока, собранного в фонд Красной армии. Обком ВКП(б) поддержал эту инициативу и призвал секретарей райкомов возглавить этот почин. Среди работников маслодельной промышленности области широко развернулось социалистическое соревнование под лозунгом «Работать так, как сражаются ленинградцы».

Сотни колхозов также активно участвовали в этом патриотическом движении. Оперативное руководство сбором подарков было возложено на районные комиссии. 26 октября 1943 г. специальный сверхплановый поезд в соста-

ве 20 вагонов с маслом и молочными продуктами был отправлен в Ленинград⁵⁹. В ответном письме секретарю Омского обкома ВКП(б) и председателю областного Совета депутатов трудящихся руководители Ленинграда благодарили за оказанную помощь и отмечали, что трудящиеся города, как и весь советский народ, не покладая рук работают на заводах и фабриках, на транспорте, в сельском хозяйстве, восстанавливают разрушенные вражескими бомбежками и артобстрелами дома, улицы, проспекты. Они прилагают все усилия, чтобы ускорить радостный день победы над немецко-фашистскими захватчиками.

В 1944 г. к годовщине Октябрьской революции маслоделы вновь отправили ленинградцам маршрутный поезд с маслом и молочными продуктами⁶⁰. 17 декабря 1944 г. ленинградцам в качестве подарка из Москвы было выслано 189 ящиков (14 т) медикаментов⁶¹.

Партия подняла и организовала советский народ на оказание помощи в восстановлении народного хозяйства в районах, Ленинградской области, освобожденных от немецко-фашистской оккупации. Восстановление началось в 1942 г. после разгрома фашистских войск под Тихвином и освобождения от оккупантов Тихвинского, Дрегельского и нескольких других районов. Под руководством райкомов партии, которые повсюду начали действовать, и советских органов труженики села на опустошенной земле самоотверженным трудом возрождали колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции, восстанавливали промышленность, культурно-бытовые учреждения. В 1943 г. эта работа возрастала по мере освобождения районов от оккупантов, а в 1944 г., после полного освобождения области, проводилась в еще больших масштабах.

Руководствуясь постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. о помощи освобожденным районам, бюро ЛО ВКП(б) в октябре 1943 г. приняло решение «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах Ленинградской области, освобожденных от немецкой оккупации и подвергшихся эвакуации». В апреле 1944 г. важнейшие вопросы восстановления обсуждались на Пленуме ЛОК ВКП(б). В 1944 г. СНК СССР были приняты постановления «Об оказании помощи Ленинградской области по восстановлению колхозов и МТС в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и «О восстановлении совхозов в Ленобласти».

Государство на эти цели ассигновало 146 млн руб.⁶² По решению правительства из тыловых районов страны в Ленобласть направлялись трактора для восстановления МТС и МТМ, станочное оборудование и строительные материалы, скот, семена для посевов и т.д. Так, в телеграмме А.А. Жданова от 12 апреля 1944 г. секретарю Горьковского обкома ВКП(б) говорилось: «Согласно распоряжению Совнаркома Союза от 16 марта и постановлению Совнаркома Союза от 3 апреля Горьковская область должна выделить 3000 тонн семенного зерна и 100 тракторов с плугами для освобожденных от немецких захватчиков районов Ленинградской области. Очень прошу оказать эту ценную помощь по возможности своевременно, т. е. до начала весенних полевых работ, приняв необходимые меры к быстрой отгрузке семенного зерна и тракторов с плугами»⁶³. Задание правительства было выполнено.

Также была послана телеграмма в Совнарком УССР, где указывалось, что по распоряжению Совнаркома СССР из Украины должны отгрузить 2000 т картофеля на посевные цели, необходимо ускорить его отгрузку в Ленинград. 8 октября 1943 г. из Астрахани в Ленинградскую область была отгружена 81 цистерна тракторного керосина, в конце октября из Ярославля – семь цистерн бензина⁶⁴.

Государство предоставляло орудия колхозникам на приобретение скота, семян, для строительства домов и т.д. Хозяйства, особенно сильно пострадавшие во время оккупации, были освобождены от обязательных поставок государству.

На помощь освобожденным районам пришли трудящиеся республик, краев и областей страны. Характерной формой этого патриотического движения было шефство трудящихся тыла над освобожденными районами. Трудя-

щиеся Западно-Казахстанской области, желая помочь трудящимся освобожденных районов Ленинградской области, решили взять над ними шефство. Западно-Казахстанский обком КП(б) Казахстана, выражая волю трудящихся области, в телеграмме ЛО и ГК ВКП(б) просил выделить 15 освобожденных районов, над которыми будут шефствовать районы Западно-Казахстанской области. Он заверил, что «они помогут всеми силами залечить раны, нанесенные фашистами подшефным районам»⁶⁵. В ответной телеграмме секретаря ЛО и ГК ВКП(б) А.А. Жданова от 4 июля 1942 г. сообщалось, что выделены районы, которые особенно нуждались в шефской помощи, – Тихвинский, Маловишерский, Волховский, Дрегельский, Мгинский, Киришский, Чудовский, Мстинский, Залучский, Молвотицкий, Поддорский, Демянский, Лычковский, Полавский, Новгородский⁶⁶. Колхозники сельхозартели имени Фрунзе выступили инициаторами шефства колхозников Зеленовского района Западно-Казахстанской области над Тихвинским районом. Они обратились ко всем колхозникам, рабочим совхозов, МТС, ко всем трудящимся Западного Казахстана с призывом последовать их примеру и каждому району области взять шефство над одним из районов Ленинградской области. «Наша Казахская республика своими хозяйственными успехами, расцветом культуры во многом обязана нашим братьям-ленинградцам, – говорилось в обращении колхозников сельхозартели им. Фрунзе от 11 августа 1942 г. – И мы считаем своим долгом помочь трудящимся освобожденных районов Ленинградской области в их жизни и работе. Наше внимание, наша дружба, наша помощь дадут новые силы трудящимся Ленинградской области в борьбе за восстановление разрушенного фашистскими варварами хозяйства»⁶⁷. Внося свой вклад, колхозники сельхозартели им. Фрунзе послали колхозам и трудящимся Тихвинского района 1500 ц пшеницы и проса, 300 ц картофеля, 70 голов скота и 40 тыс. руб. деньгами. Кроме того, каждый трудоспособный колхозник обязался отчислить 3% всех доходов, причитающихся ему на заработанные трудодни за год⁶⁸. Предложение колхоза им. Фрунзе о принятии шефства над Тихвинским районом было одобрено райкомом партии и райисполкомом.

Его единодушно поддержали все колхозники Зеленовского района. На митингах и собраниях в колхозах и совхозах Тихвинского района горячо обсуждалось письмо зеленовских колхозников о принятии шефства. После прочтения письма в колхозе «Смычка» полевод тов. Балаболин сказал: «Самое дорогое, что трудящиеся Западного Казахстана помнят и заботятся о тех, кто пережил тяжелые дни немецкой оккупации. При такой дружбе народов страна наша непобедима»⁶⁹. В ответном письме фрунзенцам трудящиеся Тихвинского района благодарили за помощь, рассказали о неслыханных муках и зверствах, которым подвергали фашисты мирное население, об ущербе, нанесенном их общественному и личному хозяйству. Своим шефам тихвинцы дали обещание еще лучше работать, усилить помощь фронту и героическому Ленинграду. «При помощи Советского государства, при вашей помощи, родные наши братья и сестры далекого Зеленовского района, мы, трудящиеся Тихвинского района, быстро залечим свои раны, восстановим все наше народное хозяйство, разрушенное и испепеленное гитлеровскими оккупантами»⁷⁰, – писали тихвинцы своим шефам из Казахстана. Письмо было принято на общих собраниях в колхозах и совхозах, МТС, лесопунктах, промышленных предприятиях, организациях и учреждениях Тихвинского района. Газета «Социалистическая стройка» – орган Тихвинского райкома партии и райисполкома на своих страницах освещала помощь шефов, их переписку с подшефным районом, проезд делегаций и т.д. В газете появился новый раздел, где систематически печатались корреспонденции о самоотверженном труде тихвинцев по восстановлению народного хозяйства и их помощи фронту.

В Западной Казахстане в областной газете «Приуральская правда» и в районных газетах также появился новый раздел «Для братьев-ленинградцев». Благородный почин колхозников сельхозартели им. Фрунзе Зеленовского рай-

она о принятии шефства над районами Ленинградской области, освобожденными Красной армией от фашистских оккупантов, нашел горячий отклик среди трудящихся Западно-Казахстанской области. Повсеместно прошли собрания по обсуждению обращения зеленцовцев о помощи ленинградским колхозникам, и каждый район принял шефство над одним из районов Ленинградской области. На собрании в колхозе им. XVII партсъезда Каменского района бригадир полеводческой бригады Темиргали Бекешев, выражая мнение всех членов колхоза, заявил: «С большой радостью одобряю замечательную инициативу фрунзенцев. Ленинградцы помогли Казахстану в свое время. Сейчас мы должны помочь братьям, должны и будем помогать до полной победы над гитлеровскими головорезами»⁷¹. Колхозники артели решили кроме хлеба, скота отчислить в пользу трудящихся Ленинградской области 3% от своих годовых доходов, а колхозники артели «13 лет Октября» – 6%, члены колхоза «Жана-Жол» – 10%. Такие же решения приняли около 30 колхозов района⁷². Трудящиеся Чингирлауского района взяли шефство над Дрегельским районом, Приуральского – над Маловишерским, Джембейтинекского – над Мгинским, Теректинского – над Новгородским и т.д. Помощь освобожденным районам Ленинградской области оказывали также Каратюбинский, Чапаевский, Урдинский, Бурлинский и другие районы. 29 сентября 1942 г. Западно-Казахстанский обком сообщил в Ленинградский областной комитет ВКП(б), что колхозники Западного Казахстана для подшефных районов Ленинградской области выделили 5000 голов рогатого скота, 60 000 ц зерна, 4600 кг масла, 1 млн 500 тыс. руб. и 2,5% трудодней⁷³. Все более крепили связи Западного Казахстана с колхозниками Ленинградской области. В октябре 1943 г. шефы собрали для освобожденных районов Ленобласти 36 тыс. пудов мяса, 12 тыс. пудов овощей, много хлеба⁷⁴. Заместитель председателя Казахской республики И. Тажиев, выступая на страницах газеты «Казахстанская правда» 22 июня 1944 г., писал, что дело возрождения освобожденных районов стало кровным делом всего Казахстана. В Бурят-Монгольской АССР колхозники выделяли для ленинградских колхозов скот из общественных ферм и личных хозяйств. Только на 23 марта 1942 г. по республике было выделено 869 голов крупного рогатого скота, много овец, коз и свиней. Особенно отличились колхозники Закаменского и Селенгинского аймаков⁷⁵. Братскую помощь в восстановлении сельского хозяйства, особенно животноводства, освобожденных районов Ленинградской области оказывали трудящиеся Вологодской и Архангельской областей. Они следовали замечательному почину ярославских и ивановских колхозников по оказанию помощи освобожденным районам страны. В Архангельской области в июне 1943 г. инициатором шефства над районами, пострадавшими от немецких оккупантов, выступили колхозники Карпогорского района. Они поручили секретарю райкома партии обратиться в Ленинградский обком ВКП(б) с просьбой указать один из освобожденных районов области для оказания ему помощи в восстановлении животноводства. В полученном ответе было указано, что желательнее взять шефство над Демянским районом⁷⁶. Во всех колхозах Карпогорского района были проведены митинги, на которых колхозники брали дополнительные обязательства по оказанию помощи освобожденным районам Ленобласти. Так, колхозники сельхозартели «Коллективист» Быстровского сельсовета, где были приняты обязательства вырастить шесть голов крупного рогатого скота и 11 овец, решили дополнительно вырастить еще четыре головы крупного рогатого скота. Коллектив колхоза «Красный пахарь» Карпогорского сельсовета принял обязательство вырастить дополнительно к взятому обязательству семь голов крупного рогатого скота и пять голов мелкого скота⁷⁷. Карпогорский РК ВКП(б) сообщил Демянскому РК ВКП(б) и райисполкому, что колхозы Карпогорского района выращивают для Демянского района 130 голов крупного рогатого и 120 голов мелкого скота. Архангельский обком партии одобрил инициативу колхозников Карпогорского района, взявших шефство над колхозами Демянского района по восстановлению живот-

новодства, и обязал райкомы ВКП(б) обсудить во всех колхозах области эту инициативу, организовать широкую помощь районам Ленобласти, освобожденным от немецко-фашистских оккупантов.

Секретарь обкома партии просил сообщить в Ленобком партии названия районов, которым необходимо оказать помощь в восстановлении животноводства. 8 июля 1943 г. из Ленинграда была получена телеграмма в адрес секретаря обкома партии: «Передайте колхозникам Архангельской области благодарность за братскую заботу и помощь в восстановлении животноводства в колхозах Ленинградской области, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. Желательно принять шефство над Лычковским, Тихвинским, Маловишерским, Молвотицким, Киришским и Волховским районами. Секретарь ЛОК А. Жданов»⁷⁸. 14 июля 1943 г. состоялось заседание бюро Архангельского обкома партии о шефстве колхозов Архангельской области над колхозами Ленинградской области, освобожденными от немецко-фашистских захватчиков.

На бюро отмечалось, что по примеру Карпогорского района, взявшего шефство по оказанию помощи в восстановлении животноводства колхозам Демянского района Ленинградской области, широко развернулась работа по выделению скота для колхозов, пострадавших от немецко-фашистской оккупации, в других районах области. Придавая большое политическое значение этому важнейшему мероприятию, бюро обкома постановило: 1) создать областную комиссию для руководства шефством колхозов Архангельской области над колхозами Ленинградской области и организации помощи в восстановлении животноводства колхозам, освобожденным от немецкой оккупации, в составе: секретарь обкома ВКП(б) т. Власов (председатель), секретарь обкома ВКП(б) по животноводству т. Парфенов, зам. председателя облисполкома т. Жданов. РК ВКП(б) было предложено создать районные комиссии по руководству шефством над колхозами, пострадавшими от немецко-фашистских захватчиков⁷⁹.

Телеграмма А.А. Жданова от 8 июля 1943 г. была напечатана в областной газете «Правда Севера», где указывалось, что помощь колхозам освобожденных районов – благородное патриотическое дело каждого колхозника. Задача руководителей партийных, советских, земельных органов – широко разъяснять телеграмму т. Жданова всем колхозникам, помочь им хорошо наладить шефскую работу, улучшить содержание, уход за скотом, больше заготавливать кормов для общественного животноводства. Она обсуждалась во всех колхозах и вдохновляла колхозников на еще более дружную и активную помощь районам, пострадавшим от немецко-фашистских оккупантов. Колхозники одного или нескольких районов брали шефство над одним из районов Ленинградской области, шефствовали над сельсоветами. Колхозники Ровдинского района, обсудив телеграмму А.А. Жданова, решили поддержать инициативу колхозов Карпогорского района и взяли шефство над Киришским районом Ленобласти. Для руководства шефством при райкоме была создана комиссия в составе трех человек под председательством второго секретаря РК ВКП(б) т. Мартынова⁸⁰. Колхозники сельхозартелей «Красная новь», «Новая жизнь», «Серп и молот», «Восход», «1-е мая» Верхнеаденского сельсовета обратились с письмом в Ленинградский областной совет депутатов трудящихся с просьбой указать один из сельских Советов для принятия над ним шефства и выделили подшефным колхозам 30 голов крупного рогатого скота, 20 овец и 10 свиней. Ленский и Котласский районы приняли шефство над Молвотицким районом.

Только в 10 сельсоветах Котласского района выращивали для молвотицких колхозов 117 голов крупного рогатого скота, шесть свиней и около 70 овец. В сентябре 1943 г. из Котласа вышел маршрут со скотом (230 голов) для колхозов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. Его сопровождали колхозники-гуртовщики⁸¹.

Для укомплектования животноводческих ферм колхозов, Клинецкого, Ильинского и других сельских советов Тихвинского района архангельские колхозники выделили

651 голову крупного рогатого скота, 277 овец и 17 свиней⁸². Приморский и Плесецкий районы шефствовали над Лычковским районом, Конюшский и Нядомский над Маловишерским.

Шефство проводилось и над отдельными колхозами. Колхозы Архангельской области, помогая колхозам районов Ленинградской области, освобожденным от немецко-фашистских оккупантов, в 1943 г. отправили 1590 голов крупного рогатого скота, в начале 1944 г. – 2730 голов, а всего в 1944 г. было выделено колхозами области 10 000 голов крупного рогатого скота, 4000 овец, для МТС – 80 тракторов, 50 плугов для работы на тракторах направлены 50 трактористов. Для оказания помощи семенами выделено 60 тыс. пудов зерна⁸³.

Секретарь Архангельского обкома ВКП(б) т. Огородников 30 апреля 1944 г., сообщая в Ленинградский обком партии об оказанной помощи ленинградским колхозам, заверил, что трудящиеся Архангельской области примут все меры к быстрейшему восстановлению хозяйства районов Ленобласти, пострадавших от немецких оккупантов, и тем самым окажут помощь героической Красной армии в окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков.

Шефствовали над колхозами Ленобласти и колхозы Вологодской области, помогая им семенами, хлебом, овощами, картофелем, скотом. Они следовали примеру колхозников Ивановской области, где труженики Острецовского колхоза взяли шефство над колхозом «Вперед к социализму» Сычевского района Смоленской области, пострадавшим от гитлеровских оккупантов, и на страницах газеты «Правда» 29 мая 1943 г. обратились ко всем колхозникам Советского Союза с призывом последовать их примеру.

Колхозники сельхозартели «Северная заря» Вологодского района взяли шефство над колхозом «Кооператор» Волховского района Ленинградской области. За период его оккупации гитлеровцами было сожжено 40 дворов из 75, имевшихся до войны, из общественного стада не осталось ни одной коровы, уцелели только две лошади⁸⁴. Колхоз «Правда Севера» Вологодского района взял шефство над колхозом «Весенний луч» Волховского района. Шефы выделили из своих животноводческих ферм часть продуктивного поголовья, выращенного сверх государственного плана, а также из личных хозяйств колхозников. Для колхоза «Кооператор» было выделено 30 голов крупного рогатого скота, для колхоза «Весенний луч» – 25 голов крупного рогатого скота и мелкий скот. Шефы обязались оказывать помощь до полного восстановления хозяйства.

В Вологодском районе колхозники девяти колхозов выделили для освобожденных районов 58 голов скота, в Никольском районе – 35 голов крупного рогатого скота и 500 овец, в Борисове – 600 голов скота⁸⁵. Бюро Вологодского обкома партии 9 июня 1943 г., обсудив вопрос о помощи колхозам освобожденных районов, одобрило инициативу колхозов «Правда Севера» и «Северная звезда» Вологодского района, взявших шефство над колхозами Ленобласти, освобожденных от немецких захватчиков, и предложило райкомам ВКП(б) организовать обследование в колхозах обращения острецовских колхозников Ивановской области и колхозов «Правда Севера» и «Северная заря» Вологодского района с тем, чтобы это патриотическое начинание нашло живейший отклик в колхозах области. В постановлении бюро отмечалось, что следует больше привлекать колхозников к выращиванию в своих хозяйствах ягнят и птицы для колхозов, освобожденных от немецкой оккупации⁸⁶.

Патриотическое движение помощи освобожденным районам все шире развевалось среди вологодских колхозников. Впереди шли колхозы Вологодского сельского района. Еще во время сева они отправили ленинградцам 4514 пудов семян. Взяли шефство над Дрегельским районом и за полтора месяца отправили подшефным колхозам этого района из сверхпланового поголовья 904 головы крупного рогатого скота, 400 овец, 215 свиней и 27 лошадей⁸⁷.

В октябре 1943 г. колхозники Вологодской области отправили освобожденным районам Ленинградской области более 10 000 голов крупного рогатого скота, 5543 овец, 2000 свиней, 395 лошадей.

По решению Вологодского обкома ВЛКСМ от 27 апреля 1942 г. Уломский, Чагодащенский, Череповецкий, Вологодский, Устюженский РК ВЛКСМ и комсомольские организации МТС, МТМ взяли под особый контроль ремонт тракторов для районов, освобожденных от немецких захватчиков. При МТС и МТМ были созданы комсомольско-молодежные бригады по ремонту тракторов. Социалистическое соревнование среди механизаторов, трактористов и ремонтных рабочих способствовало быстрейшему и качественному ремонту тракторов⁸⁸.

В апреле 1944 г. в освобожденные районы Ленинградской области было отгружено 100 отремонтированных тракторов с плугами, а также трактора и плуги из Ивановской⁸⁹, Архангельской, Кировской, Пермской, Сталинградской областей⁹⁰. Для работы на машинно-тракторных станциях были направлены трактористы, которые сопровождали машины. В течение осени 1943 г. колхозами Ленобласти было принято из частей Волховского фронта, Ленинградского и Северо-Западного фронтов и 7-й отдельной армии 1961 жеребенок (рождения 1943 г.)⁹¹. Всего из различных районов страны в Ленинградскую область в 1944 г. были завезены 86 тыс. голов крупного рогатого скота, 85 тыс. овец, 23 тыс. свиней, 7,5 тыс. лошадей. Кроме того, было получено 1300 тракторов, значительное количество станочного оборудования и строительных материалов для восстановления МТС и МТМ. Помощь была оказана и семенами: прислано 75 тыс. ц семян зерновых культур, 19 тыс. ц льносемян и 500 т семян клевера⁹². Трудящиеся Вологодской, Ярославской, Кировской и других тыловых областей помогали реэвакуированию скота и МТС в Ленинградскую область.

Страна оказывала помощь освобожденным районам в культурно-массовой работе. Проводился сбор художественной, политической и научной литературы. Для его организации создавались специальные комиссии. Так, в Вологодской области в феврале 1942 г. проводился сбор литературы, и к 1 марта все книги были посланы в освобожденные районы. В июне 1944 г. было скомплектовано пять районных библиотек для Ленинградской области⁹³.

Всенародная помощь Ленинграду и Ленинградской области дала возможность быстрыми темпами восстановить народное хозяйство города и сельское хозяйство районов Ленинградской области, освобожденных от немецкой оккупации, что имело большое значение для укрепления и роста экономической и оборонной мощи Советского Союза, для обеспечения победы над врагом. Валовый выпуск промышленной продукции Ленинграда возрос с 1,4 млрд руб. в 1942 г. до 2,5 млрд руб. в 1943 г. и 3,6 млрд руб. в 1944 г. К концу 1945 г. промышленное производство составило 32% по сравнению с уровнем 1940 г.⁹⁴ Было восстановлено и введено в эксплуатацию около 1,6 млн. кв. м жилой площади, 205 школ, 237 детских садов и яслей, более 3 тыс. бытовых помещений и др.⁹⁵ Восстановление коммунального хозяйства улучшило условия жизни ленинградцев. В районах области, освобожденных от немецкой оккупации, в 1944–1945 гг. были восстановлены 1095 колхозов, 60 совхозов, 20 МТС⁹⁶. В 1944 г. было создано 1947 животноводческих ферм⁹⁷. План весеннего сева в 1944 и 1945 гг. был перевыполнен. Раньше срока выполнены обязательства перед государством. Проводилось строительство домов, школ, культурных и медицинских учреждений. В ходе восстановления особенно проявились жизненная сила колхозного строя, союз рабочего класса и крестьянства, единство советских людей, дружба и взаимопомощь народов СССР. Таким образом, была создана база для успешного выполнения четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.

¹ Немецко-фашистский оккупационный режим // Сборник докладов и сообщений советских историков на 3-й Междунар. конф. по истории движения сопротивления 2–4 сентября 1963 г. в Карловых Варах (Чехословакия). Выступление Н.Д. Худяковой, Жертвы ленинградской блокады результат немецко-фашистской террористической политики. М., 1965. С. 108.

- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 108–109.
- ⁵ Там же. С. 109.
- ⁶ 900 героических дней, сборник документов. М.; Л., 1966. Л. 401
- ⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5306. Л. 161.
- ⁸ Князев С.П. и др. На защите Невской Твердыни. Л., 1965. С. 622.
- ⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5306. Л. 227.
- ¹⁰ Там же. Л. 160.
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1224. Оп. 2. Д. 46. Л. 51.
- ¹² Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967. С. 456.
- ¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2–8. Д. 6493. Л. 2–14.
- ¹⁴ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза, Сборник документов и материалов. Л., 1947. С. 199.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 792. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1002. Л. 147.
- ¹⁹ Ленинградская правда. 1944. 15 авг.
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-е. Д. 6938. Л. 44.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 792. Л. 3.
- ²² Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. 1966. С. 381.
- ²³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1003. Л. 14–15, 47.
- ²⁴ Государственный архив общественно-политических движений и формировании Архангельской области. Ф. 296. Оп. 8. Д. 101. Л. 485.
- ²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 692. Л. 18–19.
- ²⁶ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Ф. 296. Оп. 8. Д. 231. Л. 5.
- ²⁷ Память (Письма о войне и блокаде). Л., 1985. С. 312.
- ²⁸ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Ф. 296. Оп. 8. Д. 231. Л. 5.
- ²⁹ За новый Север. 1944. 24 сент.
- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6607. Л. 92–94.
- ³¹ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4319. Л. 20.
- ³² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1003. Л. 28.
- ³³ Ленинское знамя. 1944. 4 авг.
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1270. Л. 150.
- ³⁵ Память (Письма о войне и блокаде). Л., 1987, с. 598.
- ³⁶ «Советская Сибирь», 1943, 22 января.
- ³⁷ ЦГА СПб, ф.7384 оп. 17, д. 693, л. 63.
- ³⁸ «Ленинградская правда», 1943, 6 июня.
- ³⁹ «Правда», 1943, 25 февраля.
- ⁴⁰ «Заполярная кочегарка», 1943. 8 августа.
- ⁴¹ ЦГА СПб, ф. 7384, оп. 17, д. 1003, л. 26.
- ⁴² ЦГАИПД СПб, ф. 25, оп. 2, д. 5037, л. 1-2.
- ⁴³ ЦГА СПб, ф. 73 8 4, оп. 17, д. 1002, л. 293.
- ⁴⁴ Худякова Н.Д. Вся страна с Ленинградом (1941–1943 гг.). Л., 1960. С. 205, 206.
- ⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1270. Л. 1–2.
- ⁴⁶ Там же. Д. 692. Л. 27.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1318. Л. 49, 97.
- ⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6246. Л. 160.
- ⁴⁹ За новый Север. 1944. 1 мая.
- ⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6246. Л. 29.
- ⁵¹ Правда. 1944. 10 июня.
- ⁵² Ежов В.А. Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города. Л., 1961. С. 21.
- ⁵³ Алтайская правда. 1943. 27 янв.
- ⁵⁴ Центр документации новейшей истории Ярославской области, фонд обкома КПСС. Д. 19. Л. 20.
- ⁵⁵ Советская Киргизия. 1943, 22 окт.
- ⁵⁶ Коммунист. 1943. 3 нояб.
- ⁵⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6304. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. Д. 6607. Л. 98.
- ⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6246. Л. 184.
- ⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 10002. Л. 179.
- ⁶¹ Там же. Д. 1003. Л. 52.
- ⁶² Очерки истории Ленинградской организации КПСС (1918–1945), Л., 1980. С. 441.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 788. Л. 3.
- ⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 1220. Л. 220–221.
- ⁶⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 5736. Л. 33.
- ⁶⁶ Там же. Л. 30.
- ⁶⁷ Приуральская правда. 1942. 11 авг.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. 18 окт.
- ⁷⁰ Социалистическая стройка. 1942. 28 авг.
- ⁷¹ Приуральская правда. 1942. 28 авг.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 5736. Л. 45.
- ⁷⁴ Труд. 1943. 3 нояб.
- ⁷⁵ Бурят-Монгольская правда. 1942. 23 марта.

- ⁷⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6246. Л. 90–91.
- ⁷⁷ Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Ф. 296. Оп. 8. Д. 1016.
- Л. 13.
- ⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6246. Л. 97.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 122. Л. 105–106.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Правда Севера. 1943. 26 сент.
- ⁸² Социалистическая стройка. 1943. 26 авг.
- ⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6607. Л. 66–66 об.
- ⁸⁴ Вологодская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Вологда, 1971. С. 192–193, 259.
- ⁸⁵ Там же. С. 259–260.
- ⁸⁶ Вологодский областной государственный архив новейшей политической истории. Ф. 2522. Оп. 10. Д. 200. Л. 162.
- ⁸⁷ Социалистическое земледелие. 1943. 6 нояб.
- ⁸⁸ Ленинградская правда. 1943. 16 окт.
- ⁸⁹ Рабочий край. 1944. 16 апр.
- ⁹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 6607. Л. 45–46, 62, 64, 68, 70–71.
- ⁹¹ Там же. Д. 6254. Л. 146 об.
- ⁹² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5306. Л. 172, 232.
- ⁹³ Красный Север. 1944. 4 июня.
- ⁹⁴ Ежов В.А. Рабочий класс ведущая сила восстановления Ленинграда Л., 1982. С. 70–72.
- ⁹⁵ Н.А. Монаков. В кольце блокады, Л., 1962. С. 213.
- ⁹⁶ Ежов В.А. Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города. Л., 1961. С. 102.
- ⁹⁷ Кутузов В.А. Возрождение земли ленинградской. Л., 1985. С. 213.

РОМАН АЛЕКСЕЕВИЧ РАХИМКУЛОВ

соискатель ученой степени кандидата исторических наук Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), преподаватель Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний», старший лейтенант внутренней службы (Самара)

Тел.: (846) 262-08-13; E-mail: S gazizulin@mail.ru

В статье кратко характеризуются исторические условия разработки концептуальных основ укрепления морально-психологического состояния личного состава Белой армии, авторами которых стали вожди Южнороссийского Белого движения – генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин. Сами концептуальные основы вынесены за рамки предмета исследования статьи.

Ключевые слова: Гражданская война в России, морально-психологическое состояние личного состава, Южнороссийское Белое движение, Белая армия, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, офицерство, укрепление морально-психологического состояния белых войск, «Архив русской революции».

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ УКРЕПЛЕНИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА

Российская Гражданская война (ноябрь 1917 – 1920) имела ярко выраженную тенденцию к эскалации: никто не хотел уступать. В лагере российской контрреволюции в условиях эскалации Гражданской войны оформился ее самый мощный отряд – Белое движение. Южнороссийская ветвь Белого движения являлась самой мощной, так как его вооруженные формирования создали непосредственную угрозу советской власти: ВСЮР¹ стояли осенью 1919 г. под Тулой. И в такой ситуации в роли разработчиков концептуальных основ укрепления морально-психологического состояния личного состава Белой армии выступили (уже в фазе ее генезиса) военно-политические лидеры Белого дела – генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин. Ясно, что речь не может идти о том, чтобы эти концептуальные основы приняли научную академическую форму. Было бы наивным полагать, что такое могло случиться в экстремальной обстановке Гражданской войны. Тем более что подобные концептуальные основы разрабатывались не в тиши академических кабинетов, а в процессе формирования Белой армии, причем не в мирных условиях, а в обстановке боевых действий. При этом следует подчеркнуть то, что генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникина в качестве разработчиков концептуальных основ, упомянутых выше, имели потенциальные возможности успешно справиться с решением такой задачи.

Во-первых, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин – выпускники Николаевской академии Генерального штаба – кузницы кадров высшей военной квалификации для Вооруженных сил Российской империи². Они обладали огромным багажом военно-теоретических знаний³, особенно генерал М.В. Алексеев, являвшийся профессором Академии Генерального штаба⁴. Кроме того, все они имели огромный практический опыт командования крупными войсковыми формированиями. Генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов в 1917 г. являлись Верховными главнокомандующими Русской армии, а генерал А.И. Деникин – главнокомандующим сначала армией Западного, а затем Юго-Западного фронтов⁵. В процессе командования они накопили практический опыт, в том числе и в деле укрепления морально-психологического состояния личного состава частей.

Во-вторых, вожди Белого движения в 1917 г. накопили определенный опыт контрреволюционной деятельности. Он проявился в первую очередь в борьбе с разложением русской армии, в том числе и на направлении укрепления морально-психологического состояния личного состава частей⁶. Ясно, что особых успехов они тогда не добились. Однако они имели в фазе генезиса южнороссийского Бе-

лого движения представления об особенностях человеческого материала, который вливался в вооруженные формирования, им подчиненные.

В-третьих, уже в процессе формирования Добровольческой армии, той армии, которая станет костяком ВСЮР, у военно-политических лидеров Южнороссийского Белого движения сформировалось четкое представление: предстоящая вооруженная борьба является контрреволюционной по содержанию. Но армия для нее нужна особенная: «Нужна организованная военная сила, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Для всех русских людей – немедленно приступить к созданию этой силы, к образованию мощной духом и воинской дисциплиной Добровольческой армии. В ней найдут место все, кто исполнен мужественной решимости поднять меч на защиту Отечества», – отмечалось в «Воззвании штаба армии Добровольческой армии», опубликованном в Ростове-на-Дону в декабре 1917 г., в момент, когда шел интенсивный процесс формирования Добровольческой армии⁷.

Между тем разработчики концептуальных основ укрепления морально-психологического состояния личного состава Белой армии находились в экстремальной обстановке Гражданской войны. И им приходилось учитывать ее специфику. Общая политическая обстановка на Юге России, складывавшаяся по ходу Гражданской войны, являлась динамичной и трудно прогнозируемой. Наблюдался уникальный процесс перегруппировки социально-классовых сил. И в конечном итоге правившая в Советской России партия большевиков выиграла у белых битву за умы и сердца народа. Советская власть смогла перетянуть на свою сторону, в первую очередь, крестьянство, т.е., как выразился Б.В. Савинков, видный деятель российской контрреволюции, в одном из писем П.Н. Врангелю, анализируя причины разгрома генерала А.И. Деникина, «самого Россияне»⁸.

Кроме динамики общей обстановки вождям Южнороссийского Белого движения приходилось учитывать характер и изменения оперативно-стратегической, тактической обстановки, складывавшейся по ходу Гражданской войны, главным образом на Юге России. Необходимо особенно подчеркнуть то, что именно в российской Гражданской войне политика оказывала сильнейшее и непосредственное воздействие на стратегию. На первый взгляд, здесь вроде бы ничего удивительного нет, так как опыт истории показывает: в любой войне стратегия всегда подчинена политике. Но в российской Гражданской войне такая зависимость приняла не просто сильные, но порою и искаженные формы воздействия. Это хорошо осоз-

нал генерал А.И. Деникин, писавший, что в российской Гражданской войне, например, теория о закреплении рубежей оказалась несостоятельной из-за огромных расстояний и давления политических факторов⁹. Военно-политические лидеры Южнороссийского Белого движения были обязаны также учитывать динамику боевых действий в целом. Здесь проявились общие закономерности, установленные отечественной и зарубежной военной наукой. А они, в частности, гласят: уровень морального духа войск, морально-психологического состояния частей зависит в значительной степени от того, каков характер боевых действий (особенностей ТВД, климатических условий; соотношение сил и средств противоборствующих сторон и др.¹⁰). Но особую значимость приобретает здесь специфика боевых действий, обусловленная особенностями российской Гражданской войны:

1. Начало вооруженного противостояния в рамках «эшелонной войны», представлявшей собой боевые действия начального периода Гражданской войны в России, которые велись, главным образом, вдоль железнодорожных магистралей с использованием для маневра и базирования войск воинских эшелонов. Подчеркнем, что возникновение «эшелонной войны» было обусловлено следующими факторами: малой насыщенностью районов боевых действий войсками; отсутствием сплошных фронтов; неустойчивостью и разобщенностью сил противоборствующих сторон. «Эшелонная война» изжила себя к середине 1918 г. в связи с ростом численности армий, образованием устойчивых фронтов, разрастанием размаха вооруженной борьбы. Правда, в ряде случаев ее отдельные элементы встречались и позже¹¹.

2. Переход к крупномасштабным боевым действиям в рамках проведения армейских и фронтовых операций. Наличие армий как основных оперативных объединений у противоборствующих сторон. Создание подвижных объединений – конных армий у красных. Очаговый характер обороны у белых, ее слабое инженерное оборудование.

3. Маневренный характер операций; низкие тактические плотности при большом размахе действий в наступательном бою; изменение роли огня, маневра, удара и др.

Подчеркнем следующее обстоятельство: в Первой мировой войне подобных особенностей не имелось¹².

Военно-политическим лидерам Южнороссийского Белого движения при разработке рассматриваемых концептуальных основ пришлось учитывать первоначальное состояние офицерского корпуса, который волился в конце ноября 1917 – начале 1918 гг. в состав формируемой Добровольческой армии. А его состояние являлось сложным, неоднозначным и противоречивым.

Офицерский корпус – основа вооруженных формирований Южнороссийского Белого движения – в годы Первой мировой войны и особенно в революционном 1917 г. претерпел серьезные изменения. Офицерство понесло колоссальные потери на фронтах Первой мировой войны: непосредственные боевые потери (убитыми, умершими от ран на поле боя, ранеными, пленными, пропавшими без вести) составили свыше 70 тыс. человек (71 298, в том числе 298 генералов, 3368 штаб-офицеров и 67 772 оберофицера, из последних 37 392 прапорщика)¹³. Причем чуть ли не весь кадровый состав выбыл из строя уже за первый год войны. К концу войны в среднем приходилось по 2–4 кадровых офицера на полк¹⁴. Ротами (а во многих случаях и батальонами) командовали офицеры военного времени. С начала войны сменилось от 30 до 50% офицеров, в кавалерии – от 15 до 40%¹⁵. Изменялся и его социальный состав. В 1916–1917 гг. среди юнкеров доля выходцев из дворянского сословия по сравнению с их общим числом резко упала. Если в 1914 г. соотношение здесь выражалось как 1:2,5, то в 1915 г. оно уже составило 1:4,5, а в 1916 г. – 1:6,5¹⁶.

Всего же было произведено в офицеры около 40 тыс. человек¹⁷. Но при столь огромном количественном росте офицерский корпус не мог не пополниться массой лиц не просто случайных, но совершенно чуждых и даже

враждебных ему и вообще российской государственно-сти. Были здесь и те, кто разделял, а иногда даже выступал и носителем революционных идей различной партийной окраски. Безусловно, они способствовали (волей или неволей) разложению армии в революционном 1917 г.

Серьезные изменения в офицерском корпусе происходили и в процессе революции 1917 г. Причем на отрицательном фоне, созданном вакханалией насилия по отношению к офицерам со стороны, главным образом, перманентно разлагавшейся солдатской массы. «...17 мая солдатами 707-го полка убит начальник дивизии ген. Я.Я. Любичский...; 23 июня в 16-м пехотном полку – полковник Михайлов... в районе Пернова убиты командир 439-го полка полковник Осбережья; ...2 июня толпа солдат учинила самосуд над поручиком 78-го Сибирского стрелкового полка Антоновым... и т.д.» – такими фактами насыщены донесения командиров частей и соединений вышестоящим командирам и начальникам¹⁸. Подобную ситуацию через психологию анархической толпы, опьяненной революционной вседозволенностью, тонко подметил Артем Веселый: «Раз офицер – значит, контрик»¹⁹. Следует особенно подчеркнуть то, что после подавления корниловского мятежа положение офицеров стало еще хуже. Поднялась страшная волна самосудов над офицерами по подозрению в «корниловщине»²⁰. В подобной ситуации офицерство в конечном итоге расслоилось. Автор статьи солидаризируется с позицией современных российских историков (Г.М. Ипполитов, В.Г. Казаков, В.В. Рыбников, С.В. Волков), которые выделили в данной связи пять групп офицеров:

1. Офицеры, поплывшие покорно по течению судьбы, смирившиеся с развитием событий.

2. Офицеры, объявившие себя сторонниками Временного правительства, но не проявлявшие никакой активности.

3. Офицеры, которые, отрешившись от всяких дел, ждали возможности уехать домой.

4. Офицеры, понявшие, что им дома не удастся обрести покой, пока не будет сброшена революционная власть.

5. Офицеры, которые в угоду Временному правительству пытались перевалить вину за вакханалию беззакония и насилия по отношению к офицерскому составу, на... самих же офицеров. Таких было немного, например, в артиллерии, которая была менее всего подвержена разложению²¹.

Появились и офицеры, которые осознали: контрреволюционная борьба неизбежна. Это – будущие первые белые офицеры-добровольцы Добровольческой армии: «Мы знали и понимали, что надо бороться с врагом внешним, но превратились в ничто перед врагом внутренним, перестав быть едиными, даже более – становясь враждебными друг другу. Да! Не было приказов начальников, не было руководства <...> Но <...> неужели корпус офицеров живет и действует только распоряжениями сверху, а не выявлением и проявлением духа снизу? Нет возможности бороться? Нужно найти эти возможности <...> нужно их создать!»²² – вот что писали будущие активные участники генезиса Добровольческой армии на Дону.

Особенно необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: советская власть занималась строительством армии принципиально нового типа. Л.Д. Троцкий писал в данной связи, что предстояло «смести начисто остатки старой армии и на ее месте строить под огнем новую, схемы которой нельзя было пока еще найти ни в одной книге»²³. И старая армия была, выражаясь языком Л.Д. Троцкого, «начисто сметена». После ряда мероприятий последнюю точку поставили здесь два декрета советской власти – «Об уравнивании всех военнослужащих в правах»²⁴ и «О выборном начале и организации власти в армии»²⁵. Офицерский корпус старой армии был поставлен вне закона. Тем самым было резко усугублено и без того тяжелое положение бывших царских офицеров²⁶. Следовательно, у советской власти в лице уничтожаемой ею де-юре социальной страты – офицерства появилась масса потенциальных и сильных врагов.

В качестве обобщения заметим следующее: военно-политические лидеры Южнороссийского Белого движения, оставаясь в основном верными принципу преемственности идей в развитии, разрабатывали концептуальные основы

укрепления морально-психологического состояния личного состава Белой армии в сложных и противоречивых условиях динамично меняющейся конкретно-исторической обстановки. И с такой сложной задачей они справились²⁷.

¹ Вооруженные силы Юга России. – Р.Р.

² См., напр.: Каменев А.И. Военная школа России. М., 1999.

³ См., напр.: Ипполитов Г.М. Деникин. 2-е изд. М., 2006; Ушаков А.И., Федюк В.П. Корнилов М., 2005.

⁴ См.: Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.

⁵ См.: Волков С.В. Белое движение. Энциклоп. гражданской войны. СПб., 2003.

⁶ См., напр.: Дело генерала Л.Г. Корнилова: Август 1917 – июнь 1918: Сб. док.: В 2 т. М., 2003; Дневник М.В. Алексеева // Ист. архив. Прага, 1929; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. М., 1991; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. М., 1990; Ипполитов Г. М., Васильева Л.Ф. «Не большевики развалили армию...». Эфемерные попытки Временного правительства по сохранению боеспособности Вооруженных сил России в 1917 году: Ист. опыт, уроки. Самара, 2005; Ипполитов Г.М. Указ. соч. и др.

⁷ Ростовская речь. 1918. 27 дек.

⁸ Источник. 1995. № 1. С. 23

⁹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты Т. V. Минск, 2002. С. 122.

¹⁰ Более подробно см., напр.: Актуальные проблемы морального духа социалистических армий. М., 1989; Ипполитов Г. Российские комбатанты в российском междоусобии. Моральный дух войск в годы Гражданской войны в России. Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011 и др.

¹¹ Более подробно см.: Гражданская война в СССР. Т. 1. М., 1980; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1. М., 1925 и др.

¹² Более подробно см., напр.: Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980–1986; Золотарев В.А. Военная история России / В.А. Золотарев, О. В. Саксонов, С. А. Тюшкевич. М., 2001 и др.

¹³ Россия в мировой войне (в цифрах). М., 1925. С.31.

¹⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. М., 1991. С. 49.

¹⁵ Гиацинтов Э. Записки белого офицера. М., 1992. С. 253.

¹⁶ Барсуков А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988. С. 12.

¹⁷ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. М., 1988. С. 25–26.

¹⁸ Заимствовано из: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 13–14.

¹⁹ Артем Веселый. Вольница // Юность. 1990. № 10. С. 12.

²⁰ Более подробно см., напр.: Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²¹ Ипполитов Г.М., Казаков В.Г., Рыбников В.В. Белые волонтеры. Добровольческая армия: зарождение, расцвет и первые шаги к закату (1917 – февраль 1919 гг.). М., 2003. С. 151–152; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. С. 25–26.

²² Марковцы в походах и боях за Родину в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 1. Париж, 1962. Т. 1. С. 19–20.

²³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 343.

²⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 242–243.

²⁵ Там же. С. 244–245.

²⁶ М.Д. Бонч-Бруевич, один из первых генералов старой армии, перешедший на сторону советской власти, писал о том, что человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу. «Генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону большевиков, были подавлены <...> Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расставаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов...» (Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С. 227–228). Причем вместе с офицерами тяжелое положение разделили и их семьи. Например, барон Алексей Будберг, один из деятелей Белого движения в Сибири, вспоминал: «...Депутация офицерских жен целый день моталась по разным комиссарам с просьбой отменить запрещение выдавать содержание за декабрь; одна из представительниц, жена полковника Малютиня спросила помощника военного комиссара товарища Бриллианта, что же делать теперь офицерским женам, на что товарищ сквозь зубы процедил: “Можете выбирать между наймом в полумойки и поступлением в партию анархистов”» (Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 68).

²⁷ Эти концептуальные основы освещены автором статьи в его монографии: Рахимкулов Р.А. Морально-психологическое состояние частей Вооруженных сил Юга России и его укрепление: исторический опыт, уроки (1919 – март 1920 г.). Моногр. Самара, 2010. 184 с.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ДЯТЛОВ

кандидат исторических наук, доцент, генерал-майор, начальник Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург)

ВЛАДИМИР СПАРТАКОВИЧ МИЛЬБАХ

доктор исторических наук, доцент, полковник запаса, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург)

Статья посвящена событиям, которым в этом году исполняется 75 лет. Авторы анализируют готовность артиллерии Дальневосточной армии и ее боевое применение в вооруженном конфликте у озера Хасан. На основе анализа выявлен ряд тенденций в развитии отечественной артиллерии накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: 39-й стрелковый корпус, командно-начальствующий состав, озеро Хасан, группа поддержки пехоты, полковая и батальонная артиллерия, управление артиллерией.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ У ОЗЕРА ХАСАН И ПРОБЛЕМА РЕПРЕССИЙ КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА АРТИЛЛЕРИИ

В связи с обострившейся во второй половине 1930-х гг. международной обстановкой на Дальнем Востоке военно-политическое руководство СССР прилагало усилия по наращиванию войск (сил) в регионе. Основу сухопутной группировки составляла Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА), в войсках которой к 1937 г. имелось 14% танков и 17% всех артиллерийских орудий РККА.

В тот период ОКДВА проходила период становления, при этом недостатки в оснащении войск, в вопросах боевой подготовки частей, в том числе и артиллерийских, имели место. В сводке «О недочетах в состоянии артиллерии ОКДВА» начальник особого отдела ГУГБ НКВД ОКДВА старший майор государственной безопасности С.А. Барминский доносил 3 апреля 1937 г. командующему войсками Маршалу Советского Союза В.К. Блюхеру: «В состоянии артиллерии ОКДВА выявлен ряд серьезных недочетов, которые, очевидно, являются результатом вредительской деятельности разоблаченных и еще не разоблаченных агентов японо-немецких разведок, готовивших поражение Советскому Союзу»¹.

В сводке было указано, что количество материальной части артиллерии армии до штатной нормы не доведено, отсутствуют: 37-мм противотанковые ружья «К», 76-мм пушки СПК, 122-мм пушки обр. 1931 г., 203-мм гаубицы, укомплектованность остальными системами составляла от 70 до 95%.

Далее начальник особого отдела армии отмечал: «Зарядными ящиками части не обеспечены, в частности – гаубичными ящиками армия обеспечена только на 35%, в результате ни одна дивизия своего боекомплекта поднять не может.

Из 1300 положенных по штату тракторных прицепов для девяти механизированных артполков – имеется только 20, между тем без них артполки небоеспособны, так как не на чем возить орудийный расчет и боеприпасы.

Боеприпасами армия не обеспечена, особенно для новых систем. Совершенно отсутствуют снаряды к минометам, к 76-мм пушкам 1927/32 гг. и 1931 г., к 122-мм пушкам и 203-мм гаубицам.

Почти вся имеющаяся на вооружении ОКДВА матчасть хранится под открытым небом. Конструктивные дефекты отмечены у 76-мм пушки обр. 1902/30 гг, 45-мм пушек, 76-мм пушек обр. 1931 г., 152-мм гаубицы обр. 1934 г. Снабжение артиллерии запасными частями неудовлетворительное. Обеспеченность отдельными деталями доходит до 30%, а некоторые совершенно отсутствуют.

Основная масса боеприпасов – 90% из-за отсутствия в частях складов, хранится под открытым небом. Имели место случаи обледенения пороха в зарядах от проникновения в гильзы воды (40-й артполк)»².

Далее в сводке отмечены недостатки в отдельных артиллерийских частях. Например, в 165-м артполку Приморской группы войск «вместо 48 гаубиц 152-мм имеется всего 35, комплект ручных пулеметов 14 штук, винтовок 1060 штук. Тракторов вместо положенных 120 имеется 69. Тракторных прицепов 3-тонных комплект 4, полторатонных 192, цистерн для заправки горючим 38 штук».

187-й артполк Приморской группы войск «обеспечен боеприпасами на 50%, механической тягой на 50%, половина тракторов вышли из строя и не отремонтированы»³.

В артполку 39-го стрелкового корпуса «имеется комплект 26% гаубиц, 32% тракторов (мехтяга), 96% тракторных прицепов. Из имеющихся 18 гаубиц – шесть без передков и не могут быть возимы, восемь гаубиц – непригодны для перевозки мехтягой, в итоге огневая мощь полка из двух дивизионов определяется только четырьмя орудиями вместо 24 положенных и боевых задач при настоящем положении выполнить не может.

Состояние вооружения полка катастрофическое. Половина гаубиц требует капитального ремонта, все орудийные передки не исправны. <...> Хранение огнеприпасов неудовлетворительное. Учет вооружения запущен. Командование о таком состоянии вооружения знает и бездействует в устранении безобразий»⁴.

Решение проблем повышения боевой готовности войск тесно увязывалось с внутриполитическими событиями в стране и армии, особенно характерными для второй половины 30-х гг. XX в. По официальным данным Управления по командному и начальствующему составу (УКНС) РККА в ОКДВА – ДКФ, в 1937–1938 гг. было уволено 6612 представителей комначполитсостава, из которых 1554 арестовано⁵. Среди арестованных были и артиллерийские командиры высокого ранга: начальник артиллерийского отдела штаба ОКДВА комбриг В.Л. Леонович, начальник артснабжения ОКДВА полковник И.С. Дубовик, помощник начальника 1-го отделения артотдела штаба ОКДВА полковник Б.В. Целиковский, начальник артснабжения Приморской группы войск полковник С.Г. Давыдов, начальники артиллерии корпусов (групп войск) полковники И.П. Рогов, А.С. Урман, начальники артиллерии дивизий полковники Л.Н. Алексеев, Г.Е. Дягтярев, М.В. Кожаев, командиры артиллерийских полков майоры М.Н. Горский, А.О. Дзевульский, В.К. Дмитриев, Я.К. Пикаев, В.А. Самсыгин, Г.В. Скуратович и другие. Почти все они были расстреляны в 1937–1938 гг.

Примечательно, что ротация кадров активно продолжалась весь период политических репрессий. Так, «План перемещения командного и начальствующего состава 40-й стрелковой дивизии им. Орджоникидзе приморской группы войск» предусматривал в конце 1937 г. перемещение 127 представителей комначсостава (в основном на

вакантные должности), в том числе в 40-м артиллерийском полку – 21 человека (на вакантные должности – 11)⁶. Непосредственно перед началом боевых действий у озера Хасан штабом 40-й стрелковой дивизии был представлен Военному совету фронта⁷ для рассмотрения материал на перемещение 35 представителей комначсостава⁸. Например, в 40-м артиллерийском полку стало нормой выдвижение лейтенантов на должности уволенных командиров дивизионов.

Недостатки в боевой подготовке, в организации управления, в обеспеченности и укомплектованности артиллерийских частей ярко проявились во время боевых действий у озера Хасан.

Японская сторона 29 июля 1938 г. первой применила артиллерию в вооруженном конфликте. В ряде современных источников о применении японской артиллерии указывается дата либо 30 июля 1938 г. вечером⁹, либо в ночь с 30 на 31 июля: «31 июля в 2 часа после сильной артиллерийской подготовки два батальона японской пехоты атаковали высоту Заозерную и один батальон – высоту Безымянную»¹⁰. Отмечается, что действия советских войск (подразделения 59-го погранотряда и батальон 118-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии) в бою 31 июля поддерживала полковая батарея 118-го стрелкового полка.

Несколько иначе трактует развитие вооруженного конфликта с применением артиллерии начальник артиллерии 39-го стрелкового корпуса комбриг П.Н. Яскин¹¹. По его данным, полковая батарея и 2-й дивизион легкого артиллерийского полка 40-й стрелковой дивизии «прибыли в район оз. Хасан 29 июля. У японцев высота Заозерная была занята. Батарея и дивизион были готовы вступить в бой. Пограничные войска: полковник А. Федотов¹² добивался открыть огонь. Блюхер не дал распоряжения. Японцы вели артиллерийский огонь по нашей территории и частям. 2-й дивизион 40 лап в районе Пакшекори был обстрелян артиллерийским огнем японцев, дивизион стоял на колесах. Панику создал сам командир дивизиона. Скомандовал: “Руби построжки и спасайся”. <...> 30 июля огонь также не был разрешен. Полковник пограничников огонь открыл по собственной инициативе»¹³.

Такое бесславное начало вооруженного конфликта вызвало негодование наркома обороны. 31 июля 1938 г. К.Е. Ворошилов телеграфировал В.К. Блюхеру: «Знаете ли Вы о безобразном состоянии частей 40 сд, ее истинное положение, кто из фронта в последний раз был в ней, что она из себя представляет, ее численный состав, укомплектованность ком- и начсоставом, положение ее с артиллерийским и прочим вооружением, запасом огнеприпасов и продснабжения и т.д.»¹⁴

Проблемы с артиллерийским вооружением в 40-й стрелковой дивизии действительно существовали: в дивизии насчитывалось 94 орудия вместо 132 по штату. В 32-й стрелковой дивизии перед выступлением в район боевых действий имелось 76 орудий. 39-й корпусный артиллерийский полк имел в своем составе 30 орудий; во 2-й механизированной бригаде было 15 орудий. 185-й артиллерийский полк был представлен двумя гаубицами большой мощности. Таким образом, артиллерия соединений и частей не имела всех штатных сил и артиллерийских средств. Всего же на начальном этапе вооруженного конфликта советские войска располагали 217 орудиями (из них 165 орудий калибра 76-мм и более).

Укомплектованность командно-начальствующим составом соединений, особенно в артиллерийских частях, была невысокой. Из справки отдела по командному и начальствующему составу штаба КДВФ следует, что по состоянию на 31 июля 1938 г. некомплект командно-начальствующего 40-й стрелковой дивизии составлял 204 человека, или 22,7% от положенных по штату¹⁵. В стрелковых полках некомплект командиров колебался от 10 до 19%, но в недавно развернутых артиллерийских частях и подразделениях он был гораздо выше: в противотанковом дивизионе – около 57%, в зенитном дивизионе – 60%, в гаубичном артиллерийском полку он превышал 63%! Легкий артиллерийский полк – единственная часть, укомплекто-

ванная командно-начальствующим составом полностью. Однако начало боевых действий показало, что количественная сторона укомплектованности командирами не решает проблем боеспособности части.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в районе конфликта к концу июля, комбриг П.Н. Яскин подчеркнул недостатки в организации боевых действий 40-й стрелковой дивизии: «Гаубичный полк формировался на ходу, людей получили в период выступления, матчасть не полностью. Дивизия вышла неорганизованно. Части не знали, куда они идут, части не знали обстановки, от них это держали в секрете. Командир дивизии полковник Базаров окончательно был ориентирован и получил задачу только 30 июля»¹⁶.

Неудачное начало действий советской артиллерии было обусловлено не только отсутствием умелого руководства подразделениями лейтенантами, в спешном порядке выдвинутыми на вышестоящие должности, освободившиеся в ходе политической чистки войск ОКДВА. Сказывались недостатки в обеспеченности вооружением, техникой, материальными средствами, недостаточная укомплектованность личным составом и слабая его обученность, отсутствие самостоятельности в принятии решений и инициативы в среде комсостава, отсутствие централизованного управления советскими войсками в районе конфликта.

2 августа 1938 г. В.К. Блюхер отдал приказание Военному совету 1-й Особой Краснознаменной армии о возбуждении уголовного дела: «Срочно, в течение 48 часов, в полевом порядке рассмотреть дело о преступном поведении в бою виновников паники в артдивизионе лейтенантов Лебедева, Ахметова, Сидорченко и политрука Мординова»¹⁷. Три лейтенанта были разжалованы, преданы суду и расстреляны.

Более детально сведения о действиях артиллерийских частей и подразделений в первых числах августа 1938 г. зафиксированы представителем начальника артиллерии РККА капитаном И.С. Прочко со слов комбрига П.Н. Яскина: «Разведки от артиллерии <...> в течение боя 118 сп 1 августа никакой высланой не было. Командиры частей были вызваны в Заречье после 24.00 и в 3.00, получив приказ, разошлись по частям. Наступление было назначено на 7.00, затем на 9.00».

Комбриг П.Н. Яскин еще на этапе принятия решения на наступление пытался вмешаться, докладывая о неготовности артиллерии поддержать огонь пехоту. Он обратился к присутствующему в районе вооруженного конфликта начальнику политуправления РККА Л.З. Мехлису, доказывая, что к началу атаки не все артиллерийские подразделения успеют занять огневые позиции и подготовиться к ведению огня, о том, что система управления огнем еще не организована. Однако его аргументы, например, «начартдив майор Селиверстов управляет без штаба, штабная батарея оставлена на зимних квартирах», были оставлены без внимания. Москва ждала победных реляций, и решение о проведении наступления было скорее политическим, чем военным. Впрочем, Мехлис оказал некоторое содействие, приказав найти штабную батарею, и она прибыла в район боев 4 августа.

П.Н. Яскин о дальнейшем развитии событий: «Мер принято не было, атака в 9.00 отменена не была. Артподготовка была намечена 1 час. К этому времени лишь могли работать наши два дивизиона, которые действовали с 118 сп, остальная артиллерия была готова в период 9.00–12.00.

Атака не была подготовлена артогнем. Взаимодействия артиллерии с пехотой не было. Начали договариваться под огнем только днем. Дивизия понесла большие потери, больше всего пострадал 118 сп. Атака была отбита. <...> Танковый батальон дивизии и приданный батальон атаковали одновременно, несли потери – застряли в болоте, а их в стоячем виде расстреливали.

3 августа 1938 года. Толкание частей вперед <...> Разнобой, атака одновременно, артиллерийская дуэль. То же частично продолжалось и 4 августа»¹⁸.

Командиры и политработники стрелковых соединений требовали от артиллерийских командиров обеспечить ог-

нем продвижение частей вперед. Комбриг Яскин отмечал: «Взаимодействие очень слабое. Только требования уничтожить огневые точки противника, наносившие вред <...> Заявки (поступали) от всех: комиссар 40 сд, начподив-40; комиссар корпуса выехал на фронт 2 августа и приказал начальнику артиллерии 40 сд отправляться на 1,5 суток в артополк для наведения порядка»¹⁹.

Позитивные изменения в ходе боевых действий в районе конфликта комбриг Яскин связывал с «реорганизацией в командовании» и приказом НКО, запрещающим высшим инстанциям вмешиваться в действия командиров соединений. Командиром 39 ск был назначен начальник штаба ДКФ комкор Г.М. Штерн, при этом «штаб 39 ск создан из группы командиров, приехавших из Хабаровска». 4 августа были созданы рекогносцировочные группы: две группы командиров дивизий (32 сд и 49 сд) и одна группа начальника артиллерии корпуса комбрига Яскина. Разрабатывался план подготовки к наступлению, назначенному на 6 августа. В корпусе была создана группа артиллерии дальнего действия (ДД), основной задачей которой являлась борьба с артиллерией противника. В стрелковых дивизиях из дивизионной артиллерии создавались группы поддержки пехоты (ПП) по числу стрелковых полков первого эшелона. Штабом корпуса был составлен план артиллерийско-авиационной подготовки, однако артиллерийской поддержки атаки спланировано не было, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий²⁰.

К 5 августа 1938 г. советская группировка в районе боевых действий была усилена. Она включала шесть стрелковых полков (32-й и 40-й дивизий), одну мотострелковую бригаду (пять батальонов, из них три танковых), один корпусной артиллерийский полк, два гаубичных и два легких артиллерийских полка, одну 203-мм батарею 187-го артиллерийского полка, два противотанковых дивизиона, два зенитных дивизиона и обслуживающие подразделения. В составе корпуса насчитывалось 237 орудий, из которых 179 орудий калибром 76-мм и выше²¹. В то же время, по оценке командования 39 ск, японская артиллерия насчитывала 14–16 артиллерийских батарей²².

Артиллерийские командиры получили возможность целенаправленно заняться организацией разведки и огневого поражения противника: «Разведку вели более организованно. Разведка была нацелена на выяснение огневой системы противника. К исходу дня 5-го мы имели для корпусной артиллерии <...> схему целей с 6 батареями противника. Для дивизионной артиллерии имели 15% пулеметов от имеющихся пулеметов. Слухи о «дотах» были рассеяны наблюдением. <...> Данные разведки дали возможность спланировать огонь. Все же нагрузка на артиллерию была 50%. Взаимодействия, обмена сведениями не было между родами войск»²³.

Заслуживает внимания описание боевых действий в день общего наступления: «6 августа 1938 года части до рассвета занимали исходные положения, артиллерия занимала ОП. <...> Противник вообще видел все сосредоточение корпуса. Скрыто не могло быть ничего. План атаки предусматривал пристрелку 45 минут и 1 час артподготовки – частично по целям и по площадям. <...> Атака была назначена на 13.00, регламент не был выдержан из-за опоздания авиации.

Первый прилет авиации в 17 с минутами. Артподготовка разжигалась на все 4 часа. Пехота <...> толкалась в ожидании атаки. Японцы все время вели огонь.

План не выдержан, времени светлого осталось мало, задача корпуса не была выполнена. Заозерная не была захвачена»²⁴.

Развитие событий 6 августа 1938 г. показало, что не все мероприятия по организации наступления были качественно спланированы и выполнены. Так, созданная в дивизиях таблица взаимодействия была получена батальонами «с опозданием – после боя, когда была не нужна»²⁵. Планирование огневого поражения противника ввиду недостаточности эффективной разведки, низкого уровня управления, отсутствия организации взаимодействия наступающих стрелковых и танковых частей с артиллерией и

авиацией не обеспечило выполнение задач в установленные сроки. Начальник артиллерии 39-го стрелкового корпуса отмечал: «С танками до 6.08 планирования не было, в действиях разноразной полный. Даже своя артиллерия мехбригады не помогла и не была использована для сопровождения танков»²⁶.

Мероприятия по подготовке стрельбы и управлению огнем в артиллерийских дивизионах были выполнены не в полном объеме ввиду отсутствия в подразделениях достаточного количества таблиц стрельбы, топографических карт, оптических приборов. Артиллерийская геодезическая сеть в районе боевых действий не была создана. Артиллерийские боеприпасы на огневые позиции доставлялись бессистемно, так как «система заявок и доставка сведений о расходе огнеприпасов отсутствовали до конца операции»²⁷, что создавало трудности в проведении мероприятий баллистической подготовки стрельбы. Наблюдательные пункты (особенно корпусной артиллерии) находились на большом удалении от переднего края, что затрудняло разведку и корректирование огня. Подразделения артиллерийской инструментальной разведки и корректировочная авиация отсутствовали. Все это не могло не сказаться на точности огня артиллерии. В результате в ходе артиллерийской подготовки атаки имелись случаи поражения своих наступающих войск.

Отыскать ошибку пытались «остановками огня всей артиллерии»²⁸, что снижало эффективность огневого поражения противника. При этом начальник артиллерии корпуса постоянно вынужден был отрываться на длительные телефонные разговоры с комиссаром дивизии и комиссаром корпуса, настоятельно требовавшими от начальника артиллерии ответить на вопрос: почему стреляет японская артиллерия? Комбриг Яскин отмечал, что излишнюю нервозность по этому поводу проявляли политработники, которые находились на командных пунктах и принимали активное участие в управлении войсками. Например, когда начальник артиллерии корпуса комбриг Яскин прибыл на КП командира 32 сд (высота 68,8), к нему в присутствии командира и комиссара дивизии обратился начальник политотдела 32 сд: «На кого работает ваша артиллерия?» Ответ начальника артиллерии: «На советскую власть»²⁹, – явно не удовлетворял негодующего политработника.

Вместе с тем артиллерийским командирам приходилось отрываться от управления боевыми действиями артиллерии для решения задач тылового и технического обеспечения. По этому поводу начальник артиллерии корпуса отмечал: «Тыл не налаживали, а лишь занимались дерганием, <...> на артиллеристов смотрят как на порученцев. В 40 сд командир дивизии три раза начартдива майора Селиверстова гонял в Ханьси, а начартсбл был использован в это время в армии. Начартдив Стукалин отрывался от руководства артиллерией дивизии»³⁰.

В Посьете, куда для всего корпуса в спешном порядке доставлялись боеприпасы морским транспортом, находился единственный специалист – начальник артиллерийского снабжения 40-й стрелковой дивизии. С 5 августа дополнительно приступил к работе представитель службы артиллерийского снабжения армии. Малочисленность аппарата артиллерийского снабжения и отсутствие технических работников (лаборантов) приводило к тому, что боеприпасы на пристани складировались без сортировки по видам, перевод их в окончательно снаряженный вид не проводился, учет боеприпасов не велся, загрузка военного транспорта проходила долго³¹. Нередко случалось так, что снаряды доставлялись в один район, а взрыватели к ним – в другой³².

О дальнейшем развитии вооруженного конфликта И.С. Яскин сообщал: «7 августа 1938 года – артиллерийская дуэль. Действия авиации и подталкивание частей в атаку. Танки 6 и 7 августа успеха не имели, отдельные танки доходили до цели, но обратно их возвращалось мало. Застреливали в болоте и расстреливались японскими 37–40-мм пушками.

В 32 сд осталось исправными семь танков из танкового батальона дивизии, остальные сгорели, стояли в боло-

те. 4–5 танков были расстреляны своей артиллерией по приказу командира дивизии.

<...> часть Заозерной была захвачена 40 сд. В ночь на 8 августа фланги 118 сп и 94 сп соединились на скатах, обращенных к нам. Часть Заозерной 8 августа была в наших руках. Бои мелких подразделений. Полков и батальонов в 40 сд не было, образовались отдельные группы людей.

9–11 августа 1938 года продолжение наступления и стрельба артиллерии обеих сторон»³³.

В сложившейся обстановке исключительно важную роль сыграла артиллерия. Ей предстояло в ходе боя решать те задачи, которые оказались невыполненными перед началом наступления. Полковая и батальонная артиллерия, продвигаясь вместе с пехотой, уничтожала огневые точки врага прямой наводкой и огнем с открытых огневых позиций. Дивизионная артиллерия сосредотачивала свои усилия на подавлении вновь выявленных целей. Корпусная артиллерия (39-й корпусной артиллерийский полк) боролась с артиллерией противника. Командованием корпуса были отмечены решительные действия командиров артиллерийских подразделений: командира дивизиона старшего лейтенанта Натахина (39 кап), командира батареи старшего лейтенанта Ольховика (39 кап), командира дивизиона капитана Ефремова (32 лап), командира взвода 45-мм пушек (118 сп) лейтенанта Лазарева.

В боях у оз. Хасан советские войска впервые после Гражданской войны действовали в новой организации с большим количеством техники. Был получен первый опыт использования всех родов войск и авиации во взаимодействии друг с другом. Артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в хасанских боях имело ряд недостатков, несмотря на это советская артиллерия показала способность решать задачи в интересах сухопутных войск. Боевые действия подтвердили, что артиллерия является основным средством огневого поражения противника и умелое ее использование позволяет более эффективно решать боевые задачи. Пренебрежение артиллерией, неумение использовать ее в операции (бою) неизбежно ведут к значительным потерям в личном составе и технике.

Потери личного состава во время боевых действий у оз. Хасан (29 июля – 11 августа 1938 г.) были значительными и составили: санитарные (ранено, контужено, обожжено, заболело) – 3279 чел.³⁴, безвозвратные (убито, умерло на этапах эвакуации, пропало без вести, погибло в катастрофах) – 960 чел., итого – 4239 чел. (18,4% от всего личного состава, принимавшего участие в боевых действиях). Потери стрелкового вооружения советских войск оказались огромными, они составили: винтовки – 1923, пулеметы – 636, пистолеты (револьверы) – 746, гранатометы – 193. В боях у оз. Хасан было подбито, сожжено

72 советских танка (японские танки в конфликте не участвовали)³⁵. Потери в авиации – два самолета сбито зенитной артиллерией противника, семь самолетов повреждено в результате аварий и катастроф.

Потери советской артиллерии – 32 орудия (подбиты, вышли из строя по техническим причинам), что составляло 13,5% от общего количества привлекаемой советской артиллерии, включая орудия большой мощности – 203,2-мм гаубицы, которые огонь по противнику не вели³⁶.

Вооруженный конфликт у оз. Хасан выявил ряд новых тенденций в применении отечественной артиллерии. К ним можно отнести следующие: артиллерия являлась основным средством поражения противника, несмотря на активное участие в боях советской бронетехники и авиации; интенсивность огня артиллерии в бою по сравнению с периодом Гражданской войны и конфликтом на КВЖД возросла, среднесуточный расход артиллерийских боеприпасов составил 4324 снаряда; сформировались устойчивые взгляды на создание группировки артиллерии (группы ПП, ДД, АР) в операции (бою); управление артиллерией и организация взаимодействия артиллерии с другими родами войск являлись слабым звеном при организации боевых действий; осуществление планирования артиллерийско-авиационной подготовки стало нормой при подготовке наступления; приоритет в развитии получили артиллерийские средства поражения, но не средства разведки, тяги и связи; выводов по применению отечественной зенитной и противотанковой артиллерии сделано не было в связи с тем, что противник не применял авиацию и бронетехнику (в определенной степени это повлияло на то, что эти два важных вида артиллерии не получили должного развития накануне Великой Отечественной войны).

Боевые действия показали, что проведенные накануне репрессии против командно-начальствующего состава не привели к позитивным переменам в системе боевой готовности войск ОКДВА, но в значительной степени снизили укомплектованность артиллерийских частей командным составом. Имея четырехкратное превосходство в артиллерии, советские войска понесли серьезные потери и только ценой значительных усилий вышли победителями в этом вооруженном конфликте.

К сожалению, не все недостатки в системе боевой готовности войск, в том числе и артиллерии, вскрытые в ходе боев на оз. Хасан, удалось устранить до начала Великой Отечественной войны. Политическому режиму выгодно было представить победу в вооруженном пограничном конфликте как военный триумф, не подвергая серьезно анализу проводимую кадровую политику, недостатки в боевой и оперативной подготовке, в организации управления и обеспечения войск.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33879. Оп. 1. Д. 234. С. 18–19.

² Там же. С. 19–23.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ *Войтков Я.* Чистка среди комсостава Дальневосточной армии // Военно-исторический архив. № 15. С. 120.

⁶ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1319. С. 1–12.

⁷ Приказом наркома обороны от 28 июня 1938 года на базе ОКДВА был создан Краснознаменный Дальневосточный фронт (ДКФ).

⁸ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1319. С. 36–39.

⁹ *Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001. С. 451.

¹⁰ *Широкоград А.Б.* Русско-японские войны 1904–1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 2003. С. 475.

¹¹ Комбриг Павел Николаевич Яскин – начальник артиллерии 39-го стрелкового корпуса. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, награжден орденом Красного Знамени. Генерал-майор артиллерии (4.06.1940), генерал-лейтенант артиллерии (7.06.1943). В годы Великой Отечественной войны командующий артиллерией Карельского фронта, награжден шестью орденами. Умер в декабре 1970 г.

¹² Полковник А. Федотов – заместитель начальника пограничных войск Дальневосточного пограничного округа. Прибыл на участок Посьетского пограничного отряда для расследования фактов нарушения госграницы и убийства 15.07.38 г. на сопке Заозерная начальником инженерной службы погранотряда В.М. Виневитиным японского жандарма. До 1 августа А. Федотов руководил действиями Советских войск на спорном участке границы.

¹³ Артиллерийский военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМА ИВ и ВС). Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

¹⁴ На границе тучи ходят хмуро... (К 65-летию событий у озера Хасан). Сборник документов и материалов / Под общ. ред. Н.И. Резника. М.: Триада-фарм, 2003. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ АВИМА ИВ и ВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

¹⁷ На границе тучи ходят хмуро... С. 107.

¹⁸ АВИМА ИВ и ВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 4–4 об.

¹⁹ Там же. Л. 8 об.

²⁰ История отечественной артиллерии. Т. 3. Кн. 8. М.; Л., 1964. С. 487.

²¹ Там же. С. 481.

²² АВИМА ИВ и ВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 34.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ Там же Л. 9 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же Л. 8 об.

³⁰ Там же Л. 11.

³¹ Бочков Е.А. Вооруженные конфликты и локальные войны с участием РККА (конец 1930-х – начало 1940-х гг.): тыловое обеспечение войск. СПб., 2007. С. 42.

³² Волкотрубенко И.И. Служба боевого снабжения войск: Краткий исторический очерк. Пенза, 1966. С. 159.

³³ АВИМА ИВ и ВС. Ф. 58р. Оп. 1. Д. 129. Л. 7 об.

³⁴ Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 210.

³⁵ Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР (1922–1941 гг.). Исторический опыт. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2001. С. 247.

³⁶ РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 81. Л. 16, Д. 110. Л. 30; История отечественной артиллерии. Т. 3. Кн. 8. М.; Л. 1964. С. 687.

АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ПОХИЛЮК

доктор исторических наук, профессор, профессор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

На основе анализа архивных документов и отечественной историографии автором проанализированы неизвестные прежде вопросы организации отдыха воинов-защитников блокированного города, их культурного обслуживания в экстремальных условиях блокады Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, поддержание духовных сил и высокого морально-боевого духа воинов, культурное обслуживание личного состава.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЫХА И КУЛЬТУРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ВОИНОВ ФРОНТА И КБФ В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

В боевой обстановке важное значение имеет состояние духа воинов. Именно душевное состояние является источником боевой стойкости людей, ведущих изнурительную вооруженную борьбу с коварным и сильным противником.

Поддержание духовных сил воинов-защитников Ленинграда было предметом постоянной заботы Советского государства, партийных органов, командиров и политработников. Это было особенно важно в экстремальных условиях блокированного города, в котором воины 900 долгих дней и ночей, по существу, находились в условиях переднего края, под постоянным огневым воздействием противника.

Поддержание высокого морально-боевого духа воинов Ленфронта и КБФ, наряду с разнообразными формами политико-воспитательной работы, осуществлялось за счет различных аспектов социальной политики, в том числе путем заботы о социальной защищенности семей военнослужащих, поддержания постоянной связи воинов с родными и близкими, организации отдыха и культурного обслуживания воинов Ленфронта и КБФ.

Важным направлением в деятельности по поддержанию духовных сил воинов являлась забота о культурном обслуживании личного состава. Это объяснялось тем, что формами культурно-воспитательной работы охватывались буквально все воины непосредственно на переднем крае. Во-первых, приобщаясь к культуре, бойцы особенно сильно ощущали связь с народом, с его историческими корнями. Во-вторых, общение с деятелями культуры давало мощный эмоциональный заряд и оставляло глубокий след в сознании воинов. Недаром после выступлений той или иной концертной бригады мож-

но было услышать заявления: «Вот сейчас и в бой можно идти. Спасибо, товарищи артисты, за вашу большую работу»¹.

Артисты ленинградских театров с первых же дней войны сменили сцены театров и концертных залов на подмостки в мобилизационных пунктах, в частях народного ополчения и Красной армии. В городе была создана военно-шефская комиссия. В ее состав вошли Т.Я. Карская, Ш.Н. Меламуд, Е.М. Межеричкая, Т.Г. Паюсова и др. Комиссия организовала десятки концертных бригад для обслуживания бойцов фронта и флота. Ежедневно бригады давали в совокупности до 200 концертов, в которых принимали участие лучшие ленинградские актеры и певцы: П. Андреев, Н. Черкасов, С. Мигай, П. Журавленко, Е. Каренина, Е. Жихарева, Н. Середа, И. Нечаев и др.²

После установления блокады концертные бригады стали выступать непосредственно на фронте в расположении воинских частей, на кораблях, подводных лодках, в госпиталях. За полгода с начала войны силами артистов города на фронте было проведено 6680 концертов³. На Балтике не было такого госпиталя, аэродрома, корабля или самой отдаленной батареи, на которых не побывали бы артисты города⁴.

Бригады артистов города-фронта безотказно выезжали на передний край обороны. Они пробирались на передовые позиции в маскхалатах, нередко под артиллерийским обстрелом, на своих плечах несли театральное имущество. В течение суток артисты давали не менее двух-трех концертов. Только за первый год войны шефские бригады работников искусств дали 24 тыс. концертов и 600 спектаклей⁵. Веселой шуткой, острым словом, патриотической песней артисты поднимали настроение личного

состава фронтовых частей, укрепляли их духовные силы, вдохновляли воинов на подвиги во имя Победы.

В концертных бригадах, выступавших в передовых частях, на боевых кораблях, принимали участие такие известные артисты, как С.П. Преображенская, К.И. Шульженко, Н.Я. Янет, А.С. Егорова, Л.С. Маслюков, Т.А. Птицина, В.К. Армант, С.И. Рутковский, А.В. Королькевич, Н.И. Болдырева, Н.В. Пельцер, А.А. Орлов и др.⁶

Особенно большой популярностью среди воинов пользовалась бодрая, веселая музыка, сатира, юмор в отношении фашистских войск. Неизменным успехом пользовались выступления Театра миниатюр под руководством А.Д. Бениаминова. Только за первые шесть месяцев войны этот коллектив дал свыше 600 концертов⁷.

В истории блокадного города особое место занимает Театр музыкальной комедии. Это был единственный музыкальный коллектив, который работал на протяжении всех 900 дней блокады. Лишь в самые трудные месяцы конца 1941 – начала 1942 г. прерывались его спектакли. За период блокады театр дал 919 спектаклей, которые посетило 1 208 007 человек⁸.

Частыми гостями у воинов блокированного города были фронтовые бригады эвакуированных ленинградских театров. Так, например, в декабре 1942 г. фронтовая бригада артистов Театра имени А.С. Пушкина под руководством народного артиста РСФСР Н. Черкасова только на КБФ дала 40 концертов⁹.

Нередко после выступлений артистов концертных бригад актеры вместе с воинами продолжали вечер выступлениями художественной самодеятельности. Были случаи, когда встречи воинов с работниками искусств превращались в импровизированные патриотические митинги¹⁰.

Концертные бригады для обслуживания воинов Ленфронта и КБФ приезжали из других городов страны. Так, например, в ноябре-декабре 1942 г. в частях и на кораблях КБФ выступала 1-я фронтовая концертно-эстрадная бригада Комитета по делам искусств под руководством С.А. Пищика. Бригада дала 120 концертов, в том числе 20 – в Кронштадте.

В послании артистам кронштадтцы писали: «Ваше мастерство, острая шутка, теплая лирическая песня, задорная пляска, вся программа вашего замечательного концерта – это тоже оружие»¹¹.

Большую роль в организации культурного досуга занимали Дома офицеров, клубы частей, соединений, баз. Об их роли можно судить по опыту культурно-массовой работы клуба Ленинградской военно-морской базы. За период с мая по сентябрь 1943 г. клуб организовал в действующих подразделениях 103 концерта художественной самодеятельности, артистов ленинградских театров. Имея в своем распоряжении агиткатер, клуб активно использовал его для обслуживания кораблей на рейдах и у причалов. За пять месяцев – с июля по декабрь 1942 г. – агиткатером было проведено 362 киносеанса, девять концертов, 24 лекции и доклада, 164 концерта грамзаписи¹².

Ленинградским домом ВМФ с сентября по декабрь 1942 г. на кораблях и в частях было дано 600 концертов силами артистов ЛДВМФ. Помимо этого было организовано четыре выезда агитмашины с концертными бригадами, кинопередвижкой, подвижными выставками¹³.

Несмотря на суровые блокадные условия, на кораблях и в частях была широко развита художественная самодеятельность, которая играла исключительно большую роль в поднятии настроения, боевого духа воинов. Так, только на КБФ принимали активное участие в художественной самодеятельности свыше 5000 рядовых, старшин и офицеров, что свидетельствует о том, что самодеятельное творчество на флоте носило массовый характер¹⁴.

В подразделениях фронта и флота создавались ленинские комнаты-землянки, а в частях – клубы-землянки, в которых проводились концерты, демонстрировались кинокартины. Демонстрация кинокартин проводилась имеющимися при политотделах агитмашинами.

С целью дальнейшего расширения культурного шефства над частями РККА, ВМФ и войск НКВД, Комитет по

делам искусств при СНК СССР и ЦК Союза работников искусств одобрили инициативу коллектива Московского академического Художественного театра Союза ССР, взявшего ряд обязательств по культурному обслуживанию воинов действующей армии. В указаниях председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР призвал всех работников искусств поддержать это начинание и отметил, что в марте 1943 г. итоги этой работы за период Отечественной войны будут подведены на очередном пленуме Рабис с присуждением лучшим театрально-зрелищным коллективам и организациям переходящих знамен видов Вооруженных сил, кубков, юбилейных грамот¹⁵.

В марте 1943 г. на V пленуме ЦК Союза Рабис переходящее знамя НК ВМФ было присуждено Ленинградскому областному комитету Союза работников искусств¹⁶.

Неоценимое воздействие на душевное состояние защитников Ленинграда имело музыкальное искусство, Музыкальные концерты систематически транслировались по Ленинградскому радио. Только в течение 1943 г. для воинов Ленфронта было дано 220 радиоконцертов, для раненых воинов – 365¹⁷. В Ленинграде постоянно работала большая группа композиторов: Н. Будашкин, В. Витлин, Б. Гольц, Л. Круц, К. Листов, Н. Соколов, Д. Шостакович, И. Дзержинский, М. Юдин и многие другие.

В октябре 1941 г. президиум Ленинградского отделения Союза композиторов прослушал новые песни о защитниках города. Общее одобрение получили песни на стихи ленинградских поэтов: «Песня о Бринько» Б. Гольца, «Баллада о Ханко» М. Юдина, «Походная» И. Дунаевского, «Песня морской пехоты» Н. Будашкина, «Крейсер “Киров”» Л. Ходжи-Эйнатова¹⁸.

Композиторы В. Витлин, Л. Круп, Н. Минх написали музыкальную комедию на текст Вс. Вишневского, В. Азарова и А. Крона «Раскинулось море широко». Премьера спектакля состоялась 7 ноября 1942 г. Он был посвящен героизму и мужеству защитников Ленинграда – балтийским морякам и ленинградцам. Успех пьесы был огромный. Она шла в театре Музыкальной комедии более 160 раз¹⁹.

За период с начала войны до января 1943 г. композиторы Ленинграда только на флотскую тему написали более 100 песен, лучшие из которых были изданы в сборниках «Песни красноармейской Балтики»²⁰. Многие из них были написаны композитором К. Листовым на слова самодеятельных поэтов и поэтому производили особое впечатление на личный состав. В блокадном Ленинграде впервые прозвучала знаменитая Седьмая Ленинградская симфония Д. Шостаковича, посвященная всем защитникам города, грядущей Победе над фашизмом.

Музыкальное искусство звало защитников осажденного города к борьбе за Победу, подбадривало их, спланивало, внушало любовь к Родине, ненависть к врагу, приумножало духовные силы воинов.

В годы блокады в Ленинграде работала большая группа кинематографистов. В их числе В.В. Гребнев, А.В. Дестильеров, П.С. Долгов, С.И. Фомин, А.А. Климов, А.Н. Быстров, С.В. Иванов, С.Я. Рубежов, Р.Л. Кармен, В.М. Соловцев, Н.Г. Комаренцев, Е. Учитель и др.

Студия «Лентехфильм» была привлечена к производству короткометражных фильмов о боевых подвигах защитников города. Так, в 1942 г. была создана кинокартина «Герои торпедных атак» о боевых действиях экипажа подводной лодки Щ-323 (командир – капитан-лейтенант Ф.И. Иванцов). Осенью 1941 г. лодка уничтожила два транспорта и два танкера противника и первой из подводных сил КБФ в годы Великой Отечественной войны была награждена орденом Красного Знамени²¹. Осенью 1942 г. Ленинградская кинофабрика сняла фильм «Труженики моря» о боевых делах личного состава подразделения катерных тральщиков, которым командовал капитан 3-го ранга В.К. Кимаев. Были выпущены также кинокартины «Третий гвардейский», «Зенитчики Балтики» и др.²²

Огромное впечатление на защитников города произвел фильм «Ленинград в борьбе». Этот фильм начал демонстрироваться в кинотеатрах осажденного города 9 июля 1942 г. В нем были достоверно показаны все труд-

ности и лишения, переживаемые ленинградцами, их героический труд, подвиги защитников города, артобстрелы и бомбежки. Это был фильм о мужестве и стойкости ленинградцев. Он звал к борьбе, воодушевлял воинов фронта и флота, поднимал их моральный дух. К 20 июля фильм посмотрело 115 тыс. горожан, он был показан во всех частях фронта и кораблях флота. 11 июля «Ленинградская правда» поместила отклики читателей на фильм. Среди первых зрителей был командующий войсками Ленфронта генерал-лейтенант А.А. Говоров. В своем отклике он писал: «Величественная эпопея обороны города показана правильно, без прикрас. Наперекор злобному врагу, голоду и зимней стуже – город Ленина выдержал и штурм, и блокаду <...> Фильм зовет к борьбе. Учит мужеству. Призывает к ненависти <...> Этот фильм еще не закончен. Его последней главой должен стать “Разгром немцев под Ленинградом”. Эту главу наш долг написать пулями и снарядами, танками и самолетами»²³.

Значительную роль в поддержке и укреплении духовных сил защитников города сыграли ленинградские писатели и поэты. По решению городского комитета партии многие из них были мобилизованы и работали во фронтовых, армейских и флотских газетах. Среди них Н. Чуковский, Л. Успенский, П. Лукницкий, М. Дудин, А. Кучеров, Ю. Инге, А. Бейлин, А. Штейн и др. Они с самого начала битвы за Ленинград находились на передовой линии, в частях и на кораблях, в морской пехоте и в авиации²⁴.

В наградном листе Всеволода Борисовича Азарова, написанном начальником политотдела 9-й штурмовой Ропшинской ордена Красного Знамени авиационной дивизии ВВС КБФ полковником Ф.В. Сарафоновым отмечалось, что писатель в трудную зиму 1941/42 г. нередко пешком добирался до фронтовых аэродромов авиации КБФ; выступал с проникновенными стихами, очерками, вселяя в летчиков и техников бодрость и энергию. Его стихи об авиации и летчиках 3-го гвардейского истребительного авиационного полка с интересом читались во всех частях ВВС и на флоте. Летом 1943 г., когда авиация КБФ участвовала в боях в районе Мги, Азаров почти неотлучно находился на аэродроме, overseeing боевую деятельность штурмовиков во флотской и центральной печати.

В сентябре 1943 г. поэт был назначен ответственным секретарем редакции газеты «Сокол Балтики». Часто бывал на аэродромах, подробно отражал боевую жизнь и был личного состава на страницах газет. За самоотверженную работу в частях КБФ и большую литературную, творческую деятельность, способствовавшую мобилизации личного состава на выполнение боевых заданий по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, В.Б.Азаров в мае 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды²⁵.

При политуправлении КБФ в октябре 1941 г. была создана оперативная группа писателей во главе со Вс. Вишневским. В нее вошли И. Амурский, Н. Браун, Г. Мирошниченко, А. Тарасенков, А. Азаров, А. Крон, Н. Михайловский и др.²⁶ Ленинградское отделение Союза советских писателей выделило группу литераторов для работы в Военмориздате. В нее вошли М. Сломинский, Ю. Герман, В. Каверин, Б. Лавренев и др.²⁷

Писатели систематически общались с воинами, посвящали героическим защитникам Ленинграда свои произведения, проводили обзоры литературы, выступали перед ними с читкой своих стихов, пьес, рассказов. Частыми гостями у воинов были О. Берггольц, В. Инбер, В. Кетлинская, Л. Прокофьев, Н. Тихонов, А. Фадеев, А. Яшин, А. Зонин и др.

За годы блокады писатели и поэты написали девять книг о Ленинграде и пригородах, более 900 стихов, рассказов и повестей²⁸, много пьес, посвященных боевым делам защитников города. Среди них «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского, «Звезды на рейде» М. Тевелева, «Бастион на Балтике» А. Штейна, «Офицер флота» А. Крона.

Ленинградские поэты за период блокады написали более 20 поэм, посвященных защитникам города. Большой популярностью у воинов пользовались поэмы М. Дудина «Костер на перекрестке», «Дорога гвардии», В. Саянова «Невская повесть», В. Инбер «Пулковский меридиан»,

О. Берггольц «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма».

Постоянная живая связь писателей и поэтов с защитниками города – пехотинцами, артиллеристами, летчиками, танкистами, моряками – являлась действенным фактором влияния на боевой дух воинов, вдохновляла на подвиги, вселяла уверенность в победе над врагом.

На повышение морального духа защитников осажденного города, их боевой стойкости были задействованы силы ленинградских художников. Ленинградское отделение Союза советских художников стало центром, в котором сосредоточилась вся работа по переформированию наглядно-массовой агитации в городе-фронте. В эту работу включилось более 100 художников²⁹. Среди них В.И. Кудров, В.А. Кобелев, В.А. Власов, И.С. Астапов, А.А. Казанцев, В.А. Николаев, Г.Н. Петров, В.Б. Пинчук, В.А. Серов, А.Ф. Пахомов, Г.С. Верейский и многие другие.

По решению горкома партии ленинградские художники с первых дней войны начали издавать иллюстрированный листок «Боевой карандаш»³⁰. Вместе с художниками в нем активно трудились поэты Б.Н. Тимофеев, В.М. Саянов, А.А. Прокофьев и др.³¹ В «Боевом карандаше» оперативно отражались боевые дела защитников города, популяризировались их подвиги, рассказывалось о героических буднях ленинградцев. Это издание оказывало воодушевляющее эмоциональное воздействие на людей, вселяло в них бодрость. «Боевой карандаш» издавался в течение почти всей войны. Его первый номер вышел 28 июня 1941 г., а последний, 103-й, – в январе 1945 г. В Ленинградское отделение Союза советских художников неоднократно приходили письма от воинов фронта с положительными отзывами о выпусках «Боевого карандаша» и просьбами осветить в нем то или иное событие³². Это свидетельствовало о его огромной популярности среди воинов.

Важными событиями в жизни осажденного города являлись выставки произведений художников. Первая такая выставка открылась 2 января 1942 г. под общим названием «Ленинград в дни Отечественной войны». На ней были представлены эскизы, написанные в самые тяжелые дни блокады³³. 12 июня 1942 г. была открыта еще одна выставка произведений художников. В 1943 г. было проведено 12 стационарных и 22 военно-шефские выставки-передвижки, на которых экспонировалось 478 произведений 95 авторов³⁴.

Произведения художников оказывали большое эмоциональное воздействие на воинов, воспитывали у них ненависть к немецко-фашистским захватчикам, стремление любой ценой отстоять город. Об этом свидетельствуют отзывы воинов о выставке, организованной весной 1943 г.: «Выставка ленинградских художников – это ценный вклад в историю борьбы Ленинграда против немецких оккупантов. Особенно следует отметить художника В. Серова. Спасибо ему за плодотворную деятельность в столь суровые дни. Старшина 1-й статьи (подпись)»³⁵; «Рассказ об этой смертельной схватке со смертью кистью художника заставил меня заплакать <...> Прочти, боец, мои слова, посмотри картину Николаева “Пурга” и запомни, что только гранатой, штыком, пулеметным ливнем, бомбами надо ответить врагу за наши муки. И. Морозов»³⁶.

К делу поддержания и укрепления духовных сил защитников города были привлечены и культурно-просветительские учреждения города. В августе 1941 г. Музей Октябрьской революции открыл специальную выставку «Героика русского народа». Сотрудники Музея религии и атеизма подготовили тематические выставки о героическом прошлом нашей Родины, об Отечественной войне 1812 г. В 1943 г. в музее был открыт доступ к могиле М.И. Кутузова. Около нее воины фронта и флота принимали военную присягу. Сотрудники музеев проводили с воинами экскурсии по Ленинграду, помогая им наглядно представить все величие города, его традиции, его ценность для советского народа. Только за второе полугодие 1943 г. и первый квартал 1944 г. научные сотрудники

музеев в воинских частях, на кораблях, в госпиталях прочитали 1254 лекции на военно-исторические темы³⁷.

Государственные и партийные органы, Военные советы Ленфронта и КБФ проявляли постоянную заботу о поддержке и укреплении духовных сил защитников города. На решение этой задачи были направлены такие меры социальной политики, как забота о социальной защищен-

ности семей военнослужащих, организация отдыха личного состава, обслуживание воинов культурно-массовыми мероприятиями. К этому делу были привлечены общественные организации города, творческие союзы. Все это обеспечило, несмотря на экстремальные условия города-фронта, высокий боевой настрой защитников города, их боевую стойкость, упорство в борьбе с врагом.

¹ ЦВМА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 194. Л. 122.

² Ленинградская правда. 1941. 27 июня, 19 июля.

³ Щеглов Д.А. В ополчении: Военные мемуары. М., 1960. С. 19.

⁴ Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1968. С. 172.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.

⁶ Смирнов Н.К. Заметки члена Военного совета. М., 1973. С. 178.

⁷ ЦВМА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 194. Л. 122.

⁸ Крюков А.Н. Музыка в городе-фронте. Л., 1975. С. 27.

⁹ ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 619. Л. 171.

¹⁰ Там же. Д. 165. Л. 152.

¹¹ Там же. Д. 669. Л. 45.

¹² ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 701. Л. 165, 168.

¹³ Там же. Д. 627. Л. 5.

¹⁴ ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 701. Л. 200.

¹⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 669. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 128.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 7278. Оп. 2. Л. 855. Л. 3; Д. 1202. Л. 16, 24.

¹⁸ Буров А.В. Блокада день за днем. Л. 1979. С.70.

¹⁹ Базовский В.Н., Шумилов Н.Д. Самое дорогое: Документальное повествование об А.А. Кузнецове. М. 1982. С.153.

²⁰ ЦВМА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 706. Л. 1.

²¹ Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л. 1976. С.90.

²² Малов Ю.И. Деятельность ленинградской партийной организации и политорганов Краснознаменного Балтийского флота по укреплению единства трудящихся и воинов-балтийцев в период героической обороны города (1941–1944): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982. С. 93.

²³ Цит. по: Ленинград в борьбе: Месяц за месяцем (1941–1944). С. 136.

²⁴ Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1981. С.481.

²⁵ ЦВМА. Ф. 88. Оп. 2. Д. 172. Л. 101, 101 об.

²⁶ Очерки истории Ленинграда. М.-Л. 1967. Т.5. С.645.

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 9883. Оп. 1. Д. 12. Л. 74.

²⁸ Малкин Б., Лихоманов М. Идеино-политическая работа Ленинградской партийной организации в войсках // Военно-исторический журна. Л., 1964. № 1. С. 22.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же. Ф. 9496. Оп. 2. Д. 17. Л. 65.

³² ЦГАЛИ СПб. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

³³ Там же. Д. 34. Л. 1.

³⁴ Загурский Б. Искусство суровых лет. Л., 1970. С. 46.

³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 2023. Оп. 1. Д. 221. Л. 8.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТИМЧЕНКО

начальник научно-исследовательского отдела (научный руководитель фундаментального многоотомного труда) «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»; Военный университет (Москва)
Тел.: (495)799-16-14; E-mail: awtim@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы совершенствования подготовки преподавателей основ начальной военной подготовки, а также некоторые проблемы материального снабжения курса НВП в школах и средних специальных учебных заведениях СССР.

Ключевые слова: начальная военная подготовка, Вооруженные силы, среднее образование.

У ИСТОКОВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДОПРИЗЫВНОЙ МОЛОДЕЖИ

К 1980-м гг. военный руководитель в советских школах и средних специальных учебных заведениях фактически стал заместителем директора школы по военно-патриотическому воспитанию, начальником штаба гражданской обороны и имел соответствующие полномочия. Статус военного руководителя поддерживался его внешним видом: учитель в военной форме одежды со всеми отличительными знаками, эмблемами и наградами также оказывал воспитательное воздействие.

С возрастанием роли и места военной подготовки, военно-патриотического воспитания по всем направлениям

школьной работы многократно возростала ответственность военного руководителя за состояние военно-патриотической работы в школе, за учебно-материальную базу военной подготовки. В военных комиссариатах велся строгий учет военных руководителей как военных специалистов, и их применение входит в планы мобилизации, даже если они офицеры запаса или в отставке.

На момент введения начальной военной подготовки в педагогических институтах (или других высших и средних учебных заведениях) отсутствовали специальные факультеты. В силу этого к преподаванию начальной военной подготовки пришлось привлекать отставных военных, как

правило не имеющих педагогического образования и опыта. В государстве создается система переподготовки и повышения квалификации военруков: курсы при центральных и областных институтах усовершенствования учителей и военных комиссариатах.

В целях поддержания высокого уровня квалификации руководителей НВП школ, средних специальных учебных заведений и учебных заведений системы профессионально-технического образования и с начальниками учебных пунктов ежегодно до начала учебного года проводились учебно-методические сборы при военных комиссариатах. Для лиц, вновь назначенных на должности военных руководителей, проводились сборы по повышению специальной квалификации. Данные занятия готовились под эгидой Министерства обороны СССР, Министерства просвещения СССР, Начальника гражданской обороны СССР и ЦК ДОСААФ СССР¹.

Положительным было привлечение к работе с военруками профессорско-преподавательского состава педвузов, учителей школ, военных специалистов и др. С 1973 г. повсеместно вводится дифференцированное обучение военруков с учетом их педагогической и профессиональной подготовленности, стажа и опыта. Типовой учебный тематический план курсов переподготовки военруков и программы был рассчитан на 150 часов. Учебный план включал марксистско-ленинскую, психолого-педагогическую, военную, методическую подготовку.

Однако необходимо констатировать тот факт, что деятельность органов просвещения по повышению квалификации преподавателей начальной военной подготовки страдала определенными недочетами: преобладали информационно-репродуктивные формы обучения, недостаточное внимание уделялось философско-политической, психолого-педагогической подготовке учителей, слабо повышался их методический потенциал.

Целенаправленная подготовка военных руководителей в СССР развертывалась постепенно. К концу этапа становления НВП (1968–1972) начальную военную подготовку преподавали 53 932 человека. И хотя к этому времени подготовкой военруков занимались семь педагогических институтов СССР, подавляющая часть из них являлась бывшими офицерами Советской армии, находящимися в запасе, – 40 103 человека, а около четверти – 13 829 – сержантами и солдатами запаса². По оценкам современников, более 50% военных руководителей имели высшее или среднее военное образование и около 45% – педагогическое. В это время военруками трудилось большое число участников Великой Отечественной войны³. Это особенно способствовало улучшению военно-патриотического воспитания молодежи, подготовке ее к службе в Вооруженных силах.

В дальнейшем процесс подготовки военруков неуклонно расширялся. Так, уже в 1980 г. количество вузов, готовивших преподавателей начальной военной подготовки и физического воспитания, возросло более чем в 3,5 раза. В постановлении Совета министров СССР № 785-260 от 11 сентября 1980 г. «О начальной военной подготовке»⁴ упоминается уже 26 институтов, в которых организовывалось обучение по специальности 2115 «Учитель начального военного обучения и физического воспитания». Большинство из них находилось в Российской Федерации – 15, в Украине – 3, в Узбекистане – 2, в Белоруссии, Казахстане, Грузии, Армении, Латвии, Туркмении по одному⁵.

В 1988 г. 24 апреля вышел совместный приказ министра обороны СССР и председателя Госкомитета СССР по народному образованию № 157/39 «О направлении в высшие учебные заведения военнообязанных выполняющих интернациональный долг в Республике Афганистан»⁶. Значимость этого приказа состоит в том, что он способствовал привлечению к работе с молодежью лиц подготовленных, опытных, патриотично настроенных, что в свою очередь поднимало авторитет и эффективность начальной военной подготовки. С его выходом количество вузов, проводивших обучение по специальности «Начальная во-

енная подготовка и физическая культура» с четырехгодичным обучением, увеличилось до 53.

Данные меры позволили увеличить число военруков в Советском Союзе к концу 80-х гг. до 72,7 тыс. человек. Данное количество позволило полностью обеспечить сеть средних учебных заведений руководителями военной подготовки – 99,5%⁷. Однако необходимо заметить, что, несмотря на предпринимавшиеся усилия, проблема военных руководителей оставалась актуальной на протяжении всего существования НВП.

Так, если в 1972 г. сержанты и рядовые запаса среди военруков составляли 23–24%⁸, то и через 16 лет эта цифра практически не изменилась и равнялась 22,8%⁹. При этом общее высшее образование имели 56% военных руководителей, высшее военное образование – 8,5%, среднее военное – 21,7%, 5,8% из них не служили в Вооруженных силах¹⁰.

Большую трудность вызывал возраст военных руководителей. Возраст каждого десятого из них, а в Москве – третьего, превышал 60 лет¹¹. А ведь им было вменено в обязанность проводить практические занятия по программе начальной военной подготовки, рассчитанной на молодого солдата. Поэтому говорить о личном примере не приходилось, хотя для молодых людей такой подход наиболее подходящий, поскольку дает право на авторитет руководителя занятия, а значит, и на преподаваемый им предмет.

Давала о себе знать текучесть кадров военруков, их некомплект. Только по РСФСР к 1985 г. 173 средние общеобразовательные школы были без военруков. Текучесть их кадров особенно возросла к концу 80-х годов. В 1988 г. она составила 11%, тем самым увеличившись за один год на 3,7%¹².

Активизация обучения начальной военной подготовке ускорила создание специальных методических пособий. В 1960–1970-е гг. разрабатываются вопросы теории и практики военной педагогики, научные основы построения учебников, что использовалось авторами книг и учебных пособий по начальной военной подготовке. Введение курса начальной военной подготовки в школах стимулировало создание новой учебной, военно-популярной литературы, учебно-наглядных и методических пособий, учебных кино- и диафильмов.

Кроме этого, проводилась большая работа по обеспечению учебного процесса допризывной подготовки специальной литературой. Так, например, в эти годы было выпущено 3,5 млн экземпляров учебных пособий для НВП, 1,5 млн экземпляров общевоинских уставов, более 2 млн наставлений по стрелковому спорту. Основная нагрузка по обеспечению учебными материалами лежала на Военном издательстве и издательстве ДОСААФ¹³.

Но, к сожалению, приходится констатировать, что во многом эта работа носила декларативный характер. Работу по созданию необходимой военно-спортивной базы проводили в основном в инициативном порядке органы образования, комсомольские, оборонные и спортивные организации, военкоматы, промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Их усилиями создавались площадки для занятий строевой подготовкой и прохождения основ гарнизонной службы, стрелковые тиры, использование которых безусловно способствовало повышению уровня военной подготовки учащихся в системе учебной и внеклассной работы.

Недостаточная централизованная государственная поддержка сказалась на том, что учебно-материальная база оставалась недостаточно развитой. И если в городах состоянии УМБ как-то обеспечивало решение задач подготовки молодежи к службе в армии, то в сельской местности администрация учебных заведений испытывала серьезные трудности.

По сути, она практически так и не смогла возродиться. Вызывала определенные трудности и чрезмерная ее сложность. Принимавшиеся правительственные решения о необходимости создания в учебных заведениях обязательного полного комплекса НВП выполнены не были, новые учебные заведения строились без них. На конец 80-х гг.

их количество составляло 49,35% от необходимого¹⁴. Общее состояние материальной базы начальной военной подготовки по другим показателям характеризовалась следующими цифрами¹⁵ (% от необходимого количества): стрелковые тиры – 66,15%; военные кабинеты – 98,5%; гимнастические городки – 77,5%; комнаты для оружия – 95,6%; автоматы Калашникова – 89%; малокалиберные винтовки – 97%; ручные гранаты – 69%; приборы химической разведки – 55,12%; защитные костюмы – 67,35%.

Таким образом, к моменту распада СССР была проделана большая работа по патриотическому воспитанию в советской школе и средних специальных учебных заведениях. О ее значении свидетельствует тот факт, что военный руководитель являлся одним из заместителей директора соответствующего учебного заведения. Однако материальное снабжение курса, возвращенного в среднюю школу и средние специальные учебные заведения, оказалось зачастую недостаточным.

¹ ГАРФ. Ф. 9563. Оп. 4. Д. 123. Л. 112.

² РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 953. Л. 94.

³ Бублик Л.А. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в современных условиях. М., 1973. С. 17.

⁴ ГАРФ. Ф. 9563. Оп. 4. Д. 123. Л. 91–105.

⁵ Там же. Л. 106–108.

⁶ ЦА ДОСААФ России. Ф. 9552. Оп. 1. Д. 2, 1988 г. Л. 50.

⁷ Там же.

⁸ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 953. Л. 93.

⁹ ЦА ДОСААФ России. Ф. 9552. Оп. 1. Д. 2, 1988 г. Л. 50.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 45.

¹² Там же.

¹³ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 953. Л. 94.

¹⁴ ЦА ДОСААФ России. Ф. 9552. Оп. 1. Д. 2, 1988 г. Л. 50.

¹⁵ Там же.

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ АЛЕКСАНДРОВ

преподаватель кафедры тактики и общевойсковых дисциплин Вольского филиала военной академии материально-технического обеспечения (Вольск)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: Alexandrova25071974@yandex.ru

Статья посвящена анализу причин возникновения первой Чеченской войны. Автор изучает вопросы формирования взглядов на войну в российском обществе в девяностых годах; излагает и анализирует хронологическую картину причин и решений, приведших к началу вооруженного конфликта.

Ключевые слова: российская власть, конфликт, незаконные вооруженные формирования, чрезвычайное положение, военная операция, вооруженные силы, международный договор.

МОРАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ РУКОВОДСТВА СТРАНЫ И УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЧЕЧНЕ В 1994 г.

Никакая война не возникает вдруг, самопроизвольно, требуется, по крайней мере, несколько лет, чтобы она стала фактом. Войну готовят социально-экономические и политические партии государства, заинтересованные в этом.

К войне на Северном Кавказе Россия и Чечня шли почти 4 года. Шли каждая своим путем, но переживая схожие процессы, обуславливавшие неизбежность будущего столкновения. Чеченская война – закономерное порождение тех исторических условий, которые складывались на постсоветском пространстве после Беловежского договора, ликвидировавшего СССР, а также с началом радикальных реформ в России в январе-феврале 1992 г., обусловивших смену экономического и политического строя, капитализацию страны. Эта война – следствие, проявление глубокого перелома в начавшемся прогрессивном историческом процессе демократизации – перелома в сторону усиления реакционной разрушительно-реставрационной тенденции, нарастания насилия во внутренней и внешней политике страны¹.

Подобный реакционный поворот отличают три процесса: целеустремленное создание новой властью нового капитала (крупного, среднего, малого) за счет государственного, общественного, коллективно-группового и индивидуального достояния; образование в социальной структуре общества различных групп и группировок, направленных на создание механизмов обогащения; создание и осуществления политики, соответствующей интересам указанных групп и группировок, которая не может не делать ставку на силу, принуждение, подавление других социальных сил (бедных, обездоленных, ограбленных, униженных, конкурентов и т.п.)².

Можно сомневаться в тезисе, что частная собственность есть первопричина войн, ибо если частная собственность имеет место при господстве государственной (или общественной) собственности в миролюбивом демократическом государстве, то она может полностью утрачивать способность инициировать насилие, особенно военное. Но при ее преобладании дела идут по-другому. В России до 60% бывшей государственной собственности оказалось у частных. Причем 80–90% этой собственности оказались в руках крупных бизнесменов, обладающих большими экономическими, финансовыми и политическими возможностями³. Общероссийская смута, хаос и неопределенность, правовой беспредел, слабость власти стимулируют разграбление имущества, борьбу финансово-экономических группировок за захват богатств, за раздел и передел сфер влияния, особенно источников сырья, земель. Все это в большой мере определяет экономическую и политическую ситуацию в стране в начале 90-х гг. XX в., усиление ее милитаризации (расползание оружия, создание и рост числа организаций полувоенного типа, охранных служб, различных корпораций и т.д.).

Механизм назревания войны в Чечне и в России действовал своеобразно. В 1991 г. Чечня не имела собственных вооруженных сил, оружия и военной техники, органов управления и центров подготовки военных кадров, не могла вести собственное военное строительство. Если бы после распада СССР Москва сохранила там свои военные гарнизоны, имея на то полное право, то Чечня не смогла бы стать очагом военной опасности для России⁴.

Хаотичный развал СССР, вывод советских войск из Чечни, огромное количество брошенного оружия, техни-

ки, снаряжения, боеприпасов, а также оставленные гарнизоны, комплексы зданий Министерства обороны создали материальные предпосылки для формирования чеченской армии.

Захват власти Д.М. Дудаевым, отражавшим интересы агрессивно настроенных националистических группировок, провозгласившие в феврале 1992 г. независимость Чечни и объявившие о ее намерении строить свою армию, вызвали в России протесты лишь на словах. В мае 1992 г. П.С. Грачев, только что вступивший в должность министра обороны Российской Федерации, приказал командующему Северокавказским округом выделить 50% оружия, имевшегося на территории Чечни, Д.М. Дудаеву. На деле в руках чеченского правителя оказалось около 90% находившегося там оружия. Политическое и военное руководство России тем самым благословляло милитаризацию Чечни, хотя ясно было, что она своим острием будет направлена против общероссийских интересов⁵. Российские политики и военные не только не смогли в полной мере оценить опасность строительства Чечней своей армии, но и не попробовали законным путем пресечь этот процесс в самом начале, а фактически содействовали созданию предпосылки для возникновения опасного военного конфликта в рамках России.

С начала 1992 г. в действиях российских властей стала набирать силу милитаристская тенденция: применение силовых структур для разгона мирных шествий, демонстраций, митингов, массовых избиений праздничных колонн и т.п. После каждой силовой акции власть обзаводилась новыми охранительными организациями, «придворными» местными войсками, вооруженными современными средствами, щедро оплачиваемыми за счет тех, кого беспощадно избивали. Милитаризация режима вела к повышению роли военных в разрешении возникавших проблем. После расстрела российского парламента в октябре 1993 г. стало ясно, что военные превратились в главную силу в руках власти, затмившую все остальные государственные общественные институты. Власть становилась все более насильственной. Милитаризация структур власти, политики, ставка на военных логично привели к войне в Чечне⁶.

Вместе с тем подталкивали стороны к войне и субъективные факторы: амбициозность, силовое мышление, произвольное использование власти, стремление попасть «на скрижали Истории».

В характере войны как совокупности наиболее существенных ее признаков принято выделять две стороны: социально-политическую и военно-техническую.

При рассмотрении социально-политической стороны дается обобщенная оценка политического, социального, правового, морального аспектов войны.

Политическое содержание войны определяется интересами и целями подготовивших и развязавших ее социальных групп. Война в Чечне отвечает интересам крупных финансово-экономических воротил, прежде всего в сфере топливно-энергетического комплекса, а также ВПК. Это показывают и социологические исследования. Политику войны устойчиво поддерживают 8–10%, а выступают против нее около 75–80% россиян, что соответствует сложившейся на основе радикального реформирования поляризации общества на богатых и бедных⁷. Большинство населения России было против войны, ибо она обрушилась на них всеми своими бедствиями. В поведении российских властей по отношению к Чечне рельефно проявился авантюризм, ибо практикой множества стран доказана бесперспективность решения межнациональных споров и конфликтов военной силой (Англия, Франция, Ирак, Иран, Турция, Эфиопия, Грузия и т.д.)⁸.

Ясно одно: никакого позитива война не дает. Было почти полностью разрушено хозяйство Чечни. Погибли десятки тысяч мирных граждан, а еще больше искалечено, лишились крова, превратились в беженцев. Огромны людские, материально-финансовые и моральные потери армии. Нанесен удар по системе социального обеспечения – образованию и воспитанию, здравоохранению, культуре, духовно-нравственной и психологической жизни. В отно-

шениях между субъектами Федерации и центром недоверие усиливается, крепость Федерации ослабевает, понесла большой урон демократия.

Ведущее значение в характеристике этой войны имеет ее правовая оценка, т.е. установление того, что в ней законно или незаконно с точки зрения соблюдения Конституции и других законов России, а также международных норм и обязательств. Согласно Конституции президент не имеет права решать вопросы войны и мира, они являются прерогативой парламента. С момента, когда полицейская акция переросла в войну, президент обязан был руководствоваться решениями парламента. Тем более что 3 декабря 1994 г. Совет Федерации принял постановление, в котором указывалось: «Не допускать применения силы на территории Чеченской республики до принятия в соответствии с Конституцией Российской Федерации компетентными органами иного решения». Однако президент произвольно подменил парламентом Советом Безопасности, не имеющим властных полномочий. Чеченская война явилась войной президента и Совета Безопасности вопреки решениям парламента о ее прекращении. Это явилось нарушением президентом своих обязанностей и обещаний. При подписании Договора «Об общественном согласии» 28 апреля 1994 г. Б.Н. Ельцин клялся: «Все мы едины в том, что нет и не может быть такой цели, которая достигалась бы ценой крови и человеческих жизней. Подписывая Договор, мы подтверждаем, что в российской политике допустимы только мирные, конституционные методы»⁹.

1 декабря 1994 г. президент России своим указом потребовал от граждан Чечни, незаконно владеющих оружием, сдать его властям к 15 декабря. На переговорах с П.С. Грачевым и министром внутренних дел В.Ф. Ериным в ингушской станице Слепцовская 6 декабря Д.М. Дудаев ультиматум отклонил.

9 декабря 1994 г. был подписан указ «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», ставший правовым основанием для боевых действий¹⁰.

Рано утром 11 декабря 1994 года армия и внутренние войска МВД пришли в движение для наведения конституционного порядка в Чечне. С этим заявлением Б.Н. Ельцин выступил по телевидению только через три дня. По данным близких к Кремлю источников, пауза была задумана, чтобы доложить народу о полном успехе.

Все это время пресса практически единодушно советовала Б.Н. Ельцину немедленно остановить войска и отмежеваться от случившегося, свалив ответственность на подчиненных, проявивших усердие не по разуму. Однако первого президента России можно было упрекать во многом, только не в стремлении прятаться за чужие спины. Поздравляя граждан России с наступающим 1995 г., в рочая слова, будто бульжники, он проговорил: «Я приказал <...> те, кто воюет сегодня на Северном Кавказе, выполняют волю президента...»¹¹.

Война в Чечне имела признаки агрессии. В определении агрессии, принятом ООН, преодолен спекулятивный подход, когда в расчет принимался только характер войны и не учитывалось, кто начал боевые действия, кто напал, наступает и т.д. Этот подход долго господствовал у нас. Теперь международными документами в качестве обязательного признака агрессии закреплено применение военной силы первым, т.е., признаком первенства или инициативы в применении военного насилия. Кроме того, решением Генеральной Ассамблеи (29-я сессия 1974 г.) понятие «агрессия» распространяется не только на межгосударственные, но и на внутригосударственные отношения. К внутренней агрессии относятся действия различных внутренних субъектов, в том числе действия власти по нарушению прав и свобод человека, применению незаконного насилия, лишению кого-либо законных прав и т.п. Война в Чечне, по общему признанию, является вопиющим нарушением прав и свобод человека, принципа человечности.

Проведение операции по разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики являлось наиболее крупным применением федеральных войск для разрешения кризиса внутри России.

Соединениям и частям федеральных войск противостояли хорошо подготовленные, вооруженные современным вооружением и военной техникой формирования, отличающиеся высоким моральным духом личного состава. Кроме того, Д.М. Дудаев не погнушался привлечь наемников и добровольцев из государств ближнего, и дальнего зарубежья¹².

Руководством России практически не была проведена работа по формированию общественного мнения населения страны относительно необходимости применения силы для разрешения чеченского кризиса. Отсутствие единства взглядов по этому вопросу у представителей органов федеральной исполнительной власти, с одной стороны, и законодательной – с другой, противоречивая полемика в средствах массовой информации препятствовали выработке у россиян твердой позиции в отношении Чечни, а также убежденности в необходимости применения войск для разрешения кризиса.

Части и подразделения Вооруженных сил были решающей силой при выполнении поставленных задач. Они успешно вели боевые действия как вне населенных пунктов, так и при овладении ими.

Кроме того, развернутая к этому времени в средствах массовой информации кампания, формирующая извращенное представление о роли и месте армии в решении задачи по разоружению незаконных вооруженных формирований Чечни, выступления руководителей ряда регионов России и депутатов Госдумы, протесты комитетов солдатских матерей и некоторых других общественных организаций крайне негативно сказались на морально-психологическом состоянии личного состава Вооруженных сил, войск (сил) других ведомств.

Уже с началом выдвижения российские войска столкнулись с проявлениями вполне определенной солидарности с дудаевским режимом со стороны некоторой части населения Ингушетии и Дагестана. Это выразилось в попытках ингушей и дагестанцев, проживающих в приграничных с Чечней районах, воспрепятствовать продвижению российских войск, вплоть до проведения открытых вооруженных акций против некоторых подразделений. Эти акции зачастую осуществлялись при прямом участии си-

ловых структур указанных автономий и с молчаливого согласия их руководителей самого высокого ранга¹³.

Нейтрализация негативной роли подобных организаций должна быть задачей как политической, так и юридически правовой и даже в какой-то мере силовой. Ее решением должны заниматься, главным образом, федеральные и местные административные органы власти, органы юстиции, правопорядка и безопасности. При этом необходимо исходить из того, что на территории Российской Федерации недопустима безнаказанная деятельность любых организаций, выступающих в поддержку антиконституционных сил, против территориальной целостности российского государства.

Чеченская война не ушла в прошлое. Болезненная память о ней не оставляет нас до сих пор. Война возвращается: телекадрами разрушенного Грозного, взрывами на вокзалах российских городов, похищениями людей, новыми опасными рецидивами противостояния. Чечня – контрастная фотография, образ времени. Чечня – символ нашей нестабильности и разобщенности. И одновременно Чечня – это испытание на гражданскую зрелость и человеческую вменяемость.

Погибшие, раненые, искалеченные, беженцы – страшный итог этой войны. Но есть и другой список – погибших иллюзий. И на первом месте в нем стоит престиж российской власти. Конечно, к осени 1994 г. мало кто обольщался по поводу этой власти: на ее счету уже были повальная коррупция, выстрелы по Белому дому и многое другое. Но то, что она способна развязать кровопролитную войну на территории собственной страны, – этого никто не мог ожидать.

Другое отрезвляющее открытие: ничтожно малой оказалась возможность общества влиять на политику государства. Непопулярность Чеченской войны с самого начала была настолько очевидна, и не только среди личного состава силовых ведомств, что казалось – вот-вот сейчас они, в Кремле, поймут, в какую чудовищную авантюру ввязались, и немедленно прекратят кровопролитие. Ничего подобного. Понадобилось два года боины и реальная угроза потери власти, чтобы заставить наших правителей отказаться от этого безумия.

Правительство России в дальнейшем последовательно осуществляло демократические и либеральные реформы, но события 1994–1996 гг. так и остались кровавым пятном в истории нашей страны.

¹ Серебренников В.В. Война в Чечне: причины и характер // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 47.

² Олейников Д.И. Шамиль // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 60.

³ Социология межнациональных отношений в цифрах. М.: ИСПИ РАН, 1996. С. 118.

⁴ Хабба Б.А. Факторы этнополитической конфликтности на Кавказе // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 57.

⁵ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. М.Е. Болтунова. М. Издательский дом «Красная звезда», 2000. С. 169.

⁶ Литовкин В.С. Уроки, оплаченные кровью // Независимое военное обозрение 2009. № 12. С. 22.

⁷ Социология межнациональных отношений в цифрах. М.: ИСПИ РАН, 1996. С. 119.

⁸ Литовкин В.С. Указ. соч.

⁹ Российские вести. 1994. 29 апреля // Видеохроника РТР, МО РФ// www. vesti.ru/ 29.04.1996. Дата выхода 13.04.2009.

¹⁰ Литовкин В.С. Указ. соч.

¹¹ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. С. 170.

¹² Там же. С. 180.

¹³ Литовкин В.С. Указ. соч. С. 23.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КОНСТАНТИН ЕВГЕНЬЕВИЧ МЕЩЕРЯКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель заведующего кафедрой, докторант факультета (Санкт-Петербург)
Тел.: 7 (931) 269-19-67; E-mail: mesce@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции и проблемы развития российско-туркменских межгосударственных отношений в годы президентства Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.). Анализируется нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества. Изучаются взаимосвязи между особенностями внутренней и внешней политики постсоветского Туркменистана.

Ключевые слова: Российская Федерация, Туркменистан, Центральная Азия, постсоветское пространство, Содружество Независимых Государств, внешняя политика, постоянный нейтралитет, Туркменбаши.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ТУРКМЕНСКОГО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1991–1999 гг.

Хотя со времени образования СНГ минуло уже более двадцати лет, в научном плане политика России на постсоветском пространстве все еще остается недостаточно изученной. В наибольшей степени это относится к отношениям между Москвой и Ашхабадом в годы президентства Б.Н. Ельцина (1991–1999 гг.).

После распада СССР российско-туркменские отношения испытывали большие сложности, поскольку либерально настроенное российское руководство не желало поддерживать контакты с авторитарными режимами, наиболее одиозным из которых на постсоветском пространстве ему представлялся режим С.А. Ниязова. Однако даже в это время полного отказа Москвы от взаимодействия с Ашхабадом не произошло. Правда, возможности для подобного взаимодействия оставались крайне узкими, и оно ограничивалось лишь отдельными вопросами, представлявшими интерес главным образом для туркменской стороны.

Уже 24 декабря 1991 г., через три дня после заключения Алма-Атинских договоренностей, Россия и Туркменистан подписали Соглашение о принципах торгово-экономического сотрудничества на следующий год. Они обязались воздерживаться от действий, наносящих ущерб друг другу, способствовать развитию существующих между ними связей, создавать совместные предприятия и оказывать взаимопомощь в случае стихийных бедствий¹. По своему содержанию данный документ являлся предельно общим, причем обе стороны понимали, что его положения не могут быть реализованы на практике в указанный период. Однако факт его подписания стал сигналом к установлению диалога между нашими государствами, учитывая, что ранее их руководители вообще избегали общения друг с другом.

8 апреля 1992 г. Россия и Туркмения установили дипломатические отношения. С этого времени сотрудничество между ними вышло на более высокий уровень, хотя ни одна из сторон по-прежнему не рассматривала другую в качестве приоритета своей дипломатии. Отличительной чертой российско-туркменских отношений стало и то, что они изначально развивались в обход структур СНГ. Например, Ашхабад не являлся принципиальным противником развития контактов с Москвой в военно-политической сфере, но мыслил их исключительно на двусторонней основе, поэтому не подписал Договор о коллективной безопасности.

21 июня 1992 г., после принятия новой конституции Туркменистана, в республике состоялись повторные президентские выборы, которые с результатом 99,5% голосов выиграл С.А. Ниязов. После этого российское руководство окончательно убедились, что именно с этим политиком ему придется иметь дело в предстоящие годы. В июле С.А. Ниязов посетил Россию с первым официальным визитом, в ходе которого стороны заключили пакет согла-

шений, легших в основу их сотрудничества на предстоящее десятилетие.

Главным подписанным документом стал Договор о дружбе и сотрудничестве, на базе которого российско-туркменские отношения развивались до 2003 г. В преамбуле к договору содержались весьма далекие от туркменских реалий формулировки, что стороны стремятся построить демократические правовые государства и обеспечить всестороннее взаимодействие друг с другом в рамках СНГ. Очевидно, что данные положения соответствовали существовавшей в то время практике, но их резкое расхождение с действительностью вынуждало задуматься о некой фиктивности данного договора, особенно для Ашхабада. Отдельные статьи документа содержали обязательства сторон руководствоваться принципами уважения суверенитета и независимости друг друга, невмешательства во внутренние дела государства-партнера, неприменения против него силы или угрозы силой. В случае с российско-туркменскими отношениями они также являлись сугубо формальными, поскольку наши государства не имели общих границ, и к середине 1992 г. у Ашхабада уже не было подозрений насчет способности Москвы восстановить Советский Союз. Стороны договорились проводить согласованную внешнюю политику и способствовать созданию в СНГ системы коллективной безопасности. В области обороны они решили сохранить общее военно-стратегическое пространство. Москва и Ашхабад обязались воздерживаться от поддержки действий, направленных друг против друга; в случае возникновения ситуации, нарушающей интересы безопасности одной из сторон, они договорились обращаться друг к другу с просьбой о проведении консультаций. Таким образом, Туркмения изначально отказалась установить с Россией союзнические отношения как на многосторонней (в рамках СНГ или ДКБ), так и на двусторонней основе. Стороны согласились предоставить всем лицам, проживающим на их территории, равные права в соответствии с общепризнанными нормами; меньшинствам гарантировалось обеспечение условий, необходимых для сохранения их национальной, религиозной и культурной самобытности. Данные формулировки были направлены на защиту прав русскоязычного населения Туркмении, однако, с учетом характера существующего там режима, являлись невыполнимыми на практике. Лица, проживавшие на территории России и Туркменистана, получили право выбора гражданства одной из сторон, а также приобретения двойного гражданства. В данном вопросе Ашхабад пошел навстречу Москве, не видя в предоставлении своим гражданам параллельного российского гражданства угрозы своей безопасности.

В экономическом плане стороны договорились участвовать в формировании общего экономического пространства, что несущественно отличалось от более раннего под-

хода Ашхабада, выступавшего за сохранение СССР в качестве единого экономического пространства союзных республик. Свои торговые отношения они договорились строить на основе взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования или национального режима, в зависимости от того, какой из них более благоприятен. Приоритетными отраслями российско-туркменского взаимодействия в договоре назывались развитие систем переработки, использования и экспорта нефти и природного газа, сельское хозяйство, энергетика, транспорт и связь. Стороны согласились обеспечивать транспортные операции через свои морские, речные и воздушные порты, железнодорожную и автомобильную сети, трубопроводы. Примечательно, что именно эти положения договора были прописаны наиболее подробно, а главное, могли быть претворены в жизнь, учитывая, что экономическая сфера в Туркмении являлась наименее закрытой.

В гуманитарной области Москва и Ашхабад согласились развивать обмена по вопросам культуры, образования, туризма, информации и на основе взаимности поощрять изучение своих языков на территории государства-партнера. Практически все вышеперечисленные положения в дальнейшем выполнялись, пусть и в весьма ограниченном объеме².

Помимо Договора о дружбе и сотрудничестве, лидеры России и Туркмении подписали ряд более узких документов. Соглашение об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего долга и активов бывшего СССР установило долю Туркменистана в соответствующих расчетах в 0,7%, при этом Москва приняла на себя обязательства по выплате туркменской части советского долга, получив взамен долю Ашхабада в активах бывшего СССР³. Договор о совместных мерах в связи с созданием Вооруженных сил Туркменистана предусматривал, что собственные Вооруженные силы республики будут созданы на базе соединений и частей Вооруженных сил бывшего СССР, дислоцированных на ее территории. В течение переходного периода оперативное руководство Вооруженными силами передавалось объединенному командованию сторон. Москва обязалась оказать Ашхабаду помощь в подготовке военных кадров⁴. По Соглашению о правовом статусе и условиях пребывания частей войск ПВО и ВВС России на территории Туркмении, Ашхабад сохранил за российскими военнослужащими право пользования полигонами, зданиями и сооружениями, средствами транспорта и связи, необходимыми для выполнения их функций. Российским военным и членам их семей предоставлялись равные с туркменскими гражданами права на получение образования, медицинских услуг и социального обеспечения⁵. В результате на период формирования собственной армии Ашхабад заручился поддержкой Москвы в области безопасности, а Россия сохранила присутствие своих воинских формирований на территории Туркменистана.

Кроме того, главы двух государств заключили Соглашение о сотрудничестве в осуществлении дипломатического представительства за рубежом, согласно которому дипломатические агенты России обязались оказывать помощь своим туркменским коллегам в осуществлении их функций. Ашхабад получил возможность вверять российским дипломатам представительство своих интересов в третьих странах, а МИД Туркменистана – направлять необходимое для этого количество представителей в дипломатические учреждения России⁶. Соответственно, Ашхабад получил возможность существенной экономии средств, связанных с содержанием своих дипломатических учреждений за рубежом.

Итоги визита С.А. Ниязова продемонстрировали готовность Москвы и Ашхабада, несмотря на сохраняющиеся между ними различия, развивать сотрудничество в областях, представляющих обоюдный интерес.

В продолжение достигнутых договоренностей 11 ноября 1992 г. российская и туркменская стороны провели переговоры по экономической проблематике. Они заключили межправительственные соглашения о свободной тор-

говле и о поставках в Россию туркменского газа. Первый документ создавал благоприятные условия для развития торгово-экономических отношений между Москвой и Ашхабадом⁷. Второй договор определял, что в 1993 г. Туркмения поставит России 11,3 млрд куб. м газа, которые Москва оплатит в валюте и товарах. Ашхабад обязался обеспечить своевременную оплату транзита топлива по территории России и Украины до границ государств-импортеров⁸. Соответственно, в изменившихся после распада СССР геополитических реалиях Москва и Ашхабад сохранили схему поставок туркменского газа в Россию, что представлялось жизненно важным для туркменской экономики, получавшей основные доходы именно от экспорта углеводородов. Одновременно Туркмения официально превратилась во второго среди стран СНГ поставщика природного газа на внешние рынки, что способствовало повышению ее международного статуса. В свою очередь Россия как единственный транзитер туркменского топлива получила возможность оказывать большее влияние на политику Ашхабада.

В середине 1993 г. в Туркмении активизировался процесс создания национальных Вооруженных сил, при этом республика столкнулась с острой нехваткой военных специалистов. В результате ей пришлось пойти на достаточно редкий в мировой практике шаг, пригласив иностранцев из числа граждан России заключать контракты о прохождении военной службы с Министерством обороны Туркменистана. Статус соответствующих военнослужащих был определен 1 сентября 1993 г.: они обязались соблюдать туркменское законодательство, уважать национальные традиции и обычаи туркменского народа. Сохраняя российское гражданство, они могли пользоваться на территории Туркмении всей полнотой экономических, социальных, гражданских, политических и культурных прав в соответствии с законодательством страны⁹.

На этом фоне в республике стремительно набирал ход процесс этнократизации. Не только русские, но и узбекские, казахские специалисты замещались туркменами и были вынуждены покидать страну. Активно туркменизились кварталы крупных городов республики, исторически населенные преимущественно русскими. В октябре 1993 г. Меджлис присвоил С.А. Ниязову имя Туркменбаши («Отец всех туркмен»), не имевшее аналогов со времени смерти И.В. Сталина. Вместе с тем поддержка режима С.А. Ниязова туркменским населением продолжала расти. В 1993 г. за счет экспорта углеводородов в туркменский бюджет впервые поступили крупные валютные средства, благодаря чему вода, соль, газ и электроэнергия в республике стали бесплатными. Туркменское руководство объявило курс на превращение страны в «центральноазиатский Кувейт», окончательно отказавшись от проведения экономических реформ методом «шоковой терапии». В Ашхабаде развернулось крупномасштабное строительство, призванное превратить его в современный азиатский центр. В ноябре Туркменистан ввел собственную валюту – манат – впрочем, сразу же обесценившуюся¹⁰.

В декабре 1993 г. Ашхабад посетил с официальным визитом Б.Н. Ельцин. Президенты обсудили различные аспекты двусторонних отношений, уделив основное внимание вопросам безопасности и политического сотрудничества. В области безопасности стороны подписали Соглашение о совместной охране границ Туркменистана, предполагавшее, что она будет осуществляться туркменскими и российскими пограничниками, подчиненными единому командованию. Соответственно, российские специалисты получили право охранять границу Туркмении с Ираном и Афганистаном, а также в акватории Каспийского моря в условиях, когда пограничные войска республики еще не были сформированы¹¹. Данное соглашение продолжало действовать до 2000 г.

В политической сфере Москва и Ашхабад заключили соглашения об урегулировании вопросов двойного гражданства и о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев. Соглашение об урегулировании вопросов двойного гражданства предоставило русскоязыч-

ному населению Туркмении право, не теряя гражданства данной республики, приобрести параллельное российское гражданство, что отвечало интересам Москвы. В свою очередь Ашхабад, уже осознавший негативные последствия оттока русскоязычных специалистов, согласился с целью его дальнейшего ограничения предоставить российское гражданство части своих граждан, что не отменяло их обязанностей перед Туркменистаном¹². В результате Туркмения стала первой страной мира, с которой у России было официально подписано соглашение о двойном гражданстве. Соглашение о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев было направлено на облегчение процесса выезда русских жителей из Туркмении. Переселенцы получили право вывезти находящееся в их собственности движимое имущество, продать недвижимость и перевести в государство въезда свои денежные вклады. Туркменские власти обязались не отчуждать имущества переселенцев даже в случае утраты ими гражданства страны¹³. К сожалению, данное соглашение регулярно нарушалось Ашхабадом, не желавшим отпускать русских специалистов. Как правило, уезжавшим не позволялось продавать квартиры, в результате чего они были вынуждены покидать Туркмению, не имея даже минимальных средств для обустройства на новом месте. Имущество, оставленное ими, реквизировалось и передавалось новым владельцам¹⁴. При этом российское руководство не предпринимало шагов, направленных на побуждение Ашхабада к выполнению соответствующих договоренностей, и в течение нескольких лет русскоязычное население Туркмении не получало видимой помощи со стороны Москвы. Вероятно, подобная позиция объяснялась тем, что между Россией и Туркменистаном фактически не было иных противоречий. Наглядным подтверждением этого стало решение Туркменбаши предоставить Б.Н. Ельцину по завершении его визита в Ашхабад почетное гражданство Туркмении, а также подарить ему скакуна ахалтекинской породы, являющегося одним из символов туркменской государственности.

Даже по вопросу о статусе Каспийского моря Ашхабад изначально занимал позицию, предельно близкую к российской: в отличие от Баку и Алма-Аты, он считал, что Каспий является внутренним водоемом, к которому не могут быть применены категории морского права и отдельные разделы на национальные сектора. Данная позиция несколько изменилась в 1993 г. в связи с принятием республикой закона о границе, установившего, что в состав государственной территории Туркменистана входят территориальные воды шириной 12 морских миль и исключительная экономическая зона шириной 200 миль. Таким образом, Ашхабад распространил свою юрисдикцию на обширную акваторию Каспийского моря в соответствии с нормами международного морского права, хотя и продолжал выступать противником деления остальной акватории и дна водоема¹⁵.

15 апреля 1994 г. Москву посетила туркменская делегация, обсудившая с председателем правительства России В.С. Черномырдиным вопросы сотрудничества в топливно-энергетической сфере. Стороны подписали соглашение, определившее, что они расширят связи по взаимным поставкам соответствующего оборудования, материалов и изделий. Это гарантировало сохранение поставок в Туркмению российской продукции, необходимой для бесперебойной работы ее топливной промышленности, вплоть до создания ею собственных мощностей по обеспечению добычи углеводородов. Приоритетными направлениями своего взаимодействия стороны определили сотрудничество в поисковом и разведочном бурении, разработке и обустройстве нефтяных и газовых месторождений, строительстве и эксплуатации трубопроводов, транзите нефти и газа на экспорт, разработке минеральных ресурсов дна Каспийского моря¹⁶.

В мае 1995 г. С.А. Ниязов побывал в Москве со вторым официальным визитом, призванным обеспечить прорыв в российско-туркменских отношениях. По итогам состоявшихся переговоров стороны подписали 23 соглашения –

наибольшее количество за всю историю их взаимодействия.

В области внешней политики Б.Н. Ельцин и С.А. Ниязов выразили согласие относительно ситуации в Афганистане и на таджикско-афганской границе; учитывая авторитет Туркменбаши в Афганистане, Б.Н. Ельцин попросил его стать посредником в нормализации отношений между Москвой и Кабулом. Говоря о Каспийском море, президенты подтвердили, что его нельзя делить ни по земле, ни по воде. Прежде чем делить ресурсы водоема, они предложили заинтересованным странам собраться для принятия общего решения о его правовом статусе. Позиция С.А. Ниязова в условиях проведения Азербайджаном агрессивной политики, направленной на ускорение раздела водоема на национальные сектора, вызвала одобрение в Москве, усмотревшей в этом возможность для своего дальнейшего сближения с Ашхабадом¹⁷.

В политической сфере стороны приняли Консульскую конвенцию, практически не отличавшуюся от иных подобных документов¹⁸. Она вступила в силу в 1998 г. и создала возможности для развития консульских отношений между нашими странами, хотя вплоть до настоящего времени полноценные консульские учреждения России в Туркмении и Туркменистана в России открыты не были. Главы государств договорились, что граждане России, не имеющие гражданства Туркменистана, но постоянно проживающие на его территории, сохраняют равные права и обязанности с местными гражданами, за исключением избирательного права, а также возможности занимать должности на дипломатической службе, в органах госбезопасности, внутренних дел и правосудия Туркмении¹⁹. В сфере безопасности правительства двух стран подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, давшее Москве возможность продолжать поставки Ашхабаду продукции военного назначения²⁰.

В экономической сфере Россия и Туркмения заключили Соглашение об основных принципах и направлениях двустороннего сотрудничества до 2000 г. – первый подобный документ, подписанный Москвой со странами СНГ. Договор определил, что стороны предпримут шаги по увеличению взаимного товарооборота, реализации принципов свободной торговли, созданию равных условий для своих хозяйствующих субъектов. Россия и Туркменистан договорились содействовать развитию связей между своими предприятиями на основе сложившейся в советское время специализации. Ашхабад выразил заинтересованность в инвестировании таких отраслей российской экономики, как лесная промышленность, агропромышленный комплекс, производство пассажирского и грузового транспорта, металлургия, энергетическое машиностроение. Москва предложила осуществлять капиталовложения в туркменские предприятия хлопкоперерабатывающей и нефтегазовой промышленности, железнодорожного и трубопроводного транспорта. Стороны решили принять меры к развитию научного, культурного и информационного взаимодействия, создав условия, исключающие любые формы дискриминации в области миграции, занятости и социального обеспечения²¹. Подписанное соглашение сыграло достаточно важную роль в укреплении российско-туркменских отношений. Стороны получили возможность строить свое экономическое взаимодействие на планируемой основе с расчетом на долгосрочную перспективу. Особенно значимым данный документ стал во второй половине 1990-х гг., по мере усиления туркменским руководством изоляционистского курса, при котором его политическое сотрудничество с Россией оказалось практически замороженным.

В развитие положений данного соглашения Москва и Ашхабад приняли ряд решений, направленных на расширение их экономического сотрудничества. «Газпром» и Министерство нефти и газа Туркменистана договорились создать совместную компанию, занимающуюся разработкой месторождений туркменских углеводородов и эксплуатацией объектов их добычи и транспортировки²². Правительства России и Туркмении согласовали вопросы взаи-

модействия в создании транспортного коридора Север – Юг, который должен был пройти по маршруту Санкт-Петербург – Москва – Астрахань – Туркменбаши – Теджен – Серахс и далее соединиться с транспортными системами Ирана, Турции, Пакистана, Индии и стран Ближнего Востока. В рамках данного коридора предполагалось развивать все виды транспорта²³; сам проект имел не только экономическое, но и геополитическое значение, став одним из первых подобных проектов на постсоветском пространстве.

В гуманитарной сфере стороны заключили предельно общее соглашение, зафиксировавшее их намерение взаимодействовать в области культуры, искусства, науки, образования, информации, спорта и туризма по линии госучреждений, общественных организаций, творческих союзов, ассоциаций и фондов²⁴. Документ содержал программу развития российско-туркменских гуманитарных связей на долгосрочную перспективу, поэтому его реализация могла начаться лишь по мере решения сторонами наиболее важных внутривосточных и экономических проблем.

Визит С.А. Ниязова в Москву ознаменовал собой наивысшую точку в развитии российско-туркменских отношений за весь период его пребывания на посту президента.

В дальнейшем сфера взаимодействия Москвы и Ашхабада заметно сузилась. Отныне внимание сторон стала привлекать сравнительно небольшая группа вопросов: международно-правовой статус Каспийского моря; совместная разработка нефтяных и газовых месторождений Туркмении. Подобные перемены стали возможными в декабре 1995 г., после получения Туркменией статуса постоянно нейтрального государства, закрепленного соответствующей резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН²⁵. Как постоянно нейтральное государство Туркменистан не мог вступать в военные блоки и допускать военное присутствие на своей территории иностранных держав. В случае вооруженного конфликта он не мог быть вовлечен в военные действия между другими странами. Вероятно, на решение Ашхабада заявить о своем постоянном нейтралитете повлияло стремление сократить расходы на военные нужды и заручиться международными гарантиями безопасности в условиях, когда по военной мощи он существенно уступал каждому из своих соседей²⁶.

Став постоянно нейтральным государством, Туркменистан приступил к сокращению политического и военного сотрудничества с Россией. Одновременно он постарался переориентировать свою внешнюю политику с региона СНГ на страны дальнего зарубежья. Туркменбаши стал реже посещать саммиты Содружества, и участие Ашхабада в деятельности данной организации свелось к сугубо формальному. По количеству подписанных в рамках СНГ соглашений Туркмения прочно заняла последнее место. Все это не могло вызвать одобрения у Москвы, еще не утратившей иллюзий по поводу возможности создать вокруг себя широкий пояс интегрированных с нею стран-союзниц. По мере формирования на постсоветском пространстве субрегиональных группировок – Таможенного союза и ГУАМ – Ашхабад также отказался присоединиться к одной из них, видя в этом угрозу своему постоянному нейтралитету²⁷.

Во второй половине 1990-х гг. начала меняться позиция Ашхабада по статусу Каспийского моря. Уже 13 ноября 1996 г. министры иностранных дел России, Туркмении и Ирана подписали Меморандум о сотрудничестве в освоении минеральных ресурсов Каспия, в котором выразили намерение учредить трехстороннюю совместную компанию в целях разведки и разработки согласованных нефтяных и газовых месторождений в прибрежных зонах своих государств. Таким образом, в документе прослеживался переход сторон от концепции кондоминиума в освоении ресурсов водоема к принципу его раздела на национальные сектора²⁸.

Летом 1997 г. между Россией и Туркменией произошел первый за всю постсоветскую историю дипломатический конфликт. Его причина заключалась в том, что в июне, во

время визита в Москву президента Азербайджана Г.А. Алиева, было заключено российско-азербайджанское соглашение об основных принципах разведки, добычи и долевого участия сторон в освоении месторождения Кяпаз (по-туркменски – Сердар). Данное месторождение, находящееся вблизи туркменского побережья, в течение нескольких лет оспаривалось Ашхабадом и Баку, о чем не были осведомлены российские дипломаты. Подписав указанное соглашение, Москва совершила недружественный жест в адрес Ашхабада. МИД Туркмении заявил решительный протест и потребовал немедленного аннулирования договора. Разобравшись в ситуации, Россия выполнила данное требование, и во время очередного визита С.А. Ниязова в Москву, в августе 1997 г., Б.Н. Ельцин заявил, что российская сторона рассматривает месторождение Сердар как объект, входящий в туркменский сектор Каспийского моря²⁹.

Действия Азербайджана вынудили Туркмению окончательно отказаться от принципа кондоминиума в освоении каспийских энергоресурсов. В сентябре 1997 г. С.А. Ниязов заявил, что «до выработки нового статуса [водоема] мы как законопослушные субъекты международного права обязаны строго придерживаться ныне действующего межгосударственного разделения на Каспии, определенного по его срединной линии»³⁰. С этого момента Ашхабад распространил суверенитет на свой сектор Каспийского моря, инициировав разведку и добычу его углеводородных ресурсов национальными и иностранными компаниями.

Тогда же, в 1997 г., в Туркмении был построен первый экспортный газопровод в Иран. Тем самым Ашхабад начал диверсификацию маршрутов транспортировки своего природного газа, прежде целиком и полностью замыкавшихся на России. Подобный подход был продиктован стратегическими соображениями: позиционируя себя как крупного поставщика энергоресурсов в страны Европы и связывая свое будущее с поступлением соответствующих доходов в национальный бюджет, Туркменистан не мог себе позволить полной зависимости от Москвы в вопросах экспорта топлива. Принципиально не отказываясь от сотрудничества с Россией, он стремился создать резервные маршруты транспортировки газа в обход ее территории. Это не могло вызвать воодушевления у Москвы, вынужденной оставаться пассивным наблюдателем того, как еще одно постсоветское государство выходит из-под ее контроля в столь важном вопросе, как экспорт энергоресурсов.

Весьма перспективным маршрутом транспортировки туркменского топлива мог стать проект Транскаспийского трубопровода. С.А. Ниязов долго не соглашался на участие в нем из-за продолжавшихся разногласий с Баку по поводу принадлежности нефтяных месторождений Азери и Чираг. Лишь в феврале 1999 г. он завизировал соответствующий контракт, а в ноябре на Стамбульском саммите ОБСЕ подписал соглашения по нефтепроводу Баку – Тбилиси – Джейхан и Декларацию о Транскаспийском газопроводе³¹. Показательно, что реализация данных проектов могла окупиться лишь при условии активного участия в них Ашхабада, поскольку только в его силах было наполнить новые трубопроводы необходимыми объемами топлива. Решение Туркменбаши стало крупным поражением Москвы в борьбе за контроль над энергоресурсами Центральной Азии. С вводом в эксплуатацию Транскаспийского газопровода потоки туркменского газа должны были устремиться на Запад в обход России, что лишало ее не только доходов от транзита топлива, но и статуса монопольного поставщика центральноазиатских углеводородов на европейские рынки.

Таким образом, к концу президентства Б.Н. Ельцина российско-туркменские отношения полностью расстроились. Большинство соглашений, заключенных Москвой и Ашхабадом в первой половине 1990-х гг., в это время либо уже устарели, либо перестали выполняться – как правило, по вине туркменского руководства. Россия окончательно утратила инициативу во взаимодействии с Туркменией.

ей, а С.А. Ниязов полностью разочаровался в сотрудничестве с Москвой. У сторон накапливалось все больше взаимных претензий, возрастала неприязнь друг к другу. Даже торгово-экономическое сотрудничество между ними оказалось сведено к минимуму.

Подводя итоги, отметим, что годы президентства Б.Н. Ельцина стали весьма непростым этапом в истории развития российско-туркменских отношений. С одной стороны, в указанный период Москва и Ашхабад не рассматривали друг друга в качестве приоритетных партнеров. Они неизменно находились в состоянии идеологической конфронтации: Туркменистан представлялся России квинтэссенцией тоталитарных тенденций, а Москва Ашхабаду – главной угрозой дестабилизации. Поэтому российское руководство зачастую игнорировало Ашхабад, а Туркмения стремилась как можно дальше «уйти» от России. С другой стороны, отношения между нашими странами оставались предельно ровными и стабильными. Для них не были характерны ни бурные подъёмы, ни резкие спады, присущие отношениям России с большинством постсоветских республик. С конца 1995 г. они и вовсе оказались на грани замерзания, хотя даже это не было заметно на фоне невысокого уровня их развития в предыдущий период.

Главным направлением российско-туркменского сотрудничества в первой половине 1990-х гг. выступало взаимодействие в политической и военной сферах, призванное обеспечить национальную безопасность Туркмении в условиях формирования ее Вооруженных сил. Во второй половине 1990-х гг. Ашхабад взял курс на полную само-

изоляция, резко сократив масштабы своего военно-политического партнерства с Москвой и обозначив в качестве приоритета развитие экономических контактов с Российской Федерацией. На этом фоне культурно-гуманитарные связи неизменно оставались на периферии российско-туркменского сотрудничества.

На протяжении всего десятилетия 1990-х гг. главным инициатором развития двусторонних контактов выступало руководство Туркменистана в лице его бессменного лидера, президента республики С.А. Ниязова. Как правило, именно он определял, когда и на каком уровне следует проводить те или иные российско-туркменские переговоры, какие вопросы должны на них обсуждаться, какие документы будут приняты по итогам проведенных консультаций. При этом российская сторона зачастую проявляла пассивность, лишь идя навстречу отдельным пожеланиям Туркменбаши.

Среди несомненных достижений российско-туркменских отношений рассматриваемого периода следует назвать определение сторонами взаимных интересов в различных областях сотрудничества, создание достаточно развитой нормативно-правовой базы межгосударственных отношений, избавление от негативного воздействия факторов, препятствовавших диалогу сторон в первые годы после распада СССР. Все это позволило Москве и Ашхабаду пережить краткий «ледниковый период» в истории их сотрудничества (конец 1995 г. – конец 1999 г.) с наименьшими потерями и с приходом к власти В.В. Путина приступить к его нормализации.

¹ Соглашение о принципах торгово-экономического сотрудничества между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Туркменистаном на 1992 год от 24 декабря 1991 г. // КонсультантПлюс // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=5419> (01.11.2012).

² Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном от 31 июля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 2. С. 122–128.

³ Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего Союза ССР от 31 июля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 2. С. 128–129.

⁴ Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о совместных мерах в связи с созданием Вооруженных сил Туркменистана от 31 июля 1992 г. // КонсультантПлюс // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=5320> (20.01.2013).

⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном о правовом статусе и условиях пребывания частей войск ПВО и ВВС Российской Федерации на территории Туркменистана от 31 июля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. № 8. С. 20–26.

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в осуществлении дипломатического представительства за рубежом от 31 июля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 2. С. 129–131.

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о свободной торговле от 11 ноября 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 8. С. 65–68.

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о поставках природного газа в 1993 году от 11 ноября 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. № 4. С. 71–72.

⁹ Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном о военной службе граждан Российской Федерации в Вооруженных силах Туркменистана и их статусе от 1 сентября 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 10. Ст. 832.

¹⁰ СССР после распада / Общ. ред. О. Л. Марганя. СПб., 2007. С. 464–465.

¹¹ Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о совместной охране государственной границы Туркменистана и статусе военнослужащих Пограничных войск Российской Федерации на территории Туркменистана от 23 декабря 1993 г. // КонсультантПлюс // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=593> (20.01.2013).

¹² Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства от 23 декабря 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1996. № 6. С. 11–13.

¹³ Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев от 23 декабря 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. № 12. С. 35–39.

¹⁴ СССР после распада. С. 462.

¹⁵ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 89–90.

¹⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в развитии топливно-энергетических комплексов от 15 апреля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. № 11. С. 49–51.

¹⁷ Корецкий А. Визит Туркменбаши в Москву // Коммерсант-daily. 1995. 19 мая.

¹⁸ Консульская конвенция между Российской Федерацией и Туркменистаном от 18 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 5. С. 29–50.

¹⁹ Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Туркменистана, и граждан Туркменистана, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, от 18 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 11. С. 53–57.

²⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о военно-техническом сотрудничестве от 18 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1996. № 3. С. 15–16.

²¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана об основных принципах и направлениях экономического сотрудничества на период до 2000 года от 18 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1996. № 5. С. 21–26.

²² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в нефтяной и газовой отраслях от 17 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. № 10. С. 73–75.

²³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в области создания транспортного коридора Север – Юг через территорию Российской Федерации и Туркменистана от 18 мая 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1996. № 2. С. 18–19.

²⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 18 мая 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1996. № 3. С. 11–14.

²⁵ Постоянный нейтралитет Туркменистана: Резолюция от 12 декабря 1995 г. // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. A/RES/50/80A.

²⁶ Подробнее см.: Мещеряков К.Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб: Скифия-принт, 2012. С. 301–302.

²⁷ Подробнее см.: Мещеряков К.Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. СПб: Скифия-принт, 2012. 238 с.

²⁸ Меморандум о сотрудничестве Ирана, России и Туркменистана в освоении минеральных ресурсов Каспийского моря от 13 ноября 1996 г. // КонсультантПлюс // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=17011> (20.01.2013).

²⁹ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Указ. соч. С. 103–104.

³⁰ Там же. С. 91.

³¹ Гусейнов В.А. Каспийская нефть: Экономика и геополитика. М., 2002. С. 281–282.

СВЕТЛАНА ДИОНИСОВНА ПОНАМАРЕВА

аспирант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: 8(911)260-11-01; E-mail: svetakais@mail.ru.

Статья посвящена проблемам статуса города Севастополя и базирования Черноморского флота в современных российско-украинских отношениях.

Ключевые слова: Севастополь, Черноморский флот, российско-украинские отношения, российско-украинские переговоры, Крымский полуостров, статус Севастополя, крымская проблема, базирование флота.

СЕВАСТОПОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Рассматривая российско-украинские отношения, можно констатировать тот факт, что в этих отношениях существуют проблемы, требующие скорейшего разрешения (речь идет о расположении основной базы Черноморского флота в Севастополе). В современных условиях на основе соглашений между Российской Федерацией и Украиной в Севастополе располагается основная база Черноморского флота. Российское государство проявляет глубокую заинтересованность в ее сохранении и развитии. Это вызвано тем, что Черное море имеет огромное значение как в мировой политике в целом (в том числе энергетической), так и в обеспечении политических, экономических и военных интересов России в условиях реалий начала XXI столетия.

Распад СССР, в котором Украина сыграла одну из заметных ролей, обнажил спорные моменты в российско-украинских отношениях, где наиболее остро определились следующие проблемы: 1) крымская проблема; 2) проблема статуса Севастополя и положения Черноморского флота¹.

В настоящее время у севастопольской проблемы в российско-украинских отношениях существует две стороны. Первая – административно-территориальная – включает в себя основные три проблемы по рассмотрению подписанных СССР (позднее Россией) и Украиной, международных договоров по определению статуса города Севастополя и принадлежности Крымского полуострова, а также по определению точных границ между Российской Федерацией и Украиной в этом регионе.

Что касается последнего, то тут известно, что официальная граница между Россией и Украиной в зоне Крымского полуострова установлена, и Крым юридически принадлежит Украине. Существует только одна проблемная зона, принадлежность которой так до сих пор не решена, – это Керченский пролив

Еще одна, наиболее сложная сторона проблемы – национальная. Говоря о проблемах Крыма и Севастополя, вспоминается большое количество различных митингов и демонстраций, проводимых людьми, которые хотели бы

называть себя «россиянами» по закону и жить на территории РФ. Особенно сильны подобные настроения именно в Севастополе.

Исторически с 1784 г. Севастополь находился под контролем Российской империи. Вся последующая история Севастополя неразрывно связана с развитием русского Черноморского флота². В советский период в октябре 1921 г. была образована Крымская АССР, которая в 1945 г. (после принудительного переселения крымских татар, а также практически всего неславянского населения – заодно были выселены греки, армяне и др.) стала областью в составе РСФСР.

29 октября 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР³ город Севастополь наделили особым статусом, городом республиканского значения, потому что этот город был единственным укреплением государства на южном морском рубеже, это и обуславливало значение Севастополя для всей России. В то же время Севастополь не стал отдельным субъектом РСФСР и в связи с особенностями административно-территориального устройства юридически продолжал оставаться в составе Крымской области.

19 февраля 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Крымская область по инициативе Н.С. Хрущева была передана из РСФСР в УССР⁴. Дальше мнения историков и специалистов по этой проблеме расходятся. Одни говорят, что Севастополь как составная часть Крымской области на тот момент был также передан из состава РСФСР в УССР, оставаясь городом республиканского подчинения. Их аргумент заключается в том, что в Конституции УССР 1978 г.⁵ был подтвержден статус Севастополя как города республиканского подчинения, а в Конституции РСФСР, принятой в том же году, упоминание о Севастополе отсутствовало⁶. Другие же утверждают, что ни один из позднейших Указов 1954 г. о передаче Крыма из состава России в состав Украины, как бы ни оценивать их юридическую состоятельность, не упоминает Севастополь и не касается его судьбы⁷. Поскольку никто и никогда не отменял Указ Президиума ВС РСФСР от 29 октября

1948 г., то можно утверждать: правовой статус Севастополя как города республиканского подчинения Российской Федерации никогда не менялся. Из этого следует, что все действия Украины по изменению административного управления городом носили односторонний внеправовой характер. Это разногласие в трактовке документов и является сейчас главной проблемой в отношении Севастополя.

Можно обратить внимание, что Постановление Совмина РСФСР от 05.02.1954 № 156 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»⁸, одноименный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г.⁹ и Закон СССР от 26 апреля 1954 г.¹⁰, не содержат какого-либо упоминания о Севастополе, несмотря на то, что особый статус города, закрепленный за ним на тот момент уже шесть лет, требовал наличия специальной оговорки по Севастополю в случае его передачи в состав Украины. Данный город относился к «закрытым» городам в СССР: «Вплоть до начала 90-х годов существовал особый порядок въезда в город и выезда из него»¹¹. Севастополь к моменту передачи Крымской области уже шесть лет не находился в составе области, хотя формальный статус «города республиканского подчинения» в Конституции РСФСР не был оговорен (в Конституциях других союзных республик, особенно не имевших областного деления или с частичным областным делением, статус городов и районов республиканского подчинения существовал).

Таким образом, одни считают¹², что не было создано никаких правовых оснований для состоявшегося в 1978 г. включения Севастополя в состав Украины, закрепленного в Конституции УССР 1978 г., объявившей Севастополь городом республиканского подчинения в составе УССР. Другие считают что Севастополь как составная часть Крымской области на тот момент был также передан из состава РСФСР в УССР, сохранив при этом статус города республиканского подчинения¹³.

Если проанализировать изменения в конституционном устройстве СССР и республик в составе СССР после 1977 г.¹⁴, то можно заметить, что в Конституции УССР 1978 г.¹⁵ был подтвержден статус Севастополя как города республиканского подчинения, а в Конституции РСФСР, принятой в том же году, упоминание о Севастополе отсутствовало, как и о статусе городов республиканского подчинения (статус «закрытых» городов устанавливался ведомственными актами в обход конституционного законодательства)¹⁶. Это разногласие в трактовке документов и является сейчас главной проблемой в отношении Севастополя.

Статус Севастополя во внешней политике как России, так и Украины был связан со статусом Черноморского флота в связи с распадом СССР и юридическим прекращением существования Вооруженных сил СССР, особенно до 1997 г. – подписания окончательного соглашения по данному вопросу.

Уже 3 января 1992 г. президент Украины Л. Кравчук заявил о начале строительства Вооруженных сил Украины¹⁷. 5 января 1992 г. украинское правительство начало приводить к присяге на верность Украине войска, дислоцированные в республике. По сообщениям печати, в большинстве частей и соединений принятие присяги прошло в целом спокойно. Командование Черноморского флота наотрез отказалось выполнять решение украинских властей. При этом официальная реакция Москвы на указанные события последовала лишь после того, как командующий Черноморским флотом адмирал И. Касатонов и Военный совет флота однозначно отказались принимать новую присягу.

5 апреля 1992 г. Указом Л. Кравчука «О неотложных мерах по строительству Вооруженных сил Украины» предписывалось сформировать ВМС Украины на базе сил Черноморского флота, дислоцирующихся на территории Украины¹⁸. 7 апреля, в свою очередь, выходит Указ президента Б.Н. Ельцина «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота»¹⁹. Таким образом,

стороны находились на грани открытого конфликта, который угрожал выходом Украины из СНГ и распадом этой организации. Ни одна из сторон объективно не была заинтересована в подобном развитии событий. В этих условиях руководители двух государств отказались от осуществления каких-либо действий, которые могли бы еще более осложнить ситуацию. Состоялись телефонные переговоры президентов Украины и России, в ходе которых была достигнута договоренность об образовании Согласительной комиссии по решению спорных вопросов относительно Крыма и Черноморского флота. Президенты также приняли решение о приостановке действия своих Указов по Черноморскому флоту. Формально «война указов» президентов России и Украины завершилась встречей 23 июня 1992 г. Б.Н. Ельцина и Л. Кравчука в Дагомысе, решение о проведении которой было принято на переговорах государственных делегаций России и Украины в Одессе. Было подписано соглашение «О принципах дальнейшего развития межгосударственных взаимоотношений»²⁰, в котором, в частности, указывалось на необходимость продолжения переговорного процесса по созданию подразделений Военно-морского флота России и Военно-морских сил Украины на базе Черноморского флота. Стороны договорились о создании на базе Черноморского флота двух флотов – российского и украинского, однако в течение «переходного периода» Черноморский флот должен был оставаться под объединенным командованием, а военнослужащие, призванные для прохождения службы на Черноморском флоте, – приводиться к присяге того государства, гражданами которого они являются. Таким образом, курс на раздел Черноморского флота между двумя государствами был закреплен на официальном уровне. Однако по окончании Дагомысских переговоров борьба за флот разгорелась с новой силой. Теперь это была уже не только борьба внутри офицерского состава Черноморского флота, но и фактически между командованием российского Черноморского флота и Военно-морских сил Украины. Вскоре противостояние на Черноморском флоте достигло своего пика (инцидент с кораблем СКР-112), что стало причиной проведения очередного раунда переговоров²¹.

3 августа 1992 г. в Мухалатке близ Ялты состоялись российско-украинские переговоры на высшем уровне. В состав украинской делегации вошли министр иностранных дел А. Зленко, министр обороны К. Морозов, заместитель председателя ВС В. Дурдинец и председатель Верховного Совета Крыма Н.В. Багров. Российскую сторону представляли заместитель председателя ВС Ю. Яров, председатель комитета по СНГ В. Машиц, министр обороны П. Грачев и министр иностранных дел А. Козырев. Стороны договорились, что в течение трех лет вопрос о разделе Черноморского флота будет решен (раздел планировалось провести после истечения срока «переходного периода», который должен продлиться до 1995 г. включительно). В результате переговоров президенты России и Украины подписали так называемое Ялтинское соглашение, речь в котором шла о принципах формирования Военно-морского флота России и Военно-морских сил Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР²². Согласно новым договоренностям, Черноморский флот выволился из состава стратегических сил и Объединенных Вооруженных сил СНГ и переходил непосредственно в подчинение президентов Украины и России на весь переходный период. Черноморский флот становится Объединенным флотом России и Украины с объединенным командованием и получает государственную символику двух стран. Командующий флотом назначается и освобождается от должности по согласованию президентами России и Украины. Стороны также договорились о совместном базировании флота, а также о том, что комплектование его личным составом будет осуществляться Украиной и Россией в равной пропорции (50% на 50%). Было подтверждено решение о том, что в течение переходного периода военнослужащие двух стран должны будут приводиться к присяге того государства, гражданами которого они явля-

ются. Россия и Украина также брали на себя равные обязательства по финансированию флота. Кроме этого, на встрече были выработаны основные принципы будущего широкомасштабного договора между двумя странами.

Однако, несмотря на то, что переговоры в Ялте способствовали некоторому смягчению разногласий между двумя государствами по вопросу Черноморского флота и в определенной мере разрядили обстановку, сложившуюся на самом флоте, многие проблемы остались нерешенными. Новое обострение спора вокруг Черноморского флота было во многом связано с событиями в Абхазии и ужесточением Россией своей позиции относительно вывоза с территории Украины ядерного оружия²³.

Инициативу в решении проблемы Севастополя и Черноморского флота попытались взять на себя депутаты Верховного Совета Российской Федерации. 9 июля 1993 г. Верховный Совет России рассмотрел вопрос о Севастополе и принял постановление за № 5359-1 о статусе города, в котором объявлялось о его переходе под российскую юрисдикцию²⁴.

Всеобщее недовольство нерешенностью проблемы статуса Черноморского флота, помноженное на нарастающие внутривнутриполитического кризиса в РФ, заставило президента Б.Н. Ельцина форсировать переговорный процесс.

3 сентября 1993 г. в Массандре состоялась еще одна встреча президентов Украины и России по вопросу судьбы Черноморского флота²⁵. Накануне встречи большинство обозревателей, занимавшихся темой российско-украинских отношений, не ожидало от нее чего-либо принципиально нового. Но их результаты оказались неожиданными. Стороны согласились, что большая часть украинской половины Черноморского флота (около 30%) будет выкуплена Россией в обмен на поставки нефти и газа Украине. Однако ни о порядке, ни о сроках этих поставок речь не шла. Было достигнуто лишь предварительное соглашение, которое подлежало дальнейшему уточнению и ратификации двумя парламентами. На встрече также обсуждался вопрос о ядерном оружии, находящемся на территории Украины. Было решено, что украинская сторона передаст все размещенное на ее территории ядерное оружие России для последующего его уничтожения за компенсацию в виде топлива для украинских атомных станций.

Все эти переговоры не разрешили конкретных вопросов о сроках и параметрах раздела Черноморского флота. Оставались открытыми проблемы базирования Черноморского флота и его будущего статуса. СМИ России и Украины неоднократно сообщали в 1994–1995 гг. о том, что неурегулированные вопросы, возможно, будут решены в ходе обсуждения Договора о дружбе и сотрудничестве²⁶ между двумя странами, однако дальше устных заявлений российских и украинских официальных лиц переговорный процесс в этом направлении не продвинулся.

В отношении Севастополя по результатам проведенного 26 июня 1994 г. опроса жителей Севастополя 89% из них положительно ответили на вопрос о российском статусе своего города²⁷. Севастопольский городской совет народных депутатов 23 августа 1994 г. в очередной, уже не первый раз обратился к президентам Б.Н. Ельцину и Л.Д. Кучме с предложением принять «государственно выверенное решение о российском федеральном статусе Севастополя и окончательно решить проблемы Черноморского флота». Просьба вновь осталась без ответной реакции. Руководство России или не было способно, или не хотело защищать своих сограждан и свои государственные интересы. Однако Конституция Республики Украина 1996 г. стала свидетельством закрепления в одностороннем порядке статуса Севастополя как украинского города республиканского подчинения²⁸.

В январе 1995 г. после долгих согласований обе стороны организовали очередную, шестую по счету, раунд российско-украинских переговоров по проблеме Черноморского флота. Было подписано очередное соглашение между Российской Федерацией и Украиной²⁹. Вновь было оговорено, что России передается 81,7% кораблей Черномор-

ского флота, Украине – 18,3. При этом российская сторона дала принципиальное согласие на размещение подразделений Военно-морских сил Украины в Севастополе. 8 февраля 1995 г. между Украиной и Россией была достигнута окончательная договоренность – Севастополь не будет, как того добивалась прежде российская делегация, «базой ВМФ РФ», а «в Севастополе будет находиться лишь его основная часть». Стороны также обязались ускорить процесс раздела баз и береговой инфраструктуры Черноморского флота. Был парафирован Договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Российской Федерацией.

Новый затяжной кризис в российско-украинских отношениях был частично преодолен только к весне 1997 г.

28 мая 1997 г. в Киеве были подписаны межправительственные соглашения, по которым Севастополь как главная база Черноморского флота перестал существовать³⁰. Также был заключен «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной»³¹, по которому российская сторона признала Украину в границах 1954 г. в расчете на гарантии развития дружеских отношений с Россией и уважение ее интересов в Крыму. Этот договор предусматривал раздел Черноморского флота между двумя странами. Согласно договору Россия получила 80% Черноморского флота бывшего СССР и право аренды у Украины порта Севастополь на 20 лет. Аренда обходилась России в сумму примерно 100 млн долларов США. Аренда списывалась в счет долга Украины за нефть и газ. Цена за аренду в договоре не была прописана, и при ухудшении отношений с Россией Киев говорил о том, что цена за аренду может возрасти.

Соглашения 1997 г. подвергались критике оппозиционными партиями. Например, ЛДПР предполагала возможность самых простых действий украинской стороны, способных воспрепятствовать нормальным действиям Черноморского флота: задержание без предъявления обвинения на срок до 30 суток украинской милицией любого офицера-черноморца; блокировка входа в бухту гражданскими судами; перерезание коммуникаций между объектами инфраструктуры флота; наконец, расположение вблизи Севастополя воинских частей украинской армии, численно превосходящих личный состав Черноморского флота. Но никаких мер предпринято не было, поэтому критика носила лишь политический характер.

В 1999 г. журнал «Мировая экономика и международные отношения» – официальное издание Российской академии наук (Института мировой экономики и международных отношений РАН) опубликовал исследование с однозначным выводом: «...как это ни печально, следует признать, что в 1954 г. Россия утратила юридические права на Севастополь»³². Автором исследования является Е.Г. Черкасова. Указанное исследование является настоящей научной работой, где нет места политическим амбициям, в основание которого положены только научные факты. В 1954 г. не было возможности превращения административных границ в государственные. В данном исследовании отражаются и другие факты. Например, Основной Закон РСФСР 1937 г. фиксировал, что субъектом государственного устройства РСФСР являлись только такие образования, как край, область, автономная республика, автономная область³³. Статус административно-хозяйственного центра, который получил Севастополь в 1948 г. не давал ему статуса субъекта государственного устройства³⁴. Поэтому, в Конституции РСФСР того времени не только Севастополь, но и другие города, в частности Москва и Ленинград, не упоминаются в качестве субъектов государственного устройства. Статус города республиканского подчинения при наличии полностью областного и национально-территориального деления устанавливался также в обход конституционного законодательства СССР и союзных республик.

Административно-хозяйственный центр никогда не имел прав административно-территориальной единицы ни в Конституции РСФСР, ни в Конституциях СССР. И никогда к ним не приравнивался. Соответственно: отдель-

но от Крымской области город упоминался только в бюджете РСФСР, а позже – в бюджете УССР. И означало это только то, что финансирование Севастополя шло в обход административного центра Крымской области – Симферополя.

В самой Москве не считали, что Севастополь выделен из Крымской области. Об этом свидетельствует ряд документов, вышедших после Указа от 28 октября 1948 г. о выделении города в самостоятельный административно-хозяйственный центр. Например, постановление Совета министров РСФСР от 18 декабря 1948 г. об утверждении титульного списка средних школ Крымской области включает в него и севастопольские учебные заведения такого типа – женские № 4 и № 16, мужские № 19 и № 38³⁵.

В Севастополе избирали своих депутатов в Крымский областной совет, что было бы невозможно, если бы Севастополь не был частью Крымской области. Депутаты, избранные в Севастополе, занимали руководящие должности в Крымском областном совете. Так, в 1953 г. замом председателя исполкома Крымского областного совета депутатов трудящихся избирается Гавриил Пономаренко, депутат от Сталинского избирательного округа № 110 Севастополя³⁶.

Из всех этих фактов становится бесспорным то, что Севастополь на момент передачи в УССР не исключался из состава Крымской области. Ни в каком отдельном Указе по Севастополю или упоминании его в документах о передаче Крыма не было необходимости. Переход города под юрисдикцию Украины осуществлялся автоматически – он перешел в состав УССР, так же как и Евпатория, Керчь, Джанкой и все другие города области.

Обострение проблемы Севастополя, как правило, связывается с очередными избирательными кампаниями как в России, так и на Украине, эта закономерность проявлялась в 2000, 2003–2004, 2007–2008 гг. Но эти обострения уже не были связаны с проблемой базирования Черноморского флота, а принимали неприкрытый характер столкновения национально-политических интересов.

Обращаясь к современности, нужно отметить сначала, что, согласно последним статистическим данным, из 2,03 млн жителей Крыма более 60% составляют русские, подавляющее большинство которых переселенцы, заселяющие земли, опустевшие и заброшенные после депортации коренного населения в ходе нескольких послевоенных миграций³⁷. Около четверти населения относится к этническим украинцам, в основном существенно русифицированным. Касаясь политической обстановки дел вокруг Крыма, необходимо сказать, что пропаганда некоторых российских властей в отношении «Российского Крыма» усилилась и не сдает обороты. Такая пропаганда в еще большей степени усиливает антиукраинские и про-российские настроения на полуострове и особенно в Севастополе. Статус Севастополя как части Украины оспаривался рядом политических движений Крыма и Севастополя («Русское движение Крыма», «Русская община Крыма»), которые в качестве политической платформы выдвигают лозунги возвращения Севастополя и Крыма в состав России. Аналогичной позиции придерживаются и ряд политических сил и деятелей Российской Федерации (наиболее яркими представителями этого направления в разное время могли быть названы Д. Rogozin, С. Бабурин, Ю. Лужков, К. Затулин), с середины 1990-х оказывающих политическую, организационную и финансовую поддержку русским национальным организациям Севастополя и самому городу.

Именно поэтому Россия направляет на развитие Севастополя крупные средства в рамках специального соглашения с Украиной «Об участии Российской Федерации в развитии социально-экономической сферы Севастополя и других мест дислокации флота»³⁸. Только за последние годы Россия построила в Севастополе более 2000 квартир, Черноморский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, школу, детский сад, бассейн, памятные знаки. На Черноморском флоте трудятся более 20 тыс. жителей Севастополя. Таким образом, находит свое подтверждение на

практике преемственность российской (советской) политики в отношении Севастополя как ключевого пункта в регионе Черного и Средиземного морей.

В отличие от российских политиков, украинские не ограничивались в предвыборный период простыми высказываниями. Например, в период парламентских выборов 2002 г. блок «За единую Украину!» предложил программу развития города Севастополя, которая призвана устранить социально-экономические противоречия и значительно улучшить жизнь горожан.

В частности, в политической сфере было задекларировано: 1) обеспечить принятие Верховной Радой Украины Закона «О статусе города-героя Севастополя»; 2) решить на государственном уровне вопрос о компенсации городу Севастополю затрат в связи с пребыванием на его территории Черноморского флота Российской Федерации.

В социально-экономической сфере было обещано: обеспечить завершение строительства объектов социальной сферы, способствовать созданию новых рабочих мест, обеспечить полную компьютеризацию учебных заведений, для стабильного обеспечения газом районов города продолжить строительство газопровода «Северная – Центр», проложить троллейбусную трассу «5-й км – Балаклава», а также по окружной дороге до 6-го микрорайона Камышовых бухты. Блок заявил о готовности наконец решить проблему бесперебойного снабжения города Севастополя водой.

В период после Оранжевой революции Украина интегрирует интересы в Севастополе в общую морскую политику государства. Последние годы действительно стали для Украины периодом повышенного внимания и интереса к вопросам национальной морской политики. Причин этому несколько. В соответствии с надеждами придерживающихся «проамериканской модели» (в ЕС через НАТО) развития Украины политиков, такая модель должна привести к возрастанию перспектив вступления Украины в Евросоюз. Однако с победой на президентских выборах в Украине В.Ф. Януковича евроатлантический вектор внешней политики Украины был значительно скорректирован. О вступлении в НАТО теперь речь не идет, хотя сотрудничество с НАТО сохраняется в рамках прежних договоренностей.

Политические амбиции на Украине и в России резко усиливаются под влиянием глобального финансового и экономического кризиса 2008 г.

Наступление глобального кризиса 2008 г. показало, что политическая и социально-экономическая системы и в России, и в Украине не являются достаточно современными, гибкими и эффективными, соответствующими условиям начала XXI в.

В период пребывания во главе украинского руководства В.А. Ющенко развитие двусторонних отношений серьезно сдерживалось его системной антироссийской политикой. После победы В.Ф. Януковича на президентских выборах на Украине в январе-феврале 2010 г. стал возможен возврат российско-украинских отношений в русло добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. В настоящее время идет работа над проектом Декларации о содержании российско-украинского стратегического партнерства, призванной зафиксировать стремление России и Украины вывести межгосударственные отношения на качественно новый уровень.

В сфере безопасности этому способствует инициированный президентом и принятый 1 июля 2010 г. парламентом Украины Закон «О принципах внутренней и внешней политики», которым предусматривается расширение нынешнего формата сотрудничества Украины с НАТО и сохранение внеблокового статуса страны³⁹. 5 марта 2010 г. состоялся первый официальный визит в Москву В.Ф. Януковича. Итоги его переговоров с президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным показали понимание на Украине важности выстраивания конструктивных связей с Россией, достижения качественного позитивного сдвига в наших отношениях. Приоритетные направления сотрудни-

чества были зафиксированы в подписанном президентами Совместном заявлении⁴⁰. В этом же году после многолетних напряженных переговоров было достигнуто соглашение о статусе Черноморского флота и Севастополя; на встрече в Харькове 21 апреля 2010 г. президенты России и Украины подписали Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины⁴¹. В соответствии с Соглашением, которое ратифицировано парламентами обеих стран 27 апреля и вступило в силу, срок пребывания ЧФ после 28 мая 2017 г. продлевается на 25 лет с возможностью последующей пролонгации на пятилетние периоды. По итогам переговоров В.Ф. Янукович заявил, что «ЧФ будет оставаться одним из гарантов безопасности в Причерноморском бассейне»⁴². В Соглашении оговорена арендная плата за пребывание Черноморского флота в Крыму, устанавливаемая с 2017 г. Она будет формироваться главным образом за счет снижения цены на поставляемый на Украину природный российский газ. В Харькове руководители ОАО «Газпром» и НАК «Нафтогаз Украины» подписали дополнения к действующему контракту о поставках газа от 19 января 2009 г., которые обеспечивают восстановление взаимопонимания между Украиной и Россией в газовой сфере.

Российско-украинские переговоры по вопросам пребывания и функционирования Черноморского флота РФ, находящегося на территории Украины в соответствии с базовыми соглашениями 1997 г., направлены на урегулирование нерешенных проблем, которые бывшими украинскими властями использовались для создания искусственных затруднений в деятельности флота. Подтверждена обоюдная заинтересованность в дальнейшей работе по совершенствованию договорно-правовой базы, регламентирующей пребывание российского флота на украинской территории.

17–18 мая 2010 г., было проведено третье заседание Российско-Украинской межгосударственной комиссии (Межгоскомиссия). Президенты Российской Федерации и Украины поставили свои подписи под тремя совместными заявлениями: по вопросам европейской безопасности, по приднестровскому урегулированию и вопросам безопасности в Черноморском регионе⁴³. Были подписаны также Соглашение о демаркации российско-украинской государственной границы⁴⁴, межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области использования и развития российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС⁴⁵, Соглашение о первоочередных мерах по развитию научно-образовательного сотрудничества на 2010–2012 гг.⁴⁶ и др.

В политике нового украинского руководства налицо наметившееся отступление от подходов, приводивших к искажению нашей общей истории. В целом антироссийская политика «оранжевого» руководства для отношений между двумя странами не прошла бесследно. Необходимо предпринять еще немало усилий, чтобы вывести российско-украинское сотрудничество на уровень реального и доверительного стратегического партнерства. Проблема статуса Севастополя и Черноморского флота на протяжении почти всего последнего десятилетия XX в. являлась крупным препятствием на пути гармонизации российско-украинских отношений.

Данная проблема в принципиальном плане урегулирована, хотя в повседневной жизни трения продолжают возникать из-за нарушений подписанных соглашений, прежде всего украинской стороной. В ближайшей перспективе в российско-украинских отношениях предстоит достичь взаимоприемлемых договоренностей особенно по проблеме статуса Севастополя и Черноморского флота.

¹ Архивы. info. Черноморский флот. История вопроса. 20.11.2008 // URL: <http://www.arhivi.info/?page=news&shownews=615>.

² Военно-морской флот России // <http://www.navy.su/daybyday/june/03/index.htm>.

³ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года «О статусе города Севастополь» // Ведомости Верховного Совета РСФСР 1948 г. № 21.

⁴ Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 4, ст. 64.

⁵ Конституция (Основной закон) Украинской советской социалистической республики, принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Украинской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 года. Киев, 1978.

⁶ «Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России», принята ВС РСФСР 12.04.1978 (ред. от 10.12.1992) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15, ст. 407.

⁷ Бровчук Г.Ю. Развитие внешнеэкономических связей России и ее регионов с Украиной: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.

⁸ Постановление Совмина РСФСР от 05.02.1954 № 156 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Российская газета. № 32. 19.02.2004.

⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.02.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 4, ст. 64.

¹⁰ Закон СССР от 26.04.1954 «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 10, ст. 343.

¹¹ Лудовкин Е.К. Статус города Севастополя // URL: <http://www.moscow-crimea.ru/Russia/analit/analitexpert.html>

¹² Федоров А.Б. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 13.

¹³ Там же. С. 14

¹⁴ Декларация ВС СССР от 07.10.1977 № 6365-IX «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41, ст. 616.

¹⁵ Конституция (Основной закон) Украинской советской социалистической республики, принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Украинской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 года. Киев, 1978.

¹⁶ «Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России», принята Верховным Советом РСФСР 12.04.1978 (ред. от 10.12.1992) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15, ст. 407.

¹⁷ Будников М.И. Российско-украинские отношения в 1991–2005 годы: исторический аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

¹⁸ Указ президента Украины от 05.04.1992 г. № 209 «О неотложных мерах по строительству Вооруженных Сил Украины» // Голос України. 1992. 08.04.92. № 64.

¹⁹ Указ Президента РФ от 07.04.1992 № 375 «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота» (с изм. от 09.04.1992) // Ведомости Съезда Народных Депутатов и Верховного Совета РФ. 23.04.1992. № 17, ст. 943.

²⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Украиной «О принципах дальнейшего развития межгосударственных взаимоотношений», заключено 23.06.1992 г. // Дипломатический вестник. 1992. № 13–14. С. 11–14.

²¹ Федоровых А.Л. Политико-правовые проблемы ЧФ и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР: общая характеристика и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2007. С. 306.

²² «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР от 3 августа 1992 года» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР 1992. № 15.

²³ Федоровых А.П. Проблема Черноморского флота и Севастополя: история и перспективы исследования // Вестник Самарского государственного Университета. Самара, 2008. С. 366.

²⁴ Постановление Верховного Совета РФ от 09.07.1993 № 5359-1 «О статусе города Севастополя» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 29, ст. 1132.

²⁵ Протокол об урегулировании проблем Черноморского флота // Собрание Законодательства РФ. 1993. № 27.

²⁶ Федеральный закон от 02.03.1999 № 42-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 10, ст. 1159.

²⁷ Решение «О статусе города Севастополя» от 23.08.1994 г. № 41 // Ведомости Верховной Рады Украины. 1994. № 4, ст. 29.

²⁸ Конституция Украины, принята 28.06.1996 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30, ст. 141.

²⁹ Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по Черноморскому флоту от 9 июня 1995 г. // Дипломатический вестник. 1995. № 7. С. 6–7.

³⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 31, ст. 3991.

³¹ «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», подписан в г. Киеве 31.05.1997 // Бюллетень международных договоров. 1999. № 7 (июль). С. 21–24.

³² Черкасова Е.Г. Севастополь: еще раз о территориальной проблеме // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С. 114.

³³ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1937. № 2, ст. 11.

³⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года «О статусе города Севастополь» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1948. № 21.

³⁵ Постановление Совета министров РСФСР от 18 декабря 1948 года «Об утверждении титульного списка средних школ Крымской области» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1948. № 24.

³⁶ Черкасова Е. Севастополь: еще раз о территориальной проблеме // Мировая экономика и международные отношения. ИМЭМО РАН. С. 43.

³⁷ Тихонравов Н.С. Крым, с Севастополем, Балаклавой и другими его городами. С описанием рек, озер, гор и долин; с его историей, жителями, их нравами и образом жизни. М.: Проспект, 2012.

³⁸ Постановление Правительства РФ от 29.11.1999 № 1312 «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины об участии Российской Федерации в развитии социально-экономической сферы г. Севастополя и других населенных пунктов, в которых дислоцируются воинские формирования Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 49, ст. 6015.

³⁹ Закон Украины от 02.07.2010 г. «О принципах внутренней и внешней политики» // Ведомости Верховной Рады Украины. 2011. № 42, ст. 139.

⁴⁰ Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Украины по вопросам безопасности в Черноморском регионе от 17 мая 2010 г. // Президент России. Официальный сайт. 17 мая 2010 г. // URL: http://kremlin.ru/ref_notes/559.

⁴¹ Федеральный закон от 29.04.2010 № 67-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18, ст. 2143.

⁴² Российская газета. 2010. № 5173 (94). 4 мая. С. 1.

⁴³ Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Украины по вопросам безопасности в Черноморском регионе от 17 мая 2010 г. // Президент России. Официальный сайт. 17 мая 2010 г. // URL: http://kremlin.ru/ref_notes/559.

⁴⁴ Распоряжение Правительства РФ от 14.05.2010 № 720-р «О подписании Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о демаркации российско-украинской государственной границы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 21, ст. 2630.

⁴⁵ «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины о сотрудничестве в области использования и развития российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС», заключено в г. Киеве 17.05.2010 // Бюллетень международных договоров. 2012. № 2. С. 29–34.

⁴⁶ «Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования и науки Украины о первоочередных мерах по развитию научно-образовательного сотрудничества на 2010–2012 годы», заключено в г. Киеве 17.05.2010 // Вестник образования. 2010. № 6. С. 6–7.

ВАЛЕРИЙ ЮЛЬЕВИЧ ГЕССЕН

кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)
Тел. (812)382-62-70; E-mail: gessen27@mail.ru

В статье на основе архивных и литературных данных, а также воспоминаний родных и современников описана научная жизнь, административная и преподавательская деятельность профессора А.А. Вознесенского. Особое внимание уделено событиям, связанным с его арестом, допросами и расстрелом. Рассмотрены репрессии в отношении его родных и близких, а также других преподавателей политико-экономического факультета Ленинградского университета.

Ключевые слова: А.А. Вознесенский, декан, ректор, министр, политическая экономия, университет, преподавание, книга, статья, троцкизм, «Ленинградское дело», арест, допрос, карцер, концлагерь, реабилитация.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: РЕКТОР, ПЕДАГОГ И МУЧЕНИК*

6. Лишение А.А. Вознесенского поста министра, арест и гибель

А.А. Вознесенский, как мог, противился своему назначению на пост министра просвещения РСФСР. Его сын писал, что между братьями была договоренность: Николай Алексеевич будет в Москве, а Александр Алексеевич – в Ленинграде. На неоднократные предложения занять какой-либо пост в Москве он отвечал отказом. Если вопреки его желанию дело доходило до попытки назначения, то Николай Алексеевич каждый раз, как кандидат, а потом и член Политбюро, писал на опросном листке – «Возражаю». И тогда рассмотрение этого вопроса прекращалось. Такой механизм действовал до тех пор, пока А.А. Жданов и Кузнецов не согласовали со Сталиным назначение А.А. Вознесенского на пост министра образования РСФСР. И тут не подействовала даже надпись «Категорически против» на опросном листке со стороны Николая Алексеевича¹. Сегодня трудно понять, зачем это было им нужно. А ведь зачем-то было, иначе бы они не лезли за согласием к «корифею». Для них это явно было частью какой-то многоходовой комбинации. А может быть, это результат чьей-то предательской подсазки с целью теснее связать их всех в один узел? Но то, что они в конечном счете проиграли от этого, так это однозначно.

Так или иначе, заняв этот пост, А.А. Вознесенский активно включился в работу. Этому предшествовал приказ заместителя министра высшего образования СССР А.В. Топчиева об освобождении его от должности заведующего кафедрой политической экономии ЛГУ с 1 марта 1948 г. «в связи с переходом на другую работу»². Затем был приказ А.В. Топчиева в связи с назначением А.А. Вознесенского министром просвещения РСФСР освободить его от должности ректора ЛГУ с 9 июня 1948 г., назначить и.о. ректора проф. Н.А. Долинина³. Интересно, что сразу после этого были направлены из ЛГУ в горком партии отчеты кафедры политической экономии за 1947/1948 г.⁴ Может быть, А.А. Вознесенский ранее возражал против предложенной им редакции?

5 марта 1948 г. в актовом зале состоялось открытое заседание ученого совета ЛГУ, посвященное 50-летию А.А. Вознесенского и 25-летию его научной и педагогической деятельности, на которое он приехал из Москвы. С докладом о его жизни и деятельности выступил декан политико-экономического факультета В.В. Рейхардт. Он подчеркнул, что до последнего времени пребывания в университете, несмотря на большую загрузку, А.А. Вознесенский оставался заведующим кафедрой политической экономии. Выступавшие сожалели о его уходе. Были преподнесены адреса и подарки. А.А. Вознесенский поблагодарил всех за высокую оценку его труда, призвал всех не покладая рук работать на благо великой Родины. На этом заседании юбиляр единогласно был избран почетным членом ученого совета ЛГУ⁵. В марте 1949 г. в ЛГУ состоялся торжественный акт по поводу 130-й его годовщины. По этому поводу было получено поздравление от А.А. Возне-

сенского⁶. И это было последнее его упоминание в печати университета в положительном смысле.

И вот что удивительно: в апреле месяце 1948 г., когда, казалось, А.А. Вознесенский был вознесен, что называется, на самый верх служебной лестницы, появилась статья, посвященная сборнику «Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947». Статья без подписи, разгромная. И это несмотря на то, что выпущен сборник был с участием А.А. Вознесенского – во всяком случае, так написано в нем, хотя в статье он не упомянут. И заканчивалась она так: «Издательство Ленинградского университета совершило ошибку, выпустив эту недоброкачественную, вредную книгу, которая может только дезориентировать советского читателя. Но еще большую ошибку совершил авторский коллектив, работавший над составлением сборника и давший ложную, извращенную историю одного из передовых и крупнейших вузов нашей страны»⁷. А вслед за этим появилось постановление парткома ЛГУ по этому вопросу. Указывалось, что сборник фальсифицирует историю университета, ставит на одну доску прогрессивных ученых и реакционеров типа Туган-Барановского, Лосского, Веселовского и др. Не показано значение Октябрьской революции для науки, борьбы марксистов за ее укрепление. «Особенно в недопустимых хвalebных тонах описывается деятельность ученых-востоковедов, как в дореволюционное, так и в советское время (автор очерка профессор В.М. Штейн)... Партийный комитет привлек к партийной ответственности коммунистов, виновных в выпуске этой политически ошибочной книги»⁸. Заметим, что здесь содержалась и критика В.В. Рейхардта – декана политико-экономического факультета, как одного из авторов очерков.

К тому времени, когда А.А. Вознесенский занял пост министра, в ЦК ВКП(б) сложилось резко отрицательное отношение к деятельности Академии педагогических наук, которую возглавлял Иван Андреевич Каиров (1899–1978). А.А. Вознесенскому предложили одновременно стать ее президентом. Но он отказался, однако заявил, что может тому помочь наладить дело. Обещание свое он выполнил. Когда его самого освободили от поста министра, то на его место назначили И.А. Каирова, который благодарил его за помощь. После этого Лев Вознесенский спросил отца, долго ли, по его мнению, продержится на новом посту И.А. Каиров. Отец ответил, что долго, так как он безынициативен, никогда не выдвигает новых идей. А видимо, только такие люди там нужны. Так и получилось.

28 мая 1949 г. в Ленинграде был арестован В.В. Рейхардт. И тогда Клавдия Николаевна Мироненко – бывшая вторая жена Александровича Алексеевича – поехала к нему в Москву, видимо имея в виду просить его что-то сделать для его защиты, вероятно по просьбе его жены. Но вместо обещания о защите А.А. Вознесенский, здраво оценив обстановку, ответил ей: «Это конец».

За несколько дней до снятия с министерской должности А.А. Вознесенского вызвал Г.М. Маленков. Ничего не объясняя, сказал, что ему надо с этой должности уйти, «дело у него дальше не пойдет». Александр Алексеевич поинтересовался причинами такого решения. Маленков

* Окончание, начало в «Клио» № 1 (73). 2013.

утверждал, что конкретных причин, действительно, нет. Но как коммунист он должен помочь ЦК и самому сообщить о них. Получив такое задание, Вознесенские – отец с сыном Львом – долго трудились над его выполнением, с трудом набрали причины в количестве шести штук: недостаточный контакт с коллективом, неисполнение каких-то высочайших указаний и т.д. Потом эти причины без всяких исправлений фигурировали в документах о снятии А.А. Вознесенского с должности в виде обоснования.

ЦК ВКП(б) устроил заседание коллегии Министерства просвещения, на котором руководящую роль играли: Н.А. Михайлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и Дубровина, заведующая сектором школ в аппарате ЦК. У А.А. Вознесенского с ними до этого были многочисленные столкновения в связи с тем, что они бесцеремонно вмешивались в деятельность министерства с различными советами не к месту, необоснованными требованиями. И теперь им поручили обеспечить принятие решения коллегии с обвинением в адрес А.А. Вознесенского уже как бы от имени коллектива. Однако, к удивлению этих лиц, выступавшие сотрудники министерства в основном положительно отзывались о министре. С трудом Михайлову удавалось из них выдавить что-либо критическое. В конце концов что-то отрицательное по отношению к министру для постановления коллегии все же было найдено. По этому поводу Александр Алексеевич потом говорил сыну, что ему приятно было видеть достойное поведение большинства сотрудников, услышать благоприятные мнения о нем. А формально освобождение от работы А.А. Вознесенского было оформлено постановлением Политбюро 12 июля 1949 г. За эту услужливость Михайлов потом стал секретарем ЦК ВКП(б), а Дубровина – заместителем министра просвещения РСФСР.

И все это несмотря на то, что за время пребывания А.А. Вознесенского на этой должности многое было сделано в области совершенствования образования, были решены многие давно назревшие вопросы, намечены мероприятия на будущее, в частности, по его политехнизации. Уже были сделаны первые шаги к ликвидации раздельного обучения мальчиков и девочек, введенного во время войны⁹. Затем 15 июля 1949 г. на основе указанного постановления был опубликован соответствующий указ ПВС СССР, потом постановление Совета министров РСФСР. 20 июля 1949 г. министр госбезопасности Б.В. Абакумов представил Сталину подробную справку на А.А. Вознесенского № 5683/А. Как писал Лев Вознесенский, «вряд ли у кого-либо возникнут сомнения в том, какого характера она была»¹⁰.

После освобождения от должности домой к Александру Алексеевичу позвонил К.Е. Ворошилов, тепло поговорил, предложил обратиться к нему, если потребуется помощь. Но через короткое время, когда А.А. Вознесенский позвонил ему, попросил о встрече, тот сказал, что им встречаться не обязательно, просьбы он готов выслушать и по телефону. Разумеется, ничего Александр Алексеевич существенного говорить не стал. Так что Ворошилов вовремя переориентировался, что-то разузнав, немедленно решил быть подалее от Вознесенских¹¹.

Лев Вознесенский утверждал, что его отец никогда не ставил Сталина вровень с Лениным, никаких восторгов он у него не вызывал. «Вместе с тем как опытный политик отец понимал, что судьба всего народа, в том числе и его самого, прямо или косвенно подчинена капризу, воле, решениям Сталина, перед которыми бессильны и факты, и логика, и закон. Так, незадолго до ареста, объясняя ему цели и методы деятельности Бериин. Маленкова и Кагановича по дискредитации его брата Николая Алексеевича, сказал: "Нас всех могут физически уничтожить. Единственная, хотя и слабая надежда – на прямое вмешательство Сталина. Но что бы со мной не случилось, знай всегда – перед партией и государством я не виновен ни на йоту"». Он говорил, что все лекции надо было заканчивать именем Сталина, что автоматически обеспечивало аплодисменты. Однако за всю жизнь он только раз, в совершенно безвыходной ситуации – тема обязывала, позволил себе закончить лекцию таким тогда традиционным образом¹².

И, вне сомнения, подобное отношение к вождю не осталось незамеченным.

Его третья, хотя и нерасписанная, жена Е.М. Косачевская вспоминала, что когда они ездили с А.А. Вознесенским отдыхать в Сочи и в Гагры, он брал с собой чемодан книг, в основном художественную литературу. Утром и вечером купался, но никогда не загорал, уходил в санаторий и читал. В эти августовские дни 1949 г. – примерно за 10 дней до ареста, он целыми днями находился на беседах, похожих на допросы, которые проводили Маленков, Михайлов, кажется, и Шепилов. Старались к чему-нибудь придраться. Так, к примеру, фигурировали затраты на ремонт детских домов, как якобы использованные не на эту цель. Но все в конце концов оказывалось в порядке. Придраться было не к чему, и это названных лиц немало раздражало. А.А. Вознесенский после таких «бесед» приезжал домой или на государственную дачу в Кунцево к четверем часам утра. Настроение у него было «убийственным». Е.М. Косачевская как могла, утешала его. Говорила ему: «Что ты унываешь. Ну, снимут тебя с работы, исключат из партии. Мы уедем в Сибирь. Будем преподавать в школе – я историю, ты литературу».

Но вот власти предложили ему поехать в Сочи, отдохнуть некоторое время. Казалось, что подозрения рассеялись, что стала очевидной лживость чьих-то наветов. 17 августа Евдокия Марковна проводила его, перед расставанием, следя за приметой, они обменялись расческами, и... больше уже никогда не встретились. На следующий день он звонил ей в Москву, сказал о себе. Был арестован 19 августа 1949 г., в санатории на горе Ахун, во время своего вынужденного отдыха. На момент ареста он считался неработающим, постоянно проживавшим в Москве на улице Серафимовича, 2 (Дом правительства), квартира 195. Она была четырехкомнатной, мебель в основном казенная. Большая библиотека: целая стена полок с книгами и еще четыре ящика, которые так и не были распакованы. Е.М. Косачевская потом писала, что среди них были редчайшие издания, называла книжку китайского экономиста XI века. Обыск московской квартиры начался 19 августа в 12 часов дня и продолжался сутки, изымали деньги и облигации. Одновременно проводили обыск на даче в Кунцево. Три комнаты опечатали, одну оставили детям Льву и Эрнесту. Из записок Е.М. Косачевской можно понять, что она также собиралась ехать в Сочи, уже получила отпуск на работе¹³. В списке изъятых указывалось: один костюм, один брюки и далее все больше по одному, рубашек 10, галстуков 15, книг 1500. В последнюю поездку на юг А.А. Вознесенский взял с собой четыре книги.

Во время обыска московской квартиры А.А. Вознесенского дома находился сын Эрнест. И его следователи спрашивали: где золото, где машина, где деньги. Оказалось, что есть только книги. Удивлялись, что ничего ценного нет, а деньги обнаружили только в виде остатка от зарплаты. Говорили, что совсем не так было при аресте министра лесной промышленности: добра навалом. Лев Александрович отмечал, что отец получал зарплату за республиканского министра просвещения, но фактически выполнял функции союзного министра, так как такой должности не было. Зная это, Сталин в какую-то благоприятную для него минуту или же в порядке провокации однажды предложил ему повышение зарплаты до уровня союзных министров. Но он отказался. Так что после ее деления между семьями (часть бабушке, часть детям в Ленинград) дома денег оставалось весьма немного, что и вызвало удивление проводивших обыск. Лев Александрович утверждал, что отец категорически запретил привозить к нему домой что-либо из министерства: «Чтоб ни одного гвоздя!» – говорил он помощникам. В этих вопросах он был крайне щепетилен, боялся обвинений в каких-либо поступках с корыстной целью. Зато был щедр в заботе о других. И когда близкий ему человек стал его умолять не пытаться спасти арестованную сестру Марию Алексеевну («Что ты делаешь? Ты же каждую ночь ждешь ареста!»), то он отвечал: «Ты что, не понимаешь: мне легче умереть, чем чувствовать себя подлецом!»¹⁴

С 30 августа 1949 г. начались интенсивные допросы А.А. Вознесенского в Лефортовской тюрьме. Они начинались со стандартных вопросов, в которых как бы уже содержалось предложение оговорить себя, типа: «Вы арестованы за проведение вражеской антисоветской деятельности, за борьбу против партии и советского государства. Следствие предлагает вам дать подробные показания о совершенных вами преступлениях». И все в таком же духе, хотя обвиняемый, конечно, отрицал это¹⁵. В заранее подготовленных протоколах допросов в уста арестованных вкладывались такие штампы и ярлыки, которыми ни один человек, действительно не совершавший преступлений, говорить о себе не может. Лев Вознесенский писал, что с закрытыми материалами о методике допросов и применяемых психических и физических пытках ознакомиться не удалось. Однако следователями использовался весь их набор. Обобщенный протокол допросов А.А. Вознесенского был представлен Сталину 26 декабря 1949 г. На этом, как считалось, закончилось формирование его следственного дела¹⁶. Но допросы продолжались, как и отказы подследственного дать нужные следователям показания.

В течение почти 14-ти месяцев, пока до своей гибели он находился в тюрьме, а сыновья Лев и Эрнест оставались на свободе, на их домашний адрес приходили письма к нему как к депутату Верховного Совета Союза ССР 2-го созыва с марта 1946 г. Их приносили из государственного аппарата, не зная, куда девать. В них содержались благодарности многих людей за помощь в разных вопросах. В том числе и от тех, кто его усилиями освободился из тюрьмы, из ссылки. А в это время их благодетель подвергался пыткам¹⁷.

Приговорен был А.А. Вознесенский решением ВКВС СССР 27 октября 1950 г. к расстрелу. Обвинялся в измене Родине, участии в контрреволюционных организациях, антисоветской агитации. В более расширенном виде обвинялся в следующем: 1. В 1917 г. установил связь с «народными социалистами». 2. Неприязненно встретил Октябрьскую революцию. 3. Голосовал за меньшевистский список при выборах в Учредительное собрание. 4. Имел антисоветскую связь со своей женой Судаковой и на протяжении долгих лет скрывал ее вражескую деятельность. 5. Составлял и издавал вредные работы, в которых извращал марксистско-ленинскую науку. 6. Являясь ректором ЛГУ, группировал в нем врагов партии – троцкистов, зиновьевцев и других антисоветски настроенных лиц из числа профессорско-преподавательского состава. 7. Будучи министром просвещения РСФСР, продолжал поддерживать связь с врагами советской власти, пригетыми им в ЛГУ, оказывал им всяческую поддержку и помощь в сокрытии своих преступлений.

Имеются сведения о том, что во время допросов А.А. Вознесенского не раз спрашивали о его отношениях с Б.Д. Кофманом (1879–?). Говорил, что он с ним готовил учебник политической экономии. Обвиняли в том, что он не разоблачил его как врага советской власти, скрывал его меньшевистские взгляды¹⁸. В решении по данному следственному делу было указано, что А.А. Вознесенский изблечен в преступлениях показаниями А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, В.В. Рейхардта, других арестованных, а также документами.

Следователь А.И. Кузнецов, который в 1960-х гг. вел расследование дел репрессированных, говорил Л.А. Вознесенскому, что во время допросов пытали всех. Но наиболее тяжким пыткам подвергли А.А. Вознесенского и В.Э. Мейерхольда. Целью следователей тогда было создать вокруг А.А. Вознесенского дополнительные дела по людям из ЛГУ и Министерства просвещения, по Общеславянскому комитету, по ряду других организаций. Или хотя бы как можно теснее включить его в «Ленинградское дело». «И если бы я рассказал Вам о том, что пришлось пережить Вашему отцу, Вы бы сошли с ума. Так что об этом даже не пытайтесь меня расспрашивать»¹⁹. А.И. Кузнецов также говорил, что А.А. Вознесенский во время допросов не запянул ни одного человека, спас многих от гибели, не позволил создать нового громкого следственного процесса. Но, конечно, это не избавило от репрессий

многих его родственников и знакомых, хотя, может быть, и не в столь тяжком виде, как это могло бы быть²⁰.

Этот следователь говорил Льву и Эрнесту Вознесенским, что «братья и сестра Вознесенские больше года держались во время следствия настолько упорно, в смысле того, что не признавали себя виновными, что Сталин в конце концов послал в Лефортово комиссию в составе Берии, Маленкова и Булганина с целью выяснить это. И тогда к ним привели из карцера Вашего отца, в котором он в очередной раз находился. Кстати, вот папка, в которой подшиты квитанции (или корешки от них) на вывод его из камеры. Их более 90. Подобные папки имеются у всех арестованных. Но они в несколько раз тоньше. А ведь за каждой из этих 90 бумажек допрос, избияния, пытки, карцер. Когда А.А. Вознесенского привели на указанный допрос, то после всего перенесенного он уже почти ослеп (а зрение его было отменное. – Л.В.). И в слабо освещенной одним торшером комнате, разглядев только стоявшего за креслом Булганина в маршальском мундире, воскликнул: «Какое счастье, что вы пришли товарищ Булганин! Наконец-то товарищ Сталин узнает правду!» – «Тамбовский волк тебе товарищ!» – ответил Булганин. А из затененных углов комнаты раздался дружный хохот сидевших там Берии и Маленкова. Булганин же, выйдя из-за кресла, ударом ноги сбил А.А. Вознесенского на пол, стал топтать его своими маршальскими сапогами. Затем эта троица допросила его. Он отверг все обвинения. Но они все равно написали следующую записку: «Товарищ Сталин! По Вашему указанию Вознесенского А.А. допросили и считаем, что он виновен. Маленков, Берия, Булганин»». Следователь А.И. Кузнецов утверждал, что фактически на основании этой записки он и был расстрелян²¹. Но это, конечно, не так. Можно полагать, что это посещение Александра Алексеевича руководителями высокого ранга было в конце октября – начале ноября 1949 г. И привело оно не к окончанию следствия, а к его ужесточению. После этого обстановка в тюрьме стала еще более тяжелой для подследственных. К каждому арестованному приставили по два следователя (один уставал, другой его выбивал), допросы, как правило, стали продолжаться до 4-х часов утра. О более жесткой обстановке свидетельствует и то, что еще под протоколом от 25 ноября 1949 г. подпись А.А. Вознесенского более или менее нормальная. А через месяц – 26 декабря – подпись как бы другого человека, который еле удерживал перо. Скорее она похожа на отдельные точки, с трудом образующие контуры той или иной буквы. Нет сомнения в том, что это был месяц пребывания в ледяном карцере, особо изнуряющих пыток, после которых он был вынужден подписать заранее составленный протокол без всяких оговорок²².

Несмотря на такое совершенствование организации «труда» следователей, они вырвали у Александра Алексеевича подпись под признанием его «вины» только 13 марта 1950 г., т.е. без малого через семь месяцев от начала допросов, избияний и карцеров. Однако по другим данным, он первый раз подписал протокол допроса с обвинениями 19 мая. Лев Александрович Вознесенский утверждал, что как бы мужественно ни держались те или иные арестованные в чудовищной ситуации сталинского «следствия», они в конце концов были вынуждены подписывать какие-то признания. Кто-то больше не мог вытерпеть пыток, кого-то затягивали в сети добытых (лучше сказать выбитых) показаний других лиц, кому-то обещали (чаще всего ложно) не трогать родных и близких, кого-то затягивали в ловушку чистосердечного признания перед партией²³.

О связях с А.А. Вознесенским следователи допрашивали многих лиц, арестованных по «Ленинградскому делу», особенно, конечно, преподавателей ЛГУ. Так, например, у арестованного К.М. Варшавского выпытывали об их контактах. Он утверждал, что они были строго в служебном порядке, ничего личного не было. О его связях с троцкистами в 1920-х гг. он ничего не слышал. Впервые К.М. Варшавский обратился к нему по телефону с просьбой ускорить прием на работу на политико-экономический факультет. Видимо, этот звонок позволил убыстрить поступление.

Встречался он с ним на заседаниях кафедры политической экономии, на научных конференциях. О действительном прошлом К.М. Варшавского А.А. Вознесенский ничего не знал, видел только его анкету. В защите диссертации Александр Алексеевич ему никак не помогал, только подписал решение по этому поводу ученого совета ЛГУ. Обращался к нему с тремя просьбами, из которых он удовлетворил одну: дал разрешение на командировку в Москву в Госплан СССР за материалами для курса «Народно-хозяйственное планирование». Отказал в просьбе напечатать в издательстве ЛГУ книгу одного из ведущих экономистов Госплана СССР, так как она печатает только произведения своих сотрудников. Не удовлетворил просьбу о переводе К.М. Варшавского в НИИ ЭФП при ЛГУ в связи с его увольнением из университета: видимо, не решился конфликтовать с парторганизацией, на основе решения которой это было произведено, хотя сам же и принимал его на работу²⁴.

Саул Давидович Зак особо подчеркивал, что при допросах следователи из него пытались «выбить» в буквальном и переносном смысле компромат на А.А. Вознесенского. Но он на все вопросы отвечал, что ничего антисоветского от него никогда не слышал, против линии партии он никогда не выступал. Так что следователям по этой теме нечего было записать в протокол²⁵.

25 сентября 1950 г. А.А. Вознесенскому был предъявлен документ об окончании следствия, о составлении обвинительного заключения. При этом к ранее указанным пунктам обвинения (58-1 и 58-11 УК РСФСР) приписали статью 58-10, ч. 2. Правда, в УК разделения этой статьи не было. После этого была составлена «Справка»: «Вознесенский А.А. арестован 19 августа 1949 г. и содержится под стражей в Лефортовской тюрьме МГБ СССР. Вещественных доказательств по делу нет. Свидетелей, подлежащих вызову в суд, нет. Пом. нач. Следчасти по особо важным делам МГБ СССР Сорокин».

Л.А. Вознесенский писал: «Наверное, десятки раз за последние годы читал я протокол заседания, где игралась сцена рассмотрения обвинений в адрес отца. И скажу прямо, даже за этим текстом стоит в невероятных условиях сохранивший свое достоинство человек, духовно не сломленный, до конца борющийся не только за жизнь, но и за свое доброе имя, за справедливость. Удивительно, но те же самые актеры-судьи вели себя, в отличие от процесса в Ленинграде [над Николаем Алексеевичем Вознесенским], вполне корректно, даже как-то уважительно. Вероятно, потому, что там они должны были играть свою роль для публики, а здесь такой необходимости не было»²⁶. Один раз в ходе судебного заседания, когда Александр Алексеевич заявил, что вопреки утверждению следователя, он ни в 1917 г., ни в дальнейшем никакого отношения к социалистам не имел, председатель Матулевич привел некую цитату из протокола допроса подсудимого. Произошел такой диалог:

«Подсудимый. Это не моя формулировка. Я только написал протокол допроса от 26 декабря 1949 г. В действительности было так, как я уже говорил суду выше.

Председательствующий. Из материалов дела видно, что некоторые формулировки, с которыми вы были не согласны, вы оговаривали и собственноручно вносили исправления. Здесь же никаких исправлений вами сделано не было.

Подсудимый. Верно, в некоторых протоколах допроса я вносил исправления, но только не в протоколе 26 декабря 1949 г. О причинах подписания этого протокола я не хочу говорить суду Военной коллегии».

Напомним, что это было после месяца особо изощренных пыток, пребывания в чудовищных условиях карцера²⁷. Далее председательствующий спросил: «Кто вас выдвинул на должность министра просвещения РСФСР?» А.А. Вознесенский ответил: «Я не знаю. О назначении меня имел разговор с А.А. Ждановым. Следователь сказал мне, что без секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам [намек на Кузнецова] на такие должности не выдвигаются. Я согласился с ним, а при подписании протокола был в таком состоянии, что не мог осмыслить формулировки»²⁸.

Виновным себя А.А. Вознесенский признал только частично, только в том, что, «будучи ректором ЛГУ санкцио-

нировал прием на профессорско-преподавательскую работу нескольких лиц без специальной проверки» и «поддерживал связь со своей бывшей женой». «Больше я ни в чем себя виновным не признаю». Из последнего его слова: «Никаких группировок я не поддерживал и к ним не примыкал. Вреда партии умышленно я никогда не причинил. Я 32 года честно и искренне служил коммунистической партии. В течение 25 лет я непрерывно вел пропагандистскую работу. Я прочел более пяти тысяч лекций для студентов, более тысячи для рабочих и служащих. Я все время вел большую воспитательно-политическую работу. Прошу все это учесть при вынесении приговора». Суд и учел это, объявив ему со всеми прежними обвинениями приговор, возможность которого он предвидел заранее, – расстрел. По официальным данным, он был осужден ВКВС СССР 27 октября 1950 г. по ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР²⁹.

Заметим, что такую же процедуру, с тем же результатом осуществил этот «суд» и в отношении его сестры Марии Алексеевны Вознесенской. Председатель суда Матулевич распорядился о немедленном исполнении этих приговоров, что и было осуществлено, как и четыре недели до этого в Ленинграде в отношении Николая Алексеевича Вознесенского. И, надо полагать, Александра Алексеевича и Марию Алексеевну Вознесенских расстреляли вместе по общему для них «наряду» 28 октября 1950 г. в два часа ночи³⁰.

Обо всем этом свидетельствует следующий документ: «Сов. Секретно. Военная Коллегия Верховного суда Союза ССР. 27 октября 1950 г. № 0018383. Москва, ул. 25 Октября, 23. Начальнику отдела «А» МГБ СССР генерал-майору тов. Герцовскому. Прошу дать указание команданту МГБ СССР о немедленном приведении в исполнение приговоров Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27 октября 1950 г. в отношении Вознесенского Александра Алексеевича и Вознесенской Марии Алексеевны, осужденных к высшей мере уголовного наказания – расстрелу. Приложение: две копии приговоров по два экз. каждая. Председатель военной коллегии Верховного суда Союза ССР генерал-майор юстиции /Матулевич/. Гербовая печать: 4-я Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР». К этому документу прилагался еще один: «Копия /оригинал от руки/ Сов. Секретно. Москва. 28 октября 1950 г. Акт. Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что приговоры Военной Коллегии Верховного суда СССР от 27 октября 1950 г. в отношении осужденных к ВМН – расстрелу Вознесенского Александра Алексеевича 1898 года рождения и Вознесенской Марии Алексеевны 1901 года рождения приведены в исполнение 28 октября 1950 г. в 2 часа 00 мин. (На имеющейся копии подписи отсутствуют)». Их тела сожгли в Московском крематории на территории Донского монастыря, а прах сбросили в огромную яму на местном кладбище. На этой «Могиле невоинственных прахов» в 1996 г. был открыт мемориал жертвам политических репрессий первых послевоенных лет³¹. И можно считать, что частичкой его является памятник трагической судьбе этих Вознесенских.

7. О брате Александра Алексеевича Вознесенского и других членах семьи

Прежде всего, о брате – Николае Алексеевиче Вознесенском, который не раз был упомянут в предыдущем изложении. О нем писала его сестра Валентина Алексеевна: «Насколько мне не изменяет память за давностью лет, Николай учился сначала в Чернской приходской школе три года (вероятно, с 1911 по 1914 г.), а затем с 1914 по 1917 г. в Высшем начальном четырехклассном училище. В 1917/1918 учебном году он посещал среднюю трудовую школу, но в то время он уже работал. После смерти отца семья наша буквально бедствовала, мы голодали, нищенствовали. Он начал работать с лета 1917 г. Сначала мальчиком у чернского гробовщика, выполняя подсобные работы, строгаю доски, затем в типографии (может быть, наборщиком) и на других работах. В то время он был один «добытчик» в нашей семье. Александр учился в Петроградском университете, а я с Марией в школе. Свой заработок Коля отдавал

маме, и на эти средства мы тогда жили. Помню, как она, получая от Коли очередную его получку, со слезами на глазах называла его «нашим кормильцем». С лета 1919 г. до начала 1921 г. он работал секретарем Чернского укома комсомола. В августе 1919 г. вступил в члены ВКП(б). В 1921 г. несколько месяцев он работал в Тульском обкоме комсомола. Тогда же поступил на учебу в Коммунистический университет им. Свердлова. Затем продолжал образование в Институте красной профессуры. Редко мне приходилось встречать людей, которые так, как он, сохранили бы черты своего характера от ранней юности до зрелого возраста: честность, правдивость, не терпел он фальши и лжи. В учении и в работе всегда проявлял собранность, упорство, трудолюбие. Он не любил попусту тратить время. Праздность, безделье, пустая болтовня претили его натуре»³². С 1924 г. он был на парторботе. В 1924–1926 гг. заведовал агитпропом Енакиевского райкома партии, в 1926–1927 гг. секретарь парткома Енакиевского металлургического завода, в 1927–1928 гг. – заместитель заведующего агитпропом Артемьевского окружкома. В 1931–1934 гг. преподавал в экономическом Институте красной профессуры. Одновременно был на руководящих постах в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции СССР. С 1934 г. руководитель группы планирования и учета Комиссии советского контроля при СНК СССР, в 1938 – марте 1939 г. член бюро этой комиссии, ее уполномоченный в г. Сталино. После убийства С.М. Кирова переведен в 1935 г. в Ленинград, где назначен председателем городского комитета по планированию. Одновременно в 1937 г. – заместитель председателя Ленгорсиполкома. Взлет его карьеры начался в 1937 г., когда в ходе чисток погибла большая часть хозяйственных руководителей СССР. В ноябре 1937 г., пробыв в Ленинграде около трех лет, Н.А. Вознесенский переехал в Москву, будучи выдвинут на пост заместителя председателя Госплана при СНК СССР. А в январе 1938 г., после ареста председателя В.И. Межлаука (1893–1938), возглавил Госплан СССР, которым руководил ровно десять лет. Правда, с марта 1941 г. по декабрь 1942 г. председателем Госплана был М.З. Сабуров (1900–1977). Одновременно с апреля 1939 г. по март 1941 г. он заместитель председателя СНК СССР. В марте 1939 г. избран членом ЦК ВКП(б), а в феврале 1941 г. введен кандидатом в члены Политбюро ЦК. По его предложению в последние предвоенные годы был резко увеличен объем капитальных вложений в оборонную промышленность на востоке СССР. 10 марта 1941 г. стал единственным 1-м заместителем председателя СНК СССР. После начала ВОВ председателем СНК стал И.В. Сталин, Вознесенский остался его главным помощником по руководству хозяйством страны. Только в 1942 г. была создана вторая должность 1-го заместителя председателя СНК, которую занял В.М. Молотов. С февраля 1942-го по сентябрь 1945 г. Н.А. Вознесенский входил в состав Государственного Комитета Обороны. Под его руководством Госплан СССР превратился в один из важнейших органов управления народным хозяйством. С началом войны он отвечал за разработку военно-хозяйственных планов, формирование и реализацию военной экономики страны, перебазирование на восток почти двух третей ее производственного потенциала, прежде всего предприятий авиационной, танковой промышленности, всех отраслей, производящих вооружение, боеприпасы, а также металлургии и других производств, обеспечивающих военно-промышленный комплекс всем необходимым. И это в условиях, когда транспортные потоки с войсками направлялись на запад, Решить такую задачу для любого европейского государства было даже теоретически невыполнимо³³. В годы войны он поразил мир беспрецедентной организацией работы народного хозяйства страны для нужд победы над фашизмом в тяжелейших условиях того времени.

В марте 1946 г. с созданием Совета министров СССР он остался в его составе на должности заместителя председателя. 26 февраля 1947 г. переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Именно тогда Александр Алексеевич Вознесенский сказал своему сыну Льву: «Наконец-то Николай может ничего не бояться!» И ошибся.

«Но как характерна эта фраза для той эпохи!», – восклицал Лев Александрович³⁴.

Н.А. Вознесенский не терял связи с Ленинградом. И поэтому летом 1948 г. партийная организация Ленинграда и области в лице ее руководителя П.С. Попкова обратилась к нему с предложением взять «шефство» над этим городом. Что он ответил на это, точно не известно. Вроде бы отказал. Но каков бы ни был ответ, сам этот диалог потом имел трагическое последствие для него и ряда других лиц.

Он был автором многих статей по экономическим вопросам, книги «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947). Был избран в число членов АН СССР (1943), получил степень доктора экономических наук (1943), стал лауреатом Сталинской премии (1948)³⁵.

Как уже указано, в начале 1949 г. органы МГБ с подачи И.В. Сталина, Маленкова и Берии начали организацию серии политических процессов. При этом Н.А. Вознесенский должен был стать ключевой фигурой фальсифицированного заговора по свержению советской власти, организации обособления РСФМР от СССР, сделав ее столицей Ленинград. Наверное, с этим было связано и то, что в июле 1949 г. Н.А. Вознесенский обнаружил на своем рабочем столе пистолет с одним патроном. Кто и зачем его подобрал? Он тут же сдал его вместе с оружием, которое было у него дома. Так он пренебрег намеком на уход от ответственности путем самоубийства. В это же время развернулась подготовка фальсификаций в отношении его. В этих целях была использована докладная записка заместителя председателя Госнаб СССР М.Т. Помазнова о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства СССР на первый квартал 1949 года. Этот документ послужил началом для возведения обвинений в отношении Н. А. Вознесенского. Он не смог предотвратить приход в Госплан СССР комиссии под руководством Е.Е. Андреева, посланной специально, чтобы раздуть дело о пропавших в нем секретных документов. В результате Е.Е. Андреев направил донос об этом в Комиссию партийного контроля³⁶.

Л.А. Вознесенский подчеркивал, что Николай Алексеевич был чрезвычайно осторожным человеком. Так, узнав о предстоящем намерении властей назначить его брата на должность, связанную с Министерством иностранных дел (был такой вариант до его назначения министром просвещения), упрямил не делать этого, так как это влекло за собой неизбежную связь с иностранцами, что могло при желании скомпрометировать братьев. Видимо, он хорошо знал приемы МГБ, включая их стремление цепляться к таким связям, делая из этого самые серьезные выводы³⁷.

Для Маленкова и Берии Н.А. Вознесенский был опасным конкурентом. Они настраивали Сталина против него, подбрасывая все новые и новые факты. По рассказу бывшего работника Госплана, существовал порядок, согласно которому план первого квартала всегда должен быть больше, чем производство последнего квартала. Текущий 1948 г. был удачным: урожай приличный и промышленность не подкачала. Осторожный Н.А. Вознесенский дал указание несколько снизить результаты года, чтобы сделать более реальным план на следующий год. Это дало возможность обвинить его в обмане правительства. Берия выудил соответствующее признание у одного из руководителей работников Госплана и преподнес его Сталину. Вдобавок Н.А. Вознесенский имел привычку уничтожать черновики плановых разработок, что строгаише запрещалось. Всякая бумажка подлежала передаче специальным службам, где ее регистрировали, уничтожение же следовало активировать. Так он оказался виновным и в нарушении режима секретности³⁸.

5 марта 1949 г. Верховный Совет СССР издал указ, в котором говорилось, что за разные действия, имевшие антипартийный и антигосударственный характер, включая занижение плана на 1-й квартал 1949 г., Н.А. Вознесенский освобождается от обязанностей председателя Госплана СССР, а указом от 7 марта – от обязанностей заместителя председателя Совета министров СССР. Тогда же путем письменного опроса членов ЦК ВКП(б) было принято решение его Пленума о том, что в связи с этими указами,

а также постановлением Совета министров СССР вывести Н.А. Вознесенского из состава Политбюро ЦК ВКП(б)³⁹. 12–13 сентября также опросом Пленум ЦК одобрил его исключение из ЦК и привлечение его к судебной ответственности «за утрату документов Госпланом СССР».

Надо упомянуть, что 13 июля 1949 г. вышло строго секретное постановление Политбюро «О журнале “Большевик”», в котором некоторые его сотрудники подверглись критике, получили взыскания за предоставление читателям книги Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» как учебника и глубоко научного исследования. В этом постановлении было указано на то, что Д.Т. Шепилов «совершил грубую ошибку, допустив рекомендацию Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) книжки Н. Вознесенского в качестве учебника для работы с секретарями райкомов партии и пропагандистскими кадрами. Отменить эти указания как ошибочные»⁴⁰. Между тем в книге были соблюдены все необходимые тогда идеологические требования, восхваление Сталина осуществлено по всем поводам и даже при отсутствии таковых. Причем иногда вместе с Лениным, но всякий раз без упоминания Маркса. И несмотря на все это, в середине 1949 г. наступил переломный момент, когда И.В. Сталин внутренне отказался от своих слов о скором возвращении автора этой книги (что он обещал ему после снятия с руководства Госпланом) в «руководящее ядро» и окончательно сдал его на расправу Берии и Маленкову⁴¹.

Между тем надо подчеркнуть, как писал А.З. Ваксер, «рукопись указанной книги Сталин держал у себя почти год, скрупулезно делая вставки, исправлял и в конце концов одобрил <...> Книга, помимо основного материала, содержала краткое изложение экономических воззрений автора. Среди них центральное место занимали положения о признании объективности экономических законов, необходимости укрепления экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являлись цена, деньги, кредит, премия». А.З. Ваксер также отмечал, что «впервые после свертывания нэпа Вознесенским и его соратниками была осуществлена практическая попытка совмещения административной системы управления с использованием экономического инструментария хозяйствования, которая должна была повысить эффективность советской экономики, не только завершить восстановление, но и сделать шаг в совершенствовании всей хозяйственной системы. Она провалилась по многим причинам, в частности и потому, что не соответствовала методам и организации управления промышленностью, выпестованным Сталиным, требовала длительной подготовки, нового уровня хозяйственных кадров. Решить ее командными средствами, натиском, характерными для предвоенной, военной и послевоенной эпохи, оказалось невозможным. Жизнь, однако, заставила вновь вернуться к тем же идеям в конце 1950-х годов <...> Сталин, в течение ряда лет поддерживавший эти идеи, бросил, как это бывало и прежде, вчерашних единомышленников, переложив всю ответственность за провал на них»⁴². Здесь А.З. Ваксер под провалом имеет в виду бюджетный кризис 1949 г., который власти постарались скрыть. И это удалось. А сделать это надо было в основном ввиду того, что это был год 70-летия Сталина, и омрачать его никак нельзя было. Ответственность за провал свалили на ленинградцев, включая Н.А. Вознесенского. И это, по мнению А.З. Ваксера, послужило, помимо всех прочих, экономической причиной возникновения «Ленинградского дела», что историки до сих пор не принимали во внимание.

В.М. Андрианов 9 августа 1949 г. доложил И.В. Сталину о проделанной в Ленинграде «работе» по искоренению врагов. При этом он указывал и на книгу Н.А. Вознесенского «Военная экономика...», которую студенты якобы изучают на семинарах больше, чем тему развития тов. Сталиным теории марксизма-ленинизма⁴³. Хотя следует сказать, за эту книгу в 1948 г. он получил Сталинскую премию. Явно не вызвали сочувствия у вождя письма Н.А. Вознесенского, которые он послал после ареста Марии Алексеевны и Александра Алексеевича в надежде облегчить их судьбу⁴⁴.

С 1 сентября по 17 октября 1949 г. Н.А. Вознесенский направил Сталину последние в своей жизни четыре письма, в которых пытался объяснить ситуацию, просил о более объективном рассмотрении выдвинутых против него обвинений. Но все было напрасно. 4 сентября Бюро КПК приняло постановление о пропаже в Госплане секретных документов. Во всем обвинили Н.А. Вознесенского. В частности в том, что, обнаружив в свое время виновников некоторых пропаж, он ограничился административными мерами воздействия, а не передал материал следственным органам. Но он-то знал, чем это может кончиться для этих виновников! Жалел людей. А теперь ему пришлось оправдываться, унижаться, бичевать себя, представляться каким-то недотепой, реагировать на обвинения какой-то отпиской, основное содержание которой сводится к «не знаю» и «не видел». В тех же случаях, когда прикинуться незнайкой не удавалось, Н.А. Вознесенский оправдывается рассуждениями типа: «Почему же я не принял решения о привлечении виновных к суду, а ограничился административными взысканиями и не сообщил об этих фактах в ЦК и Правительство? Когда я пытаюсь осмыслить причины такого проступка, мне приходится разграничить вопрос: почему я не сделал этого тогда и как я понимаю это дело теперь? Тогда мне казалось, что поскольку нет данных, что документы использованы для разглашения государственной тайны и что о фактах недостачи документов, как мне говорил Купцов, он сообщает в Министерство госбезопасности, я думал, что можно поверить объяснениям виновных и ограничиться административными взысканиями. Теперь я понимаю, что этот обывательский подход недопустим, что я допустил большую вину перед ЦК и Правительством, что нельзя субъективным толкованием подменять законы, что их надо выполнять неукоснительно, и что только суд и следствие компетентны решать данный вопрос. Все это теперь мне ясно потому, что после моего снятия с работы, ценой больших переживаний я ликвидировал свою болезнь – самонадеянность и самомнение, что все отношение к партийным и советским решениям, конечно, стало по-настоящему обостренным и бдительным». Письмо Сталину от 1 сентября 1949 г. он закончил так: «Обращаюсь в ЦК ВКП(б) и к Вам, товарищ Сталин, и прошу Вас простить мне мою вину, изложенную здесь. Наказание, которое я уже получил, и нахождение длительное время без работы настолько потрясло и переродило меня, что я осмеливаюсь просить Вас об этом и поверить, что Вы имеете дело с человеком, который извлек уроки и понимает, как надо соблюдать партийные и советские законы»⁴⁵.

Но, конечно, претензии к Н.А. Вознесенскому по поводу недостатков в хранении секретных документов не были главными в комплексе обвинений. Главным было то, что самостоятельные мнения и действия Н.А. Вознесенского нужны были хозяину во время войны. Но она закончилась, а самостоятельность осталась. В.И. Ленин когда-то писал о необходимости придания Госплану законодательных функций. Возможно, Н.А. Вознесенский в какой-то степени этому указанию продолжал следовать. Но времена-то изменились. Конечно, главным обвинением была связь с руководителями Ленинграда, потакание их намерениям по увеличению значения города. Так, он знал о предстоящем проведении ярмарки в городе. Однако считал это малозначительным фактом, в ЦК не сообщил об этом.

В своих письмах к Сталину Н.А. Вознесенский пытался оправдаться, развеять наветы. Но никакие объяснения не принимались во внимание, его прошлые заслуги не учитывались. Председатель Бюро КПК М.Ф. Шкирятов (1883–1954), который, как считалось, относился к самым гнусным сталинским опричникам, предлагал исключить его из членов ЦК и отдать под суд. 11 сентября секретариат ЦК подтвердил это предложение, решил вынести его на утверждение Пленума ЦК. Путем заочных опросов его членов, проведенных 12 и 13 сентября, такое решение было утверждено. Имелся документ об исключении Н.А. Вознесенского из партии, подписанный И.В. Сталиным. Но через много лет оказалось, что это исключение фактически так и не состоялось по каким-то техническим причинам (но в 1988 г.

его вместе в Кузнецовым все же восстановили в партии). Вместе с тем началось оформление «Дела Госплана», которое тесно переплелось с «Ленинградским делом»⁴⁶.

Н.А. Вознесенского арестовали 27 октября 1949 г. При аресте была изъята, а потом уничтожена рукопись книги, над которой он работал длительное время, – «Политическая экономия коммунизма» объемом 822 страниц⁴⁷. Последний обобщенный протокол его допросов был представлен И.В. Сталину 9 декабря 1949 г. На этом как бы закончилась следственная формирова́ние его дела⁴⁸. Не позднее 12 ноября 1949 г. его исключили из АН СССР. Предложение о приговорах по этому делу министр МГБ В.С. Абакумов представил Сталину 18 января 1950 г. Предложение о расстреле Н.А. Вознесенского Политбюро утвердило 30 сентября 1950 г.

Из десяти детей Вознесенских только обе дочери Николая Алексеевича – Майя и Наталья – не были арестованы по какой-то прихоти вождя. Казалось бы, наоборот: в первую очередь. Ан нет, таков каприз тирана. Но и на их долю выпало немало испытаний. Однако они, по крайней мере, оставались в Москве, продолжали учиться⁴⁹.

Родные Николая Алексеевича получили следующий документ: «Военная коллегия Верховного суда РСФСР. 18 сентября 1998 г. № 4Н-04862/54. Справка. По сообщению Центрального архива ФСБ РФ № 10/а-3467 от 7 сентября 1996 г. приговор в отношении Вознесенского Николая Алексеевича, 1903 г.р., приведен в исполнение 1 октября 1950 г. в г. Ленинграде, место захоронения мемориальное кладбище «Левашовская пустошь»». Статьи обвинения его были 58-1а, 58-7, 58–11. На этом кладбище, где покоится прах более чем 40 тысяч расстрелянных в 1937–1952 гг., его семья поставила памятник-камень, на котором выбито его имя и годы жизни⁵⁰. Для характеристики той эпохи следует привести такой факт, что в приговоре о расстреле после фамилии Н.А. Вознесенского чернилами вписано как важное дополнение, что он происходит из семьи владельца сапожной мастерской⁵¹. Что касается упомянутого приведения в исполнение приговора, то по этому поводу был составлен «Акт» с грифом «Совершенно секретно». В нем указано, что «поименованные на обороте» (т. е. получается, что этот «Акт» был написан на оборотной стороне приговора, который держал в руках руководитель расстрела) 1. Кузнецов А.А. 2. Попков П.С. 3. Вознесенский Н.А. 4. Капустин Я.Ф. 5. Лазутин П.Г. 6. Родионов М.И. расстреляны в два часа ночи. «Акт» подписали: начальник Отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский, начальник Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин и военный прокурор полковник юстиции Кульчицкий⁵². Так же был составлен следующий «Акт»: «Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что 1 октября 1950 г. в котельной Внутренней тюрьмы УМГБ Ленинградской области нами были уничтожены путем сожжения личные вещи, снятые с шести человек, осужденных Военной коллегией суда СССР 29-30 сентября 1950 г. к ВМН – расстрелу. При сожжении присутствовал зам. коменданта УМГБ Лен. обл. майор Жемов. Нач. Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин, Нач. группы Комендантского отдела МГБ СССР полковник Семенихин, Нач. группы Комендантского отдела МГБ СССР ст. лейтенант Новиков»⁵³. И, наконец, последний «Акт»: «Мы нижеподписавшиеся удостоверяем, что 1 октября 1950 г. в 4 часа 00 мин. было зарыто в яму на спецобъекте УМГБ Ленинградской области шесть трупов. Нач. Отдела «А» МГБ СССР генерал-майор Герцовский, Нач. Комендантского отдела МГБ СССР генерал-майор Блохин. Нач. Отделения Отдела «А» МГБ СССР подполковник Воробьев, Зам. Коменданта УМГБ Ленингр. обл. майор Жемов»⁵⁴.

Таким образом, от вынесения приговора с учетом его окончательного согласования с Москвой, а это было около 12 часов ночи, до захоронения тел прошло примерно четыре часа. По некоторым сведениям, на приговоренных к смерти надевали белые чехлы. И здоровенные конвоиры на себе их доставили в управление МГБ. А это было не так трудно: расстояние метров 200, вес крайне истощенных людей не так уж был велик. Но, скорее всего, их в этих саванах тащи-

ли до машин (идти после всего этого многие вряд ли могли), на которых и везли в управление. Там все можно было сделать по-быстрому. А от управления до места захоронения за два часа, наверное, проехать можно. Во всяком случае, при этом было выполнено распоряжение председательствующего на суде генерал-майора юстиции Матулевича: «Начальнику Отдела «А» МГБ СССР генерал-майору тов. Герцовскому А.Н. Прошу дать указание коменданту МГБ СССР о немедленном приведении в исполнение приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29-30 сентября 1950 г. в отношении осужденных по ст. ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрел. [поименованы шесть человек] Приложение: копия приговора»⁵⁵.

Как следует из указанного, Николая Алексеевича «судили» вместе со всеми основными жертвами «Ленинградского дела», когда большинство их «присудили» к расстрелу. Об обстановке этого «суда» некоторые сведения можно почерпнуть из воспоминаний сына Ф.Е. Михеева, осужденного к 10 годам ИТЛ: «Непосредственно про суд, состоявшийся в Ленинградском доме офицеров, отец мог рассказать очень мало. По его словам, из Москвы его привезли в невнятном состоянии. Он плохо ориентировался в окружающем, все было как во сне. Он даже не был уверен, что находится в Ленинграде, а не в другом месте. Вспоминал лишь отдельные, не связанные друг с другом эпизоды. Такое состояние могло быть вызвано физическим и психическим истощением в результате почти годового следствия. Оно не могло быть связано со страхом или волнением перед предстоящим судом: отец надеялся, что суд, наконец, разберется и признает его невиновным. Я думаю, почти уверен, что дело не обошлось без накачивания отца психотропными средствами, поскольку секретные фармакологические лаборатории НКВД и МГБ всегда работали эффективно. Отец помнил, что следователь все время находился рядом и что-то постоянно внушал. Видимо, подсудимые не находились в зале, а периодически вызывались, вернее, приводились или притаскивались конвойными, по одному или вдвоем, для дачи показаний. Отец считал, что достоиннее всех вел себя Н.А. Вознесенский, который пытался возражать против обвинения. Окончания суда и чтения приговора отец совершенно не мог вспомнить, стал приходиться к себе только во Владимире, в тюрьме»⁵⁶.

Как писала Валентина Алексеевна в указанных выше воспоминаниях, «Николай Алексеевич был строго принципиальным в решении всех вопросов до конца своих дней. Никакой обывательщины, никакой семейственности он не терпел и не допускал в решении политических вопросов. Его сослуживцы по Госплану называли «глыбой ума»». И до сих пор в ряде зарубежных и отечественных работах его вспоминают как гениального организатора эвакуации промышленности на восток и создания там военного производства, позволившего победить германский фашизм. Его называют «стратегом экономической победы»⁵⁷.

С.И. Семин, работавший начальником управления Госплана при Н.А. Вознесенском, отмечал его исключительную энергию и прекрасную подготовку в области планирования развития народного хозяйства. При всей жесткости директивной экономики председатель Госплана пытался, где только мог, более широко вовлечь трудящихся в процесс планирования, контроля, определения перспектив развития каждого предприятия. Не знал отпусков и выходных дней. После Бухарина это, пожалуй, был второй и, наверное, пока последний крупный экономист в нашем высшем руководстве⁵⁸.

В. Иванченко писал: «Н.А. Вознесенский оставил неизгладимый след во всех сферах жизнедеятельности советского народа. Память о нем сохранится вместе с памятью о Великой Отечественной войне. Но вместе с тем научное, методологическое и организационное наследие Н.А. Вознесенского крайне необходимо сегодня, когда Россия нуждается в экономической стратегии мобилизационного типа, чтобы реально встать на путь стабильного развития в условиях современной глобализации, и, прежде всего, в экономике»⁵⁹.

1 декабря 1973 г., в день 70-летия рождения Н.А. Вознесенского, в ЛФЭИ, носившем уже его имя, состоялось торжественное открытие мемориального комплекса с его бюстом. В печати выражалась благодарность его жене за помощь по его организации⁶⁰.

Жена Н.А. Вознесенского – Мария Андреевна Литвинова родилась в г. Дебальцево на Украине. Окончила библиотечный техникум, Московский педагогический институт. Работала школьной учительницей русского языка и литературы. Арестована 21 октября 1950 г. Приговорена ОСО при МГБ СССР к 10 годам лишения свободы. Была освобождена в 1954 г., реабилитирована⁶¹. У нее, как уже сказано, две дочери: Майя Николаевна по мужу Самсонова и Наталья Николаевна Вознесенская (1941).

О Марии Алексеевне Вознесенской ее сестра Валентина Алексеевна писала: «Наша сестра Мария Алексеевна отличалась с ранних лет серьезностью, трудолюбием и политической зрелостью». Она после окончания Коммунистического университета была на партийной работе в Донбассе и в Ленинграде. В 1937 г. была арестована. После 10 месяцев тюрьмы вместе с мужем Ф.Ф. Визнером и двумя малолетними сыновьями была сослана в Богучанский район Красноярского края (предположительно деревня Климено). Ее брат Н.А. Вознесенский сообщил об этом А.А. Жданову, попросил о помощи. Ссылку отменили, следственное дело прикрыли. «Но, – как писал Лев Вознесенский, – оно осталось, затаилось до поры до времени в архиве и ждало своего часа». Именно тогда возникла опасность ареста и для Александра Алексеевича, который, как считается, тоже участвовал в освобождении сестры. Может быть, органы его тогда вызывали? И уж, несомненно, завели на него дело, которое через годы очень им пригодилось. Возможно, это было так называемое «наблюдательное» дело, превратившееся потом в обычное следственное.

Во время войны Мария Алексеевна находилась в Свердловске, была секретарем горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Первым секретарем областного и городского комитетов партии там с 1938 г. был В.М. Андрианов. Он тогда, что называется, использовал Марию Алексеевну, угрожив ее поставить свою подпись (кроме своей) на просьбе, посланной в Госплан СССР, о выделении городу дополнительных ресурсов угля. Сыграла свою роль ее подпись или нет, не известно. Но дополнительный уголь был получен. Позднее, когда В.М. Андрианов активно участвовал в разгроме ленинградских партийных и прочих кадров, об этой подписи вспомнили. При этом забыв, конечно, о подписи андриановской. Это потом ставилось Марии Алексеевне в вину, как сговор с братом, возглавлявшим Госплан СССР. По возвращении в Ленинград после окончания войны она заведовала Домом политпросвещения, затем была первым секретарем Куйбышевского райкома партии. 23 декабря 1948 г. выступала на Ленинградской X областной и VIII городской объединенной партконференции. Например, критиковала ЛПИ им. Герцена за ученые записки по экономгеографии, в которых «протаскиваются буржуазные установки в экономическом районировании СССР»⁶². Последний раз она упоминалась в начале февраля 1949 г. в качестве автора статьи «Идеологическая работа с интеллигенцией»⁶³.

Она была арестована 21 июля 1949 г. Л.А. Вознесенский писал, что с нее начались все аресты Вознесенских. Она отказалась дать нужные Сталину показания. Была осуждена Военной коллегией Верховного суда СССР 27 октября 1950 г. по ст. 58-1 «а», 58-7 и 58-11 УК РСФСР. И ее расстреляли вместе с Александром Алексеевичем 28 октября 1950 г., о чем сказано выше⁶⁴. Через год после этого один из ее следователей, это уже на допросе Льва Александровича Вознесенского, сказал, что он с другим следователем свыше восьми часов убеждали ее подписать протокол допроса с обоснованием ее виновности, который был составлен им и его начальником⁶⁵. Он не сказал, каким путем проводилось это «убеждение», но подпись они получили.

Заметим, что ее судьба была предрешена и тем, что она была упомянута в опубликованном проекте «Закрытого письма Политбюро членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова и

др.»», которое направили Сталину 12 октября 1949 г. Г. Маленков и Л. Берия: «...В ходе следствия по делу о враждебной партии группы Кузнецова, Попкова и др. установлено, что с этой группой был связан Вознесенский Н.А. Предложение бывших ленинградских руководителей Вознесенскому о «шефстве» над Ленинградом, сделанное ему Попковым после смерти Жданова, было не случайным. А вытекало из существа их антипартийных связей. Теперь доказано, что только наличием близких связей можно объяснить тот факт, что бывшие ленинградские руководители, втайне от ЦК ВКП(б), вернули из ссылки, восстановили в партии и выдвинули на руководящую партийную работу активного врага партии и Советской власти сестру Вознесенского Н.А. – М. Вознесенскую. По этой же причине бывшие ленинградские руководители в своих враждебных целях осуществили выдвижение на руководящую работу сначала ректором Ленинградского университета, а затем министром просвещения РСФСР его брата – Вознесенского А.А.»⁶⁶.

12 июня 1957 г. ее родственникам было выдано «Свидетельство о смерти» 1-ЮБ № 043278. В нем указывалось, что «гражданка Вознесенская Мария Алексеевна умерла 27 октября 1950 г., возраст 49 лет», о причине и месте смерти сведений нет⁶⁷. В другом документе, выданном 15 февраля 1990 г., отмечена причина смерти – расстрел, а место смерти – «в местах заключения г. Москва, республика РСФСР». ВКВС 16 июля 1954 г. выдала «Справку»: «Дело по обвинению Вознесенской Марии Алексеевны пересмотрено 14 мая 1954 г. Приговор от 27 октября 1950 г. в отношении Вознесенской М.А. отменен и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено. Председатель ВКВС генерал-лейтенант юстиции А. Чепцов».

Имеется «Справка о реабилитации» Вознесенской М.А., «родившейся в селе Теплое (Теплово) Тульской губернии, проживающей по адресу г. Ленинград, наб. р. Fontанки, д. 22, кв. 22, по решению Комиссии УНКВД по Лен. Обл. от 8 августа 1937 г., высланной в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки, как исключенная из рядов ВКП(б) по политическим мотивам. Решением ГУВД С.-Петербурга и Ленинградской области от 25 августа 1937 г. Вознесенская М.А. в связи с административной высылкой реабилитирована. Начальник ГУВД А.В. Пониделко»⁶⁸. Имеется справка и о ее полной реабилитации по делу 1950 г., когда она была обвинена «в участии в контрреволюционной организации», от 14 мая 1954 г. в соответствии с указом Верховного Совета Союза ССР о реабилитации жертв политических репрессий⁶⁹.

Ее муж Федор Францевич Визнер (1895–1971), чех, уроженец Праги, участник ВОВ, раненый в боях под Ленинградом. После войны – директор автобазы. Арестован 20 октября 1950 г. Осужден ОСО при МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Дело было пересмотрено ВКВС 30 января 1954 г. и прекращено за отсутствием состава преступления. Сохранилась «Справка № 1821», выданная начальником Озерного ИТЛ МВД Визнеру Федору Францевичу в том, что «он с 20 октября 1950 г. содержался в тюрьме и 23 октября 1954 г. освобожден за прекращением дела в порядке статьи 4 п. 5 УПК РСФСР и следует к месту жительства г. Ленинград». На бланке указано, что «видом на жительство не служит. При утере не возобновляется». Отметим, что в лагере у него был инсульт, приведший к частичному параличу. До выхода на пенсию он работал директором той же автобазы, что и до ареста⁷⁰.

Сын Марии Алексеевны Владимир Федорович Визнер (1929–2010) учился в ЛВМИ. После ареста матери был вынужден перевестись в ЛГИ. Арестован 21 октября 1950 г., осужден ОСО при МГБ СССР 11 ноября 1950 г. по ст. 58-1 «в» УК РСФСР на восемь лет ИТЛ. Находился в заключении в Песчаном лагере под Карагандой. Освобожден в ноябре 1953 г., реабилитирован. Работал инженером-конструктором на авторемонтном заводе. Окончил ЛВМИ, работал в конструкторском бюро завода «Арсенал», заместитель главного конструктора, кандидат технических наук⁷¹.

Другой сын Марии Алексеевны – Евгений Федорович Визнер (1934 г.) – до ареста 14 марта 1951 г. был студен-

том 1-го курса Энергетического института. Осужден ОСО при МГБ СССР 28 апреля 1951 г. по ст. 7 и 35 УК РСФСР на пять лет ссылки «как сын осужденной участницы антисоветской вредительской группы Вознесенской М.А. и осужденного Визнер Ф.Ф., на иждивении которых он находился до дня ареста»⁷². Правда, в другом документе сказано, что он осужден «за причастность к антисоветской вредительской группе»⁷³. Но такое определение вызывает сомнение, так как за эту «причастность» наказание могло бы быть более суровым.

Имеется письмо, посланное ему 9 июня 2004 г. № 18/769 из УФСБ РФ по СПб и ЛО, в котором сказано: «Настоящим подтверждаем, что Визнер Евгений Федорович был арестован 14 марта 1951 г. и содержался во внутренней тюрьме УМГБ СССР ЛО с 14 марта 1951 г. по 4 мая 1951 г.» В «Справке», выданной 12 мая 1994 г. № 4622 Управлением внутренних дел Красноярского краевого исполкома, отмечено, что Е.Ф. Визнер был осужден «как социально-опасный элемент» и направлен «в ссылку на поселение в Тасеевский район Красноярского края. К месту ссылки прибыл 19 сентября 1951 г. этапом под конвоем. Основание: лично-архивное дело № 20276». В другом документе указано, что он под конвоем направлялся через пересыльные тюрьмы г. Красноярск и г. Канск⁷⁴.

В упомянутых выше документах отмечено, что Е.Ф. Визнер был от ссылки освобожден 1 июня 1953 г. «на основании Указа ПВС СССР об амнистии от 17 марта 1953 г.». В «Справке» ВКВС сказано: «Постановление ОСО при МГБ СССР от 28 апреля 1951 г. в отношении Визнера Е.Ф. отменено и он по данному делу полностью реабилитирован». После освобождения он вернулся в Ленинград. Служил в армии. Окончил электромеханический техникум. Работал инженером-конструктором в НИИ-49. Примерно с 1970-го по середине 2010-х годов – главный энергетик Государственного Эрмитажа⁷⁵.

Имеется также весьма любопытный документ – «Справка о реабилитации» Евгения Федоровича Визнера, уроженца г. Пушкин Ленинградской области, проживавшего наб. р. Фонтанки, 22, кв. 22», выданная в 1997 г. В ней указано, что он вместе с отцом Визнером Ф.Ф. находился в «высылке с 22 августа 1937 г.». Получается, что этот документ относится к трехлетнему мальчику, который через 60 лет был реабилитирован⁷⁶. Удивительный случай! Во время беседы с ним он с большой теплотой отзывался о своей матери Марии Алексеевне Вознесенской. С болью говорил о том, что на тюремной ее фотографии, как он считает, явно видны следы побоев. Рассказывал о тяжелых условиях, в которых он сам находился: изнурительные допросы, пересыльные лагеря⁷⁷.

Евдокия Марковна Косачевская (1906–1994) – гражданская жена А.А. Вознесенского с 1944 г. Она родилась в деревне Кобицы Черниговской губернии. Окончила ЛГУ, была историком, доцентом истфака. Автор работ по истории революционного движения в Галиции, о первом ректоре Петербургского университета М.А. Балугованском, об украинском просветителе Н.А. Маркевиче. В июле 1941 г. – начальник штаба трудовой повинности ЛГУ, осенью 1941 г. активно участвовала в создании стационара в помещении истфака. Л.Л. Эльяшова писала: «О трагедии Евдокии Марковны Косачевской мы знали. Как только освободили Украину, она совершила длинный, трудный путь в поселок, где жили ее родители и дочка. Узнала, что все погибли. Она решила, что жить не сможет. Пыталась выброситься из окна. Ее спасли. А ректор понял, что лучшим спасением для этого энергичного человека будет важное дело, и отправил ее в Ленинград [на восстановление ЛГУ]. Он оказался прав»⁷⁸. Она в 1945 г. была директором лектория ЛГУ, получила благодарность от Политуправления ЛВО за активную лекционную работу⁷⁹. Была включена в 1947 г. в комиссию для создания книги по истории ЛГУ. По «Ленинградскому делу», как бывшая жена А.А. Вознесенского, была осуждена ОСО при МГБ СССР 16 декабря 1950 г. по ст. 58-1 «в» ч. 1 УК РСФСР на 8 лет ИТЛ. Прошла тюрьму и лагерь⁸⁰.

Стойкость ее поразительна, никого на допросах не выдала, ничего компрометирующего об Александре Алек-

сеевиче Вознесенском не сказала. Она рассказывала корреспонденту газеты в 1988 г., что всем обязана ему в своей духовной жизни и научной деятельности. «Всего шесть лет совместной жизни, насильственно прерванной его незаконным арестом <...> питают и насыщают ее по сей день. Память о них дает ей силы и толчок к творчеству. И не допускает мысли о прощении палачей и их пособников, какой бы давности лет не было для этого суда памяти»⁸¹.

После его ареста она уехала в Ленинград в надежде снова вернуться к преподаванию истории в ЛГУ, откуда она была только недавно уволена в связи с переводом в Москву. Но ни там, ни в других местах ее не брали на работу за близость к «врагу народа». С большим трудом ей, доценту с пятилетним опытом работы, удалось устроиться домоправительницей к сочувствующему ей профессору Фейхтенгольцу. Ее попытки узнать что-либо о судьбе А.А. Вознесенского ни к чему не привели. Поехала на прием к заведующему отделом науки ЦК КПСС Ю.А. Жданову. Ничего не узнала, только передала письмо на имя т. Сталина с просьбой разобраться. Потом этим письмом следователь Соколов в Лефортовской тюрьме хлестал ее по лицу во время допросов. Через некоторое время поступило предложение из Ашхабадского университета, где после землетрясения ощущался острый дефицит кадров. Не задумываясь, собрала свою огромную библиотеку, которая заняла почти целый вагон, и поехала. Но через девять дней после прибытия – это в октябре 1950 г. – ее арестовали, привезли в Лефортовскую тюрьму.

«Отныне ее одежда стала исключительно тюремная, домом – одиночная камера. Уют заменяли жесткая койка, табурет и глазок. Так что спать приходилось под зорким оком надсмотрщика. Если во сне поворачивалась на бок или убирала руки под одеяло – тут же открывалась со скрипом железная дверь и офицер с дежурным охранником грубо толкали, приказывая лечь, как положено: на спину, руки – поверх одеяла. Заключенный был лишен воли даже во сне. Что уж говорить об уважении человеческого достоинства в другое время суток».

«Допросы следовали один за другим. Требовали показаний на Вознесенского, Молока, Вайнштейна, Гуковского, Мавродина. Не дождавшись фактов, навязывали свои версии. Следователь Соколов, довольно безграмотный и грубый, любил поднимать ее среди ночи и усаживать на табурет на несколько часов кряду. Научилась спать сидя. Вместо подписи протокола однажды поставила ему двойку за безграмотность. Вводили в комнату, за стеной которой били человека, который кричал, чтобы его не убивали, что он на всех скажет, тем самым давая понять, что она может ждать этого же. Орудием пытки были железные тиски, в которые тело завинчивали до посинения и хруста костей. При этой пытке она потеряла сознание. Когда тиски развинтили, она упала, случился первый инфаркт. После этого на два дня оставили в покое. А затем подняли и объявили приговор – восемь лет лагеря особого режима по статье 58 с конфискацией имущества. Никакого суда не было, даже пародии на него».

Вместо больничной койки для инфарктницы ей на месяц была уготовлена вагонная полка, пока поезд следовал до Тайшета. Там в лагере дали работу «полегче» – обрубку сучьев спиленных деревьев. Но внаклонку работать не смогла, попросилась со всеми валить лес. Она и сама удивляется, как выдержала: короткий сон в душном барাকে, где запирали по 120 человек, ранним утром выгоняли под конвоем с собаками на несколько километров вглубь тайги. После 14 часов работы такой же путь назад. Однажды на нем ее свалил вновь сердечный приступ. Но она знала, что в лагере особо тяжелой была жизнь людей, не приспособленных к физическому труду. Такой несчастной была в их лагере первая жена Н.И. Бухарина доктор философских наук Э.И. Гурвич. Ее унижали и издевались над ней и охранники, и рецидивисты, помещенные специально вместе с политическими, чтобы осложнить их существование. Они всех держали в страхе, чувствовали себя вольготно, так как не считались врагами народа.

Евдокия Марковна попросилась на укладку путей дороги Абакан–Тайшет. Вдвоем таскала шпалы: день на одном плече, день на другом. Потом день отдыха для заживления стертых в кровь плеч. Кем только потом не была: парикмахер, вышивальщица. Заказы на вышивки поступали и от надзирательниц. Поэтому последняя специальность помогла щадить больное сердце от бессмысленной переноски камней по выходным дням: так как тогда отдыхали только конвойные, а заключенные спецлагерей должны были каждый день заниматься тяжелым физическим трудом. И не иначе!

Проведя в лагере четыре года, она была освобождена со смертью Сталина. Только за несколько дней до этого она узнала о трагической участи А.А. Вознесенского. Ни дома, ни имущества у нее не было, от библиотеки не осталось и следа. Почти год проработала в Ашхабадском университете. А потом телеграмма Льва Вознесенского, поездка в Москву, ознакомление со следственным делом Александра Алексеевича, с его многочисленными талонами на карцер. Она-то знала, что такое карцер Лефортовской тюрьмы: трех раз ей хватило, чтобы он продолжал ей сниться в кошмарах всю жизнь! А потом, с большим трудностями, реабилитация, восстановление в партии и работа в ЛГУ. «Нет, она не хочет возмездия. Уже хватит крови и жертв. Но нужна вся правда, необходимо, чтобы все кругом знали, кто есть кто»⁸².

Документы свидетельствуют, что, вернувшись из лагерей, Е.М. Косачевская была совершенно одна. Будучи без своего жилья, она некоторое время жила в квартире проф. И.И. Смирнова. Она испытывала большие трудности в устройстве на работу на историческом факультете ЛГУ, так как ей определенные лица создавали всякого рода препятствия. В 1955 г. она писала в Президиум ЦК КПСС, что в октябре 1950 г. была арестована как член семьи А.А. Вознесенского, в конце 1953 г. она была реабилитирована и решением КПК при ЦК КПСС от 26 июня 1954 г. восстановлена в партии. Летом 1954 г. в Ленинграде получила хорошую комнату. Обкомом была оказана материальная помощь, представлено клиническое и санаторное лечение. Распоряжением зам. министра высшего образования Прокофьева М.А. была восстановлена на работе в качестве доцента кафедры истории СССР ЛГУ. Однако там отказались ее принять, четыре месяца тянулась переписка ЛГУ с министерством. В парткоме ЛГУ ее даже отказывались принять на учет. Только 26 октября 1954 г. после категорического вмешательства министерства был подписан приказ о ее восстановлении в ЛГУ. А через пять месяцев ее вынудили участвовать в конкурсе. «Тем самым, – писала она, – я была поставлена в невыгодное положение, так как в тюрьме были уничтожены конспекты моих лекций, библиография, материалы по теме моей научной работы – труды 26 лет моей жизни. Между тем я более трех лет находилась в строгой изоляции. И, естественно, мне необходимо время для восстановления своих физических и <...> творческих сил. Между тем конкурсная комиссия рассматривает меня безотностительно к тому, что со мной было последние пять лет <...> Конкурсная комиссия не рекомендовала меня на место доцента. На ученом совете факультета за меня голосовали 7 из 14. Секретарь горкома КПСС Замчевский заявил руководству ЛГУ, что я пять лет отсутствовала не по своей вине, и не могу сейчас расплачиваться за то, что в партии орудовала вражеская группа Берия-Абакумова <...> Несмотря на это, под благовидным предлогом была достигнута давно задуманная цель – освободиться от меня. В конце июня ректор ЛГУ сообщил мне, что я оставлена на работе доцентом. Министр Елютин восстановил мне непрерывный стаж работы, мне выдали деньги на лечение. Но, вернувшись из отпуска 1 сентября, я узнаю, что я переведена на ставку ассистента, что означает ущемление меня материально и направление на новый конкурс». В конце письма К.М. Косачевская просила учесть все сказанное, дать ей возможность работать на должности доцента. Видимо, это возымело действие, просьба ее была удовлетворена⁸³.

Однако отношение к ней на историческом факультете в последующий период в лучшую сторону существенно не

изменилось. Несомненно, там остались люди, ответственные за прошлые репрессии. И очень они хотели добить жертву. Это, например, видно из письма Е.М. Косачевской от 15 июля 1968 г. на имя ректора ЛГУ К.Я. Кондратьева⁸⁴.

Видимо, это письмо не оказало желаемого действия. И 22 июля 1968 г. Е.М. Косачевская по этому поводу посылает письмо министру высшего образования СССР В.П. Елютину. После изложения обстоятельств дела она писала: «В свое время Вы оказали мне, вдове А.А. Вознесенского, большую моральную и материальную поддержку, помогли мне вернуться в строй. Все это позволяет мне надеяться на Ваше участие в справедливом решении жизненно важного для меня вопроса. Я потеряла все: единственную дочь, отца и мать, расстрелянных гестапо, любимого человека. Я прошла через унижения, страшные физические и моральные страдания, тюрьмы и лагеря. Я могу и должна работать. Университет, творческая работа, общение с молодежью стали для меня единственным смыслом жизни. Если Вы считаете возможным принять меня в Ленинграде или в Москве, прошу Вас сообщить мне через деканат исторического факультета»⁸⁵. Видимо, она после этого продолжала там работать. И, надо заметить, неприязненное отношение к ней на историческом факультете один к одному напоминает отношение к С.Д. Заку на экономическом факультете, также вернувшемуся в ЛГУ после тюрьмы и лагеря. Во всяком случае, как пишет Р.Ш. Ганелин, она была уволена в 1968 г. на пенсию, «за голосование против ее изгнания был только Ю.Д. Марголин»⁸⁶. К этому моменту как нельзя лучше относится его замечание: «В 1949 г. попытка заступничества за кого-либо была чревата арестом, а в 1968 г. – лишь возможностью лишиться служебного положения или навредить ему»⁸⁷. Р.Ш. Ганелин также писал: «Юрий Давидович Марголин опекал, сколько мог, Е.М. Косачевскую в течение многих лет, до самого ее конца»⁸⁸.

8. Вспоминая Вознесенских

Л.Л. Эляшова писала: «Судьба семьи Вознесенских кажется фантастической судьбой сказочных богатырей. Люди исключительной одаренности и энергии, преданные своей стране и идее человеческого прогресса, они до 40–50 лет успели сделать удивительно много. Были ценимы и востребованы. И вдруг – черная пропасть клеветы и пыточных застенков. Александр Алексеевич, Николай Алексеевич и Мария Алексеевна совершили трудно вообразимый великомученический подвиг – больше года они провели в запредельных для человека условиях и не подписали ни одного клеветнического протокола допросов ни на себя, ни друг на друга, ни на одну из организаций, сорвав этим новые планы создания новых следственных дел. Считается, что подобное терпение невозможно, но оно было. Подтверждают документы. Вероятно, эти люди редчайшего мужества обретали силы в акте самого своего сопротивления. И это – героизм из героизма. Были уничтожены многие теоретические работы братьев Вознесенских, в том числе и последние неопубликованные. Все делалось для того, чтобы о них забыли. Не вышло»⁸⁹.

И далее: «С нашим ректором связывали мы все самые важные события своей жизни. Так, в ночь на 2 мая 1945 г., услышав о взятии Берлина, общежитие устремилось к университету. Возник митинг, выступал Александр Алексеевич, и мы в буйном порыве качали его. В университет к “папе” ринулись мы и в день Победы. Пришли мы в кабинет ректора и в день защиты дипломов. Без его поздравления не могло быть полной радости. Наша любовь к замечательному человеку, ректору военных и послевоенных лет осталась с нами пожизненно. Проходя по длинному коридору Главного здания, я останавливаюсь у портрета А.А. Вознесенского, с благодарностью и мысленно кланяюсь ему»⁹⁰.

К 90-летию со дня рождения бывшего ректора намечалось выпустить книгу «Александр Алексеевич Вознесенский – ученый, государственный и общественный деятель, человек». В конце 1985 г. был составлен проспект книги, в которой предполагались очерки о жизни и деятельности А.А. Вознесенского, составленные Л.А. Вознесенским, М.П. Саковым, С.Д. Заком, В.В. Мавродиным, К.Ф.OGO-

родниковым, Е.М. Косачевской, Л.Л. Эльяшовой, С.М. Фирсовой, В.С. Торкановским, С.И. Тюльпановым и др. Общее руководство должно было осуществляться Л.А. Вознесенским и Л.Л. Эльяшовой. В качестве приложения должны были быть помещены все статьи А.А. Вознесенского, опубликованные в периодической печати. В отношении целесообразности их публикации возникли сомнения, так большинство их откликлось на злобу дня и не имело научного значения. Но и без них собранные воспоминания многих лиц, сведения о несохранившихся трудах А.А. Вознесенского и другие материалы представляли большой интерес. Однако по неизвестным причинам книга не была напечатана. Можно лишь высказать предположение, что кто-то на экономическом факультете, скорее всего из числа старых сотрудников, не захотел публикации материалов, проливающих свет на злодеяния, совершенные в 1949–1951 гг. А может быть, против этого были и новые, не захотевшие лишней раз пятнать факультет такими воспоминаниями. Но, к счастью, большая часть собранных тогда материалов сохранилась и использована в данной работе⁹¹.

По поводу состоявшихся тогда научных чтений в связи с указанной выше датой рождения А.А. Вознесенского Г. Гаврилова писала: «Рожденное больной или преступной фантазией, "Ленинградское дело" не дало в полную мощь развернуться таланту ученого и педагога, трагически прервав жизнь яркой личности в самом расцвете. Но память не убить, она жива в нас. И сегодня память о ректоре, имя которого стало легендарным, память о его уроках живут в традициях университета. Жива память о его судьбе, которая служит для нас уроком»⁹².

Людмила Владимировна Розе рассказывала, что вышла замуж за сына Николая Владимировича Розе, известного ученого, декана математико-механического факультета ЛГУ. Он был арестован в январе 1942 г. по обвинению в принадлежности к созданной карательными органами контрреволюционной организации «Союз старой интеллигенции», члены которой арестовывались с 1932 г., и умер в Ленинграде в тюрьме в апреле 1942 г. Она добавляла к этому, что он был арестован как немец. Во всяком случае, это сыграло свою роль в обвинениях. Семья Розе жила в доме 29 по 16-й линии Васильевского острова до 1970 г., пока его жильцов, в основном сотрудников ЛГУ, не стали расселять. Их квартира находилась напротив квартиры Вознесенских. После ареста Н.В. Розе там жила его жена Вера Васильевна Розе с двумя малолетними детьми. По ее просьбе А.А. Вознесенский взял ее на работу в ЛГУ и отправил в эвакуацию в Саратов. Это спасло им жизнь. Есть сведения, что он оказывал подобную поддержку и семьям других арестованных⁹³.

В 1998 г. было отмечено 100-летие со дня его рождения А.А. Вознесенского. Была помещена статья в «Российской газете» – «Просвещенный век профессора А.А. Вознесенского». Л.Л. Эльяшева писала: «Мог ли здравый ум вообразить, что эта гнусная выдумка уже через четыре года после победной войны сможет погубить главных организаторов военного сопротивления? В их числе и наших профессоров. Всех. На факультете не осталось ни одного профессора. Остро не хватало и других преподавателей, так что лекции на младших курсах читали старшекурсники. Наши блестящие профессора оказались в тюрьмах. Там погибли В.В. Рейхард, Л.В. Некраш, Г.А. Гуковский, А.А. Вознесенский <...> Наш же профессор Александр Алексеевич Вознесенский сотни, нет, тысячи раз стоял за кафедрой рядом со своими учениками, читавшими лекции в самых разных вузах страны. Знаю по себе – при раскрытии сложных теоретических проблем, при ответах на трудные вопросы студентов, да и просто при нелегких обстоятельствах жизни я думала: "А что бы сказал сейчас Александр Алексеевич? Как бы он поступил? Что бы он ответил на этот вопрос?" И мой профессор неизменно помогал мне. Знаю, он помогал многим. И докторам наук С.М. Фирсовой, до конца своих дней считавшей его Главным Учителем своей жизни, и В.С. Торкановскому и другим. А многолетний ректор Театрального института Н.М. Волынкин прямо говорил, что учился быть ректором у А.А. Вознесенского»⁹⁴.

Нельзя не привести не публиковавшиеся воспоминания бывшей студентки ЛГУ Надежды Федоровны Афонской, касающиеся А.А. Вознесенского. Она пишет, что стала студенткой филфака в 1938 г., но «академический отпуск по болезни, двухлетняя эвакуация в Саратов, возврат потом на год назад в связи с измененным учебным планом привели к тому, что мне посчастливилось учиться и работать под руководством Александра Алексеевича не пять, а девять лет. Дело в том, что я была членом профкома ЛГУ и путевочным работником ректората. Поэтому довольно часто общалась с Александром Алексеевичем: у него на совещаниях, в Обкоме нашего союза, по его вызовам, когда надо было заключать договора на путевки, на университетских вечерах (если он мог, то всегда был на них). Можно сказать, что мы были лично знакомы. Прежде всего, он не был стяжателем, не гонялся за роскошью, хотя в то время кто-кто, а он мог себе многое позволить. Зато к студентам он относился очень заботливо, входя иногда прямо в мелочи, в пустяки. Однажды в Обкоме союза во Дворце профсоюзов на площади Труда было какое-то совещание, на котором были и мы с Лизой Мирошниковой (она была культработником профкома, а я по быту). Александр Алексеевич сидел в президиуме совещания и, конечно, после его окончания вышел к выходу из здания сразу. А пока мы оделись, прошло минут 15–20, а может быть, и полчаса. Выходим – прямо против ворот в "бобике" сидит он <...> Открывается дверь, и он с улыбкой говорит: "Ну, студентки, вам куда? Садитесь!" Мы, конечно, стали отнекиваться, тем более что она жила на Староневском, а я на проспекте Газа. Но он все-таки усадил нас, доехал до университета, сказал водителю отвезти нас, а потом заехать за ним. А пока, мол, он поработает. Мы тогда были уверены, что никакой работы в ректорате у него не было. Просто он от широкой души хотел доставить нам удовольствие (тогдашние студенты и на трамвае-то норовили проехать без билета, не говоря уже о машине!).

Когда мы были в Саратове, он добился для нас в Москве целого вагона сливочного масла. Будучи и в Саратове бытработником, я частенько была свидетельницей, как он допрашивал Могилевича (это был зав. студенческой столовой), что можно сделать для улучшения питания. В частности, по хлопотам А.А. Вознесенского в столовой ввели карточки для инвалидов войны (а они в студенческой среде в 1943 г. уже были) и матерей с детьми. Они отоваривались особым хлебом – "кухом". Н.Ф. Афонская, говоря об организаторских способностях А.А. Вознесенского, выделяет его решение готовить специалистов-строителей из числа студентов еще в Саратове, с тем, чтобы их доставить в Ленинград в первую очередь для восстановления общежития.

Уже после возвращения в Ленинград он говорил Афонской, чтобы она не торопилась с заключением договоров на путевки студентам, а сперва лично убедилась, чем там и как кормят. Просил стараться дома отдыха выбирать поближе к Ленинграду для экономии студенческих затрат на дорогу. «Говорят, что на ученом совете он был непреклонен. Но мы, студенты, не знаем этих дел, и потому судить не можем. 9 мая 1945 г., услышав о Победе, мы все ринулись в Университет. Мы с подружкой вышли рано утром с проспекта Газа, и в 9 с чем-то с балкона главного входа в Университет услышали выступление Александра Алексеевича. Что он говорил, не вспомню. И не потому, что он мог сказать плохо, бесцветно. Нет! Просто у него предательский дрожал голос, а мы все ревели белугами. Это тоже свидетельство того, что и в беде и в радости он был вместе с нами, и мы к нему тянулись как к самому близкому человеку.

Была у меня и еще одна встреча с Александром Алексеевичем (по-моему, в 1947 г.), когда он был министром просвещения, а я учительствовала. Пробилась на прием к нему. Он меня узнал, очень хорошо встретил, вспомнил Ленинград и, как мне показалось, он всегда сожалел об университете. Понимая, что у него на счету каждая минута, я заторопилась. И тогда он меня спросил, в чем состоит моя просьба к нему. Никакой просьбы нет, ответила я. Просто я зашла навестить его, напомнить о себе. Он так громко рассмеялся. Сказал, что к нему теперь ходят только с просьбами. "Ваше посещение я запомню навсегда как приятное исключение".

А мне приятно сознавать, что Александра Алексеевича Вознесенского уважали, ценили, любили и помнят. И вообще, именно о нем с полным основанием можно сказать, что есть на земле люди, которые своим своим наличием делают более приятной жизнь людей, живущих рядом с ними»⁹⁵.

Надо сказать, что вспоминают А.А. Вознесенского не всегда достаточно корректно. Так, например, в статье «Краткое описание жизни и деятельности А.А. Вознесенского», помещенной в свое время в Интернете, было сказано, что он стал министром просвещения благодаря поддержке своего брата. Как можно видеть из предыдущего изложения, это противоречит действительности.

Член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин в своих воспоминаниях писал, что ректор, профессор кафедры политической экономии А.А. Вознесенский читал в актовом зале свой курс, в основе которого был «Капитал» К. Маркса, всем студентам гуманитарных факультетов. Весьма часто его заменяла доцент С.М. Виленкина, которую студенты между собой называли «Маркс в юбке». «Курс, хотя и читался двумя лекторами, был очень интересен. А.А. Вознесенский часто отвлекался ради очень поучительных житейских рассказов...»⁹⁶ Университет был его домом, в котором он чувствовал хозяином. Вел он себя порой в полном противоречии с той манерой поведения, которая была присуща руководящим работникам идеологического, как тогда называли, фронта. Незадолго до назначения его министром просвещения РСФСР в 1947 г. он провел в университете грандиозную конференцию «Наука, литература и искусство в новой сталинской пятилетке» с приглашением знатных москвичей». Сам Р.Ш. Ганелин от студентов был направлен встречать на вокзале приехавших поэтессу М. Алигер, критика Л.М. Субботского, секретаря Союза писателей Д. Заславского. Позже на концерте для участников конференции он услышал характерный для того времени разговор о том, что после блестящего доклада на конференции музыковедом Л.А. Эстелиса А.А. Вознесенский спросил декана исто-

рического факультета Мавродина, почему этот музыковед не работает на искусствоведческом отделении. Мавродин объяснил, что там занимаются только изобразительным искусством. «Меня это не интересует, – сказал А.А. Вознесенский, – если в городе есть человек такой высокой одаренности, то он должен быть профессором нашего университета». По этому поводу Р.Ш. Ганелин писал, что, вероятно, не без такого взгляда ректора на искусствоведческом отделении исторического факультета был введен курс истории кино, который читал Л.З. Трауберг, лекции которого пользовались большим успехом.

Р.Ш. Ганелин упоминал в своих воспоминаниях о том, что на историческом факультете в 1948 г. «прорабатывали», в частности, книгу историка Б.А. Романова «Люди и нравы древней Руси». Автора обвиняли в отсутствии классового подхода, декана В.В. Мавродина – в выпуске книги. «Мне казалось, что этому способствовал А.А. Вознесенский через директора университетского издательства Тышлера. Вообще ректор хорошо относился к Б.А. Романову, пытался помочь ему в квартирном деле, но не успел это сделать ввиду препятствий, оказавшихся непреодолимыми»⁹⁷.

Также писал, что профессор С.Н. Валк попал под преследование в 1949 г., в частности за свой доклад, сделанный на сессии по поводу юбилея ЛГУ, проведенный с большой торжественностью в 1944 г. ректором А.А. Вознесенским⁹⁸. Тогда критике подвергся профессор А.И. Молок за благоприятную рецензию по поводу выпуска Трудов научной конференции, посвященной 50-летию смерти Н.Г. Чернышевского, ответственными редакторами которого были В.Е. Евгеньев-Максимов, А.А. Вознесенский, Ш.И. Ганелин (Л., 1941). По поводу этого Р.Ш. Ганелин писал: «Представляется, однако, вероятным, что побудительным мотивом к проработке, хотя, может быть, и косвенным, была расправа над А.А. Вознесенским, одним из редакторов упоминавшегося сборника <...> Имя А.А. Вознесенского в печати резало глаз ответственным “идеологам” того времени»⁹⁹.

СОКРАЩЕНИЯ

ВКВС – Военная коллегия Верховного суда СССР
 ВКВШ – Всесоюзный комитет высшей школы при СНК СССР
 ВОВ – Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
 ВП – Весь Петербург (Петроград, Ленинград), адресная книга
 КБФ – Краснознаменный Балтийский флот
 КПК – Комитет партийного контроля при ЦК КПСС
 ЛВМИ – Ленинградский военно-механический институт
 ЛГИ – Ленинградский горный институт
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛИИС – Ленинградский институт советского строительства и права им. М.И. Калинина
 ЛИФЛИ – Ленинградский институт философии и лингвистики
 ЛОКА – Ленинградское отделение Коммунистической академии
 ЛПИ – Ленинградский политехнический институт
 ЛУ – Ленинградский университет (газета)
 МВО – Министерство высшего образования
 МГБ – Министерство государственной безопасности СССР
 НИИ ЭФП – Научно-исследовательский институт экономики, философии и права при ЛГУ
 ОА СПбГУ – Объединенный архив С.-Петербургского государственного университета
 ОСО – Особое совещание при МГБ
 ПВС – Президиум Верховного Совета СССР
 ПГУ – Петроградский госуниверситет
 СНК – Совет народных комиссаров
 Управление Министерства госбезопасности по Ленинградской обл.
 ФОН – Факультет общественных наук при ПГУ
 ЦГА СПб – Центральный государственный архив С.-Петербурга
 Министерство юстиции РСФСР. Официальный текст Уголовного кодекса с изменениями на 1 августа 1948 г.
 Ст. 7. В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность своей связью с пре-

ступной средой. Карается высылкой или заключением в ИТЛ на 5 лет (С. 26). Применяется при контрреволюционных преступлениях (С. 150).

Ст. 35. Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности, оставление в которой признается общественно опасной (С. 26).

Ст. 58 Контрреволюционная деятельность, направленная к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и правительства Союза ССР

Ст. 58-1а. Измена родине (шпионаж, выдача военной тайны, переход на сторону врага). Карается ВМН – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 26).

Ст. 58-1в. Способствование чем-либо членом семьи изменнику родины, недонесение властям о его действиях. Карается лишением свободы от 5 до 10 лет. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника родины, проживающие совместно с ним, подлежат ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет (С. 27).

Ст. 58-1г. Недонесение о готовящемся контрреволюционном действии от 6 мес. до 25 лет (С. 27).

Ст. 58-7. Подрыв государственной промышленности, транспорта и др. в контрреволюционных целях. Карается ВМН – расстрел. При смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 30).

Ст. 58-10. Пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению или ослаблению Советской власти. Карается ВМН – расстрел. При смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на 10 лет с конфискацией всего имущества (С. 31).

Ст. 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений. Карается лишением свободы на срок до 25 лет (С. 32).

¹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 66; Как вспоминала В.Н. Рогова, будучи послана на работу в Москву после окончания истфака ЛГУ, она в 1949 г. была на концерте Поля Робсона. И там встретила А.А. Вознесенского с Е.М. Косачевской. Он поднял руки и как бы с сожалением сказал: «Я ведь теперь министр просвещения».

² ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 26 (уволенных 1949). Личное дело № 22. Л. 65.

³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1369. Л. 105.

⁴ Там же. Д. 1382. Л. 75.

⁵ ЛУ. 1948. №. 9. 8 мая. Фотография: А.А. Вознесенский на заседании ученого совета ЛГУ; Яркая, светлая личность // СПбУ. 2008. 10 июня.

⁶ ЛУ. 1949. №. 8. 2 марта.

⁷ Книга, которая извращает историю университета // Там же. 1948. № 14. 4 апреля.

⁸ О сборнике «Ленинградский университет за советские годы» // Там же. № 15. 21 апреля.

⁹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 67–68, 146.

¹⁰ Там же. С. 146.

¹¹ Там же. С. 67–68.

¹² Там же. С. 70.

¹³ *Косачевская Е.М.* Черновики бесед с дипломницей С. Мамоновой. Архив С. Мамоновой.

¹⁴ *Вознесенский Л.А.* Истины ради... С. 75.

¹⁵ Там же. С. 206;

¹⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 215.

¹⁷ Там же. С. 208.

¹⁸ Из записок Ирины Александровны Вознесенской, знакомившейся с делом отца.

¹⁹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 314.

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Там же. С. 216; На известном Пленуме ЦК в июне 1957 г., «разоблачавшем» Молотова, Маленкова и Кагановича, генеральный прокурор Р.А. Руденко утверждал, что Абакумов организовывал «Ленинградское дело» с ведома Маленкова, но тот возразил: «Почему с моего ведома, когда Абакумов не был мне подчинен». На том же пленуме Маленкова обвинили в том, что он однажды в «особой тюрьме» допрашивал арестованных по «Ленинградскому делу» людей. Маленков признал, что «выезжал в тюрьму по поручению тов. Сталина в присутствии товарищей, которые сидят здесь» (то есть других членов Политбюро 1949 года). На что последовала реплика Хрущева: «Я тоже здесь сижу, но я не выезжал и не знаю, кто туда выезжал». На это Маленков заявил: «Ты у нас чист совершенно, тов. Хрущев» (*Кожин В.В.* Россия. Век XX (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. 1999. С. 48).

²² *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 219.

²³ Там же. С. 220.

²⁴ ОАД РНБ. Ф. 16. С. д. № П-48227. Т. 2. Л. 165–170.

²⁵ *Зак С.Д.* Письмо. Архив С. Мамоновой.

²⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 244.

²⁷ По иронии судьбы, менее чем через год на «лефортовский конвейер» был поставлен бывший министр МГБ Абакумов. В письме к Берии и Маленкову, описывая «зверские выходы» по отношению к нему, он рассказывал и о карцере: «Это была холодная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 м, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день). Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел» (Там же).

²⁸ Там же. С. 245.

²⁹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 135.

³⁰ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 246.

³¹ Там же. С. 249.

³² *Вознесенская В.А.* Воспоминания о брате и семье (Написаны в 1962 г.) // *Вознесенский Н.А.* Интернет; В поселке Чернь имеется улица Н.А. Вознесенского.

³³ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 123.

³⁴ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 126.

³⁵ *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. 2000. С. 15 и др.

³⁶ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 146.

³⁷ Там же. С. 259; Один из авторов писал: «Не случись этого, страна, вне всяких сомнений, уже в самые ближайшие годы могла иметь очень сильного председателя Совета министров».

³⁸ *Гэфнер М.Я.* Несколько рассказов о вожде // Избранные произведения. М., 1979; *Колотов В.В., Петровичев Г.Н.* Н.А. Вознесенский. М., 1976; *Кутузов В.* «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18, 19.

³⁹ *Колотов В.В.* Николай Алексеевич Вознесенский. 1974. С. 3–10; *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 140.

⁴⁰ В рецензии на указанную книгу отмечалось, что она «представляет собой глубокое и всестороннее научное исследование экономики СССР периода Отечественной войны. Она служит примером диалектического сочетания теории и практики <...> Книга является примером ленинско-сталинского принципа партийности в теоретической работе...» «Для книги характерен большевистский политический подход к исследованию экономических явлений...» (*Гатовский Л.* Книга о военной экономике СССР // *Большевик*. 1948. № 1. С. 71). В конце рецензии было сказано: «Книга тов. Вознесенского существенно поможет нашим советским, партийным и промышленным кадрам полнее и глубже познать закономерности развития социалистического общества, социалистической экономики, принципы и методы планирования, хозяйственные и политические задачи, стоящие перед советским государством. Книга раскрывает великую, неизменно растущую, творческую мощь советского строя, она говорит о всепобеждающей силе ленинизма, о непобедимости мудрой политики партии Ленина-Сталина, ведущей нашу социалистическую Родину к коммунизму» (Там же. С. 88). Часто книга цитировалась в статье Г. Сорокина «Социалистическое планирование – закон развития советской экономики» (Там же. № 24. С. 12–29).

⁴¹ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 146; При рассмотрении в ЦК претензий к журналу «Большевик» жестко критиковали напечатанную в нем хвалебную рецензию Гатовского на книгу Н.А. Вознесенского, который также не препятствовал цитированию выдержек из этой книги в отдельных опубликованных там статьях других авторов. Он даже дал положительное заключение о статье работника Госплана Сорокина, которая изобилует цитатами из книги Н.А. Вознесенского (опубликована в № 24 журнала «Большевик» за 1948 г.). Возможно, в книге нашли отражение его взгляды по экономическим вопросам из ранее напечатанных его статей, которые не полностью были созвучны соответствующим установкам. Например, писали следующее: «Если же прочитать ряд статей Вознесенского разного периода, что нетрудно – в 60–70-е годы его активно печатали, то можно увидеть, насколько большую роль он отводит в строительстве коммунизма рыночным методам и хозрасчету в частности. Конечно же, и реверансы в сторону коммунизма есть, и цитат из классиков марксизма предостаточно, но хозрасчет «всплывает» на каждом этапе от конца нэпа до последней страницы. Например, в статье «Хозрасчет и планирование на современном этапе» он пишет: «Хозрасчет мы не только не можем уничтожить, но обязаны его укреплять. Текущее хозяйственное положение *сделало хозрасчет особенно актуальным* (выделено Вознесенским) <...> Мы должны перевести на хозрасчет каждый цех, каждую бригаду <...> Каждая хозрасчетная единица имеет твердые оборотные

средства...» Заканчивается статья выводом: "Итак, наш общий вывод ясен: хозрасчет – мощный рычаг осуществления большевистских темпов, мощный рычаг социалистического планирования". Эта статья была написана в конце 1931 г. А вот фрагмент из статьи 1939 г.: "Хозрасчетные отношения необходимы в период социализма <...> Вот почему необходимо вести денежный счет плановых показателей." Т.е. Вознесенский и его ученики считали, на каком бы этапе не находилась экономика СССР, на каждом – именно хозрасчет был самым "нужным, важным и актуальным"» (*Миронин С.* Ленинградское дело – надо ли ставить кавычки. Интернет).

⁴² *Ваксер А.З.* Шестьдесят лет так называемого «Ленинградского дела». История изучения и новые аспекты // Клио. СПб., 2010. № 1. С. 115–123.

⁴³ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 201.

⁴⁴ Там же. С. 205.

⁴⁵ *Петрова О.* Ленинградское дело. Интернет.

⁴⁶ Результатом принятия постановления Совета министров СССР от 5 марта 1949 «О Госплане СССР» и постановления Политбюро 11 сентября 1949 «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР» в аппарате Госплана СССР произошла существенная кадровая чистка. К апрелю 1950 г. был проверен весь основной состав ответственных и технических работников – около 1400 человек. Из них 130 человек были уволены, более 40 переведены из Госплана на работу в другие организации. За год в Госплан было принято 255 новых работников. Из 12 заместителей Вознесенского убрали семерых, причем лишь один к апрелю 1950 г. был арестован, а четверо получили новую ответственную работу (что также свидетельствовало о преимущественно неполитическом характере «Дела Госплана»). Состав начальников управлений и отделов и их заместителей обновился на треть. Из 133 начальников секторов было заменено 35 (*Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 212, 214; *Хлевнюк О.В.* Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. Дело Госплана // Отечественная история. М., 2001. № 3).

⁴⁷ Там же. С. 99.

⁴⁸ Там же. С. 215; Расследование «Ленинградского дела» держал под постоянным контролем Маленков, он же будто бы неоднократно присутствовал на допросах арестованных. Следственную группу непосредственно возглавлял полковник Комаров, который впоследствии признал (возможно, под давлением следователей хрущевцев), что по приказанию Абакумова лично избивал Н.А. Вознесенского, а следователи Сорокин и Питовранов применили такие же меры грубого физического воздействия к Кузнецову (*Миронин С.* Ленинградское дело...). «Ленинградское дело» единственное, после которого практически все участвовавшие в нем следователи были расстреляны. Много спекуляций имеется о роли тогдашнего министра госбезопасности Абакумова. Действительно, 11 июля 1951 года, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О нездоровой ситуации в Министерстве государственной безопасности СССР». В соответствии с данными в этом решении оценками, сутки спустя был арестован тогдашний министр государственной безопасности Союза ССР генерал-полковник В.С. Абакумов, объявленный «главой сионистского заговора в МГБ», и началась чистка органов госбезопасности. На выездном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде 12–19 декабря 1954 г. Абакумов был обвинен в фабрикации судебных дел, в т.ч. «Ленинградского дела», назван членом банды Берия, расстрелян (Там же).

⁴⁹ Там же. С. 241.

⁵⁰ Там же. С. 242.

⁵¹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 193.

⁵² Там же. С. 192; Расстрел был произведен не более чем через два часа после вынесения приговора. Это, как считается, было сделано столь стремительно с целью того, чтобы осужденные не успели подать прошение о помиловании в Президиум Верховного Совета, на что в принципе они имели право (*Миронин С.* Ленинградское дело...). Этому способствовало близкое расположение помещения суда (Дом офицеров) от места расстрела (Большой дом на Литейном проспекте или Дом предварительного заключения на Шпалерной улице).

⁵³ Там же. С. 193.

⁵⁴ Там же. С. 194.

⁵⁵ Там же. С. 62.

⁵⁶ Там же. С. 113.

⁵⁷ *Эльшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

⁵⁸ *Волгогов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина.

⁵⁹ *Иванченко В. Н.А.* Вознесенский: опыт, вошедший в историю. Интернет.

⁶⁰ Советский экономист. 1973. № 31. 20 ноября. В следующем номере этой газеты была большая статья о Н.А. Вознесенском, но не было сказано ни слова о его расстреле.

⁶¹ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 123.

⁶² Ленинградская правда. 1948. № 304. 24 дек.

⁶³ Там же. 1949. № 28. 2 февр.

⁶⁴ *Вознесенский Л.А.* Указ. соч. С. 54, 56; Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 136, 137.

⁶⁵ Там же. С. 217.

⁶⁶ Коммерсант ВЛАСТЬ. 26 сент. 2000 г. С. 56.

⁶⁷ Выдана по месту регистрации смерти: Ленинград, Московское районное бюро ЗАГС.

⁶⁸ УВД ЛО. Письмо от 17 нояб. 1997 г. № 35/14-4-В-168.

⁶⁹ Расстрельные списки. Москва 1935–1953. Донское кладбище. М., 2005.

⁷⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 137, 206.

⁷¹ Там же. С. 137. Заметим, что его в своих воспоминаниях отмечает Лев Михайлович Сафонов, сын М.И. Сафонова, расстрелянного по «Ленинградскому делу». С ним он встретился на этапировании из Лефортовской тюрьмы в Казахстан. Потом полтора года был вместе с ним, с сыновьями Я.Ф. Капустина и М.В. Басова. Они выделялись на общем фоне нестандартными сроками наказания – 8 лет – и считались «малосрочниками». К ним некоторые лагерники (националисты, фашисты и бывшие уголовники) относились весьма недружелюбно, считая их «просоветскими». На этой почве возникали проблемы, были и стычки. В их лагере содержалось более 3500 заключенных. Начальником лагеря был майор Колпачков. Ко всем, кто носил погоны или были вольнонаемными работниками, заключенные были обязаны при обращении говорить «гражданин начальник». Рано утром проводились проверки. Заключенных выстраивали и пересчитывали несколько раз, пока фактическая численность не совпадала с учетной. «Особенно неприятно это было в мороз или под дождем». После скудного завтрака выводили на работы после новых проверок, по пять человек в шеренге, в сопровождении конвоиров с автоматами и с немецкими овчарками на длинных поводках. И на протяжении всего пути на объект и обратно в зону раздавались грубые окрики, угрозы, отборный мат. Конвоиры могли натравить собак, могли положить колонну на дорогу, в грязь. В начале лета 1952 г. в лагере было сформировано несколько этапов, и его разлучили со своими знакомыми ребятами (Там же. С. 118).

⁷² Арх. справка. УФСБ ЛО. 6 нояб. 1992 г. № 10/81-П-14401.

⁷³ Справка. Верховная коллегия Верховного Суда РФ. 25 мая 1992 г. № 4н-0971/54.

⁷⁴ МВД России. УВД Красноярского края. 25 июня 2004. № 1/3-3482. Арх. справка.

⁷⁵ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 137.

⁷⁶ Справка о реабилитации. ГУВД ЛО. 17 нояб. 1997 г. № 35/14-4-В-168.

⁷⁷ Братья Владимир и Евгений Федоровичи Визнеры рассказывали корреспонденту газеты: «Маму арестовали в 1949-м, рано утром 25 июля на даче. Через месяц нас выселили из квартиры на Чайковской, а еще через некоторое время увезли отца. Затем пришел черед испить и нам горькую чашу: узнав от следователя, что мама как враг народа расстреляна, один из нас через Лефортовскую тюрьму последовал в Казахстан, другой через «Кресты» в уже знакомый Красноярский край...» (Жертвы сталинщины // Невское время. 2009. 21 февр.).

⁷⁸ *Эльшова Л.Л.* Наш век. Из книги воспоминаний // СПбУ. № 13/14. 2003. 5 мая.

⁷⁹ ЛУ. 1949. № 7. 23 февр.

⁸⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб.. 2009. С. 136.

⁸¹ *Гаврилова Г.* Терновый памяти венец // ЛУ. 1988. 16 сент.

⁸² Сохранился и такой документ, как копия заявления Е.М. Косачевской ректору ЛГУ проф. С.П. Меркурьеву и секретарю парткома И.В. Дубову: «Представляя черновые копии документов, адресованных С.Д. Заком в партийные органы, считаю своим партийным долгом заявить, что наличие портрета Ильина в галерее деканов экономического факультета ЛГУ является оскорблением памяти невинно погибших и искалеченных судеб многих научных работников коммунистов ЛГУ и их потомков, недопустимым кощунством над памятью мертвых и живых. Справедливость и восстановление партийных норм нашей жизни, а также достоверной истории Университета, требуют незамедлительного изготовления и экспонирования портрета В.В. Рейхардта, который с 1941 по 1948 г., в самые трудные военные и послевоенные годы, был деканом экономического факультета. Он был и остается крупным ученым в области политической экономии <...> Провокационными действиями Ильина нанесен невосполнимый ущерб развитию экономической наука в связи с тем, что В.В. Рейхардт был объявлен врагом народа и физически уничтожен. Благодаря стараниям Ильина были арестованы, заключены в лагерь такие деятели экономической науки, как А.И. Буковецкий, В.М. Штейн, Я.С. Розенфельд и другие...» (*Косачевская Е.М.* Письма и документы. Архив С. Мамоновой).

⁸³ Там же. Письмо В.П. Елютину. 1955.

⁸⁴ Писала, что всего за 10 дней до этого заседания ученого совета она была кафедрой истории СССР рекомендована к переизбранию. «Присутствующие в разное время на моих лекциях профессора Пештич, Курбатов и Калитина дали положительную оценку моей работы. На партийном собрании исторического факультета в мае с. г. при рассмотрении итогов проверки вечернего отделения в выводах комиссии и в резолюции я была названа в числе лучших преподавателей, много работающих со студентами. Совсем недавно, в апреле 1965 г., в характеристике, подписанной руководителями ЛГУ и секретарем Василеостровского райкома КПСС Селезневой, моя работа в ЛГУ оценивалась положительно. Вам, наверное, известно, что пять лет я курирую в качестве члена Совета при ректоре ЛГУ преподавание истории и обществоведения и участвую в организации политико-массовой работы в 45-й физико-математической школе-интернате. Кроме того, я веду систематическую работу с учителями школ и школьниками Ленинграда. Свыше 20 лет руковожу педагогической практикой студентов-историков, читаю лекции, участвую в рецензировании программ и учебников по истории СССР для средней и высшей школы. Недавно я была рекомендована от ЛГУ в состав Координационного центра при горкоме КПСС по работе вузов со школой. Эта моя работа отмечалась в приказах по ЛГУ и на последнем заседании кафедры <...> Нельзя считать нормальным и то, что уже через два дня после заседания ученого совета меня приказом отчислили из ЛГУ, не находя нужным даже предварительного поговорить со мной, тем более, что в связи с тяжелым сердечным приступом я нахожусь на бюллетени с постельным режимом. 28 лет безупречной работы в ЛГУ, казалось бы, дают мне право на личное объяснение с ректором до подписания приказа о моем увольнении». В заключение письма Е.М. Косачевская просила отменить решение ученого совета исторического факультета как незаконное (Там же).

⁸⁵ Там же. *Е.М.* Письма к К.Я. Кондратьеву и к В.П. Елютину. 1968.

⁸⁶ *Ганелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой». Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. 2-е изд. С. 182.

⁸⁷ Там же. С. 343.

⁸⁸ Там же. С. 345.

⁸⁹ *Эльшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

⁹⁰ *Эльшова Л.Л.* Там же. С. 178. 29 октября 2004 г. у здания Двенадцати коллегий, напротив ректорского флигеля СПбГУ, был открыт памятный знак жертвам политических репрессий – ученым и университетам, репрессированным в середине XX века. В церемонии открытия памятника приняли участие ректор СПбГУ Л.А. Вербицкая, декан филологического факультета С.И. Богданов, директор Музея СПбГУ И.Л. Тихонов и архитектор Г.П. Постников, разработавший проект памятного знака, а также родственники, друзья пострадавших от репрессий и бывшие студенты и аспиранты. Л.А. Вербицкая призвала собравшихся помнить не только о тех, кто не вернулся с полей битв, защищая Родину, но и о тех, кто погиб в тюрьмах, лагерях в годы репрессий. И открываемый мемориальный знак – дань памяти тем людям, для которых не было ничего дороже служения науке и университету. Архитектор Г.П. Постников поблагодарил С.И. Богданова, при содействии которого осуществляется создание мемориальных зон. Сам же С.И. Богданов сказал, что место выбрано не случайно. Теперь памятный знак пострадавшим от политических репрессий являет собой третий угол треугольника, состоящего из памятника погибшим в Великой Отечественной войне и недавно открывшейся Чаши искупления. Отметил символичность памятника репрессированным, чьи судьбы и места погребения долгое время держались в тайне... История репрессированных по политическим причинам преподавателей и студентов Петербургского университета берет начало еще с XVIII в., когда ректор Миллер был обвинен в политической неверности государству за научный труд. Но пик репрессий пришелся на XX в. В начале его был арестован Щерба, были расстреляны Новицкий, Лазаревский, Гумилев. В тридцатые годы прошлого века власти создают «Академическое дело», повлекшее многие жертвы. В сороковых годах заводится «Ленинградское дело», с которым связаны репрессии в отношении преподавателей и профессоров почти со всех факультетов университета, в том числе ректора А.А. Вознесенского. Эти люди были вырваны из научной и преподавательской деятельности, иначе – скошены. Это объясняет название памятного знака (*Кольцова Е.*, студентка. Тирания не терпит таланта // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 26. 9 нояб.).

⁹¹ Проспект книги. Архив С. Мамоновой. Как говорила Л.Л. Эльшова, были собраны уникальные материалы. Лично она потратила много сил для их собирания. В частности, были очень интересные воспоминания Игоря Горбачева. А от публикации книги отказался, прежде всего, Л.А. Вознесенский.

⁹² *Гаврилова Г.* Он был бойцом неукротимым, страстным... // Ленинградский университет. 1988. № 10. 18 марта.

⁹³ Н.В. Розе упомянут как жертва войны, но не как жертва сталинизма: Не все дожили до Победы, но каждый приближал ее, как мог... // СПбУ. 2011. № 6. 5 мая; *Голованов Яр.* Палачи и жертвы // Огонек. М., 1992. № 1. С. 16; Экстремистская деятельность ученых. Пулковское дело. Интернет.

⁹⁴ *Эльшова Л.Л.* Мой блокадный университет. Саратов. Мои учителя // Мы знаем... С. 181.

⁹⁵ *Афонская Н.Ф.* Воспоминания об Александре Алексеевиче Вознесенском. Архив С. Мамоновой.

⁹⁶ *Ганелин Р.Ш.* «Советские историки: о чем они говорили между собой». Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. 2-ое изд. С. 50.

⁹⁷ Там же. С. 74, 75.

⁹⁸ Там же. С. 122.

⁹⁹ Там же. С. 248, 252.

СТАНЕТ ИСТОРИЕЙ ЗАВТРА

МАРИНА НИКОЛАЕВНА МАКАРОВА

доктор социологических наук, доцент, декан факультета социологии и философии Удмуртского государственного университета (Ижевск)
Тел.: 8 (3412) 916020; E-mail: mmm@uni.udm.ru

РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ ВАХРУШЕВ

соискатель Удмуртского государственного университета (Ижевск)
Тел.: 8 (912) 852-46-00; E-mail: rv@udm.ru

В статье представлены результаты социологического опроса студентов, направленного на выявление отношения студентов к коррупции в системе высшего образования. Определены факторы коррупционного поведения и основные направления вузовской антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, высшее образование, студенты, антикоррупционная политика.

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ

Одним из наиболее коррупционных социальных институтов современного общества является высшее образование. Коррупция в сфере образования не только разлагает эту сферу изнутри, но и внушает обществу мысль о несправедливом распределении социальных ресурсов, снижает доверие не только к образованию, но и к тем, кто его получает. Таким образом, в общественном мнении ставятся под сомнение механизмы воспроизводства знаний и социальной мобильности, основанные на образовательных и квалификационных характеристиках

Западные исследователи выявляют целый ряд потерь от коррупции в сфере образования. Первая группа характеризуется как «потери качества образования» и предполагает, что коррупция в образовательной среде негативно сказывается на потенциальных возможностях молодежи в поисках лучшей жизни, а значит, в конечном итоге – на устойчивом развитии общества. Финансовые потери включают, например, неэффективное использование бюджетных средств, направляемых на образование¹. Этические потери предполагают разложение нравственных основ общества, и поэтому коррупция в сфере образования наиболее губительна по сравнению с другими сферами.

Особую проблему представляет собой коррупция в региональных вузах. Данные о коррупционных практиках в этих вузах реже становятся достоянием общественности. В связи с этим наличие подобных практик часто не является объектом уголовных преследований. Они переходят в разряд неформальных практик, которые порой являются единственным способом решения проблем субъектов. Сдача экзаменов за взятку, подарок или определенные услуги, репетиторство, покупка студентами учебников, навязанных преподавателем, широко распространены в вузовской образовательной системе. В социальной среде вуза также распространены неформальные практики так называемого «непотизма», или «кумовства», выраженного в широком распространении неформальным договоренностям между преподавателями, администрацией вуза о предоставлении определенных льгот и привилегий для отдельных студентов. Вместе с тем исследования практик неформальных отношений в вузе показывает сложность разграничения коррупции и форм нарушения профессиональной этики преподавателями и работниками вуза. Тем не менее и те и другие негативно сказываются на качестве образования и имидже вузовской системы в целом.

С целью выявления отношения к коррупции в системе высшего образования в мае 2012 г. был проведен анкетный опрос студентов очной формы обучения Удмуртского государственного университета. Всего было опрошено 300 студентов 3–4-х курсов. Чуть более трети опрошенных (34%) обучаются на платной форме, остальные – бюджет-

ники. 72% опрошенных – девушки. Были поставлены такие задачи, как определение понимания студентами феномена коррупции; оценка ими коррумпированности различных социальных институтов общества; выявление случаев столкновения студентов с различными формами коррупционного поведения в вузе; определение уровня нетерпимости студентов к коррупционному поведению; выявление факторов коррупционного поведения в вузах; определение уровня и источников информированности студентов о фактах коррупции в вузе и антикоррупционном законодательстве, а также наиболее оптимальных способов антикоррупционной деятельности

Первый вопрос, который был задан студентам, был открытым и касался возможности самостоятельного определения понятия «коррупция». Наиболее распространенная группа (более трети опрошенных) связала коррупцию со взяточничеством. Действительно, взяточничество в современном обществе является наиболее распространенной формой коррупционного поведения.

На втором месте – злоупотребление должностными полномочиями. Именно этот вариант является общепринятым определением коррупции, в том числе и в российском и международном законодательстве. Другие два варианта связывают коррупцию с нарушением закона, однако первый из них связан с получением денежных средств за оказание определенной услуги, часто с оговоркой на незаконность и неэтичность подобного деяния, т.е. в том случае, когда официально оплата этой услуги не предусмотрена. Этот вариант делает акцент, скорее всего, на неформальный характер коррупционного поведения и его связь именно с получением денежной оплаты. Также к этой группе можно отнести варианты, указывающие на продажность власти.

Другой вариант предполагает любую форму нарушения закона должностными лицами, в первую очередь чиновниками и представителями государственной власти. Совсем небольшая группа опрошенных была близка к этимологии слова «коррупция», означающей «разложение». Они считают коррупцию «болезнью современного общества», одной из основных проблем, касающихся всех социальных институтов и сфер социальной жизни.

70% опрошенных считают коррупцию повсеместно распространенной в современном обществе. Около четверти считают коррупцию характерной лишь для отдельных сфер общественной жизни. Все это говорит о том, что студенты поддерживают мысль об укорененности коррупции в социальной жизни российского общества.

Относительно сфер и социальных институтов общества, наиболее подверженных коррупции, респонденты были единодушны с представителями большинства российского населения и его различных групп, участвовавших в различного рода исследованиях в России и в регио-

нах, в частности, исследованиях, проведенных фондом «Общественное мнение»². Первое место по коррумпированности занимают государственные и муниципальные органы власти, т.е. в первую очередь – это чиновничество. На втором месте – органы МВД. Третье место, как и в других исследованиях, прочно занимает высшая школа, что подтверждает выводы социологов о достаточной распространенности коррупции в сфере высшего образования. Четвертое место делят с небольшим отрывом друг от друга судебная система, военкоматы, и, как ни странно, бизнес. Эти варианты выбирали около трети опрошенных.

Коррупционное поведение носит скрытый характер и не всегда считается в формальные рамки нарушения закона, вторгаясь в сферу моральных норм и профессионально-этических кодексов. Сложно выделить сферу коррупционных практик в сфере образования, особенно когда они четко не закреплены в законодательстве. Нами были выделены наиболее часто встречающиеся практики поведения в вузовской среде, которые различным образом представлены в научной литературе и выделяются по результатам проведенных исследований (табл. 1). Среди них есть явные формы нарушения закона (например, покупка диплома) и более мягкие формы, касающиеся профессиональной этики преподавательской деятельности (например, вручение подарков и т.д.).

Если не считать первый вариант (покупка диплома), с которым студенты могли столкнуться только косвенно, во всех случаях прямая или косвенная (через друзей, знакомых) включенность в коррупционные практики в вузе оказывается не менее 30%. Наиболее распространенным является вручение цветов, подарков преподавателю. Это в принципе считается даже нормой, а иногда и выражением уважения и признательности. Грань между взяткой и простым, невинным подарком, благодарностью уловить в данном случае очень сложно. Поэтому в подобных практиках студенты готовы признаться и около 60% указали, что сами участвовали в этом, а около 30% отметили, что их друзья и знакомые дарили цветы и подарки преподавателю.

Наиболее удручающим и даже настораживающим фактором следует считать достаточно широкую распространенность, пусть и в косвенном виде, таких практик, как сдача экзамена или зачета за деньги (более половины опрошенных указали, что их друзья или знакомые именно таким образом получали свои отметки в зачетные книжки). Немного отстает в этом плане и непотизм – использование личных связей для получения желаемой оценки или сдачи зачета. 67% опрошенных прямо или косвенно сталкивались с репетиторством и платными консультациями для неуспевающих студентов, а значит, этот факт следует считать достаточно распространенным. Более половины опрошенных сталкивались с рекомендацией покупки собственных методических материалов преподавателей вузов, что также говорит об использовании преподавателями своего служебного положения для обогащения, причем почти четверть опрошенных лично приобретали подобные материалы.

Следует отметить некоторое превышение доли включенности в коррупционные практики студентов гуманитар-

ных специальностей. Среди них меньше всего тех, кто выбрал вариант «не приходилось сталкиваться» практически по всем позициям. Больше всего различий выявил такой показатель, как форма обучения – платная или бюджетная.

Результаты опроса показали, что «бюджетники» чаще, нежели «платники», прямо или косвенно сталкиваются с такими формами поведения, как сдача зачета/экзамена, повышение оценки за деньги или какую-либо услугу, платное выполнение курсовых, дипломных, контрольных работ преподавателями вуза, платные консультации, репетиторство для неуспевающих студентов. Следует отметить также некоторое превышение доли включенности в коррупционные практики студентов гуманитарных специальностей. Среди них меньше всего тех, кто выбрал вариант «не приходилось сталкиваться» практически по всем позициям.

Студенты подтверждают наличие высокой распространенности коррупции в сфере высшего образования. Почти 17% опрошенных считают ее довольно широко распространенным явлением в российских вузах. Около 55% указали, что коррупция в вузах – частое явление (табл. 2).

Таблица 2. Насколько, по вашему мнению, распространена коррупция в сфере высшего образования?

	Процент от общего числа ответов
Коррупция в сфере образования – широко распространенное явление	16,7
Коррупция в вузах часто встречается	54,7
Коррупция в вузах встречается эпизодически	27,3
Коррупция вообще не характерна для вузов	1,3
Итого	100,0

Подобные высказывания указывают на довольно низкий уровень доверия студентов к системе высшего образования, а значит, негативно сказывается на престиже не только конкретного вуза, но и всего вузовского образования в целом. Следует снова заметить теперь уже ярко выраженное преобладание доли студентов гуманитарных факультетов, давших положительные ответы. Среди них 82% выбрали первые два варианта, что на 10% превышает средний показатель по вузу.

60% опрошенных студентов слышали о фактах коррупции в своем вузе. Чаще всего информация о случаях коррупции в вузе распространяется внутри студенческой аудитории. Большую роль в формировании ценностей современной молодежи играют СМИ. Последнее время появляется много скандальных публикаций о тех или иных фактах коррупции, в том числе и в нашем университете. Почти четверть опрошенных указали, что узнали ту или иную информацию через СМИ. Интернет является источником информации о коррупции в вузе для пятой части опрошенных. Менее всего в качестве источников информации оказываются сами преподаватели и администрация факультетов и институтов. Это говорит об отсутствии открытос-

Таблица 1. Приходилось ли вам (вашим родственникам, друзьям, знакомым) сталкиваться с ниже перечисленными формами поведения (% по каждой строке)

Ситуация	Сам(а) участвовал(а)	Друзья, знакомые	Не приходилось сталкиваться
Покупка диплома у ответственных лиц вуза или через посредника	1	20,5	78,5
Сдача зачета/экзамена, повышение оценки за деньги или какую-либо услугу	2,7	53,2	44
Сдача зачета/экзамена, повышение оценки посредством использования личных связей с родственниками, знакомыми преподавателя	2	48,6	49,3
Помощь при поступлении в вуз за определенную плату	2,1	44,3	53,6
Платные консультации, репетиторство для неуспевающих студентов	17,5	49,3	33,2
Рекомендация купить собственных книг, методических пособий студентам	22,7	32,3	45
Вручение цветов, подарков преподавателю в качестве благодарности	58,3	29,2	12,5
Платное выполнение курсовых, дипломных, контрольных и др. работ преподавателями вуза	5,5	30,8	63,7

ти во взаимоотношении студента и преподавателя, студента и администрации, что приводит к еще меньшему доверию студентов к этим субъектам, а значит, и к образованию в целом. Вызывает сожаление то, что о фактах коррупции в родном вузе они узнают часто из непроверенных источников. Следствием этого может являться искаженное восприятие информации и появление уверенности молодых людей в распространенности подобных практик на всю систему высшего образования, в неискоренимости коррупции как таковой.

По мнению четверти опрошенных, главным инициатором коррупции следует считать студентов, которые не в состоянии самостоятельно выполнять требования учебного плана, и поэтому прибегают к различного рода неформальным практикам. Почти каждый пятый возложил эту ответственность на преподавателей. Однако подобные практики не были бы возможными без их укорененности в повседневной жизни учебного заведения. Недаром половина опрошенных считает, что инициаторы коррупции все в равной степени, поэтому каждый вовлеченный в коррупционные практики должен нести ответственность.

Распространение коррупции в обществе всегда было связано с ее укорененностью в сознании людей, с восприятием коррупционных практик как нормальных, возможных или даже необходимых в определенных ситуациях. Поэтому наиболее важным блоком вопросов в анкете был блок, касающийся оценки тех или иных практик в сфере образования в отношении сложившейся нормативной системы, как формальной, так и, главным образом, неформальной. Студентом было предложено оценить различные практики с точки зрения их приемлемости и возможности в вузовской среде. С количественной точки зрения можно представить эту оценку как «индекс нетерпимости» – чем он больше, тем менее приемлемой считается та или иная практика.

Наиболее нетерпимым поведением считается покупка диплома. Студенты считают, что обучение – это прежде всего получение необходимых знаний и навыков. Также негативно оценивается поступление в вуз за определенную плату. Однако следует отметить, что около 20% в первом случае и 24% во втором соответственно считают подобное поведение либо нормальным, либо возможным в определенной ситуации. Примерно так же обстоит дело с такой формой поведения, как «платное выполнение курсовых, дипломных, контрольных и др. работ преподавателями вуза» – около четверти респондентов считают ее нормальной или возможной.

Чуть ниже показатель нетерпимости у таких форм, как «сдача зачета/экзамена, повышение оценки за деньги или какую-либо услугу» и «сдача зачета/экзамена, повышение оценки посредством использования личных связей с родственниками, знакомыми преподавателя» – ее значение чуть более трех. Это тоже достаточно высокий показатель, и здесь также четвертая часть опрошенных считает ее приемлемой. Наиболее терпимы студенты, как и ожидалось, к вручению цветов или подарков преподавателю в качестве благодарности. Некоторую досаду вызывает достаточно высокая приемлемость таких практик, как платные консультации, репетиторство для успевающих и рекомендация покупки книг и методических пособий студентам. Хотя эти услуги и выполняются незаконно, за деньги, студенты, видимо, считают, что они не являются нарушением и помогают им самостоятельно освоить необходимый материал, получить определенные навыки.

Причины коррупции, выявленные в ходе анкетирования, можно разделить на три группы. Первая касается системных факторов, связанных с отсутствием и недостаточностью антикоррупционных механизмов в российском обществе. Эта группа по праву является лидирующей. Недаром на первом месте среди причин коррупции в вузах занимает недостаточный уровень оплаты труда педагогов. Более половины ответов опрошенных указывают именно на эту причину. Более 40% связали коррупцию в

вузе с коррумпированностью нашего общества в целом, с ее укорененностью в практиках коммуникации практически во всех социальных институтах, в большей или меньшей степени. Также немаловажным фактором в этой группе причин является снижение статуса педагога в современном обществе. Однако эту причину выбрали лишь 11% студентов. Несмотря на невысокий уровень доходов вузовских преподавателей, их престиж в обществе на данный момент достаточно высок, однако коррупционные практики сами могут способствовать падению этого престижа.

Другая группа причин связана с несовершенством системы образования. 23% студентов считают сложной учебную программу. Пятая часть считает, что контроля со стороны администрации вуза недостаточен. 17% признают, что на некоторых факультетах коррупционные практики сдачи экзамена и зачета являются нормой, уставившимся порядком взаимодействия преподавателей и студентов. Такой показатель в этой группе, как недостаточность прав студентов, набирает всего 8,5%. Это может говорить не только о том, что студенты считают свои права достаточными, но и об отсутствии осознания ими этой проблемы как таковой.

Третья группа причин отчасти вытекает из первых двух и связана с так называемым «человеческим фактором» – личностными особенностями участников коррупционных сделок. Респонденты признают, что главной причиной коррупции является нежелание учиться у определенной части студентов. Так ответили 55% опрошенных, и это второй по популярности ответ среди всех причин коррупции. Студенты, как уже выяснилось, являются и основными инициаторами коррупционной сделки, их пассивность и лень, по признанию опрошенных, выступают в качестве одного из основных факторов коррупции в сфере высшего образования. Также большую роль играет отсутствие этических принципов у некоторых преподавателей и студентов – эту причину выбрала четверть опрошенных.

Таким образом, подтверждаются результаты многих исследований, указывающих на встроенность коррупции в систему неформальных социальных отношений. При этом следует отметить, что подобные практики возникают не только в силу несовершенства законодательной базы и нестабильности ценностной ситуации, но и по причине пренебрежения представителей различных социальных групп, в том числе студентов и преподавателей, как официальными правилами и нормами, так и морально-этическими принципами. Все это обусловлено массой социально-экономических и социокультурных факторов, которые еще нуждаются в тщательном изучении.

О подобном пренебрежении говорит, в частности, то, что пятая часть студентов вполне лояльно относится к коррупционным практикам, причем каждый десятый испытал бы удовлетворение, приняв в них участие. Это удовлетворение связано с возможностью решить свои проблемы с обучением, даже ценой нарушения закона и пренебрежением моральными нормами. Другие 10% не испытали бы никаких эмоций, что также говорит о терпимости к подобным ситуациям. Страх того или иного наказания будет испытывать более чем половина студентов, также половина ответов связана с чувством ненависти к коррумпированным институтам или конкретным вымогателям взятки. Это говорит нам о том, что воздействие на сознание студентов должно осуществляться как посредством ужесточения контроля не только за получением, но и за дачей взятки, так и путем воспитания у студентов нетерпимости к подобного рода поведению.

Это подтверждается ответами студентов о мерах по предотвращению коррупции в вузе. Более 45% выступают за ужесточение наказаний за коррупционное поведение, еще 25% – за совершенствование нормативной базы. Также студенты призывают администрацию вуза к более активным действиям по предотвращению подобных практик: 34% ответов указывают на необходимость более тщательного контроля за деятельностью педагогов, 32,7% требуют активизации форм реагирования на факты проявле-

ния коррупционных действий со стороны руководства вуза, а почти пятая часть призывает к более тщательному отбору на должности преподавателей.

Следует отметить, что развитие самостоятельности и активности студентов в этом вопросе, а также информационно-просветительские формы антикоррупционной деятельности не получили такого отклика в студенческой аудитории, как бы этого хотелось. Менее трети выступают за обнародование фактов коррупции в СМИ, отчасти являющееся скорее инструментом социального контроля. За налаживание системы обратной связи со студентами выступили лишь 14% опрошенных, а за создание независимых студенческих объединений – всего 10%. Студенты не готовы участвовать в принятии решений в университете и самостоятельно бросить вызов коррупционным практикам. Все это говорит о пассивности студентов и их нежелании включиться в антикоррупционную деятельность в вузе.

О недостаточности гражданской активности студенчества говорит и их юридическая неграмотность. Лишь 58% студентов отметили, что знакомы с юридическими последствиями коррупционного поведения.

Наиболее просвещенными в вопросах наказания за коррупционные практики считают себя студенты социального профиля (64%), и это понятно – среди них большинство юристов. Хотя в целом следует говорить о недостаточной просвещенности студентов в вопросах антикоррупционного законодательства. Все это приводит к необходимости информационной и воспитательной работы со студентами по развитию их правовой грамотности и гражданской активности.

В отношении самих мер юридической ответственности студенты считают, что наиболее действенной из них является отстранение преподавателей от работы (63%). То есть основную ответственность, по их мнению, должен нести взяточполучатель. Как и предполагалось, опрошенные не склонны возлагать основной груз наказания на студенчество. Лишь менее трети полученных ответов склоняются к мнению, что отчисление студентов за дачу взятки является эффективной мерой. 43% ответов опрошенных указывают на необходимость ужесточения уголовной ответственности за коррупционные действия в системе высшего образования.

В связи с активными переменами во всех сферах российского образования в настоящее время ведутся активные дискуссии о способах повышения его качества, в том числе путем снижения субъективности в процессе контроля знаний студентов и учащихся, в связи с чем все чаще используются методы компьютерного тестирования. Студентам был задан вопрос, насколько, по их мнению, система компьютерного тестирования способствует снижению коррупционных практик.

Только 11% положительно ответили на этот вопрос. Большая часть опрошенных (45%) считают, что путем тестирования можно решить эту проблему лишь частично. Действительно, предыдущие исследования, проведенные в Удмуртском государственном университете, например относительно применения системы ФЭПО, показывают неоднозначность оценок студентами подобных инструментов, в первую очередь потому, что наблюдается разрыв между преподаваемым материалом и содержанием тестов, а также несовершенством самих тестов. Поэтому более трети опрошенных (35%) считают, что компьютерное тестирование не решит проблем, связанных с коррупцией. Однако потенциал у этой системы имеется, что также подтверждают предыдущие исследования. Система признается студентами неэффективной не сама по себе, а как нуждающаяся в совершенствовании.

О пассивности студентов говорит и их отношение к необходимости специального учебного курса по раскрытию сущности коррупции и методов борьбы с ней. Во многих странах Европейского Союза так называемое «антикоррупционное образование» начинается уже в школе и является необходимым компонентом государственной и международной антикоррупционной политики. Среди сту-

дентов Удмуртского университета чуть более 40% хотели бы прослушать курс по антикоррупционной политике.

Только 3% указали, что уже прослушали подобного рода курс, а чуть более половины (56%) не изъявили желание изучить эту дисциплину. Тем не менее практика показала, что формирование антикоррупционного сознания граждан должно осуществляться в том числе и посредством образования, причем чем раньше начинается подобного рода деятельность, тем меньше вероятность вступления субъекта в коррупционную сделку и тем больше его нетерпимость к подобного рода практикам.

Большая доля желающих прослушать курс о коррупции среди студентов-гуманитариев (46%) и представителей социальных наук (44%). Среди студентов-естественников только 30% положительно ответили на этот вопрос. Более частое столкновение с коррупцией в гуманитарной группе, выявленное в ходе нашего исследования, может быть связано с тем, что студенты в ней показали наибольший интерес к знаниям о коррупции и антикоррупционной политике.

Подведем итоги. Большинство опрошенных студентов склонны соотносить коррупцию с взяточничеством. На втором месте – злоупотребление должностными полномочиями. Эти два взаимосвязанных определения являются наиболее распространенными: первый – в общественном мнении, второй – в официальных документах и научных исследованиях этого сложного и неоднозначного феномена. Опрошенные студенты также признают понимание коррупционного поведения как отражающего не только несоблюдение профессиональных норм и кодексов официальными лицами, но и нарушение моральных устоев общества, угрозу его духовности и нравственности.

Системность коррупции в современном обществе и ее распространенность также отражена в ответах студенчества. Подавляющее большинство считает коррупцию характерной для всех сфер общественной жизни. Как и во многих других исследованиях, в том числе общероссийских, высшая школа занимает почетное третье место среди сфер общества по уровню коррупционности, что говорит о наличии существенных проблем в этом социальном институте на сегодняшний день и о необходимости их комплексного решения.

Это подтверждается прежде всего тем, что около трети опрошенных указали, что прямо или косвенно были вовлечены в коррупционные практики. Взятничество и nepotизм были и остаются самыми распространенными формами поведения, в том числе и во взаимодействии «студент – преподаватель». Сдача зачетов или экзаменов за деньги или посредством использования личных связей является, к сожалению, наиболее распространенной формой «неформальных практик», в которые вовлекаются студенты в процессе учебы. Достаточно спорными моментами в этом взаимодействии является также репетиторство для неуспевающих или покупка книг и учебников. Все эти практики, отмеченные студентами как достаточно распространенные в вузе, нуждаются в тщательном регулировании и контроле как со стороны администрации вуза, так и со стороны законодательных органов.

Более широкая распространенность коррупции среди студентов-гуманитариев и студентов-бюджетников не является угрожающей и нуждается в дополнительных исследованиях. Можно лишь предположить, например, что, как показало и наше исследование, гуманитарии чаще испытывают трудности, прежде всего при сдаче естественнонаучных дисциплин, и это толкает их на определенные сделки. Студенты платной формы обучения, возможно, более осознанно и требовательно подходят к процессу обучения, что также не является однозначным и нуждается в эмпирической проверке.

Что не вызывает сомнений – так это необходимость более серьезного отношения к качеству преподавания блока естественнонаучных дисциплин на социальных и гуманитарных специальностях и направлениях, а гуманитарных и социальных – на естественнонаучных с целью предотвращения коррупционных практик и улучшения ус-

певаемости по этим дисциплинам. Результаты ФЭПО год от года показывают плохие результаты у гуманитариев по математике, а у естественников – по философии. Необходимо разработать такие методики преподавания, которые позволяли бы студентам непрофильных направлений лучше усваивать предмет и быть мотивированными к его изучению, пониманию его необходимости и важности для получения будущей профессии. Все это требует работы с преподавателями, возможно, в рамках проведения методических семинаров профильными кафедрами, повышения квалификации и т.п.

Коррупция в вузе – это фактор, не только снижающий качество образования, но и существенно понижающий престиж вуза как во внешнем, так и внутреннем пространстве. Более половины опрошенных указали на широкую распространенность коррупции в системе высшего образования. Это говорит о невысоком доверии студентов к этой системе, порой вынуждающей их к нарушению закона или неэтичному поведению ради получения диплома. Также удручает тот факт, что Удмуртский университет не является, в представлениях студентов, исключением из общей картины, сложившейся в вузовской системе России. Большинство из них получили информацию о фактах коррупции от своих коллег-студентов, из СМИ, Интернета. В рамках антикоррупционной политики вуза необходимо отслеживать информацию, поступающую из СМИ и Интернета, а также слухи и домыслы относительно тех или иных случаев коррупции в вузе. Информация должна быть доступной и прозрачной, чтобы исключить ее искажение и неправильное использование. Возможны и даже необходимы коррупционные скандалы. Это лучше, чем укрывать информацию и провоцировать не только сплетни и домыслы, но и новые факты коррупции. Коррупция в вузе подчас является более скрытой, чем, например, в государственных органах. О ней никто не говорит, но о ней все знают. Наверное, для правильной информационной политики требуется открыто признать как наличие коррупции, так и имеющиеся ресурсы борьбы с ней.

Студенты признают равную ответственность всех субъектов в инициации коррупционных сделок, но тем не менее не снимают ответственность с самих себя за лень, безответственность и неспособность выполнить учебный план, толкающие их на применение незаконных и аморальных практик.

Необходимость признания подобной ответственности студентами является их лояльность к тем или иным коррупционным практикам. Четверть опрошенных считает приемлемыми взяточничество и nepотизм в ходе сдачи сессии, а более двух третей признают возможными платные консультации и репетиторство для неуспевающих студентов. Низкий уровень терпимости к подобного рода практикам заставляет говорить о необходимости пересмотра студентами своего места в вузе, в его образовательной и социальной системе, повышения рефлексивности и ответственности студента как основного стейкхолдера вузовской системы. Участие студентов в общественной оценке качества образования, преподавания отдельных дисциплин, процедурах социального контроля работы преподавателей будет способствовать не только повышению студенческой активности, но и более ответственному отношению преподавателей к своей работе.

Подобного рода модернизация, уже начавшаяся в системе высшего образования и направленная на усиление ответственности ключевых стейкхолдеров (студентов, родителей, работодателей, представителей профессиональных и иных общественных организаций и т.д.), существенно изменяет современную вузовскую среду и требует осторожности и внимательного отношения прежде всего к преподавательскому коллективу, который является главным объектом обвинения в коррупционных практиках. Между тем, и это признается студентами в первую очередь, необходимо прежде всего обратить внимание на системные факторы, способствующие коррупции. Невысокое социальное положение педагогов вообще и вузовских преподавателей в частности в настоящее

время не способствует ни развитию модернизационных процессов в сфере образования, ни уменьшению коррупции в образовательной среде ввиду недостаточности не только материальных, но и социально-профессиональных стимулов для развития этой социальной группы, повышения ее ответственности перед обществом, заинтересованности в саморазвитии и реализации своих сил и способностей. Взвешенная кадровая политика администрации вузов по отношению к профессорско-преподавательскому составу должна сопутствовать тем изменениям, которые происходят и могут при неправильном управлении «сломать» преподавателя, сделать его безвольным «винтиком» в системе всеобщего администрирования и тотального контроля.

Взвешенная воспитательная работа со студентами, направленная на повышение их социальной активности, ответственности за свое поведение и поведение преподавателей, должна сочетаться с деятельностью профессиональных союзов преподавателей, направленной на реализацию их прав, обеспечение возможностей для повышения качества образовательного процесса. Необходимо создание атмосферы диалога, партнерства и прозрачности в системах отношений «студент – преподаватель», «студент – администрация вуза, факультета, кафедры», «преподаватель – администрация вуза, факультета, кафедры».

Отношение к коррупционным практикам в студенческой среде говорит нам о необходимости не только комплексных мер воспитательной работы со студентами, воздействия на их систему ценностей и норм, но и потребность в усилении социального контроля за коррупционными практиками. Это оказывается возможным прежде всего в рамках соответствующей информационной политики. По данным опроса, лишь чуть более половины студентов считают себя информированными в отношении антикоррупционного законодательства. Студент должен быть хорошо осведомлен о том, какие формы поведения в вузовской среде являются коррупционными, какие виды наказания могут последовать за их совершение.

Для этого необходимо не только сотрудничество со СМИ и соответствующие публикации на сайте вуза, но и специальные дисциплины или модели дисциплин в учебном плане, которые бы разъясняли студентам, что такое коррупция, какие существуют формы антикоррупционной политики в мировой и российской практике. Студенты должны постепенно формировать осознанное отношение к взаимодействию в вузовской среде, благодаря чему впоследствии возможно формирование вузовской антикоррупционной ассоциации студентов и преподавателей, сотрудничество с уже имеющимися молодежными и правозащитными организациями, задействованными в подобного рода активности. Одним из важнейших шагов на этом пути является формирование механизмов обратной связи во всех звеньях в цепи образовательных коммуникаций. Студент должен иметь возможность свободно, без последствий заявить о факте вымогательства взятки, а преподаватель, например, о ее предложении студентом.

Активизация просветительской работы необходима не только в студенческой, но и преподавательской среде. В рамках курсов повышения квалификации необходимо включить антикоррупционные модели, которые позволили бы повысить информированность и ответственность преподавательского состава.

Несмотря на то что большинство опрошенных требует возложить основную ответственность за факты коррупции на преподавателей, все же большая их часть не склонна к возможности их полного исключения из процесса контроля знаний студентов. Использование компьютерного тестирования, по мнению студентов, лишь частично может решить эту проблему. Эта система в настоящее время вызывает активные дискуссии и, по большей части, сопротивление в среде студентов и преподавателей в связи с ее несовершенством. Вместе с тем преподаватели начинают понимать, что использование тестов в ходе контроля знаний помогает легче оценивать студентов, применять балльно-рейтинговую систему, снижает риск субъек-

тивности и недовольства студентами выставленным баллом. С другой стороны, составление тестов, особенно в соответствии с новыми федеральными стандартами представляет собой достаточно сложную задачу даже для опытных преподавателей. Все это также требует развития преподавательского состава, их методической подготовки, возможно, в рамках системы повышения квалификации.

Коррупция – сложное социальное явление. В системе высшего образования она имеет свои особенности, трудности идентификации, и поэтому каждый случай, прямо или косвенно понимаемый как коррупционный, нуждается в индивидуальном и тщательном изучении. Сотрудничество вуза с правоохранительными органами, общественными организациями, средствами массовой информации,

комплексная работа по осуществлению внутривузовских мероприятий, направленных на повышение качества образования и реализацию модернизационных процессов, должны стать основой как для контроля над негативными проявлениями нашей жизни, так и для формирования антикоррупционного сознания. Последнее можно понимать как мировоззрение, направленное на качественное выполнение каждым субъектом своих обязанностей и готовое к тому, чтобы нести ответственность перед теми, на кого эти обязанности ориентированы. Подобные ожидания могут казаться своего рода утопией, однако формирование заинтересованности в такой деятельности, на наш взгляд, должно стать основной задачей для руководителя любого уровня во всех сферах нашей жизни.

¹ Quantifying the Relationship between Corruption in Education and Economic Development in the Eastern Europe and Eurasia Region: An Exploratory Literature Review. Submitted by John C. Weidman. University of Pittsburgh: Institute for International Studies in Education, 2007. P. 17.

² Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации: Совместный доклад Министерства экономического развития РФ и Общероссийского общественного фонда «Общественное мнение». М., 2011. URL: <http://www.economy.gov.ru> (Дата обращения 2.08.2012).

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕМОДУРОВ

*аспирант кафедры истории Отечества Курского государственного университета (Курск)
Тел.: 8 (920) 704-10-10; E-mail: rimmasimonyan@mail.ru*

В статье рассматривается процесс становления и развития фермерского движения в Курской области в конце XX – начале XXI в. Утверждается, что фермерство прошло сложный эволюционный путь и заняло свое место в сельскохозяйственной жизни региона.

Ключевые слова: аграрная реформа, способы хозяйствования, крестьянское (фермерское) хозяйство, фермерство, структура АПК, социально-хозяйственная деятельность, сельскохозяйственная жизнь.

ФЕРМЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Фермерство в постсоветской России на государственном уровне и в бытовом сознании широких слоев населения рассматривалось как панацея от всех бед и зол, порожденных советской системой хозяйствования в аграрной сфере. Все были уверены в том, что «вольные хлебопашцы» завалят страну продукцией сельского хозяйства. Однако двадцатилетний период показал, что многие руководители ошибались в оценке фермерства, не понимали его сущности. Оказалось, что отдать землю крестьянам недостаточно, да и тут нужен законодательно-хозяйственный механизм, а также нормативно-правовая база, регулирующая фермерское движение как в России, так и в регионах.

Анализ проблемы свидетельствует, что экономисты, социологи, юристы и историки исследовали данную проблему. Особенность постсоветского этапа историографии состоит в том, что исследования осуществлялись параллельно неравномерному развитию самого процесса научного исследования, т.е. фермерства.

В научном плане интересные исследования по интересующей нас проблематике можно найти в трудах М.Л. Рянской¹, А.В. Третьякова² и А.Н. Михайлова³. Авторы показали различные аспекты модернизации аграрного производства Курской области в конце XX – начале XXI в. Особенность их работ состоит в том, что авторам удалось отразить не только позитивные тенденции в экономической и социально-культурной сферах, но и показать нерешенные вопросы и причины неудач в аграрных преобразованиях. Авторы показали место фермеров в аграрном производстве, однако фермерское движение как самостоятельное движение в сельскохозяйственной жизни региона в полном объеме они не рассматривали, потому что ставили в своих трудах иные цели.

Изучение имеющихся по проблеме источников свидетельствует прежде всего о том, что фермерство как новый способ хозяйствования в российском селе конца XX – начала XXI в., так же как и в начале XX в., не было подготовлено не только на правительственном уровне, но и не

стало естественным результатом эволюции сельскохозяйственной жизни в деревне. Следует заметить, что в правительственных кругах данный вопрос, по существу социально-экономический, превратился в политический. Если внимательно посмотреть социально-политическую борьбу конца XX в. относительно хозяйственных перспектив развития российской деревни, то мы увидим, что непонимание сущности фермерства в российских условиях и его идеализация по всем направлениям были способом борьбы с крупными хозяйствами, которые, по мнению идеологов реформ, сплошь были нерентабельными и убыточными. И как результат фермерство как способ хозяйствования на селе насаждалось сверху, а не вызревало снизу, что естественным образом негативно сказалось на всем движении и результатах фермерской деятельности.

Анализ двадцатилетнего опыта развития фермерства в Курской области выявляет и второй миф, с которым пришлось столкнуться на практике. Идеологи радикальных аграрных реформ считали, что все крестьяне только и ждут того момента, когда получат свои земельные доли в аренду, в собственность, а получив ее, активно начнут самостоятельное хозяйствование по производству сельскохозяйственной продукции.

Об одной типичном случае для начального периода становления фермерства в Курской области рассказал И.В. Судаков. В 1990-х гг. он работал председателем Октябрьского райсовета народных депутатов и являлся одним из проводников аграрной реформы в области. «Когда были опубликованы союзные и республиканские законы, разрешающие вести на селе собственные фермерские хозяйства, – писал он, – нам представлялось, что исполком районного Совета народных депутатов крестьяне завалят заявлениями о выходе из колхозов и совхозов и об организации фермерских хозяйств. Горько просчитались! Только семь семей согласились стать фермерами. И всё. Плохо агитировали, пропагандировали новые формы хозяйствования? Не исключено, конечно, и это. Гораздо большую настойчивость, желание хозяйствовать на

земле проявили горожане. Смелость еще не означает, что человек сразу же войдет в новое дело, станет фермером. Расскажу о недавних фактах.

Четверо жителей Курска обратились в колхоз имени Ленина с просьбой выделить им участки для организации фермерских хозяйств. Правление предложило ходокам рассказать, как они собираются использовать земли. Выяснилось, горожане имеют смутное понятие о «тонкостях» земледельческой профессии. Схема их «программы» проста: посеять семена, убрать и продать урожай. То есть получить живые деньги. Как готовить почву к посеву, что такое предшественники сельскохозяйственных культур и другие агротехнические премудрости – об этом у фермеров не было представления. Когда же соискателям разъяснили, что к чему, интерес к фермерству пропал⁴.

На данный аспект процесса обратила внимание Э.В. Щербакова. Рассматривая экономические аспекты проблемы становления фермерских хозяйств, она отмечала, что «процесс создания крестьянских хозяйств в Курской области начался в 1991 г. Уже на следующий год их число составило 1532 и продолжало расти до 1994 г. Однако в дальнейшем их количество уменьшилось»⁵. Приведя статистические данные, автор не назвала причин уменьшения численности крестьянских хозяйств в области. Однако анализ архивных материалов свидетельствует, что в Курской области уже в 1990 г. были зарегистрированы и действовали 133 крестьянских хозяйства. В их распоряжении находилось 6945 га земли. К этому времени завершился процесс инвентаризации земель, из которых был образован земельный фонд местных Советов. В него вошло 534 тыс. га земли⁶.

Источники показывают, что наибольшее число фермеров в Курской области было зарегистрировано в 1993 г. В 1993 г. численность крестьянских (фермерских) хозяйств постоянно возрастала, но, начиная с названного года, оформилась тенденция сокращения их численности. По данным статистики, в 1993 г. в области было 2044 фермерских хозяйства, в 1994 г. – 1895, в 1996 г. – 1662, в 2004 г. – 1382, а в 2007 г. – уже 1329 хозяйств⁷. Вместе с тем сокращение численности крестьянских (фермерских) хозяйств в аграрной сфере не означает неправильности курса на их развитие, но подтверждает неготовность основной массы крестьянского населения заниматься предпринимательством в сельском хозяйстве в новых условиях.

В условиях несовершенства аграрного федерального и регионального законодательства, отсутствия должного финансирования и финансово-кредитной базы, рынка сбыта товарной продукции крестьяне начинали терять интерес к самостоятельному хозяйствованию. Кроме того, крестьянин, работавший ранее в коллективном хозяйстве, не отвечал в полном объеме за годовые конечные результаты деятельности всего коллектива, а только за свой участок деятельности. Следовательно, социально-психологически население российской и курской деревни не было готово брать на себя ответственность за ту деятельность, успешность которой они не понимали.

Всплеск количества крестьянских (фермерских) хозяйств в регионах в 1993 г. объясняется стремлением бывших колхозников быстро и без проволочек получить свою паевую землю, но, как мы уже отмечали, не для самостоятельной предпринимательской деятельности, а для ее реализации через аренду, а потом продажу тем, у кого имелись все условия для организации фермерско-хозяйственной деятельности.

Следует обратить внимание на то, что в исследуемый период активно формировалась нормативно-правовая база, регулировавшая процесс создания и развития фермерства в Курской области. Законодательство начального этапа радикальных аграрных реформ, особенно в 1990–1992 гг., в большей степени декларировало целесообразность и необходимость введения частной собственности на землю как экономической основы стабильного развития крестьянских (фермерских) хозяйств, чем обеспечивало правовую базу данного процесса. Несмотря на то что Земельный кодекс РСФСР, принятый 25 апреля 1991 г.,

закрепил за гражданами право частной собственности на землю, он не мог выйти за рамки действовавшей тогда Конституции. А именно она устанавливала десятилетний мораторий на продажу (передачу) земельных участков. Значит, право частной собственности на землю было неполным. Свободная купля-продажа земельных участков разрешалась гражданам у государства и государству у граждан⁸.

На наш взгляд, именно поэтому вопрос купли-продажи земли сельскохозяйственного назначения в означенный период оставался не решенным юридически и практически. Естественно, это сковывало предпринимательскую инициативу сельского населения и порождало хозяйственную апатию и социальный пессимизм у тех, кто стал на путь развития фермерских хозяйств.

Вместе с тем, несмотря на все несовершенство законодательной базы, она определила основные пути и способы хозяйствования в новых условиях сельскохозяйственной повседневности. Главное, законодатель определил, что следует понимать под фермерским хозяйством. «Крестьянское (фермерское) хозяйство, – говорилось в законе, – является самостоятельным хозяйствующим субъектом с правами юридического лица, представленным отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и находящихся в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности земельных участков. Крестьянское хозяйство представляет форму свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды»⁹.

Анализ источников и фактически деятельности показывает, что сдерживающим фактором процесса развития фермерских хозяйств был административный фактор. Ученые, практические работники и сами крестьяне указывали на данное обстоятельство. К примеру, А.Г. Рыбков отмечал, что фермерские хозяйства «предоставят человеку вместо декларируемой подлинную самостоятельность хозяйствования. Уже на первых порах эти хозяйства обнаруживали в крестьянстве такие качества, которые, казалось бы, давно исчезли <...> деревенская сметливость, предприимчивость, забота о матушке-земле», но при этом обязательно необходимо «исключить возможность всякого административного вмешательства с целью форсирования темпов, а по сути – внешней показухи. Темпы должны быть обусловлены не чиновничьими пожеланиями, а созревшими предпосылками, оценками со стороны сельских тружеников, должны строиться сообразно логике конкретно-исторического процесса»¹⁰.

Следовательно, законодатель в ходе практической реализации аграрной реформы создавал и совершенствовал нормативно-правовую базу развития крестьянских (фермерских) хозяйств. Одновременно местные органы власти в погоне за темпами «фермеризации» без учета реальных условий не только сдерживали процесс их развития, но и формировали у сельских жителей социальную апатию, неверие в возможность самостоятельного хозяйствования в условиях административного давления.

Весьма важным в этом плане представляется вопрос о том, какие категории населения Курской области включились в фермерское движение. Данный вопрос весьма актуален, прежде всего потому, что изначально реформа предполагала участие в данном движении в основном сельских жителей. Исследование социально-классовой структуры позволит нам выяснить не только сложности процесса фермерского движения, но и определить его особенности на рубеже XX–XXI вв.

В исследуемый период государство и местные органы власти, предоставив всему населению региона широкие возможности для реализации своих конституционных прав в сфере предпринимательской деятельности в сельскохозяйственном производстве, открыли практически безграничные возможности всем социальным слоям и группам постсоветской России в Курской области использовать

свой интеллектуальный потенциал, профессиональные знания и финансово-материальные возможности для развития новых форм хозяйствования на селе. Однако в первую очередь законодатель ориентировался на крестьянство.

Начальный же период фермерского движения показал, что крестьяне осторожно относились к новым возможностям. «Гораздо большую настойчивость, – писал И.В. Судаков, – желание хозяйствовать на земле проявили горожане»¹¹. На наш взгляд, это объясняется серьезными кризисными проблемами в промышленной сфере, ростом безработицы, нерешенностью многих социальных проблем горожан, а также тем, что основная масса жителей городов Курской области была тесно связана с селом.

Данные областного статистического комитета свидетельствуют о том, что в 1993 г. жители городов области создали 185 (36%) крестьянских (фермерских) хозяйств, причем 41 человек переехал на жительство к месту выделения земельного участка, а 144 остались городскими жителями¹². Важно подчеркнуть, что оставшиеся жить в городах в основном занимались мелким и средним бизнесом. Именно эта деятельность создавала финансовую основу их фермерского движения.

Социокультурный портрет первых горожан – организаторов фермерских хозяйств показывает, что они не были коренными жителями городов, а переехали в них в поисках работы, но по-прежнему не порывали связи с селом. «Меня называют фермером, – рассказывал цигровский фермер Ю.Н. Холодов, – а кое-кто “сумасшедшим” и даже “авантюристом”. Около двух лет назад я приехал издалека с семьей в родные места, где трудились мои отец и мать, где прошло мое детство. Почему я решил бросить хорошую работу, благоустроенную квартиру и “снялся с якоря”? Со всей откровенностью могу сказать, что не гнался за длинным рублем, а хотел посвятить себя делу, которым занимались мои родители, но уже в новом качестве»¹³. Бывший житель с. Рогозцы Тимского района В. Бельих имел более существенные мотивы. Проживая в г. Губкине Белгородской области, он, опираясь на фермерское движение, «затеял возрождение своей малой родины и солидную стройку на выделенных ему в Рогозцах землях»¹⁴.

Сельское население, как уже отмечалось, на предпринимательскую стезю становилось медленнее. Однако, несмотря на многоплановые трудности и противоречия, крестьяне создавали свои фермерские хозяйства. Архивные материалы показывают, что первым в Курской области свое крестьянское (фермерское) хозяйство организовал коньшевский крестьянин Михаил Васильевич Шубин. Его хозяйство было зарегистрировано 25 июля 1990 г. и располагалось в с. Панкеево Коньшевского района на землях колхоза им. Чкалова. Оно располагалось на 50 га земли. Для производственных нужд хозяин имел трактор МТЗ-80 с шеститонной телегой СЗУ-3, трактор Т-40 с прицепом. Всего у фермера работали четыре человека, в том числе трое являлись членами фермерской семьи¹⁵.

В постсоветской России особую социальную группу фермеров составляли военнослужащие, уволенные в запас. Их особенность состояла в том, что уволенные в запас воины были в расцвете сил, имели солидный жизненный опыт, профессиональные навыки управления, испытывали серьезные трудности с последующей работой и жильем. Из архивных материалов видно, что за период с 1990 по 1992 г. офицеры и прапорщики, уволенные в запас, организовали только семь крестьянских (фермерских) хозяйств, в 1993 г. – 11, а на 1 января 1994 г. их общее число увеличилось до 18 хозяйств¹⁶.

Следует отметить, что противоречивый процесс развития фермерства, определенная непоследовательность властей, трудности с выделением земельных участков отрицательно сказывались на фермерстве. Вместе с тем итогом первого десятилетия стало то, что население, наученное трудным опытом, начинало осознать перспективы фермерской деятельности, ее сущность. В эту нелегкую деятельность осторожно стала втягиваться молодежь. Она видела в сельскохозяйственном предпринима-

тельстве свои социально-экономические перспективы. Так, в 1992 г. шестеро студентов разных курсов вузов, уроженцев с. Амосовка Медвенского района, на полученных ими от колхоза «Россия» паевых землях решили стать фермерами. Перейдя на заочное обучение, взяв у государства необходимую денежную ссуду, они для производственной деятельности создали сельскохозяйственную артель¹⁷.

В государственной политике в деятельности региональных властей в исследуемый период фермерство считалось важным средством борьбы с безработицей в области. Службы занятости активно участвовали в этом нужном, но трудном деле. В области постоянно действовали целевые программы трудоустройства. Одной из них была программа «Содействие занятости населения в Курской области на 2008–2010 годы». В соответствии с ней на трудоустройство населения, снижение социальной напряженности в регионе в 2009 г. областная администрация выделила 195 300 тыс. руб. Из них 185 535 тыс. выделялось из федерального и 9765 тыс. из областного бюджетов. Используя эти средства, во Льговском районе 27 человек организовали свой средний и малый бизнес в аграрном секторе¹⁸. Аналогичная работа проводилась во всех районах области.

Из сказанного видно, что к началу XXI в. в области оформилось фермерское движение, состоящее из представителей различных социально-классовых групп, объединенных идеей строить свое будущее на базе фермерской деятельности.

На наш взгляд, весьма важным с точки зрения характеристики процесса фермерского движения в постсоветской Курской области является гендерный аспект проблемы. Естественно, что изначально, как мы уже отмечали, фермерское движение представляли мужчины. Однако по мере его укрепления на путь самостоятельного хозяйства становились женщины региона.

В этом плане интересен опыт Н.С. Яньшиной – обоянского фермера. «Нина Сергеевна, – отмечается в газете, – фермершей стала <...> через сына. В конце 1991 г. попалась ей на глаза статья о земледельческой реформе в Польше, и сразу подумала, что мальчик школу заканчивает, куда податься? На семейном совете решили: в фермеры – это самый устойчивый бизнес, продукты всегда и всем нужны. Она прошла подготовку в Курском региональном институте повышения квалификации работников АПК, и с места в карьер»¹⁹. Постепенно женщины стали активно втягиваться в сельскохозяйственный бизнес. В 1994 г. в фермерском движении участвовала 321 женщина, или 29% от общего числа 508 обследованных хозяйств²⁰.

Важным с точки зрения перспектив развития предпринимательства в сельском хозяйстве региона является вопрос об образовательном уровне фермеров. Источники показывают, что фермерами «первой волны» становились высокообразованные люди, имеющие солидный жизненный опыт и определенный набор рабочих специальностей. «Между прочим, – говорил в 1991 г. сопредседатель Курского АККОРа В.П. Ковалев, – кто идет в фермеры? Я на них тут учетные карточки завожу. Каждый второй, если не два из трех, с высшим образованием. Разные специальности. Журавель Анатолий Андреевич – инженер-кораблестроитель. У Костина из Горшеченского района два диплома – политехнического института и индустриального факультета пединститута. Агрономы, зоотехники, экономисты... А вот Булатников – житель Курска, владеет целым набором сельскохозяйственных профессий. Приплюсуем сюда изобретательность, деловую хватку и увлеченность перспективой раскрытого творческого труда, и не трудно предположить, на сколь высоком уровне может быть организовано производство в фермерских хозяйствах»²¹.

По состоянию на 1 января 1994 г., 83% всех членов фермерских хозяйств имели высшее и среднее образование, 25% из них непосредственно сельскохозяйственное, специальную подготовку фермеров прошел 31 человек (2,8%). Более половины членов крестьянских хозяйств находилось в возрасте от 30 до 50 лет²².

Источники показывают, что образовательный уровень членов фермерских хозяйств и их руководителей постоянно изменялся. В ходе практической деятельности улучшалось качество образования и совершенствовался уровень профессиональной подготовки руководителей и членов крестьянских (фермерских) хозяйств. К примеру, за период с 1998 по 2000 г. численность крестьянских хозяйств естественным образом сократилась на 120 единиц. Вместе с тем оставшиеся хозяйства возглавляли многоопытные, трудолюбивые земледельцы. В их числе работали 90% агрономов и инженеров с высшим образованием, семь кандидатов наук²³.

Для того чтобы увидеть сложный и многотрудный процесс фермерского движения по годам, целесообразно по материалам статистического сборника «Сельское хозяйство Курской области» составить таблицу. Динамика развития фермерских хозяйств в Курской области в конце XX – начале XXI в., представленная в нижеприведенной таблице, достаточно рельефно отражает картину взлетов, падений и стабилизации в сельскохозяйственном предпринимательстве региона²⁴. Следует отметить, что в ходе становления и развития все крестьянские (фермерские) хозяйства создали необходимые для занятия производством сельскохозяйственной продукции земельные площади, оснастили их современной техникой и сельскохозяйственным оборудованием. Вместе с тем следует отметить, что постсоветские курские фермеры неоднородны. Среди них

имеются крупные предприниматели от 500 га до 6 тыс. га земельных угодий, средние от 100 до 500 га и мелкие до 100 га земли. Всего же, по различным источникам, фермеры производят 6–7% сельхозпродукции в структуре АПК Курской области. Этого по нашему времени достаточно для того, чтобы сказать, что фермерство в регионе состоялось и продолжает развиваться (см. табл.):

	1990	1991	1993	1996	2003	2006	2007	2008	2009
Число КФХ	4	432	2044	1662	1411	1349	1329	1356	1273
Средний размер земельного уч-ка (га)	50	51	57	58	113	155	162	174	178

Из вышеизложенного видно, что за двадцатилетний период фермерство в Курской области прошло противоречивый путь от «административно-командного насаждения» к естественно-эволюционному развитию и превратилось в серьезное социально-хозяйственное движение. Развитие фермерского движения в регионе показало научно-практическую несостоятельность утверждения идеологов радикальных сельскохозяйственных реформ того, что фермеры вытеснят крупхозы и завалят страну сельскохозяйственной продукцией. Безусловно, как способ хозяйствования фермерство перспективно, но в совокупности с иными способами организации производственной деятельности.

¹ Рянская М.Л. Социально-экономическое состояние российского села на рубеже XX–XXI вв. (на примере Курской области): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. 209 с.; Она же. Сельское хозяйство Курской области на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 1 (45). С. 120–123.; Она же. О критериях и подходах к оценке состояния сельского хозяйства Курской области на рубеже XX–XXI вв. // Труды 1-й междунар. краеведческой конф. «Краеведение в Курском крае: прошлое и современность. Международные связи». Ч. 3. Курск, 2006. С. 56–59.

² Третьяков А.В. Социально-экономические последствия аграрных преобразований в России конца XX – начала XXI в. // Вестник истории и философии Курского государственного университета. Серия «История». 2009. № 2. С. 3–13.; Он же. Государственная аграрная политика рубежа XX – начала XXI века: ликвидация колхозов, «насаждение» фермеров и новый земельный передел // Государство – экономика – политика: актуальные проблемы истории: сб. науч. тр. Всерос. науч.-метод. конф. СПб., 2010. С. 241–246.

³ Михайлов А.Н. Становление и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в аграрном производстве Курской области в конце XX – начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 221 с.; Михайлов А.Н. Фермерство в сельскохозяйственном производстве России рубежа XX–XXI веков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2010. № 2 (14). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/014-11.pdf> № государственной регистрации 0421000068/0028.

⁴ Судаков И. Где они – надежные руки? // Партийная жизнь. 1991. № 18. С. 62–63.

⁵ Щербакова Э.В. Объективная необходимость кооперации крестьянских (фермерских) хозяйств в Курской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2003. № 4. С. 47.

⁶ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 87. Д. 1733. Л. 66.

⁷ Сельское хозяйство Курской области. 1997: Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. Курск, 1997. С. 28; Сельское хозяйство Курской области. (2003–2007): Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. Курск, 2008. С. 32.

⁸ Земельный кодекс РСФСР. Утвержден ВС РСФСР 25 апреля 1991 года № 1103-1 // Советская Россия. 1991. 15 мая.

⁹ О крестьянском (фермерском) хозяйстве. Закон РСФСР № 348-1 от 22 ноября 1990 года // Курская правда. 1990. 29 ноября.

¹⁰ Рыбков А.Г. Крестьянское хозяйство: историко-социологический аспект. Саратов, 1992. С. 13–14, 94.

¹¹ Судаков И. Указ. соч. С. 63.

¹² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р- 3168. Оп. 3. Д. 2156. Л. 43.

¹³ Быть или не быть? // Курская правда. 1991. 2 ноября.

¹⁴ Березнева Е. Хваткий мужик // Труд. 1994. 5 июля.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р- 3168. Оп. 3. Д. 2090. Л. 67.

¹⁶ Там же. Д. 2156. Л. 43.

¹⁷ О студентах из села Амосовки Медвенского района... // Сельская жизнь. 1992. 15 мая.

¹⁸ Серегина Т. Был безработным, стал фермером // Курск. 2009. 25 ноября.

¹⁹ Хозяйка курских прерий // Земля и дело. 2000. 24 августа.

²⁰ ГАКО. Ф. Р- 3168. Оп. 3. Д. 2156. Л. 44.

²¹ Дебют курских фермеров // Политический диалог. 1991. № 9. С. 15–16.

²² ГАКО. Ф. Р- 3168. Оп. 3. Д. 2156. Л. 43–44.

²³ «Помощи не ждем. Не мешали бы...» // Земля и дело. 2000. 24 августа.

²⁴ Составлено автором по: ГАКО. Ф. Р- 3168. Оп. 3. Д. 2090. Л. 67; Руцкой А.В. Методическое пособие по созданию новых организационно-правовых форм и производственно-финансовых отношений в АПК Курской области. Курск, 1996. С. 8; Сельское хозяйство Курской области. 1997: Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. Курск, 1997. С. 28; Сельское хозяйство Курской области. (2003–2007): Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. Курск, 2008. С. 3; Сельское хозяйство Курской области (2005–2009). 2010: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2010. С. 30.

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАШЕВАРОВ

*доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета и кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru*

В рецензии дается высокая оценка содержанию монографии А.Ф. Бондаренко. Делается вывод о том, что «в XVII в. завершилось формирование национальной традиции изготовления колоколов, оформился своеобразный “русский” стиль в литье».

Ключевые слова: А.Ф. Бондаренко, история колоколов, колокола, колоколотейное производство, средние века, Русь, Московское царство.

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ (рецензия на монографию А.Ф. Бондаренко «История колоколов России XI–XVII вв.» М.: Русская панорама, 2012. 464 с. 32 с. ил.)

Рецензируемая монография Анны Федоровны Бондаренко, посвященная комплексному исследованию истории колоколов и колоколотейного производства средневековой Руси, начиная с их появления после принятия христианства и до конца XVII в., представляет собой результат многолетнего и плодотворного труда. А.Ф. Бондаренко известна как автор ряда серьезных исследований по различным аспектам этой проблематики¹.

Актуальность избранной автором темы связана, прежде всего, с тем, что колокола занимают особое место в историческом и культурном наследии России. Будучи неизменным атрибутом православного богослужения, колокольный звон на протяжении веков сопровождал также и самые разнообразные события государственной и общественной жизни. Если первоначально колокола использовались для сообщения о начале богослужения, то затем их стали применять для подачи сигнала в случае опасности: при приближении врага, возникновении пожара и т.п. Около четырех столетий, с первой половины XII в. до начала XVI в., в ряде русских городов специальный колокол созывал народ на вече. Долгое время устойчивой была традиция отмечать звоном колокола военные победы. С XV в. звук специального колокола стали использовать для размерения времени.

В дореволюционной России сложилась особая высоко развитая колокольная культура. Колокола, отливавшиеся мастерами в течение многих столетий, являлись уникальными памятниками, многие из которых были подлинными шедеврами. В нашей стране колокола получили повсеместное распространение, а колокольный звон, чтобы он ни вещал – радость или беду, вызывал особое отношение и со временем стал частью национального самосознания, связующей нитью прошлого и настоящего.

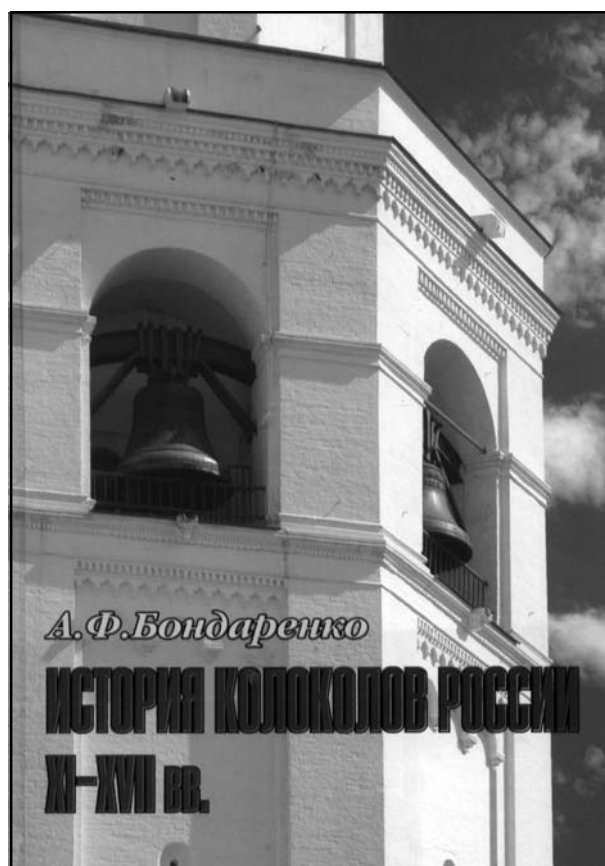
История колоколов является своеобразным отражением основных этапов прошлого нашей страны. Так, в советскую эпоху, отмеченную периодами гонений на религию и Церковь, колокола разделили печальную участь многих православных святынь и предметов церковного обихода. В 1920-х гг. были закрыты специализированные заводы по их производству, что привело к утрате навыков в этом древнем ремесле. В конце 1920-х – 1930-е гг. в результате антиколокольной кампании, развернувшейся в ходе нового наступления на религию и Церковь, тысячи колоколов были уничтожены².

Начавшееся с 1990-х гг. восстановление разрушенных храмов и строительство новых вызвало острую потребность в тысячах колоколов и в возрождении отечественного колоколотейного ремесла, а следовательно, актуализировало вопрос об изучении соответствующего национального исторического опыта.

Таким образом, предпринятое А.Ф. Бондаренко обращение к специальному исследованию истории колоколов России XI–XVII вв. так или иначе будет способствовать восстановлению нарушенной в советскую эпоху преемственности культурно-исторического наследия и возрождению русского национального самосознания.

А.Ф. Бондаренко четко и логично определяет задачи исследования. Структура монографии позволяет последовательно решать поставленные автором задачи. Вполне обоснованы и хронологические рамки работы. В книге дан обстоятельный историографический обзор отечественной campanологической литературы, а также основных работ зарубежных исследователей (с. 8–17).

Источниковая база предпринятого А.Ф. Бондаренко исследования не может не поразить своей широтой и разнообразием. При ее общей характеристике целесообразно

но выделить три группы. Источники первой группы – вещественные памятники – представляют собой непосредственно колокола и их фрагменты. Ко второй группе относятся письменные источники, представленные рукописными памятниками разного характера. Среди них следует отметить 27 летописных сводов, в которых содержатся упоминания о колоколах, их литье, колокольном звоне и т.д. Самую обширную группу источников составляет актывый материал, выявленный в фондах центральных и ведомственных архивов. Всего А.Ф. Бондаренко исследовала документы и материалы десяти специальных и ведомственных архивов, 24 фонда и 46 описей. Многие документы и материалы в научный оборот вводятся ею впервые.

Несмотря на то что единого архивного фонда, который бы максимально полно характеризовал деятельность московского Пушечного двора, занимавшегося колоколотейным производством в XVI–XVII вв., не существует, А.Ф. Бондаренко удалось выявить обширный комплекс необходимых для исследования документов в самых различных собраниях.

К третьей группе источников относятся изобразительные материалы, представленные миниатюрами Лицевого летописного свода XVI в., на которых изображено литье колоколов, колоколонесящие сооружения, колокольный звон и т.п. Вполне обосновано ограничение автором анализируемого в монографии изобразительного материала всего одним этим памятником, имеющим внушительный объем и наибольшую полноту иллюстрируемых сюжетов, связанных с тематикой исследования.

Несомненным достоинством всех четырех частей монографии является собственно историческое содержание, его фактологическая основа, позволяющая представить процесс распространения колоколов в древнерусских землях, их роль и место в общественной жизни средневековой Руси и специфику основных этапов развития колокольного дела в тесной связи с особенностями различных периодов отечественной истории. Заслуживает внимания предложенная А.Ф. Бондаренко периодизация распространения колоколов и развития колоколотейного дела в средневековой Руси, которая включает четыре этапа: первый начался после принятия христианства в 988 г. и закончился монголо-татарским вторжением; второй этап (вторая половина XIII – третья четверть XV в.) приходится на время, когда Русь находилась под ордынской зависимостью; третий этап (последняя четверть XV – XVI в.) совпадает с периодом образования централизованного Русского государства. Четвертый этап (XVII в.) характеризуется расцветом колоколотейного дела в России.

В первой части рецензируемой работы представлены результаты изучения вещественных памятников, найденных при раскопках на занимавшейся Древнерусским государством территории. Согласно археологическим данным, в домонгольский период колокола получили широкое распространение практически во всех типах годов Древней Руси, которые находились на территории шести крупных земель, составлявших большую часть Древнерусского государства. Если первые колокола привозили из стран Западной Европы, то примерно в конце XI – начале XII в. русские ремесленники-металлисты, имея перед глазами иностранные образцы, стали отливать колокола сами (с. 94).

Главным письменным источником по средневековой истории колоколов на Руси являются летописи. В соответствии с этим во второй части монографии содержится специальная глава, посвященная выявлению и анализу свидетельств русских летописных сводов о колоколах XI–XIII вв. Автором сделан вывод о том, что наибольшее количество статей, где фигурируют колокола XI–XIII вв., содержат Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская летописи. События, в связи с которыми летописцы упоминали колокола, А.Ф. Бондаренко разделяет на пять групп: 1) захваты русских городов, в результате чего колокола становились военными трофеями; 2) сообщения о церковном колокольном звоне; 3) рассказ о литье колоколов; 4) упоминание конкретных колоколов; 5) звон колокола для

собрания горожан на вече (с. 95–96). На основании анализа этих сведений автор определяет роль и место колоколов в общественной жизни средневековой Руси.

Связь вечевого института и колокола прочно укоренилась в сознании всех интересующихся отечественной историей благодаря красочным и эмоциональным описаниям летописцев о снятии и увозе великими московскими князьями вечевых колоколов Твери (1339 г.), Великого Новгорода (1478 г.), Пскова (1510 г.) и ряда других городов. Выяснению ряда важных вопросов, связанных с темой колокола как атрибута веча, во второй части работы посвящена специальная глава (с. 120–133). Так, автор ставит следующие вопросы и отвечает на них: всегда ли колокол являлся атрибутом веча? Если нет, то с какого времени он начал употребляться на Руси для созыва горожан на народное собрание? А.Ф. Бондаренко полагает, что появление на Руси обычая созывать на вечевое собрание звоном специального колокола наиболее вероятно в Великом Новгороде. Само появление там вечевого колокола следует искать в промежутке между 1136 г., когда в городе утвердилась вечевая организация, и 1148 г., к которому относится самое раннее упоминание летописи о созыве веча при помощи колокола (с. 127). В то же время вечевого колокол мог использоваться в Новгороде не всегда, а только по особым случаям, например, для созыва на народное собрание, где принимались важные для города решения (с. 123). Автор приходит к интересному заключению о том, что только в одном городе на Руси существовало два вечевых колокола – в Великом Новгороде (с. 128). По завершении периода феодальной раздробленности вечевые колокола, будучи атрибутом веча и символом независимости, исполнив свою историческую миссию, ушли в прошлое. Главную их функцию, а именно подачу при помощи звона сигнала к сбору горожан, продолжали выполнять набатные, специальные вестовые или колокола городских храмов.

Особое место в книге занимает история колоколотейного дела, начиная со второй половины XIII до конца XVII в. Этой теме посвящены две последние части работы, в совокупности составляющие семь из шестнадцати глав монографического исследования.

На основании анализа письменных источников и сохранившихся вещественных памятников за период со второй половины XIII в. до третьей четверти XV в. включительно А.Ф. Бондаренко делает вывод том, что литье колоколов на Руси в результате ордынского нашествия конца 1230-х – начала 1240-х гг. не прекратилось, а только замедлилось. Есть все основания полагать, что в Северо-Восточной Руси колокола отливались уже во второй половине XIII в. Мастера, владевшие этим сложным производством, по всей видимости, были переселенцами из юго-западных областей Руси, откуда в это время происходил массовый отлив населения в более безопасные районы (с. 213). Несмотря на то что в XIV в. колокола отливались в таких крупных городах, как Ростов, Москва, Великий Новгород, говорить о существовании в них постоянно действующего колокольного производства, как полагает А.Ф. Бондаренко, преждевременно. В XV в. происходит дальнейшее развитие колоколотейного ремесла, отмечаемого источниками в Твери, Ростове и Великом Новгороде. Вопрос о соотношении русских и иностранных колокольных мастеров на Руси в XIV–XV вв. пока остается открытым. В то же время автор монографии считает, что большую часть литейщиков составляли русские мастера, для которых в связи с универсальностью средневекового мастерства отливка колоколов была не основным занятием. Они изготавливали колокола небольших размеров, поскольку потребность в них всегда была велика по причине частых пожаров, испепелявших города, которые состояли преимущественно из деревянных построек. Отливка больших колоколов, будучи событием огромной важности, демонстрировала соперникам не только экономические возможности конкретного князя, но также и его силу и способность занять руководящее положение в объединении русских земель (с. 213).

В последней четверти XV – XVI в. крупными центрами колокольного производства являлись Москва, Псков и Новгород Великий. В книге выявлены и описаны особенности производства колоколов в Пскове и Новгороде Великом в XVI в. (с. 230–256). Начало нового витка развития колокольного дела в Москве связано с основанием приехавшим в 1475 г. из Италии Аристотелем Фиораванти первого на Руси государственного литейного предприятия, которое впоследствии получило название Пушечного двора и просуществовало более двух столетий. Организация литейного завода вывела отечественное колокольное ремесло на качественно более высокий уровень. Отличительной особенностью мастеров московского Пушечного двора являлось умение изготавливать как артиллерийские орудия, так и колокола. С середины XVI в. русские мастера, работавшие на этом дворе, начали преобладать над иностранцами. Во второй половине того столетия складывается московская школа колокольного литья. Автором исследована система подготовки кадрового состава московского Пушечного двора (с. 264–297) и реконструированы творческие биографии его выдающихся мастеров, начиная со знаменитого Андрея Чохова, активная творческая деятельность которого продолжалась более 60 лет (с. 310–350).

В XVII в. московский Пушечный двор продолжал оставаться главным предприятием страны, на котором выполнялись государственные заказы по изготовлению колоко-

лов. Так, изготовление вестовых колоколов для городов-крепостей засечной черты являлось частью государственной программы по повышению обороноспособности страны. На основании сохранившихся документов Пушкарского приказа А.Ф. Бондаренко тщательно исследовала количество и состав людей, занятых в московском Пушечном дворе, организацию их труда и сделала вывод о высокой квалификации государственных литейщиков. Наглядным подтверждением этому служат изготовленные ими уникальные колокола, которые сохранились до наших дней и являются настоящими шедеврами колоколотейного искусства.

Вполне обоснован и логичен вывод автора о том, что в XVII в. завершилось формирование национальной традиции изготовления колоколов, оформился своеобразный «русский» стиль в литье, для которого характерна высокая степень сложности и художественного оформления литья изделия. Кроме того, «русский» способ литья стал синонимом производства уникальных колоколов-гигантов, значительно превосходивших своими размерами западноевропейские (с. 356).

В заключение следует особо отметить, что содержание интересное и практически значимое исследование А.Ф. Бондаренко написано хорошим русским языком и издано в прекрасном полиграфическом исполнении – в твердом переплете с рисунками и фотографиями в тексте и иллюстрациями на цветной вклейке.

¹ См., напр.: Бондаренко А.Ф. Московские колокола. XVII в. М., 1998; Она же. Колокольные звоны Москвы // Историческому музею – 125 лет. Материалы юбилейной конференции // Труды ГИМ. Вып. 100. М., 1998. С. 371–372; Она же. Колокола Покровского собора: Прошлое и настоящее // Труды ГИМ. Вып. 31. М., 2001; Она же. Династия колокольных мастеров московского Пушечного двора первой половины XVII в. // Клио. 2010. № 4 (51). С. 74–78.

² Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 230; Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви 1917–1945 гг. СПб., 1995. С. 102–103.

ЛЮДМИЛА ВЕНИАМИНОВНА БЕЛГОРОДСКАЯ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Сибирского федерального университета (Красноярск)
Тел.: 8 (963) 263-27-42; E-mail: blv.kr@yandex.ru

В статье анализируются основные идеи, содержащиеся в книге британского историка Р. Waldron «Russia of the Tsars». По мнению рецензента, «исследование представляет интерес для специалистов, изучающих зарубежную историографию России и историческую имиджологию».

Ключевые слова: Peter Waldron, династия Романовых, историография, имиджология, визуальная история.

«РОССИЯ, ОТРАЖЕННАЯ В ТЕМЗЕ» (Рецензия на книгу: Peter Waldron «Russia of the Tsars». London: Thames & Hudson Ltd, 2011, 144 p.)

История русской монархии традиционно привлекает внимание западных русистов. В 2013 г. отмечается 400-летие утверждения на русском престоле дома Романовых. Этому событию уже посвятили свои исследования отечественные и зарубежные авторы, в течение года состоится серия международных и российских конференций¹, других научных мероприятий, выйдут в свет научно-популярные труды.

В плане осмысления роли династии в российской истории представляет интерес исследование британского историка-русиста Питера Уолдрена «Россия царей», выпущенное издательством «Темза и Гудзон». Его перу принадлежат несколько работ по истории нашей страны: монографии «Конец императорской России» (1997), «Между двумя революциями: Столыпин и политика обновления России» (1998), исследование о механизмах управления царской Россией (2007), глава «Государственные финансы» в «Кембриджской истории России» в трех томах². К сожалению, труды историка еще не переводились на рус-

ский язык. П. Уолдрен является профессором современной истории университета Восточной Англии, читает несколько курсов по истории России и Европы. Историк в настоящее время работает над исследованием, посвященным революции в России (1900–1930 гг.)

Опубликованная в 2011 г. книга «Россия царей» не носит характера строгого научного исследования академического характера. Перед нами качественное научно-популярное изложение истории российской монархии, выполненное профессионалом-исследователем. Такие атрибуты научного текста, как ссылки на первоисточники, монографии, использование статических данных, изложение научных концепций истории России в тексте присутствуют; книга содержит рекомендательный список научных трудов западных историков для более глубокого знакомства читателей с темой.

Исследование состоит из введения с характерным заголовком «Русские земли», в котором делается обзор особенностей исторического развития страны, и семи глав.

Автор начинает книгу с главы «Петр Первый и вестернизация России». Хотя некоторые сведения об Иване Грозном и первых Романовых приведены в вводной части работы, для автора представляется логичным подлинную историю монархии начинать с модернистских прозападных преобразований Петра. Вторая глава посвящена крестьянской России. Особое внимание уделено «триумфу монархии», который, по мнению автора, пришелся на 1750–1850-е гг. Четвертая глава освещает вопросы строительства и механизмы управления Российской империей. Далее следует материал о реформах и реакции в 1850–1900 гг. Предпоследняя глава отведена истории русской культуры. Наконец, заканчивается книга материалом о последних годах царизма. В работе приведены биографии, справки, афоризмы, что позволило издательству собирательно охарактеризовать книгу в качестве сборника исторических файлов ('History files'). Совмещение проблемного и хронологического принципов изложения материала порой нарушает логику изложения. Некоторые сюжеты (столыпинские реформы) рассматриваются во второй и четвертой главах исследования, а проблемы культурного развития рассматриваются фрагментарно в большинстве разделов.

Работа написана в рамках цивилизационного подхода к истории. Для автора процессы активной трансформации традиционного аграрного общества в западное либеральное составляют главный предмет исследования. Глубокие реформы происходили в годы правления Петра, Александра I и Александра II, но общественное развитие тормозилось Павлом I, Николаем I и особенно двумя последними представителями династии.

Рассматриваемое исследование представляет интерес в контексте исторической имиджологии, междисциплинарного научного направления, исследующего стереотипы обыденного и научного сознания в восприятии образов иных стран и культур. Описывая природно-географические условия империи, автор подчеркивает, что для понимания России следует учитывать важность таких природных явлений, как лес, степь, суровый климат. Московия, которую он, следуя традициям англо-американской школы геополитики, называет русским хартлендом ('The Russian heartland around Moscow'. P. 7), возвысилась благодаря лесному ландшафту и срединному расположению княжества. Описание русского климата часто сопровождается примерами, вызывающими у русского читателя ироническую реакцию: речь идет об описаниях «ужасов путешествия зимой на санях» (p. 9) или о приведенных в тексте сведениях об использовании восставшими рабочими Петрограда в феврале 1917 г. кусков льда в стычках с правительственными войсками (p. 122). Труд британского исследователя представляет интерес в качестве опыта репрезентации царской России представителем западной историографии. Ряд стереотипов научного познания России англо-американскими историческими школами нашел отражение в исследовании. Например, тезис о неизменно низком уровне жизни россияне³, высокой степени алкоголизации русского общества («Водка играла центральную роль в жизни российского крестьянства». P. 43), постоянном экспансионизме внешней политики. Авторская концепция истории совпадает с оценкой другого британского историка Дж. Хоскинга, высказанной в книге «Россия и русские»: «Большинством европейцев и североамериканцев она воспринимается как великая Другая, понятная, но до конца непонятая, как культура, через призму которой мы начинаем больше ценить свою собственную». И далее: «Их (европейцев и американцев. – Л.Б.) раздражали и отталкивали ее огромные размеры, постоянно меняющиеся границы, скрытые мессианские претензии и природа ее общественно-политической системы»⁴.

Для представителя британской исторической школы, гражданина страны, создавшей когда-то величайшую морскую империю мира, Пржевальский – с представленным проектом 1884 г. меридиального расширения России до Пекина – выглядит действительно как

buccaneering Nikolai (пиратствующий) Николай Пржевальский (p. 73).

Хронологическая таблица важнейших событий истории императорской России (p. 129) акцентирует внимание читателей на 1) прозападные реформы сверху, 2) рост империи, 3) акции социального и национального протеста, 4) становление парламентских институтов в стране и 5) развитие русской литературы и музыки.

К несомненным достоинствам книги следует отнести ее визуальное оформление. В тексте использовано 133 иллюстрации, многие из которых незнакомы российскому читателю. При этом автор обыгрывает изображение, визуальный образ не механически подбирается художественным редактором к излагаемой теме. П. Уолдрен в каждом случае (!) дает подробный исторический комментарий к визуальному образу, всякое изображение точно атрибутировано, обязательно указано место хранения исторического источника.

Российские историки уделяют еще явно недостаточное внимание анализу изображений и только начинают учиться читать и презентовать визуальные тексты. Начало «визуального поворота» ('pictorial turn') в науке исследователи традиционно относят к 1988 г. – времени публикации в США книги «Vision and Visuality» («Видение и визуальность»)⁵. Развитие истории ментальностей, а затем культурной истории повлекло за собой изучение связи образов и текстов, классификацию образов – от графических и живописных до ментальных и вербальных. В современных условиях и в России начинает происходить осознание того, что для исследования национальных и социальных идентичностей визуальное не менее информативно, чем нарратив⁶.

Приведенные в книге визуальные источники мало доступны российским специалистам, их копирование ограничивается жесткими условиями зарубежных музеев и библиотек, а методики исследования еще слабо отработаны и часто не выходят за рамки приемов традиционного искусствоведческого анализа. В качестве примера приведем использованные в рецензируемой книге цветные фотографии С.М. Прокудина-Горского, выполненные в 1909–1916 гг., негативы которых хранятся в настоящее время в Библиотеке Конгресса США (Вашингтон). Это – изображение торговца коврами в Центральной Азии, вид земляной тюрьмы (зиндана) с фигурами заключенных (p. 9, 72), фотографии русских крестьянских семей, представителей народов Кавказа (p. 66, 40–41). В авторском комментарии указано, что портрет Петра Великого в средневековых латах работы Г. Кнеллера хранится сейчас в коллекции ее величества королевы Елизаветы II.

Книга хорошо оформлена методически, ее материалы можно использовать для самостоятельного изучения прошлого и на групповых занятиях со студентами в аудитории. В специальном приложении к изданию собраны факсимильные копии десяти исторических источников, представленные на русском и английском языках. Среди них – карта Санкт-Петербурга 1718 г.; письмо Петра Великого 1710 г.; игральная карта из колоды «географических» карт 1856 г., посвященной губерниям Российской империи; петиция 1899 г. глав Королевского общества и Королевского географического общества Великобритании Николаю II, с выражением протеста против русификации Финляндии; открытка 1917 г., направленная против «шпионажа» императрицы Александры Федоровны, Сертификат Крестьянского банка и др. Эти аутентичные документы могут быть полезны при использовании метода кейс-стадии на занятиях по русистике и при изучении английского языка историками.

В тексте замечены неточности в изложении фактического материала:

1) ошибочна подпись к рисунку Здания двенадцати коллегий (p. 21). В тексте сказано, что на представленном изображении XIX в. фасад строения обращен к Неве. В реальности же художник изобразил фасад здания, обращенный к каналу, прорытому на месте нынешней Менделеев-

ской линии Васильевского острова. Он был закопан еще в XVIII в.;

2) Наполеоновская армия переправилась через Неман не в апреле, а в июне 1812 г. (р. 49);

3) арест членов Временного правительства состоялся не в Малахитовом зале (р. 128), а в Белой (Малой) столовой Зимнего дворца.

Рецензируемое исследование представляет интерес для специалистов, изучающих зарубежную историографию России и историческую имиджиологию. Оно может быть полезно для преподавателей, работающих над совершенствованием методики преподавания истории и участвующих в налаживании коммуникации между научным сообществом и социумом.

¹ В марте 2013 г. Российское общество историков-архивистов проведет в РГГУ международную конференцию «Четыре века дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурсы».

² Два российских ученых удостоились чести быть авторами этого международного труда – академик Б.В. Ананьич и профессор А.П. Павлов. Оба они представляют петербургскую школу историков.

³ Этот популярный тезис подвергнут убедительной критике в работах С.Н. Миронова. См., например: *Миронов Б.Н. Благополучие населения в революции в Российской империи: XVIII – начало XX века*. М.: Весь мир, 2012.

⁴ *Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 кн. Кн. 1*. М.: Издательства АСТ, 2003. С. 6.

⁵ *Vision and Visuality*. Seattle, 1988; *Иконография / Изображение / Словарь историка / Под ред. Н. Оффенштадта*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 54–57.

⁶ Из российских исследований последних лет по проблеме визуализации прошлого следует отметить сборник «Очевидная история: Проблемы визуальной истории России XX столетия» (Челябинск, 2008) и монографию Е. Вишленковой «Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». (М.: НЛО, 2011).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОШЛИ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ ЗОЛОТАРЕВ

доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)

Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

Доклад действительного государственного советника Российской Федерации 1-го класса, заместителя председателя Научного совета РАН по вопросам военной истории, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора В.А. Золотарева на общегодовом заседании Российской академии наук 18 декабря 2012 г.

Доклад подготовлен под руководством председателя Научного совета РАН по вопросам военной истории академика Г.А. Куманева.

Ключевые слова: победа, Великая Отечественная война, Отечественные войны, В.А. Золотарев, Г.А. Куманев, народная память.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

Наша Родина пережила четыре Отечественные войны: 1612 г., пора «Смутного времени», 400-летие которого мы отмечаем в этом году; 1812 г., 200-летие которой мы праздновали.

Война 1914–1918 гг. именовалась, и вполне справедливо, не только Первой мировой империалистической, но и Отечественной.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась важнейшей вехой в многовековой истории России. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, Великая Отечественная стала для россиян самым выдающимся событием прошлого века. Ценой неимоверных усилий и потерь наш народ выдержал это тяжелейшее испытание, сумел разгромить мощного врага и одержать выдающуюся победу.

Подвиг наших предков поистине велик. Советско-германский фронт не знал себе равных по размаху, продолжительности и интенсивности борьбы. Его протяженность составляла от 3000 до 6200 км, тогда как протяженность североафриканского и итальянского фронтов не превышала 300–350 км, германо-французского – 800 км. Из 1418 дней и ночей существования советско-германского фронта активные боевые действия здесь шли 1320 суток, тогда как на западноевропейском – 293, на североафриканском – 309 и на итальянском – 492.

Из общего числа людских потерь, которые понесла немецко-фашистская армия во Второй мировой войне, более 73% приходится на советско-германский фронт. Именно здесь были разгромлены главные силы агрессивного блока – 607 дивизий, а англо-американскими дивизиями – 176 дивизий. На долю Вооруженных сил СССР приходится и подавляющая часть уничтоженной за годы войны вражеской боевой техники.

Значение войны, в ходе которой агрессор впервые поставил вопрос о физическом истреблении своей жертвы – советского народа, – и огромный масштаб народного подвига порождает неуывдающий интерес к истории этих событий. Великая Отечественная война была самым разрушительным военным конфликтом, который знала наша страна. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников рассмотрела около 4 млрд актов об ущербе, причиненном советскому народу за время оккупации. Было установлено, что только прямой ущерб (потеря от прямого уничтожения имущества) составляет 679 млрд рублей (в ценах 1941 г.) или 128 млрд долл. США. Весь материальный ущерб, нанесенный Советскому Союзу за годы войны, составил 2569 млрд рублей. Это означает, что Советский Союз потерял треть своего национального богатства. Для сравнения: потери СССР выражались в сумме 128 млрд долл., Франции – 30 млрд, Голландии – 10, Греции – 3 млрд и т.д. Почти 27 млн советских людей погибли, из них около

10 млн – на полях сражений. Почти 18 млн советских солдат и командиров получили ранения или заболели при исполнении служебных обязанностей, многие из них потеряли трудоспособность, стали инвалидами. Около 6 млн советских людей оказались в фашистском плену, 4 млн из них погибли. Во вражеском тылу погибло почти 4 млн партизан и подпольщиков. В результате всех этих потерь резко сократилась численность трудоспособного населения страны. Горе безвозвратных потерь постигло почти каждую советскую семью. Война оставила миллионы сирот, вдов и инвалидов.

Великая Отечественная война стала самым важным – и самым страшным – событием истории России XX в., которое вошло в жизнь нескольких поколений, наложило отпечаток на русскую культуру XX в. Военная тема звучит в литературе, живописи, кино. Наши потери в Великой Отечественной войне были настолько велики, что рубец в народной памяти болит и поныне. Активно развивается поисковое движение, которое возвращает имена тысячам безымянных героев. Стоит также отметить работу Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. За 12 лет ее существования удалось установить судьбу около полумиллиона, а совместно с аппаратом Книги Памяти – свыше 1 млн граждан нашей страны.

Цена Победы, стоившая нашему народу многомиллионных жертв, нашла свое воплощение в уникальном издании – Книге Памяти. Книга Памяти содержит поименные списки граждан России, погибших (умерших от ран, болезней), пропавших без вести в ходе боевых действий и при выполнении служебных обязанностей по защите Отечества, а также документы и научно-публицистические материалы, раскрывающие вклад регионов и Российской Федерации в целом в дело защиты Родины, достижение победы над врагом. Ее основу составляют республиканские (в составе Российской Федерации), краевые, областные, городов Москвы и Санкт-Петербурга поименные Книги, Обзорный том Всероссийской Книги Памяти. По два экземпляра всех Книг Памяти будут вечно храниться на Поклонной горе в Москве в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Сегодня нашей исторической науке и всему российскому обществу нужна полная правда о Великой Отечественной войне, правда без каких-либо купюр. Как никогда сегодня необходима достоверная научная история войны, которая помогла бы сделать обоснованные выводы из прошлого опыта и помочь без новых трагических ошибок решать сложнейшие проблемы современности. Российские народы выстрадали право на познание своего прошлого. Без осмысления и усвоения уроков минувшего невозможен успех преобразований в нашей стране. Только таким образом мы обретем себя в настоящем

и обеспечим свое достойное будущее. Этой благородной цели и служит разрабатываемая 50-томная серия сборников документов «Русский архив: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы и материалы».

История всегда играла важнейшую для каждой нации роль фактора национальной самоидентификации. Необычайно возросшая роль истории для современной России определяется тем, что привычные социально-политические, культурные, духовные ценности до сих пор подвергаются переоценке, а новой их системы до сих пор нет. Образовавшийся вакуум заполняется теориями, концепциями, версиями, инородными и чуждыми России по своему духу и сознанию, а порой – и вообще разрушительными.

Процесс пересмотра национальных ценностей в полной мере затронул историческую науку. Появились новые или модернизированные трактовки нашего прошлого, особенно отечественной истории XX в., часто заимствованные из разного рода западных концепций. Искажение истории советского периода стало своеобразной модой. Примечательно, что наиболее предвзято настроенными критиками выступают большей частью литераторы, публицисты, журналисты, работники электронных СМИ, а не профессиональные историки. Одним из ярких примеров являются попытки дискредитации подвига 28 воинов-панфиловцев, документально подтвержденного и в лучшем смысле ставшего хрестоматийным. Мрачный поток конъюнктурных версий, псевдосенсаций обрушила коммерциализированная литература. Здесь есть над чем поразмыслить. Важным шагом могло бы стать образование на государственном уровне специального органа, ядром которого стали бы ученые РАН, наделенного полномочиями влияния на процессы интеллектуальной регенерации в области общественных наук. Конечно, каждый имеет право на свое мнение по тем или иным историческим проблемам, но допустимо ли бездоказательно навязывать его другим? Насколько достоверна база данных, объективен взгляд на события, глубок их анализ – вот те главные критерии, по которым ученые судят о подлинной ценности тех или иных исторических изысканий. К сожалению, все чаще на первый план выходят прагматизм, поиск личной выгоды, причем нередко любой ценой. Эти мотивы оттесняют извечные ценности народов России, идеалы добра, справедливости, коллективизма, издавна присущие нациям, составляющим население нашего Отечества.

В результате происходит чрезвычайно опасный процесс: из исторического сознания нации постепенно вымываются подлинные национально-государственные ориентиры. Странно и удивительно, что в последние 20 лет на прилавках наших магазинов появилось огромное количество популярной литературы по истории, которая направлена не на укрепление социальной памяти, не на ее обогащение, дополнение, уточнение, а, напротив, – на ее разрушение.

Неудивительно, что, по данным ВЦИОМ, 47% опрошенных россиян в возрасте до 24 лет не знают точной даты начала Великой Отечественной войны, причем каждый второй из них не может назвать ни дня, ни месяца, ни даже года нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Как видно, память народа о Великой Отечественной войне ослабевает и растворяется. Действительно, трудно не согласиться с данным мнением, так как на сегодняшний момент память о Великой Отечественной войне представляет собой систему как объективных и истинных, так и ложных, искаженных знаний, представлений, понятий, образов и т.д. В немалой степени это явление вызвано деятельностью недобросовестных исследователей. Противостоять им призван новый фундаментальный многотомный труд, который издается сегодня под эгидой Министерства обороны РФ.

Труд готовится и издается в соответствии с распоряжением Президента РФ № 240 рп от 5 мая 2008 г. Образована Главная редакционная комиссия (ГРК) под председательством министра обороны и утвержден структур-

ный план и план-график разработки 12-томного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который планируется завершить к 70-й годовщине Победы.

Говорят, история учит тому, что ничему не учит. Наша задача применительно к истории Великой войны – стремиться избежать этого парадокса.

Рукопись каждого тома пишется историками под началом руководителя авторского коллектива тома, который взаимодействует с председателем редакционной комиссии соответствующего тома. Подготовленная ими рукопись проходит техническую экспертизу, а затем рассылается для рецензирования в институт Российской академии наук (как правило, Институт всеобщей истории, Институт российской истории, Институт экономики, Институт Дальнего Востока), а также военно-научные центры (Военную академию Генерального штаба, Общевойсковую академию РФ, Российскую академию ракетных и артиллерийских наук) и другие научные организации. Затем проходят несколько совместных заседаний авторского коллектива тома и Главной редакционной комиссии труда, на котором авторы получают замечания, а на последующем – отчитываются об их устранении. Таким образом, рукопись и (уже после выпуска) каждый том проходит всестороннее и тщательное редактирование (как правило, на каждую приходит около 100 откликов от указанных учреждений, публикаций отдельных авторов в исторических журналах, выступлениях на конференциях и т.п.).

Масштабность и фундаментальный характер труда требуют широкого комплексного подхода к освещению событий кануна, хода и исхода Великой Отечественной войны, предполагающего раскрытие собственно военной, а также экономической, политической, дипломатической, социальной, духовной, личностной и других составляющих этого сложного социального явления. Структура издания такова: 1-й том – «Основные события войны», 2-й – «Происхождение и начало войны», 3-й – «Битвы и сражения, изменившие ход войны», 4-й – «Освобождение территории СССР», 5-й – «Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией», 6-й – «Тайная война. Разведка и контрразведка в Великой Отечественной войне», 7-й – «Экономика и оружие войны», 8-й – «Искусство на грани возможного. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны», 9-й – «Антигитлеровская коалиция», 10-й – «Государство, общество и война», 11-й – «Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство войной и Вооруженными силами в годы войны», 12-й – «Итоги и уроки войны». В создании 12-томника принимает участие большой авторский коллектив – ученые, работающие в системе Российской академии наук, в научно-исследовательских учреждениях ряда министерств и ведомств.

Лейтмотив концепции труда – поведать не только что было, а и почему было. Уже пятый год идет работа по реализации президентского проекта. Это увлекательная, интересная работа, в ходе которой порой возникают споры, дискуссии, иногда очень острые. Приходится преодолевать инерцию, которая у нас существовала в течение многих лет в описании, в оценках и в осмыслении истории Великой Отечественной войны. Но в спорах рождается истина.

Первый том 12-томника «Основные события войны» выпущен в свет в 2011 г., в канун 70-й годовщины начала Великой Отечественной войны. Концепция труда вырабатывалась непросто. Работа рисковала обернуться преимущественным описанием боевых действий в ущерб политической, дипломатической, социальной составляющих при явном пренебрежении к мировоззренческому и воспитательному аспектам военной истории. Кое-кто предлагал сменить название: не использовать определение войны как «Великой Отечественной», назвать труд «СССР во Второй мировой войне». Аналогичным образом поступили немецкие историки, выпустив в свет упо-

мянутый многотомник об участии Германского рейха во Второй мировой войне 1939–1945 гг. Однако ученые из ФРГ прибегли к такой отстраненной формулировке, чтобы сгладить агрессивный, захватнический характер войны со стороны нацистской Германии. Отечественные авторы, пойдя они по этому пути, выхолостили бы справедливый, освободительный характер смертельной битвы с фашизмом. Такого рода подходы были отвергнуты Главной редакционной комиссией.

В первом томе труда рассмотрены следующие проблемы: подготовка Германии к нападению на СССР; «Генеральный план «Ост»» – план порабощения и уничтожения народов Советского Союза; состояние советского общества, экономики и обороноспособности страны перед войной; недостатки и просчеты, допущенные советским руководством в военном строительстве, укреплении Вооруженных сил, их перевооружении, в планировании мероприятий на случай войны; влияние негативных проявлений во внутренней политике, в частности репрессий, на подготовку страны к войне; критический анализ степени готовности к войне.

Нацистский «Генеральный план «Ост»» предусматривал в течение 25–30 лет депортацию 80–85% населения из Польши, 85% из Литвы, 65% из Западной Украины, 75% из Белоруссии и по 50% из Латвии, Эстонии и Чехии. Не менее 31 млн человек, «нежелательных по расовым показателям», подлежали выселению в Сибирь; на освобожденные территории «после разгрома СССР» предполагалось переселить до 840 тыс. «представителей высшей расы». В течение последующих двух-трех десятилетий планировались еще две волны немцев-поселенцев численностью 1,1 и 2,6 млн человек. В «Генеральном плане «Ост»» утверждалось, что «без полного уничтожения» или ослабления любыми способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. Военнослужащим вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки».

Авторы анализируют основные события, которые проходили на советско-германском фронте, их взаимосвязь с действиями союзников на других фронтах, дают критический анализ причин поражения советских Вооруженных сил в начальный период войны и весной 1942 г., анализируют проблемы политического руководства фронтом и тылом, роль народной борьбы в тылу врага, развитие военного искусства, применение видов Вооруженных сил, роль разведки и контрразведки, деятельность военачальников и полководцев, военное, экономическое и политическое сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции, решающую роль Советского Союза в разгроме фашистского блока.

Помимо военной сферы рассматриваются и другие. Анализируются проблемы развития научно-технической и минерально-сырьевой базы; изучаются трудовой подвиг народа, вклад общественных организаций и церкви в общую Победу, деятельность творческих союзов, роль культуры, средняя массовая информация в войне; раскрываются причины сотрудничества некоторых слоев населения с оккупантами, борьба по вопросам послевоенного урегулирования, меры по наказанию агрессоров.

Большое место уделено анализу цены Победы, людских потерь советских Вооруженных сил, а также вермахта и его союзников. Важную роль играет анализ борьбы против попыток пересмотра итогов войны, развенчание мифов, в частности о «превентивной войне» со стороны Германии и ее сателлитов, их «стремлении спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма». В книге вскрыты истинные причины и цели войны нацистской Германии против СССР; показано, что цели Советского Союза в войне объективно соответствовали геополитическим жизненным интересам как народов СССР, так и народов других стран; раскрыт справедли-

вый характер войны СССР против гитлеровской Германии и ее союзников.

Второй том посвящен предыстории нападения Германии на нашу страну и первым трем месяцам войны, т.е. с 22 июня до 30 сентября 1941 г. – начала немецкой операции «Тайфун» – наступления на Москву. Это был наиболее критический и поэтому наиболее дискуссионный период кануна и начала войны, от событий которого зависел весь ее дальнейший ход и исход, судьбы народов нашей страны и всего человечества. Страна, народ должны были выстоять или погибнуть, альтернативы не было.

Том состоит из двух частей – происхождение войны и начало войны, которые включают шесть тематических блоков: историко-познавательные основы изучения Великой Отечественной войны; истоки войны; начало Второй мировой войны и политика СССР; СССР накануне нападения Германии; вступление Советского Союза в борьбу с агрессорами; итоги первых месяцев войны; документальные и другие приложения с картами и иллюстрациями.

Авторский коллектив попытался ответить на ряд актуальных дискуссионных вопросов. Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну, а затем и нападение Германии на СССР? Почему сегодня усилились попытки обвинить нашу страну в развязывании войны и представить советских воинов захватчиками и насильниками? Как объяснить поражения советских войск в первые месяцы войны и огромные людские потери? Почему часть пленных советских солдат, офицеров и населения временно оккупированных территорий стали сотрудничать с врагом? Каковы основы материальных и духовных сил народа, совершивших на фронте и в тылу исторический подвиг массового героизма в борьбе с захватчиками? На эти вопросы авторы тома стремились дать ответ на уровне современных научных знаний, руководствуясь в своей методологии принципом историзма.

В структуре, если речь вести о новизне, следует, на мой взгляд, выделить главу «Историко-познавательные основы изучения Великой Отечественной войны» с анализом ее генезиса и мировой историографии за истекшие 70 лет. К новым подходам можно было бы отнести сбалансированное рассмотрение событий на западе и на востоке накануне войны; комплексный анализ советско-германского договора о ненападении и англо-польского соглашения о взаимопомощи, определивших расстановку сил к началу Второй мировой войны; переговоры СССР с Великобританией и США в 1939–1941 гг., которые подготовили почву для создания антигитлеровской коалиции – решающий успех советской политики и дипломатии перед нападением Германии на СССР. Более обстоятельно освещается подготовка Германии к войне. То же самое можно сказать о главах и разделах, посвященных мобилизации сил нашей страны для отпора врагу, сражениям начального периода войны, рассмотрению причин поражения Красной армии. Впервые в таком труде уделено внимание повседневности в жизни людей на фронте и в тылу с началом войны.

Во втором томе через призму геополитики, с учетом цивилизационного подхода рассматриваются противоречия между ведущими мировыми державами того времени. Цели Германии в отношении Советского государства далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры русского и других народов СССР, физическое истребление народов Восточной Европы. Десятилетиями складывавшийся в Германии «образ врага» включал представления о вечной борьбе германцев против славян, культурном призвании и праве западных европейцев господствовать на Востоке Европы. В этой системе координат Советский Союз (Россия) рассматривался как законная добыча Третьего рейха, которому якобы «геополитически предопределено», расчлнить СССР и установить над его народом колониальное господство высшей расы. Игнорирование этих обстоятельств, сведение сути мирового конфликта середины XX в. к столкновению «нацизма с боль-

шевизмом» с точки зрения современных научных представлений выглядит поверхностным.

Несмотря на всю трагичность начального этапа Великой Отечественной войны, мы исходили из того, что главных целей блицкрига Гитлеру достичь не удалось. Конечно, к середине июля, когда завершился начальный период войны, продолжавшийся 18 суток, агрессор добился крупных результатов. Латвия, Литва, значительная часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией. Враг вторгся в пределы России. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась прямая угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным. Хотя германское руководство и считало, что первый этап плана «Барбаросса» выполнен успешно, это было не так. Стало очевидным, что в отведенный немцами срок война с СССР не закончится и не будет иметь ничего общего с молниеносными кампаниями гитлеровцев в западных странах.

Том «Битвы и сражения, изменившие ход войны» посвящен анализу событий, происходивших с 30 сентября 1941 г. по конец 1943 г. Для достижения максимальной степени объективности авторы использовали большое количество архивных материалов, часть из которых впервые введена в научный оборот. Среди них документы Российского государственного военного архива, Центрального архива МО РФ, Архива Генерального штаба ВС РФ, Центрального военно-морского архива МО РФ, Центрального архива внутренних войск МВД РФ, Центрального архива ФСБ России, Архива Федеральной пограничной службы, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Беларусь, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины.

В третьем томе рассматриваются основные битвы и сражения 1-го и 2-го периодов Великой Отечественной войны, которые переломили ход не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Это Московская, Сталинградская, Курская битвы, сражения за Ленинград, Кавказ, Днепр. Эти битвы привели к разгрому крупных стратегических группировок врага и достижению значительных политических и стратегических результатов.

Помимо битв проанализированы отдельные операции, проводимые группами фронтов, фронтами и армиями, определенным образом повлиявшие на характер и ход вооруженной борьбы. В некоторых случаях они сдерживали продвижение противника, в других – становились предвестником крупных наступательных операций Красной армии.

В труде отмечено, что битва за Москву проходила драматично, с переменным успехом. Противнику в ходе упорных и ожесточенных боев удалось вплотную подойти к нашей столице. Однако советские войска смогли укротить гитлеровский «Тайфун», в самый ответственный момент найти в себе силы и 5 декабря 1941 г. перейти в решительное контрнаступление.

Авторский коллектив аргументированно показал, что борьба за стратегическую инициативу с новой силой разгорелась в мае-июле 1942 г. После ряда поражений Красной армии снова создалась критическая обстановка. Под угрозой находились Ленинград, Москва, Сталинград, Кавказ.

В томе показано, что победа под Сталинградом коренным образом изменила военно-политическую и стратегическую обстановку на советско-германском фронте, оказав существенное влияние на весь ход вооруженной борьбы на других фронтах Второй мировой войны. Она стала важным рубежом коренного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Произошло не только количественное, но и качественное изменение со-

отношения сил на мировой арене в пользу СССР и союзных с ним стран. Стратегическая инициатива стала переходить к Советскому Союзу и его союзникам по антигитлеровской коалиции.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом создал благоприятные условия для расширения фронта наступления не только на юго-западном и западном направлениях, но и на северном. Появилась возможность создать мощную группировку и прорвать блокаду Ленинграда. Встречными ударами двух фронтов – Ленинградского и Волховского – по Шлиссельбургско-Синявинскому выступу было разорвано кольцо окружения и 18 января 1943 г. восстановлена сухопутная связь города на Неве с центральными районами страны. Вскоре был ликвидирован и демянский плацдарм.

Авторам удалось наглядно показать, что Курская битва стала показателем необратимости коренного перелома в Великой Отечественной войне, выражающегося в том, что вермахт и его союзники уже были не в состоянии вернуть себе стратегическую инициативу. Курская битва характеризовалась решительностью, большим размахом, интенсивностью действий. Стало ясно, что разгром Германии на советско-германском фронте стал вопросом времени. С советско-германского фронта пошли мощные импульсы по всем фронтам Второй мировой войны. В томе отмечается, что битва за Кавказ показала высокие морально-боевые качества бойцов и командиров Красной армии, мощь партизанского движения в тылу врага. Все планы Гитлера по захвату кавказской нефти были разрушены.

Битва за Днепр показательна высоким воинским мастерством, самоотверженностью и массовым героизмом бойцов, командиров, политработников. В целом, в течение 1941–1943 гг. произошли решающие сражения, приведшие к принципиальным изменениям стратегической обстановки на театрах военных действий. Германия вынуждена была отказаться от наступательной стратегии.

Сложные и ответственные годы войны наиболее ярко показали феномен силы советского, русского народа, который уже не в первый раз во всемирной истории спасал цивилизацию от уничтожения. Массовый героизм советских людей стал тем фактором, который обеспечил решение этой благородной задачи.

В томе сделан акцент на то, что со стороны вермахта и его сателлитов это была жестокая и беспощадная война, а со стороны советского народа – борьба за жизнь, свободу и независимость. Авторский коллектив не стал замалчивать ужасы и преступления, совершенные гитлеровцами и их сателлитами на нашей земле. На основе материалов Нюрнбергского процесса, других источников раскрываются зверства, которые совершали захватчики на нашей территории.

Каждый из томов (к настоящему моменту вышло три тома) насчитывает более 1500 ссылок. В них читатель найдет сноски на архивные документы и фундаментальные труды ученых различных стран (вышедший недавно на немецком языке «Германский рейх и Вторая мировая война» в 10 т.; «Дневник боевых действий вермахта»; 100-томная японская «История войны в Великой Восточной Азии»; работы военно-научного управления Армии США), работы добросовестных иностранных авторов.

Среди авторов и членов редакционной комиссии труда – известные ученые: академики РАН Г.А. Куманев, В.В. Козлов, А.А. Кокوشин, Ю.А. Поляков, А.А. Саркисов, Г.Н. Севостьянов, С.Л. Тихвинский, Е.П. Чельшев, А.О. Чубарьян; профессора В.А. Афанасьев, Ю.М. Зайцев, В.П. Зимонин, А.А. Кошкин, А.В. Опалев, О.В. Саксонов, А.М. Соколов, О.А. Ржешевский, В.С. Христофоров и другие. Следует отметить и теплую, товарищескую атмосферу взаимного доверия и уважения, в которой создается труд.

Большую помощь в разработке многотомного труда оказывают Маршалы Советского Союза В.Г. Куликов, В.И. Петров, Д.Т. Язов, Маршал артиллерии В.М. Михалкин.

В каждом из томов труда авторы пытались достоверно осветить события и осветить соответствующие историографические проблемы. На «стратегическом уровне» – освещение и оценка всей Великой Отечественной войны в основных странах-участницах весьма подробно раскрывается во второй главе второго тома. Практически каждое сражение или важный дипломатический шаг оценивается и (в случае необходимости) дается позиция по спорным моментам.

Задача авторов многотомника также и в попытке отразить человека на войне, простых солдат и офицеров. Самобытная земля, уникальные в своем многонациональном своеобразии народы нашего Отечества, глубокие корни их традиций, мужественность и выносливость, терпение и свободолюбие, редкая природная смекалка и изобретательность – те специфические черты, без понимания которых любое исследование проблем истории

войны не может быть полностью объективным. Без учета этого обстоятельства братья за такое дело даже очень талантливому человеку – ученому, журналисту, писателю – вряд ли возможно и нужно.

В целом, фундаментальный многотомный труд направлен на то, чтобы показать способы работы с источниками, подвигнуть читателя к творчеству, к достоверному изучению своего прошлого. Ибо народ, не помнящий своего прошлого, не понимает своего настоящего и не имеет самостоятельного будущего. Как писал военный историк и мыслитель Н.Н. Сухотин, «знание своей Родины, знание прошлого ее военного и боевого своей армии есть... основа для образования народного мировоззрения (читай «национальной идеи») такого склада понятий и взглядов, которые <...> основа для воспитания в каждом из нас веры в силы своего народа».

ВАЛЕНТИН ГЕОРГИЕВИЧ СМЕРНОВ

исполняющий обязанности заведующего сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 328-59-24; E-mail: sam1956@mail.ru

Статья посвящена Шестым Елагинским чтениям, проходившим 25 января 2013 г. в Российском государственном архиве Военно-морского флота (Санкт-Петербург). Дан обзор докладов, посвященных дальним плаваниям русских моряков в период XVIII – начала XX в.

Ключевые слова: Россия, военно-морской флот, дальние плавания, XVIII–XX вв., Елагинские чтения.

ШЕСТЬЕ ЕЛАГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

С 1998 г. в Санкт-Петербурге, в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) проводятся Елагинские чтения – небольшие научные конференции, в которых принимают участие историки флота, сотрудники РГА ВМФ, краеведы, потомки морских династий и другие интересующиеся лица.

Наименование «Елагинские» чтения получили по фамилии известного военно-морского историка капитана 1-го ранга Сергея Ивановича Елагина (1824–1868). Тематика чтений всегда различна. Шестые Елагинские чтения, которые прошли 25 января 2013 г. в здании РГА ВМФ на Серебристом бульваре, были посвящены дальним плаваниям российских моряков.

Открыл научный форум директор РГА ВМФ кандидат исторических наук С.В. Чернявский. Он рассказал о традиции проведения чтений и в дальнейшем умело исполнил роль председательствующего на конференции. Программа форума была составлена, исходя из хронологии событий в заранее представленных тезисах. Регламент выступлений – 15 минут.

На дневном заседании с первым докладом выступил кандидат исторических наук Д.Н. Копелев, который, будучи знатоком истории мирового пиратства, сообщил о предыстории секретной экспедиции Петра I 1723–1724 гг. и таинственной фигуре «Короля Мадагаскарского».

Доктор исторических наук Г.А. Гребенщикова сделала интересный доклад о первых плаваниях российских моряков через проливы Босфор и Дарданеллы во второй половине XVIII в., в частности о миссии на север Африки капитан-лейтенанта Матвея Коковцова и плавании отряда русских судов под начальством капитана 2-го ранга Т.Г. Козлянинова.

Потомок рода Головинных П.А. Головин напомнил присутствовавшим об «инциденте» капитана В.М. Головина и российско-японских отношениях в начале XIX в., а также сообщил о «народной дипломатии» потомков В.М. Головина, П.И. Рикорда и Такатая Кахэй в целях

упрочения общественных связей между Россией и Японией в конце XX – XXI в.

С докладом о правонарушениях российских моряков при плавании «в чужих морях» и их юридической ответственности выступил А.Н. Пилипенко. Он привел интересные данные о приговорах корабельных судов в период 1888–1902 гг. за «нарушение воинского благочиния», «нарушение воинского чинопочитания», кражи, побеги и самовольные отлучки.

Историограф рода Тирнштейнов К.Э. Кузнецова (дебютант чтений) в своем выступлении сообщила о своих пращурах – кораблестроителях Ю.К. и Р.Ю. Тирнштейнах, а также об участии построенных ими судов (винтовой фрегат «Дмитрий Донской», винтовые клиперы «Алмаз», «Жемчуг» и «Изумруд») в дальних плаваниях Российского флота.

Доктор исторических наук В.Г. Смирнов выступал последним в дневном заседании и сообщил участникам чтений о путевых впечатлениях гардемарина М.А. Рыкачева в период плавания на корабле «Ретвизан» «по лучшим странам Европы» – Дании, Германии, Франции, Испании, Италии, Греции, Турции и Англии, а также во время путешествия из Яффы в Иерусалим в свите великого князя Константина Николаевича.

На вечернем заседании первой выступала историограф рода Мордовиных О.Н. Беллер, которая рассказала о военных моряках – носителях этой фамилии и их заслугах в развитии отечественного флота.

Кандидат исторических наук А.А. Бочаров сделал интересный доклад «Матросы русского флота в дальних плаваниях (вторая половина XIX – начало XX в.)», изобиловавший примерами как героического и самоотверженного, так легкомысленного и буйного поведения «нижних чинов».

Исследователь А.Р. Кудрявский посвятил свой доклад одному из героических кораблей русского флота – эскадренному броненосцу «Император Александр III», совершившему переход на Дальний Восток в составе

2-й Тихоокеанской эскадры и погибшему в Цусимском сражении.

Кандидат исторических наук А.Ю. Емелин в своем выступлении детально осветил конфликтную ситуацию, сложившуюся в кают-компании линейного корабля «Слава» в 1911 г. после вступления в должность новых офицеров – командира, капитана 1-го ранга Н.Н. Коломейцова и его «доверенного лица», ревизора лейтенанта М.К. Энгельгардта.

В программе чтений было запланировано 11 докладов, однако московский историк К.Б. Стрельбицкий, постоянный участник чтений, на этот раз не смог прибыть в город на Неве.

Доклады Г.А. Гребенщиковой, П.А. Головнина, К.Э. Кузнецовой, В.Г. Смирнова, О.Н. Беллер, А.Р. Куд-

рявского и А.Ю. Емелина сопровождалась презентациями слайдов или демонстрацией отдельных фотографий (иллюстраций).

После завершения чтений некоторым докладчикам были заданы вопросы, а эстонский гость В.Г. Гассельблад сообщил о создании музея в городе Хбапсалу (в царской России – Гапсаль) и попросил помощи по обеспечению экспонатами.

В заключение С.В. Чернявский проинформировал участников конференции о предстоящих в январе 2014 г. внеочередных Елагинских чтениях (приуроченных к 290-летию создания РГА ВМФ), которые будут посвящены вкладу офицеров Российского флота в отечественную науку и культуру.

ПРЕДСТОЯЩИЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ИРИНА ЮРЬЕВНА ЛАПИНА

доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ КАРГАПОЛЬЦЕВ

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 534-28-28; E-mail: poltorak2006@yandex.ru

В статье поднимается вопрос об одной из ключевых проблем современного образования – компетентностном подходе; дается констатация фактов, затрагивающих интересы всех представителей сферы образования; содержится приглашение к обсуждению традиционных и новационных концепций и методик образовательного процесса в высшей школе.

Ключевые слова: педагогика, образование, компетенции, компетентность, высшая школа.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ: КРИЗИС ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

Компетентностный подход в образовании – тема, которая не может оставить равнодушным никого. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи, материалы конференций и другие публикации, где содержатся попытки осмыслить ключевые проблемы современного образования. Считается, что «в меняющемся мире» система образования призвана сформировать такие «новые качества выпускника», как инициативность, инновационность, мобильность, гибкость, динамизм и т.п. Создается впечатление, что до начала реформирования европейского и российского образования ничего этого не было, что выпускник высшей школы не обладал этими качествами. Знакомство с советской системой высшего образования позволяет утверждать, что ему всегда были присущи максимально высокие нормы качества, и выдаваемое нашими современниками за рубежом нечто «новое» в образовании – это попытка реализовать советские стандарты образования на европейской почве. Заметим, что «новая» идея многоуровневого подхода успешно существовала еще в XIX в., например в Российской империи, где занять определенную должность можно было в зависимости от образовательного ценза.

О реформировании образования говорят уже не первое десятилетие, вместе с тем остается неразработанным понятийный аппарат: ученые никак не могут договориться об использовании единой терминологии. У одних компетенции и компетентность используются как синонимы. Другие пишут о формировании компетенции в определенной области, а достичь надо «системы универсальных клю-

чевых компетентностей»... Третьи выделяют уровни освоения компетентности: минимальный, продвинутый, высокий... Если суммировать мнение исследователей этой проблемы, то приходим в выводу, что выпускник современного образовательного учреждения должен обладать способностью быть эффективным не только в учебной, но и в других сферах деятельности, уметь принимать самостоятельные решения и т.п. А чем всё это отличается от задачи формирования всестороннего и гармоничного развития личности? На наш взгляд, только терминологией. Безусловно, красиво звучат такие понятия, как инструментальные, межличностные, системные компетенции. Но что изменится в организации учебного процесса, если объем работы студента мы будем измерять не в часах, а в зачетных единицах или в кредитах?

На этом фоне уже не кажутся неожиданными процессы коммерциализации и «оптимизации» образовательных услуг. Услуг не в переносном, а прямом смысле слова. Все чаще и отчетливее применительно к преподавательскому составу применяется термин «обслуживающий персонал» со всеми вытекающими из этого последствиями. Однако обретение желанного диплома, дающего стартовое преимущество в карьерном росте и обеспечивающего высокий социальный статус молодому специалисту, отнюдь не означает наличие у него необходимых знаний и новационных идей на выбранном поприще.

Более того, «ролевой конфликт» выпускника, изначально ориентированного на гедонистические мироощущения, но вынужденного преодолевать системные требования

критериев отбора высшей школы, мотивирует его самого и заинтересованное в нем учебное заведение искать альтернативные формы традиционному процессу обучения и воспитания. Так рождается идея компетентностного подхода в образовательной сфере: выпускник не обязательно должен являться носителем передовых и высокотехнологичных знаний, ему достаточно лишь быть компетентным в выбранной специальности, а остальному научит сама жизнь. Идея в конечном итоге порождает результат. Возникает ситуация, когда традиционная система образования, ориентированная на сильных и способных студентов, в силу своей невосребованности и неспособности противостоять «вызовам времени», трансформируется в «антисистему». Л.Н. Гумилев подчеркивал, что до поры до времени «антисистема» может носить признаки и фантомные формы прежних очертаний, но в новых условиях она непродуктивна, и обречена на неизбежное исчезновение перед натиском «системных» конструкций. В конечном итоге смена императивов в образовательной сфере непосредственно проецируется и на различные аспекты социо- и культурогенеза.

Эти проблемы во многом связаны с тотальным кризисом школьного образования, все более обозначающим себя в постсоветское время. Средние школы, в большинстве своём, постепенно превратились в досуговые центры, основная задача которых состоит не в процессе надления учащихся знаниями, а в надлении выпускников аттестатами. Бросается в глаза ухудшение из года в год качества учебной подготовки выпускников школ, ставших студентами. Привычка со школьной скамьи к плагиату и поверхностно-условной аттестации вырабатывает у основной части студенческой аудитории конформистско-потребительские качества, где главной целью становится не сам процесс обучения и получение знаний, а сдача текущих сессий и обладание дипломом. Так, в одном из провинциальных вузов за откровенный плагиат было отчислено сразу 12 студентов-дипломников, однако после подачи соответствующих исков в судебные инстанции, все они были возвращены в учебные аудитории. Целевая мотивация, таким образом, сводится не к овладению специальностью через учебу сверх норматива и последующее «служение делу», а к карьерно-коммерческим интересам. Борьба за успешные показатели и искусственная оптимизация результатов учебного процесса в школах и вузах в последний период беспрецедентна и в значительной степени искажает реальные данные уровня знаний учащихся и выпускников.

По многочисленным оценкам психологов, основная часть учащейся массы подросткового возраста страдает усиленной формой «гипертрофированного инфантилизма» и отличается совершенной неспособностью мыслить и действовать «по-взрослому». Как следствие – катастрофический рост числа неуспевающих. Скрывать эту проблему уже невозможно, и государству зачастую приходится принимать кардинальные меры. Первой «ласточкой» в этом плане стала московская средняя школа № 874, закрытая в январе 2011 года именно по причине массовой неуспеваемости учащихся.

Несложно представить, с каким контингентом первокурсников придется в ближайшие годы иметь дело вузовским преподавателям, если уже сейчас как минимум четверть студентов неспособна к учебе в высшей школе в принципе. Среднестатистический выпускник вуза по общеобразовательным дисциплинам сейчас знает меньше, чем выпускник школы в советские времена. В технических вузах вообще со стороны студентов отношение к гуманитарным дисциплинам очень сдержанное, как в школе к урокам ОБЖ и пеня. Подавляющее большинство из числа обучающейся молодежи открыто считает историю предметом второстепенным и не понимает, зачем она во-

обще нужна будущим инженерам. Обычным делом стало незнание точных дат начала и конца Великой Отечественной войны, образования и распада СССР, полета Ю.А. Гагарина в космос, «перестройки» М.С. Горбачева и пр. Современного студента, при большом желании со стороны ППС, можно заставить вести себя тихо на занятиях, но невозможно насильно вложить в него информацию, тем более, если он эти занятия не посещает вовсе. Либерализм в образовательной сфере оборачивается катастрофой.

Уже сейчас становится очевидным дефицит качественных специалистов во всех сферах жизнедеятельности, а тотальный непрофессионализм ставит под угрозу развитие ВПК, здравоохранения, экономики, строительства, ЖКХ, промышленного производства и т. д. Примеров более чем достаточно и все чаще говорится о необходимости привлечения к сотрудничеству зарубежных специалистов в медицине, строительстве, гражданской авиации, судостроении. Чего же ждать от окончательного перехода на тестовую систему образования по «болонскому» стандарту или дальнейшему развитию пресловутой реформы бюджетных организаций, согласно которой учебным заведениям теперь официально разрешено осуществлять коммерческую деятельность? И самое главное – кому все это нужно? По признанию президента РАН Ю.С. Осипова, самое страшное, что российская наука «стареет», т. е. уходит преемственность в поколениях носителей «школ» и направлений. Усугубляет тяжесть процесса и так называемая «утечка мозгов» из фундаментальной академической науки в экономически развитые страны.

Конечно, пока преждевременно говорить о том, что плохо исключительно всё. В чем же основной смысл «болонской» системы высшего образования на Западе? Ответ простой – в едином стандарте учебных дисциплин и отсутствии препятствий для перехода студентов из одного университета в другой. Но можно ли всерьез рассчитывать на массовое вовлечение в этот процесс российского студенчества? Конечно же, нет! Ну а если так, стоило ли вообще затевать эту реформу? Евро-американские университеты представляют собой крупные научные центры, где преподаватели имеют возможность основное время уделять фундаментальной науке – естественным, техническим и гуманитарным направлениям. Всё это на хорошей финансовой базе с отлаженной системой целевых грантов...

Однозначно, что десятилетиями существовавшая и многократно оправдавшая себя традиционная система образования в России не вписывается в ныне действующий формат социально-экономических отношений и неоллиберальной модели развития в духе «общечеловеческих ценностей». Во то же время, методологическая основа советских образовательных программ с успехом заимствуется в целом ряде стран, реально осуществляющих комплексную модернизацию научно-производственного потенциала (Япония, Китай, Индия и даже США). При этом следует помнить, что советская образовательная система – это лишь тень дореволюционных просветительских стандартов. Возможно, заимствуя образовательные стандарты давно «отработанной» и исчерпавшей себя системы средневековой Европы, мы рискуем остаться у «разбитого корыта» и окончательно превратиться в мирового энергетического и сырьевого донора?

Обсудить традиционные и новационные концепции и методики образовательного процесса в высшей школе, проанализировать международный опыт и передовые технологии коммуникационных процессов в образовательной среде приглашаем в формате научно-практической конференции «Педагогика высшей школы: диалог эпох» на площадке Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

КЛИО
Журнал для ученых
2013
№ 2 (74)

Выпускающий редактор к.и.н. *А.В. Зотова*
Корректор *Н.М. Баталова*
Верстка *О.В. Гордеевой*

Подписано в печать 21.02.2013 г. Формат 60x84 1/8
Объем 20 п.л. Тираж 1000. Заказ № 4. Цена свободная

Издательство «Полторак»
195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11
Тел./факс: (812) 534-28-28
E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru
www.poltorak.spb.ru